

А. Н. РАДИЩЕВ

Д. С. БАБКИН

Д. С. БАБКИН

А. Н. РАДИЩЕВ

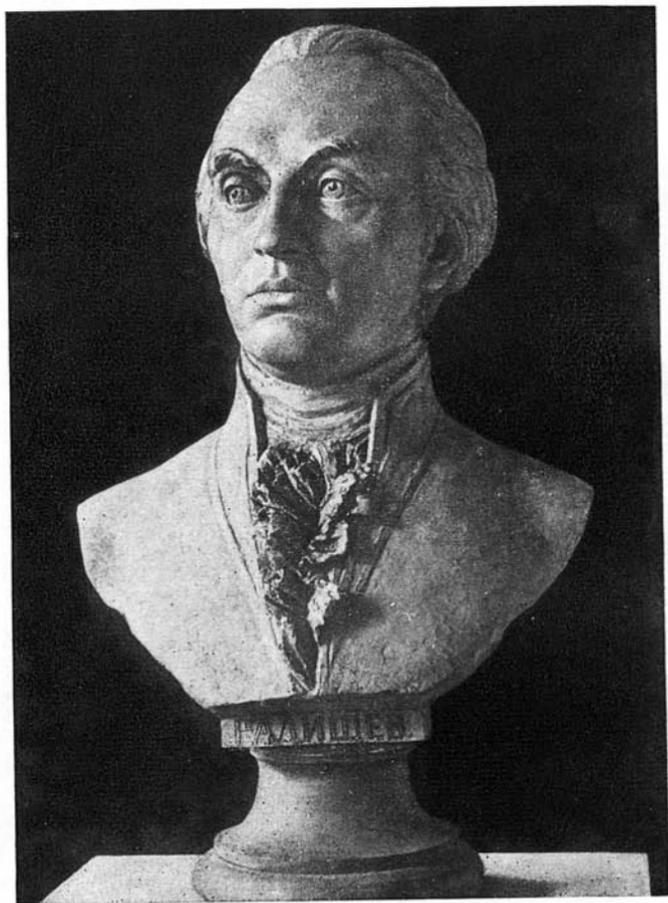
Литературно-общественная
деятельность

В Библиотеку

Пушкинского Дома

Д. Вадкович

8. IV. 66

А. Н. Радищев
Бюст работы Н. В. Дыдыкина. 1949.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Д. С. Б А Б К И Н

А. Н.
РАДИЩЕВ

*Литературно-общественная
деятельность*

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

Ответственный редактор
Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

1

Русская литература XVIII века является одной из важнейших вех в истории передовой общественной, эстетической мысли. В XVIII веке были заложены основы русской литературы нового времени. А. Н. Радищев, крупнейший писатель, революционный демократ XVIII века, сыграл огромную роль в развенчании крепостнических порядков, феодально-религиозной идеологии и оказал большое влияние на последующее развитие русской культуры в целом. Немало русских писателей, несколько поколений революционеров ощущали могучее дыхание проповедовавшихся им идей.

Более 160 лет прошло после смерти Радищева. За это время о нем появилась большая литература, библиография которой могла бы составить целый том. История оценок творчества Радищева показывает, что отношение к писателю-революционеру никогда не было бесстрастным. Не случайно долгое время он был запрещенным писателем. Сочувственно отзывались о нем писатели и критики, проповедовавшие вслед за ним свободу и гуманизм. Ожесточенные нападки обрушивались на Радищева со стороны реакционно-монархического лагеря.

Большую роль в пропаганде революционных идей Радищева сыграли статьи А. С. Пушкина, А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова, позднее В. Е. Якушкина, М. И. Сухомлинова, Г. В. Плеханова, П. Е. Щеголева, а особенно марксистская печать дооктябрьских лет. Исключительно важное методологическое значение имеют высказывания о Радищеве В. И. Ленина.

Широко развернулось изучение творчества Радищева в Советскую эпоху. Немалую роль в популяризации его деятельности имели высказывания А. В. Луначарского, Демьяна Бедного и других советских писателей. В 20—30-е годы литература о Радищеве пополнилась исследованиями П. Н. Сакулина, В. П. Семенникова, Н. К. Пиксанова, Я. Л. Барскова, В. А. Десницкого, П. Г. Любомирова.

В 1949 и 1952 годах (в связи с 200-летием со дня рождения Радищева и 150-летием со дня его смерти) литература о нем зна-

чительно увеличилась.¹ В эти и в последующие годы появились работы, освещающие различные стороны многогранной деятельности Радищева. В 1952 году было завершено академическое издание полного собрания его сочинений. С книгами и статьями о Радищеве выступили литературоведы как старшего, так и молодого поколений — М. П. Алексеев, Н. К. Пиксанов, П. Н. Берков, Д. Д. Благой, В. Н. Орлов, Л. И. Кулакова, Г. П. Макогоненко, А. В. Западов, Ф. Я. Прийма, Л. Б. Светлов, И. Д. Смолянов и др.; философы, историки, экономисты, праведы — М. Г. Горбунов, Б. Б. Кафенгауз, И. Я. Щипанов, П. К. Бонташ, Е. В. Приказчикова, Э. Виленская, В. С. Покровский, С. С. Степанищев, С. А. Покровский, А. Л. Шапиро и др.; историки естествознания — П. М. Лукьянов, Ю. Бланкфельд, С. М. Грамбах и др.

Если прежде Радищев нередко рассматривался только как политический борец, то теперь он предстал крупным художником слова, видным историком, философом и естествоиспытателем. Такой широкий подход к изучению наследия Радищева стал новым явлением в нашей науке.

Дореволюционная литература о Радищеве, за редким исключением, постоянно отмечала, что Радищев по своему дарованию и моральным качествам был выдающейся личностью. Но это была лишь самая общая оценка, которую советская наука конкретизировала, расширила, углубила.

В XIX—начале XX века в научный оборот было введено немало ценных материалов о Радищеве. Но во многих работах тех лет при всей ценности сообщаемых материалов, при всей меткости замечаний о некоторых идейных и художественных чертах произведений Радищева облик его как революционного мыслителя-демократа не получил правильного освещения и, вольно или невольно, искажался в угоду буржуазно-либеральным, народническим, меньшевистским доктринам. В Советскую эпоху имели место рецидивы таких оценок в работах с вульгарно-социологическими и формалистическими концепциями.

В 1955 году развернулась дискуссия о том, как надо понимать революционность Радищева. Часть историков отрицала революционный демократизм во взглядах Радищева и ограничивала его мировоззрение рамками дворянской революционности. Такая точка зрения нашла свое отражение и в передовой статье журнала «Вопросы истории» — «О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII—первой половины XIX века» (1955, № 9). В. А. Десницкий, Н. И. Пруцков, М. Б. Козьмин и др., выступившие с критикой этой статьи, отметили, что в ней

¹ Перечень литературы о Радищеве, вышедшей в свет в 1949 году, см. в работе Т. А. Карпенко и С. К. Симкиной «Юбилейная литература 1949 года об А. Н. Радищеве (библиографический указатель)» в сборнике «Радищев. Статьи и материалы», Изд. ЛГУ, 1950, стр. 305—324.

недооценена роль Радищева в истории русской литературы и освободительной мысли, указали на необходимость пересмотра термина «революционный демократ». Этот термин, обычно применявшийся только к русским революционным демократам 60-х годов XIX века, имеет более широкое значение.²

За последние полтора десятилетия изучение жизни и творчества Радищева значительно продвинулось вперед, однако и теперь довольно часто исследователи оперируют одними и теми же фактами, иногда без должной проверки их достоверности, неизбежно повторяя ошибки прежних работ. Еще жива порочная тенденция рассматривать сочинения Радищева исключительно как результат политических доктрин и эстетических концепций.

В буржуазной историографии Радищева часто называли мучеником идеи. Например, А. И. Незеленов считал его вообще больным человеком, «одержимым манией». Смысл подобных заявлений нетрудно понять. Они подводили к ложной мысли о том, что в основе революционного выступления Радищева против крепостного рабства и самодержавия лежали не глубокие социологические обобщения, а всего лишь импульсы, связанные с печальным состоянием его здоровья. Но и сегодня в некоторых работах настойчиво подчеркивается трагизм жизни Радищева. Безусловно, жизнь Радищева была нелегкой. Не один раз судьба испытывала его стойкость. Но «мученичество» его не должно закрывать другую сторону его жизни — борьбу, несокрушимую волю к действию, непоколебимую уверенность в правоте своего дела. Эта главная сторона его жизни в науке еще недостаточно раскрыта.

В изучении литературно-общественной деятельности Радищева остается еще много невыясненного, много нерешенных проблем. Не раскрыты до конца его литературно-общественные связи. Почти совсем не исследован ранний период творчества и последние годы жизни — после возвращения из ссылки.

2

Сказанным выше определяется и характер настоящей книги. Автор ее, не претендуя на полное, всестороннее освещение жизни и творчества Радищева, стремится раскрыть преимущественно те стороны его деятельности, которые еще не получили в науке достаточного освещения.

В первых трех главах рассматривается творческий путь писателя и его метод эстетического познания действительности.

В следующих главах характеризуется деятельность Радищева в Обществе друзей словесных наук, среди служащих Петербургской портовой таможни и в Комиссии составления законов.

² См. обзор дискуссии по этому вопросу, состоявшейся в Пушкинском доме, в «Известиях АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 2, 1956, стр. 193—196.

Такое направление исследования двух сторон деятельности Радищева в их взаимосвязи с общей задачей, которую он ставил перед литературой, соответствует духу самого Радищева. В его сознании обе эти стороны — творческая и организаторская — сливались воедино и дополняли одна другую.

В силу различных обстоятельств, о которых будет рассказано ниже, значительная часть рукописного наследия Радищева и материалов о нем исчезла после его смерти и до сих пор не найдена. Неполнота же материала всегда отражается как на ходе исследования, так и на его выводах. Это заставило не ограничиваться толкованием уже известных фактов, а уделить большое внимание археографическим поискам. Вновь открытый архивный материал, о котором рассказывается в соответствующих главах работы, вносит немало нового в раскрытие избранной темы.

Радищев как революционер-демократ проявил себя прежде всего в творчестве. Его произведения обладают огромной революционной, мобилизующей силой. Он стремился не только к эстетическому познанию действительности, но и к изменению ее. Этому же делу была подчинена и организаторская работа писателя. Объединяя и сплачивая вокруг себя прогрессивные силы, Радищев работал на революцию, стремился подготовить пропаганду революционных идей среди широких масс. Показать на конкретном материале эту единую линию в деятельности писателя и является основной задачей настоящего исследования.

Указанной задаче подчинена и структура книги. Работа состоит из семи глав.

Первая глава является вводной. В ней исследуется достоверность сведений о Радищеве, содержащихся в источниках XVIII столетия и в биографических очерках, написанных его сыновьями, а также анализируются различные документы о судьбе исчезнувшего после смерти писателя его рукописного наследия. Поиски пропавших рукописей Радищева, без которых не могут быть решены многие вопросы его биографии, — одна из важнейших проблем в радищеведении, к которой уже давно приковано внимание исследователей.

Во второй и третьей главах раскрывается творческий путь Радищева, идейно-художественное содержание его творчества.

В четвертой главе сделана попытка охарактеризовать малоисследованный период в русской литературе XVIII века, связанный с переходом от демократической публицистики, концентрировавшейся вокруг изданий Н. И. Новикова, к революционно-демократической литературе, которую создавал и возглавлял Радищев.

В пятой главе анализируются идейно-политические позиции различных общественных групп, занятые ими в связи с проповедью Радищевым народной революции.

Шестая глава посвящена характеристике деятельности Радищева после возвращения его из ссылки. Эта глава состоит из че-

тырех разделов. В первом из них рассматриваются неизданные «Поденные записи» 1801—1802 годов о деятельности Радищева в Комиссии составления законов. Эти записи показывают, какими вопросами Радищев занимался в этой комиссии. Во втором разделе характеризуются неизданные «Мнения» Радищева по ряду сенатских дел, которые присылались из Сената на заключение членов Комиссии. Третий раздел посвящен вопросу о том, был ли Радищев составителем проекта коронационной «Грамоты российскому народу». В последнем разделе характеризуется ближайшее литературное окружение Радищева, его новая попытка объединить вокруг себя молодые прогрессивные силы.

В седьмой главе рассказывается о литературной деятельности Радищева последних лет его жизни, о том, как Радищев после возвращения из ссылки готовил новое издание «Путешествия из Петербурга в Москву».

В приложении даются ранее неизвестные историко-литературные материалы. Среди них: «Устав Общества друзей словесных наук», членом которого состоял Радищев; «Главные положения Общества друзей словесных наук» и «Поденные записи» о деятельности Радищева в Комиссии составления законов.

Отдельные части книги были ранее опубликованы. Они включены в работу в частично переработанном виде с учетом новых разысканий.

ПЕРВЫЕ БИОГРАФЫ РАДИЩЕВА. СУДЬБА ЕГО РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ

1

Знакомство с писателем обычно начинают с изучения его биографии и рукописного наследия. Разумеется, дело этим не ограничивается, но правдиво рассказанная биография помогает уяснить, как и почему этим писателем написаны именно эти книги, а не другие произведения, почему главной темой его творчества стала именно эта, а не иная тема. Биография Радищева многое освещает в его произведениях. Читатель вместе с Радищевым входит в большой мир народных страданий и борьбы; его глазами, следуя за ним, видит этот мир.

Большой общественный интерес к биографии Радищева был вызван появлением его книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Для многих читателей Радищев, дерзнувший так смело выступить против самодержавия Екатерины II, был большой загадкой. Кто он? — спрашивали многие. Наиболее любознательные, по-видимому, обращались за разъяснением к самому Радищеву. Одному из них он ответил в стихотворении, написанном по дороге в Сибирь: «Ты хочешь знать: Кто я? Что я? Куда я еду? ...».

За сведениями о Радищеве современники обращались и к лицам, хорошо знавшим его, в частности к его другу А. М. Кутузову. Последний в декабре 1790 года писал жене фельдмаршала М. И. Кутузова, Екатерине Ильиничне: «Вы, думаю, слышали от меня о Радищеве, который был со мною вместе пажем, в Лейпциге и в Сенате, с которым был я 14 лет в одной комнате».¹

Сведения, которые Кутузов сообщает в данном письме, — первое письменное свидетельство современников о Радищеве; оно лишь частично проливает свет на его биографию и творчество. А. М. Кутузов был одним из видных деятелей масонского дви-

¹ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 65.

жения в России, и поэтому не удивительно, что основное содержание его письма посвящено оценке Радищева с масонских позиций. Кутузов упрекает друга за то, что он «не придерживался» масонской системы. И тем не менее это письмо очень важно для характеристики философских и общественно-политических взглядов Радищева.

Сведения о Радищеве рассыпаны и в письмах ряда других его современников, и в коротких журнальных заметках. Таковы, например, отклики на ссылку Радищева в Сибирь, напечатанные в немецких и французских изданиях конца XVIII—начала XIX века.² Эти отклики свидетельствуют об известности Радищева за рубежом еще при его жизни.

В зарубежных заметках о Радищеве иногда содержатся туманные или неточные сведения. Так, например, в немецком журнале «*Minerva*» за 1798 год сообщается о вторичной ссылке Радищева в глубь Сибири. «Автор книги [«Путешествия»] был обнаружен и сослан в Сибирь, — говорится в этом журнале. — Так как и там через некоторое время у него нашли новые рукописи такого же характера, его отправили дальше, и стали содержать строже».³

Приведенное сообщение отсутствует в русских источниках и нуждается в проверке. Из официальных документов известно, что Радищев был сослан в Илимский острог и дальше Илимска не ссылался. Длительную остановку в пути он делал лишь в Тобольске. Но вопрос о том, написал ли он в Сибири сочинение, которое в каком-то отношении повторило бы «Путешествие», до сих пор не выяснен. Иностранцы источники о Радищеве еще недостаточно изучены. Вполне возможно, что при более тщательном обследовании их откроются новые, доселе неизвестные, факты биографии Радищева.

В последующие годы в русской печати появилось несколько отзывов о Радищеве, написанных в связи с его смертью («На смерть А. Н. Радищева» И. Пнина, «На смерть Радищева» И. Борна), в которых авторы пишут о нем с неподдельным во-

² Анонимный отклик, помещенный в немецком журнале «*Neueste Critische Nachrichten*» (1790, 2 октября, № 40, стр. 320); заметка, напечатанная в немецком журнале «*Minerva*» (1798, ч. 3); заметка, принадлежащая немецкому книгопродавцу А. В. Бернгарди, помещенная в 1799 году в книге «*Züge zu einem Gemähle des russischen Reichs unter der Regierung von Catherine II, gesammelt bey einem vieljahren Aufenthalt in demselben*» («Материалы к изображению Российской империи в правление Екатерины II, собранные за время многолетнего пребывания в этой стране»).

Во французской печати см.: J. Castera. *Vie de Catherine II, Imperatrice de Russie* (Ж. Кастера. Жизнь Екатерины II, русской императрицы). Париж, 1797, тт. I—II; сообщение Массона в его книге «*Mémoires secrets sur la Russie*» — («Секретные записки о России»). Париж, 1800—1802.

Более подробные сведения об этих откликах содержатся в статье И. Д. Смолянова «Из разысканий о Радищеве» (сборник «Радищев. Статьи и материалы», Изд. ЛГУ, 1950, стр. 257—268).

³ И. Д. См о л я н о в. Из разысканий о Радищеве, стр. 262.

сторгом. Но в этих отзывах очень мало биографического материала об авторе «Путешествия».

В письмах современников и в названных выше журнальных откликах нет еще связанного жизнеописания Радищева. Они отмечают лишь отдельные эпизоды его сложной и многогранной биографии. Первая попытка дать более или менее связанное жизнеописание Радищева была предпринята его сыном Николаем.

2

Николай Александрович Радищев (1778—1829) был вторым сыном писателя. Ему было двенадцать лет, когда отца сослали в Сибирь, и он вместе со старшим братом Василием был взят на воспитание дядей Моисеем Николаевичем Радищевым, служившем в те годы таможенным советником в Архангельске.

Юноши получили хорошее домашнее воспитание. Им преподавали историю, литературу, иностранные языки, математику и другие науки. Воспитывались они в высоких гражданских правилах, завещанных им отцом. За воспитанием следил покровитель Радищева граф А. Р. Воронцов. Василий и Николай посылали ему свои сочинения по истории и переводы иностранных стихотворений. М. Н. Радищев в одном из своих писем к А. Р. Воронцову сообщал: «Дети брата моего здоровы и обучаются изрядно и с довольным успехом всему, что оным преподают. Они прилагают при сем письмо к вашему сиятельству и при оном перевод стихов, ими переведенных; сей есть первый опыт их в сей науки. В прочем время их идет не напрасно».⁴

Николай Александрович, отчитываясь в своих успехах перед А. Р. Воронцовым, писал ему: «Проходя с возможным прилежанием историю, я заметил, что ничего нет столь возвышающего душу и научающего, что есть истинное благо в обществе, как она».⁵ Вместе с братом Василием Николай мечтает стать «полезным сыном отечества». «Верьте, милостивый государь, — пишут они Воронцову 19 февраля 1793 года, — что все время, которое нам позволено еще пробыть не вступая в службу, будет употреблено на то, чтоб усовершенствовать все, что мы начали, и к приобретению новых знаний, могущих нас сделать полезными сынами отечества и достойными милостивых ваших попечений».⁶

В пятилетнем возрасте, в 1783 году, Николай был записан в лейб-гвардии Измайловский полк фурьером. В начале 1794 года он вместе с братом Василием прибыл в Петербург в этот полк для прохождения службы. Из письма их к Воронцову от 27 февраля

⁴ И. М. Троицкий. К биографии Радищева (сыновья Радищева в период отцовской ссылки). В сб.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 406.

⁵ Там же, стр. 408.

⁶ Там же, стр. 412.

1794 года видно, что на них смотрели здесь, как на детей опального писателя, весьма недружелюбно. «Вступив ныне в службу, не имеем мы покровителя, ниже кого-либо из родных своих для руководства нами. К кому же прибегнем в сем состоянии? Есть ли не к вам, милостивый государь, зная ваше к всему нашему семейству благорасположение. Не оставьте, сиятельнейший граф, попечениями своими людей, в жизни неопытных и гонимых судьбою, коих желание есть удостоиться оных добрым своим поведением и изысканием знаний полезных, коим посвятили мы остающееся у нас время».⁷

В январе 1797 года юношей перевели в Малороссийский гренадерский полк. 30 октября того же года они уволились от службы и переехали из Украины к вернувшемуся из сибирской ссылки отцу в сельцо Немцово Калужской губернии. Завершение их воспитания и образования проходило под непосредственным руководством А. Н. Радищева.

Радищев, заметив у Николая способности к литературному творчеству, старался развить их. Он много занимался с сыном стихосложением. Чтоб поощрить начинающего поэта, издал на свой счет две книжечки его стихов: «Друзья. Драматическая повесть в стихах (Сочинения Н... Р... ва, Немцово)», 1801; «Богатырские повести» (ч. I — «Альоша Попович», ч. II — «Чурила Пленкович»), 1802.

После переезда в 1801 году из Немцова в Петербург А. Н. Радищев определил Николая на службу секретарем в Коронационную комиссию, а затем, в январе 1802 года, по его просьбе Николай был зачислен на канцелярскую работу в Комиссию составления законов.⁸

⁷ Там же, стр. 412—413.

⁸ Сведения о службе Н. А. Радищева имеются в прошении, поданном им в Комиссию составления законов 3 января 1802 года (ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 33). В этом прошении он пишет: «Вступил я в службу вашего императорского величества лейб-гвардии в Измайловской полк 1783-го года октября 16-го дня фурьером, того же года ноября 24-го произведен сержантом. 1797-го года генваря 14-го выпущен подпоручником в Малороссийской гренадерской полк, того же года октября 30-го по прошению уволен от службы тем же чином. 1801-го года августа [19] дня определен в Комиссию о высочайшей коронации, где и произведен по высочайшему указу губернским секретарем октября 14-го дня. А ныне, имея желание продолжать службу вашего императорского величества в Комиссии о составлении законов Российской империи, всеподданнейше прошу: дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня в оной комиссии определить с жалованием» (л. 1).

В журнале Комиссии составления законов 3 января 1802 года записано: «Его сиятельство (т. е. председатель Комиссии граф П. В. Завадовский, — Д. Б.) согласен. Рассуждено вследствие сего означенного губернского секретаря Радищева определить в Комиссию в число канцелярских служителей для употребления в письменным делам, и с числа сего жалование ему с прочими производить впредь по усмотрению трудов и прилежности» (там же, л. 2).

С 1797 по 1802 год Николай почти неотлучно жил вместе с отцом. Он мог постоянно не только слушать его рассказы о жизни, но и быть в курсе его служебных дел.

В Петербурге Н. А. Радищев установил литературные связи с радикально-демократической группой Ивана Пнина. В марте 1803 года он вступил в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. В эти и в последующие годы он писал стихи, рецензии и сделал немало переводов. Многие его произведения и переводы до сих пор остаются еще невыявленными.⁹

В стихотворении «На смерть Пнина» Н. А. Радищев достаточно ясно выразил свои демократические настроения, симпатии к гонимым, в защиту которых Пнин, по его мнению, «неробкий голос возвышал». Обращаясь к Пнину, он пишет:

Ты с жизнью вкусил печали,
Но твердо их умел сносить,
Тебя любили, почитали,
Несчастных ты умел любить.

Н. А. Радищев пользовался в литературных кругах большим уважением. С ним дружили С. Н. Глинка, К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков, В. А. Жуковский и др. «Пожми руку у Радищева; у него сердце на ладони; я его не переставал любить», — писал о Н. А. Радищеве К. Н. Батюшков в письме Н. И. Гнедичу от 3 мая 1809 года. Батюшков в своих письмах Гнедичу постоянно спрашивает о Н. А. Радищеве: «Где Радищев? Он верно в Москве? Дай его адрес», — пишет он Гнедичу в письме от 19 августа 1809 года.¹⁰

Н. А. Радищев является одним из организаторов издания сочинений его отца, вышедших в 1807—1811 годах в шести небольших томиках.

Очерк «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева» Николай Александрович написал по просьбе князя П. А. Вяземского. «Записка сия, — говорит П. А. Вяземский в приписке, сделанной им в конце рукописи Н. А. Радищева, — составлена и доставлена мне сыном Радищева, известным некоторыми литературными занятиями, которого я знавал в Москве в 10-м и 11-м годах, а после нашел в Саратовской губернии в 1829 или 1828, за короткое время до смерти его скоропостижной. Он тогда занимался переводом хозяйственных и сельских сочинений. Был очень любим и уважаем в губернии, служил предводителем в Кузнецком уезде».¹¹

⁹ Более полный обзор его работ, составленный В. Н. Орловым, см. в книге «Поэты-радищевцы» (Библиотека поэта, изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 497—500). О деятельности Н. А. Радищева см. также в примечаниях В. И. Саитова к III тому сочинений К. Н. Батюшкова (СПб., 1866, стр. 608—610).

¹⁰ Русская старина, 1871, февраль, стр. 212, 216, 219.

¹¹ Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (в дальнейшем — ИРЛИ), ф. 265, оп. 2, № 2167.

Время написания очерка не указано, но рукопись была написана не ранее 1819 года (бумага имеет водяной знак 1819 года). Из приведенной приписки П. А. Вяземского не видно, когда Вяземский получил рукопись от Н. А. Радищева. Ответ на этот вопрос содержится в письме П. А. Вяземского в редакцию «Русской старины» от февраля 1871 года.

П. А. Вяземский задержал у себя рукопись Н. А. Радищева. По этому случаю в «Русской старине» за 1871 год (февраль, стр. 212) появился следующий упрек, сделанный П. А. Ефремовым: «Написанная им (Н. А. Радищевым, — Д. Б.) биография отца так и осталась до сих пор в рукописи у князя П. А. Вяземского». П. А. Вяземский, задетый упреком, писал: «Тут сказано в примечании о сыне известного Радищева: „написанная им биография отца так и осталась до сих пор в рукописи у князя П. А. Вяземского“. Это так и не так. По-настоящему биографии Радищева у меня нет и никогда не было. На эту мнимую принадлежность мою, кажется, уже во второй раз указывается в „Русской старине“. Вот в чем дело. В конце 20-х годов встретился я в Пензе с сыном Радищева и просил его одолжить меня, если можно, некоторыми биографическими сведениями об отце его. Он в самом деле написал по просьбе моей три или четыре, а много пять, сколько помнить могу, страничек».¹²

П. А. Вяземский недооценил этот труд Н. А. Радищева, но для нас имеет важное значение указание его, что очерк был написан Николаем Александровичем в конце 20-х годов. Небольшой объем очерка объясняется, очевидно, тем, что Н. А. Радищев спешил выполнить просьбу П. А. Вяземского, случайно встретившегося с ним в Пензе. Наступившая вскоре скоростная смерть не позволила Н. А. Радищеву расширить этот труд.

Николай Александрович Радищев писал свой очерк в условиях острой политической борьбы сил реакции и сил прогресса вокруг имени А. Н. Радищева. В первых оценках творчества А. Н. Радищева, исходивших от Екатерины II, явно фальсифицировался образ писателя-революционера. Некоторые критики, приспособиваясь к официальной точке зрения, пытались принизить литературно-эстетическое значение произведений А. Н. Радищева. В этом отношении весьма показательна, например, рецензия на первый том сочинений Радищева, напечатанная в 1809 году в журнале «Цветник», издаваемом А. Измайловым и А. Бенитцким: «В стихотворениях г. Радищева немного понравится читателям. В первой книжке все почти у него стихи без рифм, часто без меры и, так сказать, без слогуударения. Когда начнете их читать, то принуждены будете беспрестанно почти запинаться или выговаривать навыворот целые речения. После сего недостатка в его стихах главнейшая погрешность есть та, что вместе с высокими

¹² Там же, оп. 1, № 3, л. 304.

славенскими словами перемешаны слова простонародные, низкие, которые никогда и в хорошем разговоре не употребляются».¹³

Лженаучному освещению жизни и творчества Радищева противостояла правдивая, честная критика. Впервые ее голос прозвучал во взволнованных откликах на смерть Радищева литераторов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В статье И. М. Борна, напечатанной в 1803 году в сборнике «Свиток муз», и в стихотворении И. П. Пнина были заложены основы правильной оценки Радищева.

После подавления декабрьского восстания царская цензура не пропускает в печать до 1835 года ни одной заметки об А. Н. Радищеве. Однако интерес передовой русской общественности к Радищеву не падает. Его «Путешествие» широко распространяется в списках. А. С. Пушкин в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» отметил, что книга Радищева встречалась не только на пыльной полке библиомана, но и «в мешке брадатого разносчика».

Биографический очерк, написанный Н. А. Радищевым, являлся первой попыткой удовлетворить растущий интерес общественности к жизни и творчеству А. Н. Радищева. Но не один П. А. Вяземский искал материалы для статьи о Радищеве. К. Н. Батюшков задолго до него назвал в своей записной книжке в числе задуманных им статей статью о Радищеве.¹⁴

В конце 20-х—начале 30-х годов биографические сведения о Радищеве искали Д. Н. Бантыш-Каменский (для издаваемого им «Словаря достопамятных людей русской земли») и А. С. Пушкин, собиравшийся писать статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Александр Радищев». Интерес Пушкина к Радищеву общеизвестен. Еще в 1823 году он упрекал А. Бестужева за то, что тот в статье «Взгляд на старую и новую словесность» не упомянул имени А. Н. Радищева. «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева, — писал он Бестужеву. — Кого же мы будем помнить?».

Д. Н. Бантыш-Каменский, не найдя других материалов, обратился к П. А. Вяземскому за рукописью Н. А. Радищева и использовал ее для биографической справки об А. Н. Радищеве, напечатанной в 1836 году в IV части «Словаря достопамятных людей». В конце справки он указал: «Извлечено из биографии А. Н. Радищева, сочиненной сыном его и хранящейся у князя Петра Андреевича Вяземского».

Затем очерк Н. А. Радищева был использован А. Старчевским в «Справочном энциклопедическом словаре» (т. IX, ч. 2, СПб., 1855).

В полном виде очерк Н. А. Радищева был опубликован Н. П. Барсуковым в «Русской старине» (1872, ноябрь). В 1897 году

¹³ Цветник, ч. I, № 2. СПб., 1809, стр. 276.

¹⁴ Сочинения К. Н. Батюшкова, т. II. СПб., 1885, стр. 288.

С. А. Венгеров перепечатал этот очерк вместе с пушкинской статьей «Александр Радищев» в I томе «Русской поэзии».

Таким образом, очерк Н. А. Радищева многие годы являлся основным источником для биографии А. Н. Радищева и не потерял своего значения даже после того, как П. А. Радищев в 1858 году напечатал биографию своего отца. С. А. Венгеров во вступительной заметке к очерку Н. А. Радищева писал: «Как совершенно верно говорит автор новейшего исследования о Радищеве академик М. И. Сухомлинов, записка, составленная Николаем Александровичем Радищевым, до сих пор остается самым ценным биографическим материалом и необходимым пособием для литературных исследований о Радищеве-отце».¹⁵

Очерк Н. А. Радищева освещает ряд важных фактов биографии А. Н. Радищева. В нем впервые были указаны дата и место рождения А. Н. Радищева. Н. А. Радищев пишет, что его отец родился в Москве 20 августа (по старому стилю) 1749 года. Эти указания прочно вошли в литературу о Радищеве.

Лишь в последнее время было поставлено под сомнение сообщение Николая Александровича о месте рождения Радищева. И. Д. Смолянов еще в 1944 году доказывал, что местом рождения писателя была не Москва, а село Верхнее Аблязово, родовое имение Радищевых. В статье «Из разысканий о Радищеве», напечатанной в сборнике «Радищев. Статьи и материалы», он более подробно аргументировал свою точку зрения. Основным аргументом для И. Д. Смолянова служит свидетельство внука Радищева, А. П. Боголюбова, основателя радищевского музея в Саратове.

А. П. Боголюбов, описывая свою поездку в село Верхнее Аблязово в начале 80-х годов прошлого века, говорит: «Поехал я осматривать старый радищевский дом... Тут-то родился А. Н. Радищев, и тут проживала его семья». Говоря о Саратове, А. П. Боголюбов пишет: «Это мой родной город — тут в Кузнецком уезде родина моего деда А. Н. Радищева».¹⁶

Документальных данных о месте рождения А. Н. Радищева не сохранилось. Но приведенное указание А. П. Боголюбова, как мне кажется, нельзя предпочесть свидетельству сына Радищева Николая. Сын лучше мог знать биографию отца, чем внук. Но могло быть и так: вскоре после рождения А. Н. Радищева его увезли из Москвы в село Верхнее Аблязово, где он и провел свое детство.

В очерке Н. А. Радищева приводятся ценные сведения о деде и отце А. Н. Радищева, о домашнем воспитании будущего писателя и учении его у профессоров Московского университета; интересные данные сообщаются о службе А. Н. Радищева в Коммерц-коллегии и Петербургской портовой таможне; есть ряд указаний

¹⁵ Русская поэзия, т. I. СПб., 1897, стр. 822.

¹⁶ Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 270.

о сочинениях и переписке А. Н. Радищева, в частности о недошедшей до нас «Истории российского Сената».

В очерке Н. А. Радищева хорошо обрисована внешность А. Н. Радищева и его моральный облик, настойчивый, твердый характер; показаны смелость и бесстрашие писателя в отстаивании своих убеждений; неоднократно подчеркивается громадное нравственное превосходство Радищева над большинством его современников.

3

Второй попыткой создать биографический очерк о Радищеве была работа П. А. Радищева.

Этот очерк значительно полнее первого по объему и охвату материала. Павел Александрович Радищев был третьим сыном писателя (1783—1866). Он много лет находился безотлучно при своем отце, имея возможность наблюдать его жизнь. Семилетним мальчиком вместе со своей теткой Елизаветой Васильевной Рубановской и сестрой Екатериной он последовал за ним в Сибирь и пробыл в Илимске пять лет. Там отец выучил его грамоте и иностранным языкам; с наступлением весны они вместе бродили по окрестным полям и горам. А. Н. Радищев много рассказывал сыну из области ботаники, геологии, минералогии. Рассказывая о своих экскурсиях, А. Н. Радищев всегда пишет во множественном числе: «Мы проводим время», «Мы с сыном» и т. п. «Мы с сыном отправились в путь, — рассказывает он в одном из своих писем. — Однако наш проводник вместо того, чтобы привести на желаемое место, заставил нас взбираться сквозь чащу и заросли мокрой травы на весьма крутую гору. Мы поднялись на нее с мужеством, достойным аргонавтов, и, достигнув вершины, оказались в лесной чаще, где не было ни единой тропинки».¹⁷

Такая близость Павла Александровича к А. Н. Радищеву продолжалась и в последующие годы. Около двух лет он прожил с отцом в Немцове. Когда юноша в 1799 году уехал из Немцова учиться в Петербург, А. Н. Радищев сильно переживал его отсутствие и просил у Павла I дозволения побывать в Петербурге, въезд в который ему был запрещен. «Причина, — писал он царю в декабре 1800 года, — желание видеть детей моих, находящихся в Петербурге в службе вашего императорского величества: один в полку лейб-гренадерском, другой в Морском кадетском корпусе гардемаринном. Сего, семь лет почти товарищем бывшего моего изгнания, позволь, милосердный государь, да прижму к моей изнемогающей груди, ибо слышу благие его начинания».¹⁸

¹⁷ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 452—453.

¹⁸ Там же, стр. 533—534.

В последний период жизни А. Н. Радищева (1801—1802), когда тот жил в Петербурге, Павел Александрович постоянно находился около него. Он имел все основания, чтобы сказать в письме к Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву: «Находясь при нем неотлучно как в Сибири, так и по возвращении его оттуда, до шестнадцатилетнего моего возраста, и быв свидетелем его смерти, я один могу доставить верные сведения о всем, что до него касается».¹⁹

П. А. Радищев после смерти отца служил некоторое время во флоте и в качестве мичмана плавал за границу. Во время Отечественной войны 1812 года он служил в московском ополчении поручиком. В дальнейшем П. А. Радищев отказался от военной и гражданской службы и, выйдя из-за болезни в отставку, сделался учителем. Труд учителя стал любимым его делом. Он преподавал в частных домах и училищах, сначала в Москве, а с 1844 года в Таганроге начальную грамоту и иностранные языки.

В автобиографической записке он пишет о себе следующее: «Коллежский асессор Павел Александрович Радищев в Таганроге имеет свидетельство от Московского университета на звание домашнего учителя. Учит по-французски, по-немецки, российской грамматике, истории, географии, арифметике».²⁰

О его жизни в Таганроге интересные подробности сообщает А. А. Корсунов: «В Таганроге в августе 1852 года я встретил одну замечательную личность. Это был, как мне сказали, учитель. По физиономии, манере и по речи он был настоящий француз. Так как мы с ним квартировали в одном доме, то и виделись часто. Наконец, я, к удивлению, узнал, что этот „учитель“ — русский человек, да еще чиновный, коллежский асессор Павел Александрович Радищев. Это имя побудило меня покороче узнать моего соседа. Мы познакомились. Павел Александрович с дочерью-невестою занимался учением девочек. Дела его, по-видимому, шли порядочно. У него в доме на стене я видел только одну картину — портрет его отца Александра Николаевича Радищева с стихами Пнина. Тихая, рабочая жизнь этих добрых людей, портрет известного человека, несколько хороших и редких книг, умная беседа Павла Александровича — все это привлекало и располагало меня душевно к моему знакомому».²¹

П. А. Радищев, как сын писателя-революционера, находился на подозрении у местных властей. По указанию таганрогского градоначальника за ним установили секретную слежку. За то, что он принимал некоторых учеников у себя на квартире, на него в 1852 году был наложен большой штраф. Он пробовал протесто-

¹⁹ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923, стр. 438.

²⁰ ИРЛИ, шифр 7121/XXXVI б. 105, л. 32.

²¹ Русский вестник, т. XVIII, 1858, декабрь, кн. I, стр. 395.

вать и жаловаться на такой произвол градоначальника, но жалобу его оставили без последствий.²²

П. А. Радищев умер, как мне удалось установить, в первой половине мая 1866 года в возрасте около 83 лет.²³

П. А. Радищев не был активным борцом, революционером, хотя и разделял убеждения отца и свято чтил его память. П. А. Радищев старался сохранить факты биографии отца, много сделал для популяризации его творчества.

П. А. Радищев несколько раз настойчиво добивался цензурного разрешения на издание сочинений отца. В 1859 году он ездил в Петербург и подавал заявление в III отделение с просьбой разрешить ему переиздать «Путешествие из Петербурга в Москву». Разрешения не последовало. Управляющий III отделением генерал-адъютант Тимашев сообщил ему 28 сентября 1859 года: «Государь император, по докладу г. генерал-адъютантом князем Долго-руковым всеподданнейшей просьбы вашей, представленной вами в начале сентября, всемилостивейше соизволил пожаловать вам в единовременное пособие сто рублей серебром. Что же касается желанья вашего вновь напечатать изданную в 1790 году родителем вашим книгу под названием „Путешествие из Петербурга в Москву“, а также поместить в журнале „Иллюстрация“ портрет его и некоторые статьи, до него относящиеся, то высочайшего соизволения на это не воследовало».²⁴

Люди, хорошо знакомые с жестокими порядками царской цензуры, с сожалением смотрели на хлопоты П. А. Радищева, называли его наивным мечтателем. «... Бедный сеет в облаках умозрительную репу, несмотря на различные настойчивые искательства свои», — писал Н. Ф. Щербина А. А. Корсунову 26 ноября 1859 года по поводу обращения Павла Александровича в III отделение.²⁵

П. А. Радищев понимал трудность задуманного им дела, но это не останавливало его. Через год после отказа, полученного им из III отделения, он обратился с прошением на имя Александра II, в котором писал: «Родитель мой, Александр Николаевич Радищев, оставил после себя сочинения, которые были напечатаны

²² См. письмо новороссийского генерал-губернатора П. И. Федорова к П. А. Радищеву от 24 сентября 1852 года, хранящееся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (шифр 7153/XXXVIб. 137).

²³ Указание В. П. Семенникова на то, что Павел Александрович скончался в 1868 или 1869 году (В. П. Семенников. Радищев, стр. 198), оказалось неверным. О том, что П. А. Радищев умер в начале мая 1866 года, свидетельствует письмо Петербургского комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда) к Екатерине Павловне Радищевой от 18 мая 1866 года. В нем указывается, что Комитет Общества постановил выдать дочерям умершего П. А. Радищева сто рублей на поездку их на похороны отца (ИРЛИ, шифр 7118/XXXVIб. 102, л. 18).

²⁴ ИРЛИ, шифр 10566/LXVIб. 139.

²⁵ Там же, шифр 7173/XXXVIб. 156, л. 15.

нами, его наследниками, в 1807, 1809 и 1811 годах в Москве, но в 1812 году, во время нашествия неприятеля, были истреблены, и мы не могли воспользоваться их изданием, и с тех пор они не были перепечатаны.

«Книга его „Путешествие из Петербурга в Москву“, в 1790 году напечатанная и подвергшаяся запрещению, ныне напечатана за границей, с распространением русского языка пользуется европейской известностью, как произведение русского, предупредившего свой век и которого главные идеи впоследствии осуществились. Многие из нее отрывки и целая глава „Клин“ уже появились в России в разных повременных изданиях, но все это сочинение, высоко ценимое, до сих пор не имеет права гражданства в отечестве автора.

«Всемиловитейший государь, осмеливаюсь просить ваше императорское величество о разрешении цензурному комитету принять от меня к рассмотрению означенное „Путешествие“ и, что он найдет не противным данным ему правилам, дозволить мне напечатать, и, как все эти сочинения еще в продаже не были, мне, как единственному законному наследнику Радищева, благоволите даровать на них привилегию на двадцать пять лет».²⁶

Получив отказ и на этот раз, Павел Александрович сделал еще одну попытку. Он послал заявление на имя министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, в котором просил разрешить ему напечатать «Путешествие» хотя бы в отрывках. Представляя сокращенный вариант «Путешествия», он писал: «Благоволите, ваше высокопревосходительство, обратить внимание на эти статьи, особливо на семь первых, и по крайней мере в виде отрывков дозволить представить в цензуру для присоединения к прочим сочинениям А. Радищева».²⁷

Павел Александрович пытался издать и полный текст оды «Вольность», который тогда не был еще опубликован. Зная, что царская цензура «Вольность» напечатать не разрешит, он послал оду в 1860 году А. И. Герцену для издания в Лондоне. В письме к А. И. Герцену от 15 июля 1861 года, сообщая о том, что Главное управление цензуры запретило ему издавать сочинения А. Н. Радищева, П. А. Радищев пишет: «...а потому желательно бы напечатать за границею собрание всех сочинений Радищева с прилагаемыми при сем биографию и двумя статьями, ему приписываемыми, также полную оду „Вольность“ пятьдесят четыре строфы, доставленную мною вам в первом письме».²⁸

В последнее десятилетие своей жизни в связи с повышенным интересом русского общества к А. Н. Радищеву Павел Александрович

²⁶ Я. Л. Барсков. Перечень рукописей «Путешествия». В кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. «Академия», М.—Л., 1935, стр. 326—327.

²⁷ Там же, стр. 328.

²⁸ Литературное наследство, т. 62, М., 1955, стр. 504.

вич много писал об отце. В 1858 году им были написаны примечания на статью М. Н. Лонгинова о А. М. Кутузове и А. Н. Радищеве, напечатанную в 1856 году в журнале «Современник». Они были посланы в редакцию «Современника», но в печати не появились. В письме от 18 декабря 1858 года к редакторам журнала Некрасову и Панаеву П. А. Радищев писал: «Прочитавши статью журнала вашего 1856 года „Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев“, попавшуюся мне нечаянно, я написал на нее примечания, которые к вам препровожая, прося вас напечатать в вашем журнале».²⁹ Текст этих примечаний не дошел до нас.

В 1858—1859 годы П. А. Радищевым была написана пьеса «Судьба, или Честный преступник», которую он в своих письмах называет комедией. В ней он пытался изобразить хорошо знакомую ему жизнь отца в период сибирской ссылки. Пьесу эту П. А. Радищев посылал через упомянутого выше А. А. Корсунова в Петербург, в журнал «Иллюстрация». «3-го сентября сего 1858 года, — писал он редактору журнала В. Р. Зотову, — Александр Александрович Корсунов послал по почте в вашу редакцию полученные им от меня биографию Александра Николаевича Радищева с его портретом, видом Илимска и видом его дома и комедию в двух действиях под заголовком „Судьба, или Честный преступник“».³⁰

Н. Ф. Щербина, к которому попала эта пьеса на отзыв, ответил П. А. Радищеву 25 января 1859 года: «Комедия ваша и стихи не могут быть нигде напечатаны в литературном отношении, и поэтому они должны быть вам возвращены».³¹

Ответ Н. Ф. Щербины, очевидно, не удовлетворил П. А. Радищева. В 1864 году он посылает рукопись пьесы критику В. П. Гаевскому с просьбой напечатать ее где-нибудь. В. П. Гаевский также не посоветовал печатать эту пьесу. «Избранная вами драматическая форма не соответствует предположенной цели, — разъяснял он в письме от 26 июля 1864 года, — и наносит ущерб правдивости ваших воспоминаний. Гораздо было бы лучше, если бы вы сами безыскусственным образом рассказали, что знаете и помните о жизни вашего отца и семейства в Сибири. В настоящем же виде я не могу предложить кому-либо вашей статьи и оказал бы вам этим плохую услугу. Возвращаю вашу рукопись».³² Что представляла собою в действительности пьеса П. А. Радищева, мы не знаем, так как среди дошедших до нас его бумаг этой рукописи нет.

Настойчивость, с какою П. А. Радищев добивался издания сочинений отца, никогда не покидала его. Не добившись переизда-

²⁹ В. П. Семенников. Радищев, стр. 438.

³⁰ ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 211.

³¹ Там же, шифр 7173/XXXVIб. 156.

³² Там же, шифр 7007/XXVб. 95.

ния «Путешествия из Петербурга в Москву» в России, П. А. Радищев вступил в переговоры с неизвестным нам лицом о печатании «Путешествия» во Франции. С этой целью он приступил, как это видно из писем, к переводу «Путешествия» на французский язык. Несколько переведенных глав он, очевидно, давал на просмотр своим знакомым. Вполне возможно, что какую-то помощь в переводе обещал оказать журналист А. А. Корсунов. «Я вас прошу, — писал П. А. Радищев А. А. Корсунову 2 апреля 1859 года, — прислать мне мой перевод по-французски первых глав „Путешествия“, я их перепишу и вам возвращу».³³

О своем намерении издать «Путешествие» во Франции П. А. Радищев говорит также и в упомянутом выше письме к А. И. Герцену. Он даже просит Герцена возглавить это издание.³⁴

4

Самым значительным трудом П. А. Радищева является биография его отца. Он систематически работал над ней, собирая разные материалы, обращался с запросами к наследнику имения А. Р. Воронцова князю С. М. Воронцову, у которого в селе Андреевском Владимирской губернии были портрет и некоторые бумаги А. Н. Радищева.

Сохранились письма С. М. Воронцова П. А. Радищеву. Так, в письме от 1 августа 1858 года С. М. Воронцов писал:

Милостивый государь Павел Александрович!

Я имел честь получить письмо ваше от 10-го июля и спешу ответить, что поручил статскому советнику Карлу Ивановичу Кеппену, главноуправляющему именными моими, справиться насчет портрета и сочинения покойного родителя вашего, и есть ли оные имеются, то переслать вам.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

*Князь Воронцов.*³⁵

Управляющий Кеппен в письме от 14 августа 1858 года ответил:

Милостивый государь Павел Александрович!

По поводу письма вашего из Таганрога от 10-го числа июля к князю Семену Михайловичу его светлости во время нахождения своего в Париже угодно было поручить мне учинить справку насчет портрета и сочинения покойного родителя вашего: «Путешествие из Петербурга в Москву», о пересылке которых к вам вы его просите, и удовлетворить, буде возможно, ваше желание.

По забратым мною справкам, ни портрета в Андреевской портретной зале или где-либо, ни упоминаемой вами книги в Библиотеке его светлости не

³³ Там же, шифр 7121/XXXVб. 105.

³⁴ Литературное наследство, т. 62, стр. 504.

³⁵ ИРЛИ, шифр 10.567/LX1б. 139.

оказалось, почему при представлении вам при сем ответа князя Семена Михайловича считаю долгом передать вам, что по сим причинам, к большому сожалению моему, я лишен возможности исполнить желание ваше в сем отношении, которого о сем, теперь же уведомляю. Книга же, впрочем, как слышно, была уже напечатана в Лондоне.

Уведомляя вас о сем, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью, милостивый государь

*Кеппен.*³⁶

Обращался Павел Александрович и к своему младшему брату Афанасию Александровичу, жившему тогда в бывшем родовом селе Радищевых Аблязове. В Аблязове должны были остаться семейные бумаги Радищевых, в том числе многочисленные письма А. Н. Радищева к его родителям. Поэтому для нас представляет большой интерес ответ, который прислал А. А. Радищев брату. Из письма Афанасия Александровича от 6 января 1866 года видно, какая судьба постигла семейный архив Радищевых.

Душевно сожалею, что не могу исполнить желание ваше о доставлении бумаг, относящихся [до] нашего отца; не могу сделать этого по самой простой причине: потому что не только не имею их в руках, но никогда и ни от кого не слышал о существовании писем из Лейпцига, медалионов и вообще переписки нашего отца.

Книг и переводов Николая Александровича я также никогда не видел. При кончине его, равно и Василия Александровича, я не был; имущество первого, вероятно, осталось у последнего, и все, что им принадлежало, продано с публичного торга. Десять лет спустя после смерти Василия Александровича приехал в здешний край, стало быть не мог иметь в виду, что после него осталось, да мне не было основания о чем бы то ни было разведывать.

Что касается записки, о которой сказала вам сестра Анна Александровна, то удивляюсь, откуда она имеет такое сведение! Записки из Тобольска о ссылке нашего отца я никогда не получал, но бывший адъютант мой, служа впоследствии в Иркутске, рылся в губернском архиве, и ему пришла счастливая мысль прислать мне выписку из дела, когда приехал отец наш в Иркутск, когда отослан в Илимский острог и, наконец, когда позволено было ему возвратиться в Калужскую губернию. Других подробностей в письме бывшего моего адъютанта не было, и как оно не могло принести мне ни пользы, ни утешения, а, напротив, напомнило горькую участь нашего отца, то я тогда же сжег это письмо.³⁷

В процессе своей работы над биографией отца П. А. Радищев установил связь с историками литературы М. Н. Лонгиновым и П. А. Ефремовым, которые доставляли ему разные материалы. М. Н. Лонгинов давал ему, например, для пользования чрезвычайно редкий список «Путешествия из Петербурга в Москву», датированный концом XVIII века. Об этом мы узнаем из ответного письма П. А. Радищеву к Лонгинову от 12 ноября 1861 года, в котором он пишет:

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, шифр 7118/XXXVI. 102.

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Я подал сегодня на почту вашу рукопись, за которую вас премного благодарю. Я в ней нашел песнотворение или маленькую поэму «Сотворение мира», еще нигде не напечатанную, и которая в свое время присоединится к полному изданию всех сочинений автора.³⁸

В конце 1858 года в «Русском вестнике» (т. XVIII, декабрь, кн. I, стр. 395—432) была напечатана краткая биография А. Н. Радищева, написанная П. А. Радищевым. Издание этой биографии было сопряжено с огромными трудностями. Главное управление цензуры категорически запрещало печатать что-либо о Радищеве. Цензоры, пропускавшие в печать материал о Радищеве, получали строгий выговор или увольнялись с государственной службы. Так, например, цензор Е. Е. Волков был отставлен от должности за то, что разрешил в 1861 году напечатать в журнале В. Р. Зотова «Иллюстрация» статью о Радищеве писательницы С. Д. Хвоцинской.³⁹

Биография Радищева появилась в «Русском вестнике» лишь благодаря большим связям Н. Ф. Щербины, исполнявшего в то время должность чиновника особых поручений при товарище министра народного просвещения князе П. А. Вяземском.

Рукопись биографии была первоначально послана П. А. Радищевым в петербургский журнал «Иллюстрация» В. Р. Зотову, который и передал ее Н. Ф. Щербине. Последний, не надеясь, что Петербургский цензурный комитет пропустит биографию, послал рукопись в Москву к более благожелательному цензору Н. Ф. Крузе. Н. Ф. Крузе, разрешивший биографию Радищева к печати, был позднее уволен со службы.

Появление в печати биографии А. Н. Радищева было расценено революционными демократами как большая общественно-политическая победа. Цензору Крузе, способствовавшему выходу в свет этой биографии и других аналогичных материалов, был преподнесен благодарственный адрес, под которым подписались Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Гончаров и другие писатели. «История просвещения, — было сказано в этом адресе, — с благодарностью вспоминая имена тех, которым литература и наука одолжены своим развитием, с такою же благодарностью вспоминает имена и тех, которым словесные произведения обязаны были возможностью явиться в свет и сделаться общественным достоянием».⁴⁰

Перед публикацией рукопись П. А. Радищева подверглась значительному редакционному, стилистической обработке; в нее

³⁸ Там же, шифр 23263/CLXVIIб.1. — Указанная в письме рукопись — список «Путешествия из Петербурга в Москву» — хранится ныне в ИРЛИ.

³⁹ А. П. Могиланский. Анонимная статья о Радищеве 1861 года. В сб.: Радищев. Статьи и материалы, Изд. ЛГУ, 1950, стр. 287—289.

⁴⁰ Исторический вестник, 1901, № 10, стр. 258—265.

были внесены дополнения и поправки. В редактировании принимали участие Н. Ф. Щербина и М. Н. Лонгинов.

Н. Ф. Щербина подробно рассказал о своем участии в редактировании рукописи в письме П. А. Радищеву от 25 января 1859 года.

Соображаясь с настоящим состоянием цензуры и чисто литературными требованиями, я посидел над этой статьей, чтобы дать ей большую возможность к напечатанию как с цензурной, так и с технически-литературной стороны, и дал ее переписать вновь; словом, продержал над нею редакцию, кое-что исправил, очистил, выпустил, смягчил. Это было крайне необходимо для возможности напечатания статьи, которая в том виде, в каком она была прислана, произвела бы на журналиста впечатление невозможности к печатанию.

Петербургские журналисты не взялись бы ее напечатать, ибо они не любят статей, доставляющих им хлопоты по цензуре и задерживающих срочные выходы книжек их журналов; на таком основании я решился послать эту статью в Москву, где цензура была в то время легче петербургской, благодаря ныне уже отставленному цензору фон Крузе. Я послал ее в «Русский вестник», состоя с редакцией этого журнала в приятельских отношениях и зная, что этот журнал решительно лучший и первостепенный в настоящее время, имеющий больше всех подписчиков, читателей и почитателей.

Сознавая важность его общественного направления, я думал, что статья о Радищеве приличнее всего должна быть помещена в нем.

Да. Статья была интересна для этого журнала относительно только сообщаемых ею фактов, известных вам одному только, хоть и написана была вне современных литературных требований и беллетристической обработки.

Впрочем, и сообщаемые ею факты потребовали еще некоторых объяснений, дополнений, что редакция поручила сделать в Москве одному знатоку русской литературной старины Михаилу Николаевичу Лонгинову.⁴¹

Некоторые подробности о том, как готовилась рукопись к печати, рассказал секретарь Н. Ф. Щербины Фердинанд Маркус в письме к П. А. Радищеву от 22 января 1859 года.

Милостивый государь, достопочтеннейший Павел Александрович!

Не имевши время сам, Николай Федорович Щербина просил меня известить вас, что он писал подробно о статье вашей Ивану Федоровичу, брату съезему, с тем, чтобы письмо было отдано вам, и удивляется, как вы его еще не получили? Получите, пожалуйста, его у Ивана Федоровича.

Обращение же ваше к гг. Зотову и Каткову было излишним. Потому, во-первых, что статья адресована к г. Зотову на имя Николая Федоровича, принадлежала ему же и не годилась в «Иллюстрацию», где помещаются такого рода статьи маленькие, только для полнотипажов; во-вторых, ни г. Зотов, ни другой не взялись бы ее читать, потому что все литераторы здесь слишком дорожат временем и хотя за свои деньги иметь статьи готовые, не стоящие никакого труда и хорошие. Вашу же статью Николай Федорович поместил в один из лучших журналов наших «Русск. вестн.» и на хороших условиях, 75 рублей сер. за печатный лист, а эту сумму дают только одному из лучших литераторов наших г. Тургеневу и... Ник(олаю) Фед(оровичу). Чем же вы не довольны?

Конечно, много Николай Федорович имел трудов привести ее в то состояние, чтобы ее напечатали, и я сам был очевидцем, сколько ему это стоило. Во-первых, пересмотреть, потом дать переписать и заплатить за переписку (я сам получил 10 руб. сер. за то), а там еще дозволить содержание, чтобы пропустила [цензура].

⁴¹ ИРЛИ, шифр 7173/XXXVIб. 156.

Николай Федорович хотел непременно, частью из патриотического чувства, частью и от привычки делать добро, где только можно, чтобы статья была напечатана под вашим именем и чтобы вы получили за нее деньги; между тем как г. Корсунов пожелал выдать ее под именем своим, будто пишет из слов ваших.

Что касается же посвящения графине Толстой, то это решительно невозможно и неприлично бы было, потому что здесь литература и литераторы самостоятельны и боятся покровительства, чтобы не казаться смешным, и еще более, что графиня, не писательница, могла бы обидеться, и статьи такого рода, как биография, не посвящаются.

Несмотря на все усилия Николая Федоровича, статья все же была бы не напечатана, если бы цензор Круже не предвидел увольнения себе от должности, которому тогда было все одно пропустить еще одну статью лишнюю.

Статья ваша «Судьба» не может быть напечатана по своему литературному содержанию. Портрет же и стихи у г. Зотова. Все эти предметы перешлются к вам, когда Николай Федорович будет посылать какие-нибудь книги к Ивану Федоровичу.

На счет денег Николай Федорович отдал свое распоряжение в журнал «Русского вестника», чтобы их послали к вам, и вы, если не получили, то получите скоро за 2¼ листа по 75 руб. за лист. Вот все, что препоручено вам писать. Теперь свидетельствую вам свое почтение и от себя и радуюсь слышать, что вы живы и здоровы. — Конечно, вы, может быть, и забыли, Мг. Major Paull, что мы некогда делили одно жилище в гимназии в доме Арферакиных, но все равно не менее приятно вы примите от меня мое признание в глубочайшем уважении к вашей особе. Отдадите мой поклон Михаилу и Марьи Павловне, потому что прочих не помню и не знаю. А также, если увидите случайно с г. Куртом, моим зятем, скажите, что я ожидаю от него ответ на мои письма.

С глубоким почтением имею честь быть ваш покорнейший слуга

Фердинанд Маркус.⁴²

Большие заслуги Н. Ф. Щербины в издании биографии Радищева несомненны. Неизвестно, как повернулось бы дело с изданием ее дальше, но в эти годы без участия Щербины биография Радищева не была бы напечатана. Сохранились два письма П. А. Радищева к Щербине, в которых он воздает должное его заслугам. Приведу их полностью, так как в них сообщается несколько ценных сведений об А. Н. Радищеве, которых нет в других источниках, в частности о его портрете, гравированном Вендрамини.

В письме от 5 февраля 1859 года П. А. Радищев пишет:

Милостивый государь Николай Федорович!

Я получил от г. Маркуса письмо в ответ на мое к вам письмо от 12 января.

Вы удивляетесь, что я не получил вашего письма, но Иван Федорович⁴³ сам мне признался, что оно у него лежало полтора месяца. Он не имел времени мне его доставить, и я о нем узнал достоверно только от вашего батюшки около 10 января, но получить его не мог, ибо ваш брат решительно отказался вручить его Федору Ивановичу⁴⁴ для передачи мне, хотя г. Маркус пишет,

⁴² ИРЛИ, шифр 7118/XXXVIб. 102, лл. 3—4.

⁴³ Брат Н. Ф. Щербины.

⁴⁴ Отец Н. Ф. Щербины.

что его должно было мне отдать. Надобно вам сказать, что Ивана Федоровича никогда нельзя застать дома, и я принужден был искать и дожидаться его в таможене и только 13 января мог увидеть. Я ему сказал, что нахожусь вынужденным к вам писать об этом.

На другой день он мне прочитал ваше письмо. На третий день он получил из Москвы деньги, 175 рублей серебром, и мне их тотчас прислал, также и 23 экземпляра биографии я от него получил.

Я не мог быть доволен таким с его стороны невниманием, и уже в городе многие знали о существовании вашего письма и что биография напечатана в «Русском вестнике», а я только один этого не знал. По этому поводу я вас просил относиться прямо ко мне о том, что до меня будет касаться, но если это вам неурочно, то я не в праве от вас требовать, ибо не вы мне, я вам одолжен.

Все, что вы для меня сделали, передано мне было г. Корсуновым еще до получения письма г. Маркуса. Я не нахожу слов, чтоб вам выразить мою благодарность за то, что вы столько трудились для приготовления моей статьи [для] цензуры, но еще более за то, что вы ее выдали под моим именем. Вы, может быть, не воображаете, как это для меня важно, и это одно заставляет меня вас искренне от всей души тысячу раз благодарить

К г. Зотову я писал оттого, что г. Корсунов, подав на почту биографию, уехал надолго в Черкасск, и я желал иметь о ней какое-нибудь известие.

К г. Каткову я писал только, чтоб уведомить его о месте моего жительства и узнать о его намерении касательно моей статьи, ибо я не мог знать, что и «Русский вестник», подобно «Иллюстрации», не откажется дать ей место в своем журнале. В «Иллюстрациях» бывают очень длинные статьи.

Вы, может быть, не знаете, что, не получая от г. Каткова ответа на мои два письма, я почти чрез четыре месяца обратился к издателю «Современника» и, посылая им новую прибавочную статью,⁴⁵ предлагал им, если они ее поместят в своем журнале, доставить им полную биографию, но теперь, получивши деньги от г. Каткова, я не считаю себя в праве ею более располагать.

О графине Анастасии Ивановне Толстой я вам писал со слов г. Корсунова. Он ей писал обо мне, прося для меня покровительства, и что подробнее она узнает от вас. Черновое письмо его к графине у меня хранится. Он был дней с десять тому назад в Таганроге и уверял меня не один раз, что графиня устроила какой-то бенефис в мою пользу; а так как одно из его обещаний осуществилось, то я не имел причины сомневаться в достоверности его слов. Почти то же многие слышали недавно от Ивана Федоровича и что вы наиболее об этом заботитесь. Не находя тут ничего неправдоподобного, я этому верил, но после письма г. Маркуса я полагаю, что это должно оставить и более моими письмами вообще не беспокоить.

С истинным почтением, совершенною преданностью и живейшею навсегда к вам благодарностию имею честь быть ваш покорный слуга

*Павел Радищев.*⁴⁶

Второе письмо датировано 9 февраля 1859 года.

Милостивый государь Николай Федорович!

Я имел удовольствие получить письмо ваше от 25 января. Накануне я писал вам ответ на письмо Маркуса.

В ответ на то, что вы пишете о посвящении Биографии А. Н. Радищева графине, я выписываю точные слова письма к ней А. А. Корсунова: «... Вот я и придумал, божественная графиня, обратиться к вам с покорнейшею просьбою. Позвольте мне украсить вашим именем мои статьи о Радищеве, сказавшем первое слово о свободе в России и пострадавшем за свой принцип, и

⁴⁵ До нас не дошла.

⁴⁶ ИРЛИ, шифр 7121 XXXVI. 105, лл. 6—7.

поручить покровительству вашему его любимого сына, соученика нашего графа, о котором передаст вам Николай Федорович [Щербина]. Пусть эта просьба к вам выразит все то глубокое уважение к вам, которое никогда не изгладится в душе очарованного вами и обожающего вас» и пр.

Г-н Корсунов был недавно у меня и объявил мне, что эта дама устроила для меня два бенефиса, за которые сбор шестьсот рублей серебром мне достаются.

Странно, отчего портрет А. Н. Радищева не позволяют напечатать. Он уже был напечатан в 1807 году и приложен к I тому сочинений А. Н. Радищева; гравирован Вендраминием с портрета не очень похожего, писанного по памяти его собственным живописцем во время содержания Радищева в крепости. В селе Андреевском, майорате Воронцова, в Владимирской губернии находился очень схожий его портрет в кабинете покойного графа А. Р. Воронцова. Я писал к князю Семену Михайловичу, прося его о присылке мне этого портрета и книги. Князь был так учтив, что ответил мне из Парижа, что дал приказание главноуправляющему всех его имений отыскать портрет и доставить мне в Таганрог, но г. Кеппен уведомил меня, что портрета не оказалось в селе Андреевском, а книга напечатана в Лондоне.

О комедии «Судьба» я просил только, чтоб ее представить в цензуру и просить позволения напечатать. Если это письмо застанет ее в Петербурге, то я вас прошу отдать ее переписать Маркусу, которому я заплачу. Если вы ее ко мне пришлете, я ее опять пошлю в Петербург; и так, если можете взять на себя этот труд, то вы меня крайне обяжете, но только я прошу не делать никаких перемен.

Принося еще раз мою наичувствительнейшую благодарность за все то, что вы для меня сделали, имею честь быть с почтением и преданностию.

Ваш покорный слуга

*Павел Радищев.*⁴⁷

О работе М. Н. Лонгинова над рукописью П. А. Радищева сказано в примечании к биографии следующее: «Многие биографические и библиографические дополнения и поправки в статье этой и подстрочные примечания сделаны М. Н. Лонгиновым».

То, что сделано Лонгиновым, частично оговорено. В печатном тексте имеется 19 подстрочных примечаний, подписанных М. Л. В первых пяти примечаниях даются краткие сведения о профессоре Лейпцигского университета Платнере, русских студентах, учившихся вместе с Радищевым, и об их борьбе с гофмейстером Бокумом. В 6-м примечании сообщается о том, что Радищев якобы учился русскому языку у А. В. Храповицкого и под его руководством перевел рассуждения Монтескье «О величии и упадке римлян»; в 7-м дается справка о напечатании радищевской эпитафии на смерть жены; в 8-м высказывается предположение о принадлежности Радищеву «Отрывка путешествия в *** И *** Т ***», напечатанного в «Живописце»; в 9-м приводится высказывание Екатерины II о Радищеве (на основании записок А. В. Храповицкого); в 10-м напечатано четверостишие на ссылку Радищева в Сибирь:

⁴⁷ Там же, лл. 4—5. — Упоминаемый в письме П. А. Радищева портрет его отца был мною (Д. Б.) впервые опубликован в книге «Процесс А. Н. Радищева» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 112—113).

«Езда твоя в Москву со истинною сходна», приписываемое Г. Р. Державину, в 11-м дается краткая справка о деятельности тобольского генерал-губернатора Д. И. Чичерина; в 12-м — справка о М. С. Воронцове, к которому перешло по наследству село Андреевское, принадлежавшее ранее графу А. Р. Воронцову; в 13-м приводятся сведения об издании сочинений Радищева и сочинениях сына его Николая; в 14-м говорится о портрете Радищева, приложенном к первому изданию его сочинений; в 15-м — о воспоминаниях С. Н. Глинки о Радищеве; в 16-м приводятся сведения о знакомстве Гримма в Лейпциге с русскими студентами; в 17-м говорится об отзыве Пушкина о Радищеве; в 18-м излагаются основные мысли Радищева, содержащиеся в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии»; в 19-м сообщается об оценке Радищевым Ломоносова.

Дополнения, внесенные Лонгиновым в биографию, не оговорены и ничем не отделены от текста П. А. Радищева. Выделить их полностью не представляется возможным, потому что оригинал, с которого набирался текст биографии, не сохранился. Это можно сделать лишь частично — путем сопоставления текста, напечатанного в «Русском вестнике», с экземпляром рукописи П. А. Радищева, который был переписан незадолго до отправки окончательного текста биографии в печать. Этот экземпляр сохранился в бумагах А. А. Корсунова, содействовавшего продвижению биографии в печать. В. П. Семенников, опубликовавший в 1923 году этот текст, отмечает: «Опубликованный нами текст является первоначальной (разрядка В. П. Семенникова, — Д. Б.) редакцией составленной П. А. Радищевым биографии отца. Это видно прежде всего из того, что текст этот значительно короче печатного текста, который включил в себя и некоторые позднейшие дополнения».⁴⁸

Часть дополнений, внесенных М. Н. Лонгиновым, содержит некоторые подробности о лицах, которых не мог знать П. А. Радищев. В ряде случаев М. Н. Лонгинов уточняет даты жизни некоторых лиц, упоминаемых П. А. Радищевым.

Рукопись П. А. Радищева подверглась сокращению. Сокращены были следующие места, которые сохранились в первоначальной рукописи П. А. Радищева:

сообщение о том, что во время русско-шведской войны 1788—1790 годов Радищев намеревался собрать для защиты Петербурга добровольцев;

рассказ о независимом поведении Радищева при получении из рук Екатерины II ордена Владимира;

сообщение о первоначальном просмотре рукописи «Путешествие из Петербурга в Москву» московским цензором Андреем Брянцевым;

⁴⁸ В. П. Семенников. Радищев, стр. 198.

известие о постановке бюста Радищева в Пантеоне в Париже; указание на записку, написанную А. Н. Радищевым незадолго до своей смерти, в которой было сказано: «Потомство отомстит за меня».⁴⁹

5

В 1861—1866 годах П. А. Радищев работал над расширением написанной им биографии отца. Результатом его работы явилась сводная биография А. Н. Радищева, которая содержит в себе значительные дополнения по сравнению с текстом, напечатанным в «Русском вестнике».⁵⁰ Так, например, здесь были использованы сведения из воспоминаний секретаря саксонского посольства в Петербурге Гельбига (перевод их был напечатан в I томе «Библиографических записок» за 1858 год) и из записок Е. Р. Дашковой; введены в текст некоторые примечания М. Н. Лонгинова, напечатанные в «Русском вестнике». В конце текста биографии П. А. Радищев приводит список использованной им литературы о Радищеве.

П. А. Радищевым были использованы неизданные рукописные материалы: документы из судебного процесса А. Н. Радищева, находившиеся в Государственном архиве; очерк своего брата Николая Александровича «О жизни и сочинениях А. Н. Радищева»; некоторые материалы из собрания графа А. Р. Воронцова.

П. А. Радищев ввел в текст сводной биографии некоторые сведения из своей первоначальной рукописи, не вошедшие в биографию, напечатанную в «Русском вестнике».⁵¹

П. А. Радищеву не удалось издать сводную биографию, хотя он и прилагал к этому большие усилия: издатели, к которым он обращался, не надеялись, что цензура пропустит ее. П. А. Радищев предлагал свою рукопись и в «Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете», но там тоже отказали ему. Сначала отказ был сделан под более или менее благоприятным предлогом. Ученый секретарь Общества О. М. Бодянский писал П. А. Радищеву 29 декабря 1865 года: «Вследствие письма вашего, полученного в Обществе 22 ноября [1865 года], в котором вы предлагаете Обществу право издать „Путешествие из Петербурга в Москву“ и прочие сочинения А. Н. Радищева, напечатанные в разных периодических изданиях, с биографией покойного А. Н. Радищева и дополнениями против напечатанного, имею

⁴⁹ Подробнее об этих сокращениях см.: В. П. Семенов. Радищев, стр. 205—215.

⁵⁰ В полном виде текст этой сводной биографии был опубликован мною (Д. Б.) в книге «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1959).

⁵¹ Подробный перечень дополнений и разночтений, содержащихся в сводной биографии Радищева, см.: Н. П. Кашин. Новый список биографии А. Н. Радищева. Чт. в Общ. истории и древностей российских, кн. 2, 1912.

честь уведомить, что Общество по материальным своим средствам не в состоянии иначе вознаградить за материалы и статьи, помещенные в „Чтениях“, как только напечатанием в пользу автора или доставившего рукопись 300 экземпляров сочинения, напечатанного в „Чтениях“». ⁵²

В другом письме к П. А. Радищеву, от 15 января 1866 года, О. М. Бодянский уже откровенно пишет о том, что «Общество не имеет никакого побуждения братья за издание сочинений его безусловно, а только таких, которые допустит цензура». ⁵³

Первые сведения о сводной биографии Радищева сообщил в печати Н. П. Кашин в 1912 году. Н. П. Кашин называет сводную биографию списком, не будучи твердо уверен в том, что она написана П. А. Радищевым. Эта неуверенность объясняется тем, что Н. П. Кашин не знал почерка П. А. Радищева. Сличение же рукописи сводной биографии с письмами и другими рукописями П. А. Радищева показывает, что оба экземпляра рукописи, хранящиеся в Государственном историческом музее, написаны рукою П. А. Радищева.

Обе работы П. А. Радищева имеют важное значение в методологическом отношении. В них сделана попытка рассмотреть творчество А. Н. Радищева в тесной связи с жизнью русского народа, с историей освободительного движения XVIII века. «Радищев, — пишет П. А. Радищев в начале сводной биографии, — рожденный с обширным умом, приобретший основательные и разнообразные познания, не мог не желать нравственного преобразования своего отечества, где Петр Великий переменял только одежду и обрил бороды у дворянства, ознакомил Россию с обычаями и пороками европейскими, устроил войско, построил флот, возвеличил Россию, простирая честолюбивые планы далеко за пределы своей империи, но ничего не сделал для домашнего быта, для внутреннего благосостояния русских, не заботился, чтоб в воскресенье были у мужика щи с убойнюкою».

Охарактеризовав далее тяжелое положение русского крестьянства, П. А. Радищев пишет: «О уничтожении крепостного права ни он (Петр I, — Д. Б.), ни Екатерина никогда не заботились, хотя это была одна из язв государственных. Мысль Радищева была дать простор духу народному, дать ему развиваться на свободе».

П. А. Радищев подчеркивает как одну из важнейших черт в характере своего отца его постоянное стремление быть среди простых людей, изучать их быт и нравы, их искусство. Он рассказывает о том, как дружил Радищев с илимскими жителями, как бывал с Елизаветой Васильевной у них в гостях и принимал у себя в доме, как вечерами присутствовал на девичьих плясках и слушал

⁵² ИРЛИ, шифр 6987/XXXVб. 75.

⁵³ Там же.

народные песни, как на масленице вместе с местными жителями выезжал кататься на сани. Однажды во время приезда в окрестности Илимска кочевников-тунгусов, рассказывает П. А. Радищев, А. Н. Радищев ходил вместе с сыном осматривать их юрты в лесу и смотрел пляску старой шаманки. П. А. Радищев указывает, что его отец старался сблизиться и с крестьянами сельца Немцова.

По построению работа П. А. Радищева представляет собою сжатое жизнеописание, начатое от предков А. Н. Радищева и доведенное до последнего дня его жизни.

Некоторые данные, сообщаемые П. А. Радищевым, нуждаются в дополнительном раскрытии и уточнении.

В таком уточнении нуждается, например, сообщение П. А. Радищева о литературно-общественных связях отца. П. А. Радищев ограничивает их только посещением дома Даля и литературных вечеров у А. Р. Воронцова и Е. Р. Дашковой. «Служа при Дале, — пишет П. А. Радищев, — дом сего последнего был почти единственным, где его можно было найти; кроме того, он бывал на маленьких литературных вечерах у графа А. Р. Воронцова и сестры его княгини Дашковой, двух особ, отличнейших при тогдашнем дворе своими дарованиями и познаниями».⁵⁴

П. А. Радищев не знал о других общественных связях отца. У А. Н. Радищева были, к примеру, широкие связи в деловых кругах, интересовавшихся проблемами развития промышленности и торговли. Он состоял одно время членом Петербургского английского собрания. В списке членов этого собрания указано, что Александр Николаевич Радищев вступил в собрание в 1774, а выбыл в 1775 году.⁵⁵

Радищев не ограничивался посещением дома Даля и литературных вечеров у Воронцова и Дашковой, а был и одним из активных членов Общества друзей словесных наук.

Приведенные уточнения показывают, что некоторые обстоятельства жизни и деятельности Радищева освещены П. А. Радищевым неполно. Но, несмотря на известную неполноту сведений, работы П. А. Радищева не теряют своей ценности. Даже краткая биография, напечатанная в «Русском вестнике», была встречена с большим одобрением. Декабрист П. Х. Граббе записал в своем дневнике за 17 января 1859 года следующее: «Биография Радищева в „Русском вестнике“, несмотря на свою неполноту, возбуждает драматический интерес. Вместе с изданной недавно [биографией] Новикова она описывает в настоящем виде период тогдашней русской жизни, так часто выставляемой золотым веком теми, для кого он был выгоден, но во вред прочим. Любопытно видеть

⁵⁴ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 98.

⁵⁵ Столетие С.-Петербургского английского собрания 1770—1870. СПб., 1870, стр. 54.

также, какие стремления тогда уже отличали передовых людей в образовании общества». ⁵⁶

Сотрудник «Современника» В. П. Гаевский горячо поддержал П. А. Радищева в его работе над сводной биографией А. Н. Радищева. «Хорошее дело задумали вы — писать ваши мемуары, — писал он ему 26 июля 1864 года. — Подробности жизни вашего отца и всякое воспоминание о нем дорого для каждого образованного человека». ⁵⁷

П. А. Радищев затронул ряд важных проблем, вокруг которых до сих пор ведутся в науке споры. Он приложил к биографии отца свои критические замечания на статью А. С. Пушкина «Александр Радищев».

6

Трагический случай оборвал жизнь Радищева. В тесной наемной петербургской квартире он почти полсуток лежал в бреду. На губах клокотала белая пена — следы тяжелого отравления. В продолжительных муках, несвязных ответах приглашенному медику Радищев в присутствии рыдающих над ним сыновей скончался в первом часу ночи с 11 на 12 сентября 1802 года.

Отравление Радищева остается загадочным. Не менее загадочным является также исчезновение многих рукописей писателя. Среди оставшихся бумаг Радищева сыновья его не обнаружили некоторых рукописей, которые они уже читали ранее. Так, например, они не нашли одиннадцати песен поэмы «Бова». От всей поэмы сохранилось лишь вступление и первая песнь. При публикации ее П. А. и Н. А. Радищевы сделали следующее примечание: «Одиннадцать песней „Бовы“ были уже написаны, двенадцатая и последняя начата, но по смерти сочинителя нашлася только первая песнь, изготовленная к тиснению». ⁵⁸

Исчезли также рукописи поэм «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам» и «Песни исторической», которые дошли до нас лишь в отрывках.

В 1806—1811 годах сыновья Радищева издали в шести небольших томиках его сочинения, указав в предисловии, что собрание далеко не полно, так как в него включен лишь остаток большого рукописного наследия Радищева. «Вот все, — пишут они, — что осталось из сочинений человека, известного уже публике; надеемся, издавая их в свет, принести ей удовольствие. Жаль, что многие другие творения, как важные, так и забавные, пропали». ⁵⁹

⁵⁶ Русский архив, 1889, кн. 3, стр. 707—708.

⁵⁷ ИРЛИ, шифр 7007/XXXVб. 95.

⁵⁸ Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева, ч. I, М., 1807, стр. VII.

⁵⁹ Там же, стр. III. Разрядка моя, — Д. Б.

Поиски и публикация рукописного наследия Радищева начались вскоре после его смерти. Особо следует отметить большие заслуги в этом деле сыновей писателя. За сравнительно короткий срок они собрали и опубликовали в шеститомнике 20 ценнейших произведений.

В первый томик они включили поэтические произведения: три неоконченные поэмы — «Бова», «Песнь историческая», «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам», и девять небольших стихотворений — «Оснадцатое столетие», «Послание», «Журавли», «Сафические строфы», «Идиллия», «Песня», «Ода к другу моему», «Молитва» и «Эпитафия».

Почти все помещенные здесь стихотворения публиковались впервые. Этим небольшим томиком издатели показывали Радищева с совершенно новой стороны. До того он был известен как прозаик, главным образом как автор «Путешествия из Петербурга в Москву». О Радищеве как поэте читатели прежде могли судить лишь по отрывкам из оды «Вольность», напечатанным в «Путешествии».

После этого издания представление о литературной деятельности Радищева расширилось. Стихи его отличаются высокими поэтическими достоинствами. В них Радищев выступил как новатор и экспериментатор в русском стихосложении, как тонкий знаток метрики русского стиха. Не случайно Пушкин так высоко оценил стихотворение «Оснадцатое столетие».

Произведения, напечатанные в следующих томиках названного издания, характеризуют Радищева как крупного философа и экономиста. Во втором и третьем томиках был опубликован философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии»; в четвертом — прозаический отрывок из поэмы «Ермак», «Дневник одной недели», очерк о «Тилемахиде» Третьяковского «Памятник дактилохорейческому витязю», «Описание моего владения»; в пятом — повесть «Житие Федора Васильевича Ушакова», которая была издана еще при жизни автора; в шестом — «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и «Письмо о китайском торге».

Указание издателей на то, что опубликованные ими произведения представляют лишь остаток большого литературного наследия писателя, заставляет предполагать, что сыновьям А. Н. Радищева были известны и многие другие его произведения, которых они не нашли. Ими было опубликовано то, что было написано главным образом в Сибири и после возвращения из ссылки. «В сих шести книжках, — писал позднее П. А. Радищев, — заключаются сочинения Александра Николаевича, писанные во время пребывания его в Сибири и в деревне (имеется в виду с. Немцово, — Д. Б.)».⁶⁰

⁶⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 46.

Поиски пропавших произведений Радищева продолжались в течение всего последующего времени и продолжают в наши дни.

В 1858 году П. А. Радищев разыскал и опубликовал стихотворение «Час преблаженный», написанное Радищевым в начале 1797 года по случаю отъезда из Илимска.⁶¹

В 1864 году П. А. Ефремов напечатал стихотворение «Ты хочешь знать: Кто я? Что я? Куда я еду?».⁶²

В 70—80-х годах П. И. Бартев опубликовал в составе «Архива князя Воронцова» (кн. V и XII) 77 писем Радищева к А. Р. Воронцову.

В 1889 году академик М. И. Сухомлинов напечатал незаконченную повесть о Филарете, которую Радищев писал в Петропавловской крепости.⁶³

В 1906 году В. В. Каллаш опубликовал «Записки путешествия», которые Радищев вел по дороге в Сибирь и на пути из Сибири.⁶⁴

В 1916 году А. Попельницкий напечатал в журнале «Голос минувшего» (№ 12) записку «О законоположении».

Активные поиски рукописей Радищева были предприняты в Советскую эпоху. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла исследователям широкий доступ к государственному архиву. Были национализированы крупные частные архивы. Поиски в них рукописей Радищева дали неплохие результаты.

В 1920-е годы несколько рукописей Радищева выявил В. П. Семенников. В частности, им был открыт «Проект Гражданского уложения», написанный Радищевым в последние годы его жизни.⁶⁵

И. М. Троицкий в 1936 году опубликовал «Проект для разделения Уложения Российского».⁶⁶

А. И. Андреев напечатал «Описание Тобольского наместничества»;⁶⁷ А. Л. Шапиро — «Записку о податях Петербургской губернии» и «Описание Петербургской губернии».⁶⁸ Ценный фрагмент рукописи Радищева по вопросам законодательства и его записка о встрече с В. Н. Каразиным были опубликованы Ф. Я. Приймай.⁶⁹ Более 20 автографов Радищева было опублико-

⁶¹ Русский вестник, т. XVIII, 1858, декабрь, кн. I.

⁶² Живописец. Еженедельный журнал Н. И. Новикова. СПб., 1864, стр. 347.

⁶³ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889.

⁶⁴ Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1906, кн. 4.

⁶⁵ В. П. Семенников. Радищев, стр. 365—396. — Текст названного проекта был опубликован позднее И. М. Троицким в сборнике «А. Н. Радищев. Материалы и исследования».

⁶⁶ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936.

⁶⁷ Советская этнография, тт. V—VII, 1946.

⁶⁸ Исторический архив, т. V, М., 1950.

⁶⁹ Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950.

вано автором настоящей книги в третьем томе академического собрания сочинений Радищева.

В общей сложности за 160 лет, прошедших после смерти Радищева, было обнаружено и напечатано более 50 его рукописей и более 100 писем. Почти все эти материалы вошли в трехтомное академическое собрание сочинений Радищева.

Однако значительная часть литературного наследия Радищева по-прежнему остается необнаруженной. О некоторых исчезнувших произведениях Радищева сохранились сведения в его письмах и в воспоминаниях сыновей. Н. А. Радищев сообщает, что Радищев досылки написал «Историю российского Сената». «Все свободное время от службы, — пишет он, — Александр Николаевич посвящал учению и труду. Он написал „Историю российского Сената“, которую уничтожил впоследствии».⁷⁰

В воспоминаниях Н. А. Радищева упоминается о переписке отца с А. М. Кутузовым. «Имел философическую переписку с другом и товарищем своим А. М. Кутузовым, одним из первых мартистов, — пишет он. — Кутузов желал привлечь в сие общество друга своего, но Александр Николаевич никогда на то не соглашался, из чего произошла пространная и занимательная переписка, которая могла бы составить важную книгу, но из сей переписки не осталось ничего».⁷¹

Письма Радищева к Кутузову могли остаться в Берлине, где последний долго жил и где он скончался в конце 1796 года. Во второй половине XIX века во Франции распространился слух, что какая-то часть писем Радищева была подготовлена неизвестным французским издателем к печати. Сведения об этом дошли до П. А. Радищева. «Приезжий из Парижа сказывал, — писал он к А. И. Герцену 15 июля 1861 года, — что в типографии Франка напечатаны письма Радищева, написанные на французском языке с русским переводом, и продаются за четырнадцать франков. Мне обещали их доставить, однако же я их не получал. Если действительно изданы эти письма, то их можно было бы присоединить к сочинениям, и это составило бы полное собрание сочинений Радищева с приложением его портрета и вида Илимска».⁷²

Нам не удалось выяснить, о каких письмах шла речь; возможно, это были письма, которые Радищев посылал Кутузову в Берлин. Неизвестно также, почему упомянутое издание не вышло в свет.

До сих пор не найдены некоторые произведения Радищева, написанные в Илимске; например, рецензия на оду Державина «На взятие Измаила» (о ней упоминал П. А. Радищев).

⁷⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 43.

⁷¹ Там же, стр. 43—44.

⁷² Литературное наследство, т. 62, стр. 504.

В письмах из Илимска к А. Р. Воронцову Радищев называет две своих работы: «Описание религиозного обряда тунгусов» и «Описание путешествия по реке Тунгуске».⁷³ Их мы тоже не знаем.

Очень мало сохранилось материалов из переписки Радищева. То, что опубликовано, — это лишь небольшая часть из его обширного эпистолярного наследия.

Не сохранилось ни одного письма Радищева к родителям из Москвы — в годы учения у профессоров Московского университета (1757—1764), из Петербурга — времени пребывания его в Пажеском корпусе (1764—1766) — и из Лейпцигского университета (1766—1771). О письмах, отправлявшихся в Россию из Лейпцига, Радищев сам упоминает в «Житии Ф. В. Ушакова»: «На почту относимы письма наши были одним из наших учителей».⁷⁴

Своим родителям Радищев писал и в последующие годы. Немало писем он посылал им через Воронцова из Илимска. «С тех пор, как я здесь, я пишу лишь моим родным», — сообщал он из Илимска Воронцову 14 сентября 1792 года.⁷⁵ «Я прилагаю к сему письмо к моему престарелому отцу, которое убедительно прошу ваше сиятельство переслать ему, так как я не имею никакой возможности доставить его иначе».⁷⁶

Из Тобольска и Илимска Радищев посылал письма не только своим родителям, но и близким друзьям. 20 ноября 1795 года он писал Воронцову: «Простите, что мы прилагаем при сем все наши письма с просьбой к вашему сиятельству приказать отправить их по адресу».⁷⁷

Ни одного письма Радищева к друзьям, написанного в этот период, не сохранилось. Не сохранилась и переписка его с С. Н. Яновым, Н. И. Новиковым, известным купцом Г. И. Шелеховым.

Куда исчезли бумаги Радищева, где их теперь искать? Чтобы направить поиски по более или менее верному пути, приведу некоторые данные, имеющиеся в архивах и печатных источниках.

П. А. Радищев сообщает, что его отец дал для ознакомления известному либеральному деятелю В. Н. Каразину беловую рукопись труда «Проекта Гражданского уложения», но последний ее потерял.⁷⁸ Следует отметить, что у Каразина имелась не только названная рукопись. Он хранил одно время много и других рукописей Радищева.

Ф. Я. Прийма обнаружил два ранее неизвестных автографа Радищева, которые находились приблизительно до 1840-х годов у В. Н. Каразина; затем они оказались у М. П. Погодина и вместе с его собранием редких рукописных книг и автографов

⁷³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 463, 467.

⁷⁴ Там же, т. I, стр. 174.

⁷⁵ Там же, т. III, стр. 446.

⁷⁶ Там же, стр. 476.

⁷⁷ Там же, стр. 482.

⁷⁸ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 97.

поступили в Государственную Публичную библиотеку в Ленинграде.⁷⁹

Один из обнаруженных Ф. Я. Приймай автографов представляет собой короткую записку Радищева, в которой он выражает свое согласие на встречу с Каразиным. Второй автограф, судя по его содержанию, является оглавлением одного из законопроектов Радищева. Возможно, этот автограф представляет собою страницу того «Проекта Гражданского уложения», который Каразин брал у Радищева для прочтения. На оборотной стороне автографа Каразиным сделана следующая надпись: «Руки Александра Николаевича Радищева, сочинителя путешествия от С.-Петербурга до Москвы, за которое он был послан в Илимск в 1793 году. Писано по возвращении его оттуда уже при Александре, и по поводу определения его в Комиссию законов (для графа Завадовского)».⁸⁰

Большую связку рукописей Радищева Каразин получил после смерти последнего от Н. А. Радищева. Об этом свидетельствует письмо Н. А. Радищева Каразину от 10 ноября 1808 года, в котором он требует вернуть рукописи отца. (Они были нужны для издававшегося собрания сочинений Радищева).

«Милостивый государь Василий Назарьевич! — писал Н. А. Радищев. — В бытность вашу в Москве я просил вас о возвращении мне бумаг покойного отца моего, что вы мне и обещали исполнить тотчас по приезде вашем в деревню. Но, к сожалению моему, и до сего времени не получил ни одной бумаги. Возобновляю просьбу мою. Я надеюсь, милостивый государь, что вы ее исполните и возвратите мне вещи, чрезвычайно для меня нужные и, признаюсь, драгоценные, которые я вверил вам как приятелю покойного отца моего и человеку, оказывавшему мне благорасположение. Я уверен, что вы не захотите лишить меня таких бумаг, которые, кажется, могут быть полезны, и по сему-то отношению мне хотелось бы выдать их в свет. Прошу вас, есть ли вы вздумаете возвратить мне столь часто упоминаемые мною бумаги, адресовать их на имя Сергея Николаевича Глинки».⁸¹

В приведенном письме Н. А. Радищев называет Каразина приятелем своего отца. Действительно, В. Н. Каразин в 1801—1802 годах находился в дружеских отношениях с Радищевым; этим и объясняется его доступ к рукописям последнего (подробнее об этом см. ниже).

Обстоятельства, при которых сын Радищева передал Каразину связку рукописей своего отца, были необычны. Правительство Александра I, относившееся к Радищеву с большой насторожен-

⁷⁹ Ф. Я. Прийма. Неизвестные автографы А. Н. Радищева. В сб.: Радищев. Статьи и материалы, Изд. ЛГУ, 1950, стр. 19—25.

⁸⁰ Там же, стр. 23. — Год ссылки Радищева в Илимск указан здесь Каразиным неверно, по памяти.

⁸¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 656.

ностью, настойчиво охотилось за его рукописями. Вследствие этого сыновья писателя, возможно, стремились на некоторые время скрыть их. Однако Каразин не смог удержать их у себя. Человек необычно увлекающийся и доверчивый, он пригласил к себе на квартиру графа Строганова, одного из ближайших «молодых друзей» Александра I, члена Негласного комитета, и прочитал ему одну из наиболее важных, политически острых рукописей Радищева, по-видимому, с целью добиться разрешения на ее издание. Результат получился для Каразина ошеломляющий: Строганов выразил отрицательное отношение к Радищеву. «Вы шутите», — возразил Каразин. Тогда Строганов написал ему письмо, в котором еще раз подтвердил свое отрицательное отношение к писателю-революционеру (письмо это приводится ниже). Из письма видно, что Строганов довольно настойчиво добивался, чтобы Каразин дал ему рукопись Радищева. Какая это была рукопись, неизвестно, но в печати она так и не появилась. Не были опубликованы также и другие рукописи Радищева, которыми располагал Каразин.

Зная восторженное отношение Каразина к Радищеву, трудно допустить, чтобы он с каким-то злым умыслом не вернул бумаги Радищева его сыну. По-видимому, в 1808 году, когда последний требовал у него эти бумаги, у Каразина уже не было их. Передал ли он их сам Строганову или кому-либо другому или их забрали у него насильно — об этом ничего неизвестно.

Однако вопрос о пропавших рукописях писателя-революционера очень важен, и всякое предположение, если оно имеет под собой какую-то документальную основу, не следует игнорировать. Так, в частности, можно считать, что Каразин не по своей воле лишился рукописей Радищева. Основанием для этого служат бумаги, хранящиеся в ряде архивов.

Встречи В. Н. Каразина с А. Н. Радищевым происходили в 1801—1802 годах, когда молодой, деятельный Каразин с большой верой в либеральные обещания Александра I энергично начал свою служебную и просветительную деятельность — сначала правителем дел в канцелярии статс-секретаря Д. П. Троицкого, а затем правителем дел в Главном управлении училищ.

Бурная и плодотворная общественная деятельность Каразина была отмечена наградой. 22 сентября 1802 года по представлению графа А. Р. Воронцова он был награжден орденом Владимира четвертой степени. Но в начале 1803 года, по указанию Александра I, Каразин был арестован. Предлогом для ареста было мелкое служебное упущение.

Каразин был потрясен неожиданным изменением отношения к нему молодого монарха, которого он до этого почти боготворил. Выйдя в конце января 1803 года из-под ареста, Каразин попросил дать ему трехмесячный отпуск. В записке на высочайшее имя он писал: «Коллежский советник Каразин всеподданнейше просит

увольнения в Слободскую Украинскую губернию сроком на три месяца. Сие время уповает он употребить с пользою на исполнение поручений, данных ему Харьковского университета попечителем относительно до начального основания сего училища».⁸²

31 января 1803 года Александр I разрешил предоставить Каразину трехмесячный отпуск.⁸³ Однако из-за болезни Каразин не смог выехать из Петербурга.

27 февраля того же года он подал на имя министра народного просвещения графа П. В. Завадовского записку, прося предоставить ему шестимесячный отпуск. Мотивируя свою просьбу, он указывал: «Разные встретившиеся со мною неприятности (я не хочу роптать на судьбу, называя их нещастиями) расстроили в конце душевные мои силы и мое здоровье. Они требуют подкрепления покоем и сельскою жизнью, к которой я сделал сладкую привычку в моем детстве. В нынешних летах шести месяцев без сумнения совершенно довольно уже для моего возобновления, если только щастие, ставши сколько-нибудь благосклоннее, не будет противудействовать. Еще отваживаюсь всепокорнейше просить вас, милостивый государь, о том, чтобы мое жалованье, из сумм Главного правления училищ производимое, предоставлено мне было во время моей отлучки в Слободскую Украинскую губернию. Сия высочайшая милость, если вы оного при увольнении исходатайствовать мне изволите, поможет мне много в нынешнем истощении собственных моих средств к жизни, до которого я довел себя безвременными издержками по харьковским делам предпринятыми свыше сил моих, издержками, из которых часть дошла и до сведения вашего сиятельства».⁸⁴

Завадовский доложил 28 февраля об этой записке Александру I. Царь усмотрел в ней скрытое обвинение против себя. Он попытался восстановить прежние отношения с Каразиним и в письме к нему от 12 марта 1803 года писал:

Василий Назариевич! Сегодня получил я письмо ваше от 28 февраля и нужным нахожу на оное ответствовать немедленно, дабы истребить в вас мысль, что неприятное происшествие, с вами последовавшее, могло иметь хотя малейшую связь с содержанием письма вашего.

Прискорбно мне было весьма принуждену быть к подвигу, столь удаленному от моих правил, колыми паче с человеком мною уважаемым. Вы меня сами на оной понудили, вышед из пределов порядка и нарушив правила, постановленные для кадетских корпусов, и которые доселе всегда были уважаемы. Тем не менее мне можно было избежать строгости с вами, что за месяц пред сим подобный пример уже случился и подобное же имел последствие. Вы увидите из его, что и выбору в поведении мне не оставалось; повеление же о вашем аресте отправлено было гораздо прежде получения вашего письма.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 733 (Департамент народного просвещения), оп. 86, ед. хр. 58, 1803 г., л. 1.

⁸³ См. там же.

⁸⁴ Там же, лл. 4—5.

Что касается до оного, то весьма ошибетесь, если подумаете, что оным меня оскорбили; но начала, на коих основаны наши рассуждения, столь различны, что и заключении не могут быть единообразны.

Примите уверение моего уважения.

Александр.

СП.-бург.

Марта 12-го 1803.⁸⁵

Каразина не удовлетворило приведенное объяснение Александра, и в следующем году он подал в отставку. В своем прошении на высочайшее имя от 11 августа 1804 года Каразин писал: «По стечению многих обстоятельств нахожу я себя в моем положении и здоровьи до такой степени расстроеным, что продолжать службу в настоящее время, не смотря на истинное мое к оной усердие, более не могу».⁸⁶

Отставка была принята.

Александр I, по-видимому, лично интересовался бумагами Каразина. В архиве канцелярии его величества сохранилась ода некоего Павла Субботина, посвященная Каразину, которая была изъята при аресте последнего. Бумаги Каразина дважды подвергались полицейскому просмотру: первый раз при аресте в 1803 году, второй — в 1820 году во время заключения Каразина в Шлиссельбургскую крепость. Редактор собрания сочинений Каразина Д. И. Багалей, опубликовавший ряд писем Каразина, отметил, что некоторые письма к нему Александра I он не мог найти. «К сожалению, — писал Багалей, — у меня нет теперь этих писем: они были отобраны у него вместе с некоторыми другими его бумагами во время его шлиссельбургского заточения в 1820 году».⁸⁷

Так, судьба рукописей Радищева, находившихся в руках Каразина, до сих пор остается не раскрытой. Сохранилась короткая, весьма загадочная запись Каразина, сделанная им для детей уже на старости лет, из которой, если я правильно ее расшифровываю, можно понять, что к началу 1840-х годов у него было лишь несколько небольших листков с автографами Радищева. Запись эта сделана Каразиним на форзаце кожаного переплета, в который вложен рескрипт Александра I по случаю награждения Каразина орденом Владимира.

К сожалению, нижняя часть форзаца, на котором сделана запись, кое-где истлела от сырости и выкрошилась. Потому из текста выпали два-три слова, которые я восстанавливаю здесь по общему контексту. Вот эта запись: «Два Александра были любимцами души моей. И я потерял того и другого, прежде нежели

⁸⁵ Там же, лл. 11—12.

⁸⁶ Там же, л. 9.

⁸⁷ В. Н. Каразин. Сочинения, письма и бумаги, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910, стр. 897.

они успели ошастливить мою жизнь, нежели мечты мои о них исполнились. От первого только и осталось что две подписи. А от второго листочки драгоценных строк его руки».⁸⁸

Надпись расшифровывается мною так: под первым Александром, несомненно, имеется в виду император Александр I, на рескрипте которого эта запись сделана; под вторым Александром — Радищев. Содержание и тон приведенной записи, передающей самые сокровенные мысли ее автора, не позволяют отнести названных в ней Александров к разряду обыкновенных знакомых Каразина.

Одна из подписей Александра I, о которой говорится в записи, находится тут же рядом — на рескрипте; вторая его подпись, по-видимому, была на каком-то другом документе, имевшемся у Каразина. Что касается «драгоценных строк руки» второго Александра, то это указание следует отнести к Радищеву. Вполне возможно, что оно относится к тем двум автографам Радищева, которые Каразин в начале 1840-х годов передал М. П. Погодину и которые были обнаружены и опубликованы Ф. Я. Приймай.

Если предположение относительно насильственного изъятия у Каразина рукописей Радищева является верным, то эти рукописи могли затеряться среди всякого рода официальных документов государственных учреждений того времени или среди бумаг графа П. А. Строганова, который домогался у Каразина получения одной из рукописей Радищева.

Рукописи Радищева в настоящее время рассеяны по разным архивам нашей страны. Отдельные автографы и списки его произведений находятся в архивохранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Наиболее богатым их хранилищем, несомненно, является архив Воронцовых.

Александр Романович Воронцов — крупная фигура своего времени. Он представитель богатого дворянского рода, из которого вышли видные государственные деятели. Его дядя — М. И. Воронцов — был государственным канцлером при императрице Елизавете Петровне; сестра — Екатерина Романовна, по мужу Дашкова, — была президентом Российской Академии, издавала журнал «Собеседник любителей российского слова»; брат — Семен Романович — крупный дипломат, бывший в течение 20 лет русским послом в Лондоне.

А. Р. Воронцов начал государственную деятельность поверенным в делах в Вене. Был полномочным министром в Лондоне, затем сенатором. Долгое время являлся президентом Коммерц-коллегии, играл большую роль в организации внутренней и внешней торговли России.

Радищев был связан с Воронцовым с конца 1770-х годов долготелней личной дружбой. У А. Р. Воронцова рукописи Радищева

⁸⁸ ИРЛИ, шифр 9020/416. 64.

оставались в разное время и при различных обстоятельствах. В Коммерц-коллегии Радищев и Воронцов иногда совместно составляли тот или иной документ, относящийся к торговле России с западноевропейскими странами или связанный с деятельностью таможен западного края. Ряд таких документов был опубликован в 1952 году в III томе академического издания собрания сочинений Радищева. Оригиналы этих документов находятся в архиве А. Р. Воронцова.

В 1790 году Воронцов, узнав от графа А. А. Безбородко о том, что Радищеву за издание «Путешествия» угрожает арест, принял от него на хранение ряд неизданных рукописей (незавершенный трактат «Опыт о законодательстве», статья «О добродетелях и награждениях», «Описание Петербургской губернии», наброски «К Российской истории» и др.).

Во время пребывания в Сибири Радищев вел систематическую переписку с Воронцовым, посылал ему для прочтения некоторые свои труды по описанию Сибири. Постоянный контакт с Воронцовым не прекращался и после того, как Радищев по ходатайству последнего был освобожден из ссылки. В архиве Воронцова оказались в подлинниках и частично в рукописных копиях некоторые труды Радищева по вопросам законодательства, написанные в последние годы его жизни.

В результате многолетнего общения у Воронцова оказалось большое число рукописей Радищева. Воронцов не только бережно хранил их у себя, но проявил большую заботу о тех рукописях и книгах Радищева, которые остались в Сибири.

В Тобольске и Илимске Радищев довольно интенсивно продолжал заниматься литературной деятельностью. Он там написал ряд произведений. Спешно уезжая из Сибири, не имея возможности захватить с собой все свои рукописи и книги, Радищев упаковал их в ящики и оставил на временное хранение в Иркутске у генерал-губернатора Л. Т. Нагеля.

Весной следующего года Воронцов написал Л. Т. Нагелю письмо с просьбой доставить ему ящики Радищева. Но Нагель в это время получил новое назначение и уже уехал из Иркутска. Дальнейшая судьба ящиков видна из писем Радищева к Воронцову. «Письмо вашего сиятельства уже не застанет господина Нагеля в Иркутске, — пишет Радищев Воронцову от 21 июля 1798 года, — так как он предполагал уехать оттуда в середине мая. Он мне сообщил, что оставил мои сундуки в Иркутске у господина комиссара Новицкого».⁸⁹

В октябре 1798 года Радищев писал Воронцову: «Несколько дней тому назад я получил письмо от г-на Нагеля, помеченное 28 апреля (не в ответ на мое письмо, написанное ему отсюда, но в ответ на то, что я написал ему в конце прошлого года), в кото-

⁸⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 518.

ром он извещает меня, что уезжает из Иркутска в последних числах мая и что оставляет в Иркутске мои книги у комиссариатского поверенного; он просит написать ему в Казань, где он собирается быть проездом, что я и исполнил».⁹⁰

В феврале 1802 года Воронцов еще раз попытался вытребовать ящики с книгами и рукописями Радищева через тобольского вице-губернатора И. О. Селифонтова.

Селифонтов по роду своей службы изредка бывал в Иркутске и охотно бы выполнил данное ему поручение, но письмо Воронцова несколько запоздало. Отвечая на него Воронцову из Тобольска 22 марта 1802 года, Селифонтов писал: «Почтеннейшее письмо вашего сиятельства от 22-го минувшего февраля я имел честь получить по возвращеньи моем из Иркутска здесь, сего месяца 20-го числа. Касательно до пособия моего в пересылке книг к Александру Николаевичу Радищеву, оставленных им в Иркутске у господина Новицкого, приятнейшим для себя почел бы долгом сыскать случай в доставлении их к нему, ежели бы только я знал о сем в бытность мою там, но за выездом моим оттуда крайне сожалею, что сего исполнить не мог; при том же довелось бы теперь и везти их уже летним путем, то по причине худой дороги доставление их было бы не без затруднения; а посему лучше оставить ныне пересылку до будущего первого зимнего пути».⁹¹

Санного пути, о котором здесь пишет Селифонтов, Радищев не дождался. В сентябре 1802 года его не стало. Вскоре Воронцов серьезно заболел, уехал в свое имение Андреевское Владимирской губернии, где и скончался 2 декабря 1805 года.

Так ящики с бумагами и книгами Радищева остались в Иркутске у комиссариатского поверенного Новицкого. Дальнейшая судьба их неизвестна. По-видимому, их искать следует в Иркутске или в других сибирских архивах. Обнаружение этих бумаг поможет раскрыть очень важный период в жизни и творчестве писателя, связанный с его пребыванием в Сибири.

О наличии у А. Р. Воронцова бумаг Радищева было известно давно. Еще А. С. Пушкин писал: «Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию „Путешествия“».⁹²

Публикация материалов богатейшего архива Воронцовых, в котором собраны ценные документы по истории России и западноевропейских стран почти за два столетия и переписка Воронцовых со многими государственными деятелями и писателями XVIII века, началась еще в XIX веке. Редактором «Русского архива» П. И. Бартеневым было опубликовано 40 томов «Архива Ворон-

⁹⁰ Там же, стр. 522.

⁹¹ Институт истории АН СССР (Ленинградское отделение), собрание Воронцова, № 862, л. 55.

⁹² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 356.

цова».⁹³ В пятом и двенадцатом томах этого издания было опубликовано 77 писем Радищева к А. Р. Воронцову за 1782—1800 годы и одно письмо к Александру I; здесь же было опубликовано несколько писем родственников Радищева (отца, брата Моисея Николаевича, Елизаветы Васильевны Рубановской) к Воронцову и некоторые письма Воронцова к разным лицам, в которых содержатся ценные сведения о Радищеве.

В Советскую эпоху, когда архив А. Р. Воронцова был национализирован и стал доступен для многих исследователей, в нем обнаружен еще ряд произведений Радищева, которые включены в академическое издание его сочинений.

Архив А. Р. Воронцова содержит тысячи еще не изученных и не опубликованных документов. В настоящее время они находятся в нескольких архивных учреждениях. Наибольшее число их хранится в Москве в Центральном Государственном архиве древних актов и в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР; некоторая часть архива А. Р. Воронцова хранится во Владимире в Государственном историческом архиве Владимирской области, куда она поступила в 1919 году из бывшего имения Воронцова села Андреевского. И. М. Троицкий, давший первый обзор части воронцовского архива, хранящейся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, был поражен разнообразием ее состава. «Размеры этого архива так велики и содержание так разнообразно, — писал он, — что мы поневоле ограничиваемся беглым обзорением и случайными иллюстрациями. Научное описание этого архива заняло бы, вероятно, несколько солидных томов».⁹⁴

В Советскую эпоху над изучением архива А. Р. Воронцова работали десятки исследователей и архивистов. Изучение его продолжается до сих пор. Но нельзя считать, что все произведения Радищева, находящиеся в этом архиве, уже выявлены. Трудность их выявления заключается не в обилии рукописных материалов, которые необходимо просмотреть, а в том, что некоторые произведения Радищева хранятся в этом архиве не в подлинных рукописях, а в писарских копиях, на которых Радищев не ставил своей фамилии. Требуется многолетнее кропотливое изучение множества документов, чтобы среди них отобрать то, что принадлежит Радищеву.

В литературном наследстве Радищева большое место занимают служебные документы. До ссылки в Сибирь он 13 лет служил в Коммерц-коллегии, участвовал в работе Комиссии о коммерции, возглавлял Петербургскую портовую таможеню. После возвращения из ссылки он был членом Комиссии составления законов.

⁹³ В 1897 году вышла в свет отдельной книгой «Роспись сорока книгам архива князя Воронцова».

⁹⁴ И. Троицкий. Архив Воронцовых. Литературное наследство, № 9—10, М., 1933, стр. 398.

Служебные документы, различного рода докладные записки, инструкции, проекты указов по вопросам внешней и внутренней торговли и законодательству, составленные им лично или при его участии в названных учреждениях, до сих пор еще не выявлены полностью. Учет этих документов позволит дать более полную характеристику государственной деятельности Радищева и лучше понять проблематику его произведений. Значительная часть подобных материалов находится в соответствующих фондах наших центральных исторических архивов.

Имеется, еще один источник, где оказались некоторые рукописи Радищева. Я имею в виду издателя Платона Петровича Бекетова, печатавшего в 1806—1811 годах «Собрание оставшихся произведений А. Н. Радищева». О нем я рассказываю ниже, в последней главе настоящей книги.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ

1

Периодизация творчества Радищева до сих пор не определена. Можно говорить о четырех важнейших этапах творчества писателя.

Первый период — от 70-х до начала 80-х годов — менее всего освещен в литературе. Радищев получил широкую известность лишь на сорок первом году жизни после выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву». В первые десятилетия его литературной деятельности почти все написанное им было скрыто от посторонних глаз. Сохранилось несколько свидетельств о первом выступлении его в печати, исходящих от лиц, хорошо знавших Радищева, но эти свидетельства противоречат одно другому.

По мнению А. М. Кутузова, первым произведением Радищева следует считать «Житие Федора Васильевича Ушакова». В письме к Е. И. Голенищевой-Кутузовой от 17 декабря 1790 года Кутузов говорит о Радищеве: «Провождая 40 лет в тишине и покое, имея четырех детей, которых чрезвычайно любил и которыми по истине мог заниматься с приятностью и пользою, вздумалось ему сделаться автором — несчастное желание! Начало к сему сделал книжкою под названием „Житие Федора Васильевича Ушакова“».¹

Утверждение А. М. Кутузова не может быть признано верным. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» имеется указание, что оно было написано восемнадцать лет спустя после смерти Ф. В. Ушакова, скончавшегося 7 июня 1770 года в Лейпциге. «Осмнадцать лет уже совершилося, — пишет в ней Радищев, — как мы лишились Федора Васильевича, но, мой друг, сколь скоро вспомню о нем, то последнее его с нами свидание столь живо существует в моем воображении, что то же и днесь чувствую, что чувствовал тогда».²

¹ Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 65.

² А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 184.

По свидетельству сына писателя, Павла Александровича, едва ли не самым ранним литературным опытом Радищева был «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***», напечатанный в журнале Н. И. Новикова «Живописец» в 1772 году. П. А. Радищев полагает, что этот «Отрывок» является одним из первых набросков «Путешествия из Петербурга в Москву». «Некоторые статьи „Путешествия“, — пишет он, — напечатаны в „Живописце“ Новикова».³

Радищев на допросе в Петропавловской крепости показал: «До женитьбы моей [т. е. до 1775 года, — Д. Б.] я более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся; много также читал и книг церковных, следуя совету Ломоносова; ибо, имея малое знание в российском письме, я старался приобрести достаточные в оном сведения, дабы в состоянии быть управлять пером. Родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращались всегда на нежные предметы, но все было с неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил и наслаждался действительным блаженством, не занимаясь ничем более, как домашними делами».⁴

Стихотворения Радищева, изданные его сыновьями, не датированы. Некоторые из них напечатаны слитно. Например, к «Песне» присоединено стихотворение «Ах, как я счастлив был». Все это не позволяет точно определить время создания стихотворений. Но несколько из них можно более или менее безоговорочно отнести к самому раннему периоду творчества Радищева — прежде всего «Песню», «Ах, как я счастлив был» и «Сафические строфы».

Эти стихотворения написаны на любовную тему. Их объединяет общее настроение. Все они относятся к жанру любовной лирики, который заимствовали из французской поэзии Кантемир, Тредиаковский и Сумароков. В 1770-х годах этот жанр еще довольно широко культивировался в русской поэзии Сумароковым и его подражателями.

Радищев назвал свои ранние стихотворения «любовным враньем». Чтобы понять столь критическое отношение к ним, надо вспомнить, как относились к любовной лирике в XVIII веке. В условиях острых выступлений против крепостного рабства, в борьбе с религиозным догматизмом и суеверием, когда русская литература в лице лучших ее представителей ставила на первый план задачи большого социального и просветительского значения, стихи на любовную тему казались некоторым писателям третьестепенным делом, пустой тратой времени. Так, например, Кантемир искреннейшим образом раскаивался в том, что в молодости писал любовные песни.

³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 105.

⁴ Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 188. Разрядка моя, — Д. Б.

Стихотворения Кантемира на любовную тему, написанные в 1726—1728 годах, не дошли до нас. Во второй редакции IV сатиры он отзывается о них так:

Любовны песни писать, я чаю, тех дело,
Коиx столько ум неспел, сколько слабо тело.
Красны губки свежие, что на крайках сносят
Душу навстречу моей, губ же себе просят;
Молочны груди ладонь мою потягают,
И жарки взгляды моих глаз взгляд поджидают.
Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки, коиx от денницы
До другой невидимо колет любви жало.
Шуток тех минулося время, и пристало
Уж мне горько каяться, что дни золотые
Так непрочно страстил я, пища песни тые.
Кои в весне возраста жаркой любви служат,
Вина сущи своему беспокойству сами.⁵

Так же отзывался о любовных песнях и Ломоносов в «Разговоре с Анакреоном»:

Мне петь было о нежной,
Анакреон! любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам,
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славою вечной
Я больше восхищен.⁶

Один Сумароков без всяких оговорок признавал любовную лирику, писал много эклог, песен, романсов, элегий. В «Эпистоле о стихотворстве» он призывал русских поэтов подражать в этом жанре французским образцам, особенно любовным песенкам «стениящей» де ла Сюзы:

Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стениящей де ла Сюзы.⁷

⁵ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Библиотека поэта. Изд. «Советский писатель», Л., 1956, стр. 113.

⁶ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 761—762.

⁷ А. П. Сумароков, Избранные произведения. Библиотека поэта. Изд. «Советский писатель», Л., 1957, стр. 125.

Любовные песни Сумарокова имели среди дворянской молодежи большой успех, и он издал их в 1774 году отдельной книжечкой под названием «Елегии любовныя».

Любовные песенки сумароковского типа переписывали в тетради и девичьи альбомы. «Помянутых песенок было не только еще очень мало, — пишет Болотов, — но они были и еще в превеликую диковинку, и буде где какая проявится, то молодыми боярынями и девушками с языка не спускается».⁸

М. Д. Чулков в романе «Пригожая повариха» описывает литературный салон одной купчихи, в котором собирались сочинители любовных песенок и читали их хозяйке. «Она (хозяйка салона, — Д. Б.) была из тех женщин, которые сочиняют романы и пишут предуведомления к оным стихами, чего ради собиралися к ней множество остроумных молодых людей, кои для хороших наук и художеств посещали ее всегда в отсутствие ее мужа, и кто был поискуснее прочих, тот приискивал для нее богатые рифмы. Таким образом, занята она будучи рифмотворною сею наукою, редко и спала со своим мужем.

«Первый раз, как я к ней приехала, то нашла ее весьма великолепною, сидела она тогда в постеле, а около ее находилося множество людей ученых, из которых у каждого торчала из кармана писаная бумага, и они по очереди перед собранием прочитывали свои сочинения, и полагалися на вкус и на рассуждение хозяйки».⁹

Литературные салоны были модным явлением в богатых домах 1760—1770-х годов. Любовные песенки и элегии исполнялись нередко под аккомпанемент клавесина. В молодости Радищев посещал такие салоны. Так, в период своей службы в штабе финляндской дивизии (1773—1775) он, как сообщает его сын Николай Александрович, через своего начальника графа Я. А. Брюса «сделался вхож в лучшие петербургские общества».¹⁰

Радищев любил слушать музыку, посещал театры. Его любимыми композиторами были Гайдн, Глюк, Моцарт, Паизиелло. Еще в Лейпциге он слушал знаменитую Елизавету Мару.¹¹ В 1774—1775 годах в Петербурге он бывал на концертах известной итальянской певицы Катарины Габриелли.

Из произведений Радищева видно, что он со вниманием слушал народные песни. В «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Клин») он сопоставил незатейливое пение слепого русского старца с «кудрявыми» напевами знаменитых певцов, которых слышал в го-

⁸ А. Болотов. Записки Андрея Тимофеевича Болотова, т. I. СПб., 1875, стр. 183.

⁹ М. Д. Чулков. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины. СПб., 1770, стр. 79—84.

¹⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 40.

¹¹ Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века, т. I. М., 1952, стр. 124.

родских концертах. Из описания видно, что народная песня не менее сильно трогала сердце автора, чем высокое искусство прославленных артистов.

«Неискусный хотя его напев, — пишет он о слепом старце, — но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди, Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего героя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевавшего. О природа, колико ты властительна! Взвирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. О! природа, — возопил я паки. . .

«Сколь сладко неязвительное чувство скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувство чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером».¹²

Песенная культура входила в сознание Радищева одновременно через литературу, театр и народных певцов. В ранний период творчества наибольшее воздействие на Радищева оказывала книжная лирика, в первую очередь Сумароков. Тематика песен и элегий у Сумарокова была довольно однообразной. В них выражалась тоска, несчастная любовь.

Мучь меня, рана неисцельна,
Мучь меня, я терплю,
Мучь, болезнь, мучь болезнь смертельна,
Что мне делать, я люблю.
Я уже, я тобой прельстился,
Зрак драгой, я в тебя влюбился,
Я уж твой, твой, дорогая,
Мечусь, стена,
И грущу по тебе.¹³

Бедность и однообразность любовной лирики Сумарокова А. А. Веселовский объяснял эстетической неразвитостью тогдашнего русского общества: «Во время славы Сумароковских песен общество было еще молодо и чувство не могло быть в нем глубоко, оно не могло вырасти до той глубины, которая рождает драму. Поэтому песни Сумарокова любопытны для нас именно по отноше-

¹² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 373—374.

¹³ А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, ч. VIII. М., 1781, стр. 275.

нию к обществу современному. Бедность их содержания заставляет догадываться о пустоте того общества, где были они в ходу». ¹⁴

Одну из первых попыток углубить, драматизировать любовную лирику сделал Радищев. Его ранние лирические стихотворения написаны под несомненным влиянием Сумарокова, но по своим интонациям они значительно богаче песен последнего. В них нет сентиментальной слащавости, которая свойственна песням Сумарокова, они льются естественно из глубины любящего и страдающего сердца, насыщены большой внутренней динамикой чувств. «Песня», в которой Радищев мастерски передает бурный поток сменяющихся чувств, мгновенно переходит от одного настроения к другому, от надежды к отчаянию, от отчаяния вновь к надежде. Смятение чувств звучит в первой же строке:

Ужасный в сердце ад.

Вот эти драматические переходы чувств:

Веселье исчезает,
Надежда погасает,
Твой взгляд,
Ах, лютий яд.
Несчастный позабудь...
Ах, если только можно,
Забудь,
Что ты когда-нибудь
Любил ее неложно;
И сердцу, коль возможно,
Забудь,
Когда-нибудь.

Далее рождается новая интонация. Поэт уже не хочет забыть свою возлюбленную:

Нет, я ее люблю,
Любить вовеки буду;
Люблю,
Терзанья все стерплю
(Ее не позабуду)
И верен ей пребуду;
Терплю,
А все люблю.

Так волна за волной проходят его чувства. Назревает трагический исход любви, появляется надежда на сострадание со стороны возлюбленной, но поэт знает, что в любви сострадание ведет к охлаждению и даже к презрению.

Ах, может быть, пройдет
Терзанье и мученье;
Пройдет,

¹⁴ А. А. Веселовский. Любовная лирика XVIII века. СПб., 1909, стр. 101.

Когда любви предмет,
Узнав мое терпенье,
Скончав мое мученье,
Придет
Люви предмет.

В «Песне» затронут большой вопрос о взаимном непонимании, разобщенности людей. Человек, по мысли Радищева, может обрести себя лишь в обществе; его покой, его счастье возможны лишь при взаимном понимании. Трагедия же человека в том, что он не может найти общего языка с другими людьми. «Песня» Радищева — это вопль измученной одиночеством души.

Тема одиночества, непонятой, неразделенной любви с меньшей экспрессией раскрывается и в стихотворении «Ах, как я счастлив был». Любимая, которой посвящено это стихотворение, не любила, а только притворялась, что любит. Поэт делает вывод, что счастье иллюзорно, похоже на сон:

Все было как во сне,
Мечта уж миновалась,
Ты мне,
То вижу не во сне,
Жестокая смеялась,
В любви притворялась
Ко мне,
Как бы во сне.

«Сафические строфы» — одно из прекраснейших произведений Радищева; здесь он изображает нежное чувство к любимой на фоне неисчерпаемой по своей красоте природы. Ликующему чувству любви как бы внемлет вся вселенная:

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
Тополы белы.

Под обаянием этой красоты любимая «клялася верною быть вовеки». Обращает на себя внимание поэтический образ ветра, воплощающий изменимость окружающего мира. Мир не статичен, он находится в постоянном движении и превращениях. Таковы и чувства человека:

Север холодный дунул один раз крепче, —
Клятва исчезла.

Радищев писал, что в его ранних стихах много биографизма, связанного с его необычайной чувствительностью.

Некоторые строки звучат, как гордый вызов судьбе:

Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной.

В дальнейшем в произведениях Радищева любовная тема уступила место социальной, исторической проблематике. В суровых условиях борьбы против самодержавно-крепостнического строя у Радищева не появилось настроения для занятий любовной лирикой. Это лишний раз убеждает, что приведенные здесь стихотворения следует отнести к раннему периоду его творчества. Несмотря на критическое отношение самого Радищева к этим стихам, они имеют для нас важное значение как художественные произведения и как биографические документы.

Характер Радищева, дерзнувшего смело выступить против российского самодержавия, которое казалось тогда большинству людей неизблемой крепостью, изумлял многих людей. Такие характеры встречаются в истории нечасто. Пушкин писал о дерзновенном подвиге Радищева: «Мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры, дерзает вооружаться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!».¹⁵

Исследователи, писавшие о мятежном характере Радищева, обычно строили свои выводы на материале более поздних произведений писателя, на основе «Путешествия» и повести «Житие Ф. В. Ушакова». Мне представляется, что и ранние стихотворения не должны быть забыты. Они свидетельствуют об удивительной цельности натуры Радищева. Начиная от любви к женщине и кончая политическими вопросами, он с одинаковой страстностью нападал на все то, что в его глазах воплощало ложь, лицемерие, эгоизм и насилие. В стихотворении «Сафические строфы» он восклицал, что лучше жестокая, но пускай будет правда.

Ах, почто быть клятвопреступной! . . . Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
Ввергла в погибель.

Стихи Радищева на любовную тему зовут к чистоте человеческих отношений, утверждают, что путь к счастью, о котором мечтают все люди, тернист и нелегок. В одном из стихотворных отрывков он как бы подытоживает свои мучительные размышления на эту тему:

О вы, стелющиеся под тяжкою рукою
Злосчастия и бед!
Исполнены тоскою,
Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткой жизни путь. На он-пол поспешайте:
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

¹⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 354.

Переход от любовной лирики к другим жанрам, по-видимому, не был для Радищева трудным. Из «Путешествия» (глава «Тверь») видно, что он в молодости, подражая Ломоносову и Сумарокову, писал оды. Автор оды «Вольность» сказал: «Я и сам, заразительному последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне, да и оставшуюся та же ожидает участь, как и сестр ее постигшая».

Ни одна из ранних од Радищева не сохранилась. Видимо, он действительно их сжег. Что касается творческой истории оды «Вольность», то о ней будет сказано в специальной главе.

Но Радищев в молодости писал не только стихи. Уже тогда он проявил большой интерес к исторической прозе, рано почувствовал узость сферы, которую охватывали его стихотворные опыты.

Из ранних исторических трудов Радищева ничего не было напечатано. О своих занятиях историей в 70-е годы он упоминает всего один раз — в показании, сделанном 15 июля 1790 года в Петропавловской крепости:

«Когда я определен был в Коммерц-коллегию, то за долг мой почел приобрести знания, до торговой части вообще касающиеся, и для того сверх обыкновенного упражнения в делах я читал книги, до коммерции касающиеся, возобновил паки чтение общей истории и путешествий, и старался приобрести в российском законоположении, до торгу вообще относящиеся. Доселе разум мой как будто забыл прежнюю свою охоту упражняться в сочинениях, или отвлечен был от того, как то я сказал, неудачею в любовных сочинениях».¹⁶

Из приведенных слов о том, что Радищев был «отвлечен» от прежних «упражнений в сочинениях» «неудачею в любовных сочинениях», можно сделать вывод, что исторической прозой он занимался в самом начале 70-х годов. Это подтверждается тем, что в 1772—1773-м годах Радищев начал изучать летопись Нестора, так называемую «Повесть временных лет».

2

«Повесть временных лет черноризца Феодосиева монастыря Печерского Нестора» впервые была издана по Кенигсбергскому списку Академией наук в 1767 году под названием «Летопись Несторова».

Издание этого богатейшего исторического источника было крупным событием в русской историографии. Еще до появления этой летописи в печати ею интересовались многие. В 1716 году Петр I приказал снять с Кенигсбергского списка копию. Ломоносов и Татищев широко использовали эту летопись в своих трудах по русской истории. «Повесть временных лет» в XVIII веке стала предметом углубленного научного изучения и дала много сюжетов для художественной литературы.

¹⁶ Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева, стр. 188.

А. Н. Радищев приступил к изучению «Повести временных лет» вскоре после своего приезда из Лейпцига в Петербург. В Лейпцигском университете его страстью была философия. Там вместе со своим другом Ф. В. Ушаковым он с юношеской пылкостью увлекался книгой Гельвеция «Об уме». «Мы — рассказывает он, — читали сию книгу, читали со вниманием, и в оной мыслить научались».¹⁷ По возвращении в Петербург он обращается к истории и географии своей страны. Выбор Радищева падает на летопись Нестора. «Повесть временных лет» становится на долгое время его настольной книгой.

Радищев жил интересами своего века, однако он считал, что тот, кто живет в настоящем, не зная прошлого и не «проникая» в будущее, не имеет правильного понятия о времени, в которое живет. Изучение Радищевым Несторовой летописи являлось первой попыткой осмыслить летописные сообщения с позиций передовой революционно-демократической мысли XVIII века. Долгое время было известно лишь одно упоминание Радищевым имени летописца Нестора. В поэме «Бова» он писал о Киевской Руси

Там Владимир, страны многи
Покорив своей державе,
В граде Киеве престольном
Княжил в блеске пышна сана
Над обширным царством Русским,
Окружен всегда толпою
Славных рыцарей российских;
Он для памяти потомства
Живет в Несторе и в сказках.

Первые данные о работе Радищева над Несторовой летописью были найдены в 1940 году. Выявляя в государственных архивах неизданные произведения Радищева для полного собрания его сочинений, я обнаружил в собрании графа А. Р. Воронцова рукопись Радищева, содержащую ряд выписок и заметок, которые были сделаны писателем при чтении книг исторического содержания.

Позднее был найден мною и экземпляр летописи, над которым работал Радищев и который находится в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.¹⁸

¹⁷ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 177.

¹⁸ Экземпляр Несторовой летописи, принадлежавший Радищеву, — в папчонном переплете, корешок и углы кожаные. От сырости папка попортилась, корешок отстал от листов, вследствие этого переплет пришлось реставрировать. Бумага в основном сохранилась хорошо, лишь на некоторых листах есть желтые пятна. На форзаце и на полях книги имеются надписи и многочисленные пометы Радищева. Из этой книги им был сделан целый ряд выписок. Данные о сопоставлении этих выписок с пометами на самой книге были опубликованы в 1952 году в комментариях к рукописи Радищева «К российской истории» в III томе Полного собрания сочинений Радищева. Здесь они не повторяются.

В XIX веке этот экземпляр книги принадлежал М. Н. Лонгинову, обладавшему ценной библиотекой редких изданий. «Для изучения истории русской словесности нового периода, начиная от Кантемира до Ломоносова, — писал о библиотеке М. Н. Лонгинова в 1859 году С. П. Шевырев, — это едва ли не первое пособие, потому что библиотека задумана и собрана с этой целью... С 1851 года М. Н. Лонгинов начал собирать ее в Петербурге и собрал разве одну четверть или треть настоящего собрания; сюда вошли и книги, наследованные владельцем от его родителя; все остальное собрано в Москве, начиная с 1854 года. Книгопродавцы, в Петербурге Я. В. Матюшин, а в Москве И. Г. Кольчугин и Зайцевский, снабжали старыми книгами любознательного собирателя, который сам рано приобрел библиографическую опытность... Рукописей мало, но особенно заслуживает внимания „Путешествие“ Радищева, в 4-ку, рукопись, судя по почерку, конца XVIII века, из библиотеки П. В. Голубкова».¹⁹

От кого и когда М. Н. Лонгинов приобрел радищевский экземпляр «Летописи Несторовой», сведений не сохранилось. Возможно, что он купил его у сына А. Н. Радищева, Павла Александровича, с которым находился в переписке и которому посылал для ознакомления рукописный список «Путешествия».

В библиотеку Пушкинского дома этот экземпляр книги поступил вместе с библиотекой Лонгинова в первые годы Советской власти.

Выбранные Радищевым места из Несторовой летописи показывают методику работы писателя над «Повестью временных лет».

Пометы Радищева начинаются на форзаце. В три колонки чернилами записаны интересующие его страницы. Пометы на форзаце отличаются предельным лаконизмом — они были сделаны для памяти и будущих справок. Вот эти пометы:

116 — зри	90 — (о разбойниках)
11 — обри	106 — о переводах книг
21 — зри	113 — о Несторе святом
22 — зри	116 — о Волхове реке и о смерти Ростиславовой
24 — зри	121 — о пренесении мощей Бориса и Глеба
32	130 — зри о скопце митрополите
33	139 — о пружех, что значит саранча
37	145 — о Александре Македонском
45 — зри о Перуне	160 — о убийении Василья
48 — о деревьянах, како их засыпали живых	171 — о знамении
49	174 — о том же
65 — зри о идолах	186 — зри
70 — зри о том же	237
71 — о женах Владимировых	241 — о [царе] Комнине
84 — зри	284 — о грое
86 — о богатыре	
88 — зри	

¹⁹ С. Шевырев. История русской словесности. Лекции, ч. I. М., 1859, стр. LXXXVII—LXXXIX.

В тексте самой книги Радичев выбрал около ста мест. Почти все из них он заключил в карандашные угловые скобки [] и против каждого на полях написал чернилами: «Зри».

Отмеченные Радичевым места из «Летописи Несторовой» охватывают весьма широкий круг вопросов. Радичев подчеркнул ряд мест, в которых говорится о переводе иностранных книг, о развитии грамотности на Руси, культурных связях между Киевом и Константинополем, строительстве церквей, городов и т. п.

Так, на стр. 21 он выделил рассказ о приглашении из Болгарии в качестве учителей Мефодия и Константина. На стр. 22—23 Радичев отметил сообщение о знании русскими священниками иностранных языков и переводе ими за короткий срок с греческого языка нескольких книг. На стр. 106 он подчеркнул рассказ о переводе греческих книг при князе Ярославле.

Радичева занимал вопрос, из каких источников Нестор черпал разнообразные сведения. На стр. 172 он выделил рассказ Нестора о том, что тот многое узнал от монаха Яна: «В се же лето (1106) представись Янь, старец добрый, жив лет 90 в старости мастите по закону божию, не хужше первых праведник, у него же и аз многа словеса слышах, еже и писах в летописании сем».

На стр. X книги Радичев подчеркнул следующий текст, в котором рассказывается о других источниках летописи: «С 879 года дела Российские пространнее описывать он начал, и сие описание с такою точностию порядка и с толиким плодородием продолжал, что прописывал от слова до слова и целые мирные постановления, как например со стр. 26 по 32 и с 38 по 45; из чего заключить можно, что он не по одним только изустным повествованиям писал о делах, прежде его происходивших, но из книг и других для памяти оставленных записок оное собрал».

На стр. XI он выделил несколько строк, где упоминается о продолжателях Несторовой летописи, в частности о Сильвестре, игумене Киевского Михайлова Выдубицкого монастыря. Об этом же он подчеркнул на стр. 178 следующий рассказ самого Сильвестра: «Се аз игумен святого Михаила, Селивестр, написах книги сии летописец, надеяся от бога милости прияти, при великом князе Володимире Киевском, а мне игуменом бывшу у святого Михаила; а иже чтут книги сия, то буди ми молитва их».

Нестор поразил Радичева широким охватом жизни разных племен и народов, прошедших через территорию России. В выбранных им местах из летописи содержатся сведения и о происхождении славян. Так, после летописного сообщения о разделении племен на многие языки он выделил на стр. 6 следующий текст: «О сих же семидесяти и двуязыку бысть язык Словенск от племени ж Афетова, нарицаеми Норици, иже суть Словене. По мнозех же временех сели суть Словене по Дунаеви, где есть Угорская земля, и Болгарская земля; и от тех Словен разыдошась по земли, и прозвашась имены своими, где седши на каком месте».

В отмеченных Радищевым местах летописи много сведений о древнерусских князьях Владимире, Игоре, Ярославe, Васильке и др. Особое внимание он проявил к жизни и деятельности князя Владимира Святославича.

На стр. 61 Радищев подчеркнул выражение симпатии новгородцев к этому князю за то, что он происходил от ключницы Малуши: «И рече Добрыня к Новгородцам: „Просите Володимира“. Володмир бо бе от Малуши ключницы Олжины, сестра же бе Добрыне, отец же бе има Малко Любчанин, и бе Добрыня уй [дядя] Володимиру. И реша Новгородци Святославу: Дай ны Володимира».

В другом месте летописи Радищев опять обратил внимание на незнатное происхождение князя Владимира. На стр. 185 он подчеркнул высокомерный ответ Рогнеды, дочери полоцкого князя, которая отвергает сватовство Владимира: «Не хошу разути рабича».

Это, по-видимому, показалось Радищеву любопытным с психологической точки зрения, как проявление твердого характера, воспитанного в духе сословных традиций. Ответ Рогнеды он затем поместил в свои исторические выписки «К Российской истории», в которых записал: «Дочь Рогвольдова, не хотя итти за Володимира, сказала: „Не хочу разути рабича“».

Из выбранных мест видно, что Радищева глубоко интересовала в литературе древней Руси проблема воспитания характера. В частности, он внимательно прослеживает эпизоды, в которых проявился характер Рогнеды. Наряду с сословными предрассудками, свойственными ее характеру (пренебрежение к людям низшего сословия), Радищев выделил и положительные качества этой женщины: став в конце концов женой Владимира, Рогнеда (в замужестве Горислава) не могла примириться с подневольным положением, в которое ее поставил наряду с другими своими женами Владимир.

Чувство личного достоинства Рогнеда воспитала и в своем сыне Изяславе. Радищев дважды подчеркнул следующее место в летописи (стр. 186), где рассказывается, как Рогнеда научила своего юного сына смело выступить перед отцом в ее защиту, когда ей угрожала казнь: «Она ж тако сотвори, и давши меч сынови Изяславу в руку наг, рече: „Яко увидет ти отец, рды выступа: «Отче, егда един жити хощеши, или бессмертен мнишися, прими меч сей, вонзи преже во утробу мою, да не вижу аз смерти матери моя»“».

Интересуясь сведениями о жизни древнерусских князей, Радищев обращал внимание и на отношение к князьям народа. Так, например, на стр. 59 он подчеркнул следующий поэтический плач народа на похоронах княгини Ольги: «Сей похорони блаженную Ольгу. И бысть предтекущая Хрестьянстей земли, аки денница пред солнцем, аки заря пред светом. Ибо сияше, аки луна в нощи: тако и сия в неверных чловецех светящеса, аки бисер в кале».

На стр. 69 Радищев выделил текст, где народ порицает князя Владимира за то, что он незаконно завладел женой своего брата Ярополка: «Володимир же заляже жену братню Грекиню, и бе непраздна, от нея же родися Святополк. От греховнаго бо корене плод зол бывает, понеже бе мати его была черницею, а второе Володимир залеже ю не по браку».

На стр. 161 Радищев подчеркнул летописный рассказ, в котором осуждается жестокое обращение князя Василька с народом: «И повеле Василько вся иссечи, и сотвори мщение на людех неповинных, и пролия кровь неповинну».

Целый ряд выбранных мест содержит политические и военные договоры, клятвы. Радищев подчеркнул изложение мирных трактатов русских князей Олега, Игоря, Святослава и других с греками. В числе прочих его интересовал вопрос, от чьего имени выступали русские послы в Греции. На стр. 26—27 он выделил текст, в котором послы именуют себя представителями всего русского народа: «Мы от роду Рускаго... послании от Ольга, Великаго князя Рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь и его великих бояр». Это свидетельствовало о том, что русские князья в вопросах внешней политики опирались на мнение различных общественных групп.

В текстах политических договоров и клятв Радищева интересовала не только юридическая сторона дела, но и поэтические и языковые формулы. Так, например, он подчеркнул на стр. 32 текст следующей клятвы: «Мы же кляхомся ко Царю вашему, иже от бога суща, яко божье здание по закону, и по закону языка нашего, не преступити нам никому от страны нашае от уставленных глав мира и любви».

На стр. 39 он выделил следующий текст клятвы послов Игоревых грекам, в котором отражается двоеверие русских: «А елико их не крещено есть, да не имут помощи от бога, ни от Перуна; да не ущитятся щиты своими; да посечени будут мечи своими, и от стрел и от инаго оружья своего, да будут раби в сий век и в будущий».

На стр. 65 он подчеркнул текст клятвы, в которой также упоминаются языческие славянские божества: «Аз же и иже со мною под мною, да имеем клятву от бога, и в него же веруем в Перуна, и в Волоса, скотья бога».

Радищев выделил несколько мест, из которых видно, что клятвы обычно сопровождались целованием меча или креста. Например, на стр. 151: «На том целоваша крест, аще кто отселе на кого встанет, на того честный крест, и мы вси, и вся земля Русская; и целовашеся и поидоша в свояси».

Особое внимание Радищев проявил к летописным рассказам о войне. Он выделил ряд мест об ужасах войны, о том, какие невероятные страдания и бедствия причиняла война мирному населению. Так, например, на стр. 11 он подчеркнул следующий рас-

сказ об бесчеловечном обращении обрив-завоевателей со славянскими женщинами: «Сии ж Обри воеваша на Словены, и примучиша Дулебы, сущие Словены, и насилие творяху женам Дулебским. Аще поехати бяше Обрину, не даваше впрячи ни коня, ни вола; повеляше впрячи три, или четыре, или пять жен в телегу, и повести Обрина, и тако мучаху Дулебы».

На стр. 271 он выделил рассказ об осаде Торжка; «Всеволод же ехал изъездом к Торжку, и приехав, стояше около города месяц, и людие изнемогаша в граде с голода, и конину ядыху, и предашась, и взяша град, а князя Ярополка яша, и возвратися с победою в Володимир, а люди приведе Торжчане и пусти их на Торжек после».

Подчеркнул Радищев и сообщения о воинской хитрости и героизме русских людей. Так, на стр. 24 он выделил текст о том, как князь Игорь во время своего похода на греков повелел «воем своим колеса изделати и поставити на колеса корабли».

На стр. 61—62 он выделил следующий отрывок из речи князя Святослава к русским воинам, которые оказались в чрезвычайно трудном положении перед лицом греческих войск, численно превосходящих их в десять раз: «Уже нам некамо ся дети; волею и неволею стати противу, да не посраим земли Руския, но ляжем костьми ту; мертвыи бо срама не имут. Аще ли побегнем, срам имамы; и не имамы убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду».

Радищев подчеркнул на стр. 86—87 следующий рассказ о поединке русского юноши-богатыря Переяслава с печенежским воином: «Бе бо средний телом, и размеривша межи обема полкома, и ступишась и ястася, и почаствася крепко рвати, и удави Печенежина в руках до смерти, и удари им о землю, и кликнуша Печенежи, и побегоша. И Русь погнаша по них секуще, и прогнаша их, и Володимир рад бысть, и заложи град на броне том, и нарече имя ему Переяславль, зане Переяслав отроку тому имя. Володимир же великим мужем сотвори того, и отца его; по сем же взратися в Киев с победою и славою великою».

На стр. 91 Радищев выделил рассказ о том, как осажденные киевляне обманули печенегов, показав их послам опущенные в колодцы-кадки, наполненные киселем.

Радищев выбрал из летописи несколько мест, в которых говорилось о народных выступлениях, направленных против войн. В частности, он подчеркнул на стр. 157 рассказ летописца о том, как киевляне пресекли губительную для Русской земли ссору между князьями Владимиром и Святополком. Радищева, по-видимому, поразила в нем и глубокая дума о судьбе родины, о судьбе народа, мудрое отношение к жизни, взволнованный протест против княжеских междоусобий. Вот подчеркнутые им строки:

«Святополк хоте побегнути из Киева, и не даша ему Кияне побегнути, но послаша Всеволожу княгиню и митрополита Николу

к Володимиру, глаголюще: „Молимся, княже, тебе и братом твоим, не мозита погубити Руской земли; аще бо возмете рать межи собою, погании имут радоватися, и возмут землю нашу, юже бе стяжали деды ваша и отцы трудом великим и храбрством, поборающе по Руской земле; а ины земли приискиваху; вы же хочете погубити Рускую землю“».

Более тридцати мест, отмеченных Радищевым, содержат сведения об идолопоклонстве, крещении Руси, постройке церквей, церковной ереси, разных чудесах.

Ряд подчеркнутых мест сообщает о нравах и обычаях древней Руси. Многие из них Радищев включил в свою рукопись «К Российской истории».

На стр. 33 Радищев отметил легенду о смерти князя Олега, которая позднее была использована Пушкиным в «Песне о вещем Олеге».

Для начинающего писателя, учившегося мыслить по книге Гельвеция «Об уме», переход от Гельвеция к Нестору на первый взгляд может показаться необычным. Летопись Нестора — памятник русской культуры начала феодализма; книга Гельвеция — предвестник Великой французской буржуазной революции.

Обращение Радищева к Нестору было вызвано, по-видимому, большим общественным интересом к «Повести временных лет». В конце 1760-х—начале 1770-х годов имя Нестора стало известным даже во Франции и Германии, и в частности в кругах французских просветителей. В этом большую роль сыграла работа Ломоносова «Древняя российская история». В 1768 году Гартвиг Бакмейстер издал немецкий перевод этой книги.

В 1769 году «Древняя российская история» была издана на французском языке. Инициатором перевода был Гольбах. Книга пользовалась большим успехом и в течение семи лет выдержала три издания (1769, 1773, 1776). Во французской прессе этих лет неоднократно упоминалось имя Нестора.

В рецензии на первое французское издание книги Ломоносова, напечатанной в «Journal Encyclopédique» за 1769 год (т. 8, ч. III, стр. 373—385), помещено со ссылкой на Нестора описание полян, где говорится: «Поляне, согласно Нестору, самому древнему историку России, жившему в XI и XII веках, по примеру славян, их предков, были кроткими и человеколюбивыми».

Аналогичные ссылки на Нестора имеются и в другой рецензии на французское издание «Древней российской истории», напечатанное также в «Journal Encyclopédique» (1774, т. I, ч. I, стр. 20—34).

Дидро в своем отзыве на французский перевод книги Ломоносова цитирует рассказ Нестора, содержащий в себе ответ великого

князя Владимира евреям относительно превосходства христианства над их религией».²⁰

Радищев, систематически следивший за немецкими и французскими изданиями своего времени, особенно за тем, что выходило из-под пера французских просветителей, не мог не видеть, какое большое значение они придавали летописи Нестора. Но французские просветители не углубились в ее специальное изучение. Из немецких ученых серьезным изучением летописи занялся Август-Людвиг Шлецер, связавший свою судьбу с Петербургской Академией наук. Но исследование Шлецера имело главным образом текстологический характер. Шлецер, как он сам говорил, ставил перед собой задачу подготовить критическое издание летописи Нестора, «очистить его от глупейших описок, объяснить, где он темен, исправить, где ошибается».²¹

Характер работы Радищева иной. Изучая летопись Нестора, Радищев читал исторические книги и других авторов, записывал о прочитанном в тетради. Так возникли его исторические заметки. В сохранившейся рукописи Радищева содержатся выписки из журнала «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», из книги В. Н. Татищева «История российская» и других изданий.

Исторические выписки и заметки Радищева не только освещают его круг чтения в начале 1770-х годов, но свидетельствуют о широких творческих замыслах писателя. Отдельные места из летописи он затем использовал в ряде своих произведений.

Интерес Радищева к исторической тематике постепенно расширялся.

3

В августе 1782 года произошло открытие на Сенатской площади в Петербурге памятника Петру I (работы парижского скульптора Фальконе). Радищев, присутствовавший на этом открытии, быстро откликнулся на него, написав на следующий день очерк. Этот очерк в 1790 году он напечатал в виде отдельной брошюры под названием «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего».

Очерк состоит из двух частей. В первой части Радищев дает характеристику самому памятнику, во второй — излагает свое мнение о Петре I. Радищев утверждает, что в области изобразительного искусства он является малосведущим человеком и потому не может оценить художественные достоинства памятника. «Если бы ты здесь был, любезный друг, — пишет он, — если бы ты сам видел сей образ, ты зная и правила искусства, ты, упражняясь сам в искусстве, сему собратном, ты лучше бы мог судить о нем».

²⁰ Oeuvres complètes de Diderot. 1876, t. 17, pp. 495—496.

²¹ А.-Л. Шлецер. Нестор. СПб., 1809, стр. 4.

И далее: «Вот, любезный друг, слабое изображение того, что, взирая на образ Петров, я чувствую. Прости, буде я ошибаюсь в моих суждениях о искусстве, коего правила мне мало известны».

В действительности Радищев не был таким дилетантом, каким из скромности он рисует себя здесь. Его широкая эрудиция в области изобразительного искусства известна по его произведениям. Радищев систематически изучал скульптурные, живописные и графические работы итальянских, немецких, английских и французских художников, посещал Эрмитаж, хорошо знал богатое собрание картин и портретов, находившееся у А. Р. Воронцова в имении Мурино, просматривал художественные альбомы и книги, содержащие гравюры.

В трактате «О человеке...» Радищев с большим художественным проникновением говорит о надгробном памятнике маршалу Морицу (Маврикию) Саксонскому, поставленном в церкви св. Фомы в Страсбурге. Скульптор Пигальи изобразил впереди статуи Морица Смерть, раскрывающую могилу. Радищев пишет: «Не увядает ли твое сердце, когда смотришь на Маврикия, занесшего ногу во гроб?»²²

Радищев восхищался картинами итальянских живописцев Корреджо и Франческо Альбани, произведениями знаменитой художницы Анжелики Кауффман, воспетой Державиным. Из картин Франческо Альбани в Эрмитаже экспонировались «Мадонна с младенцем и ангелом», «Благовещение», «Крещение» и «Похищение Европы»; Анжелики Кауффман — «Прощание Абельяра и Элоизы», «Безумная Мария» и «Монах из Кале».²³ Наибольшее впечатление на Радищева произвели картины Анжелики Кауффман. Они были написаны на сюжеты любимых им книг Пьера Абельяра и Л. Стерна («Сентиментальное путешествие»).

Радищев писал: «Скажи, что чувствуешь, видя произведения Корреджия или Альбана, и что возбуждает в тебе кисть Ангелики Кауффман?»²⁴

В юмористической сценке, изображенной в статье «Памятник дактилохорейческому витязю», Радищев ссылается на древнегреческую скульптурную группу Лаокоон и картины английского художника Вильяма Гогарта, называя кисть последнего момической (от имени Мома, бога насмешки, сатиры у древних греков): «Прекраснейшая группа, которой ниже тени никогда ни Воверр ни Анджелини (знаменитые балетмейстеры, — Д. Б.) не могли произ-

²² А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 55.

²³ Картины Альбани «Благовещение», «Крещение» поступили в Эрмитаж в 1779 году; «Похищение Европы» — в 1769 году. Сведения о них см. в кн.: Государственный Эрмитаж. Отдел западноевропейского искусства. Каталог живописи, т. I (Л.—М., 1958, стр. 110, 51—52). Картины Анжелики Кауффман «Прощание Абельяра и Элоизы», «Безумная Мария» и «Монах из Кале» поступили в Эрмитаж в последней четверти XVIII века, до 1797 года. Сведения о них см. там же, т. II, стр. 313—314.

²⁴ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 55.

вести в прекрасных своих балетах, и столпообразный Лаокоон, гордясь своею лепотою в чертогах Ватиканских, был в сравнении сея группы дрянъ. Для дополнения сея картины, достойной мимической кисти Гогарта, явилась тут из-за угла прекрасная Лукерья с кувшином...»²⁵

Перед нами доказательство широкой осведомленности Радищева в самых разнообразных областях искусства. Поэтому не удивительно, что в описании открытия памятника Петру I он сделал попытку раскрыть прежде всего художественное содержание монумента.

Ни одна деталь не ускользнула от его внимания. Начиная от места, где стоит памятник, и камня, на котором водружена скульптура, и кончая простертой вдаль рукой Петра, он все подвергает анализу. Сначала Радищев дает описание внешнего вида памятника и только затем переходит к его истолкованию.

«Статуя, — пишет он, — представляет мощного всадника на коне борзом, стремящемся на гору крутую, коея вершины он уже достиг, раздавив змею, в пути лежащую и жалом своим быстрористание коня и всадника остановить покусившуюся. Узда простая, звериная кожа вместо седла, подругую придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадник без стремян, в полукафтанье, кушаком препоясан, облеченный багряницею, имеющ главу, лаврами венчаную, и десницу простертую».

Переходя к объяснению значения всех этих деталей, он говорит: «Позволь отгадать мне мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действие свои намерения; змея, в пути лежащая, коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов; древняя одежда, звериная кожа и весь простой убор коня и всадника суть простые и грубые нравы и просвещение, кои Петр нашел в народе, который он преобразовать вознамерился; глава, лаврами венчанная, победитель бо был прежде нежели законодатель; вид мужественный и мощный и крепость преобразователя; простертая рука покровительствующая, как ее называет Дидеро, и взор веселый суть внутреннее уверение достигшия цели, и рука простертая являет, что крепкий муж, преодолев все стремлению его противившие пороки, покров свой дает всем, чадами его называющимся».

Так, постепенно идя от деталей к общему, Радищев истолковывает представленный скульптором образ могучего преобразователя России.

Внимание Радищева к этому памятнику было приковано не случайно. Очерк связан с некоторыми мыслями, проходящими через другие произведения писателя. О Петре I он неоднократно говорит в работе, связанной с изучением «Повести временных лет», о нем же

²⁵ Там же, стр. 215.

пишет в разрозненных заметках, опубликованных в третьем томе академического издания собрания сочинений.

Радищев признал деятельность Петра прогрессивной. В этой части оценки Петра он шел за Феофаном Прокоповичем, Ломоносовым и другими писателями. Но в его очерке было высказано несколько новых мыслей, которые не утрачивают своего значения до сих пор.

В очерке Радищев коснулся вопроса об историческом значении деятельности Петра, о соотношении в ней прогресса и свободы. Как революционер, на все смотревший с учетом того, насколько обеспечивается народу свобода, он отметил, что прогрессивность Петра следует считать неполной. Петр, говорит он, «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». «И я скажу, — заключает он, — что мог бы Петр славнее быть, возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную».

Также новой была мысль о порочной сущности самодержавной власти вообще, независимо от того, кто являлся ее носителем — Петр или Екатерина: «Если имеем примеры, что цари оставляли сан свой, дабы жить в покое, что происходило не от великодушия, но от сытости своего сана, то нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сядя на престоле».

4

Первый период в творчестве Радищева завершается созданием очерка «Слово о Ломоносове». На рукописи этого произведения имеется помета Радищева: «[Начато] в 1780 году. Окончено в 1788 году».

Своим очерком Радищев продолжал уже начатую другими русскими писателями работу по созданию биографии великого ученого. Первая краткая биография Ломоносова, составленная А. П. Шуваловым, была напечатана отдельной брошюрой на французском языке в 1765 году под названием «Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof, de L'Académie des Sciences de St.-Petersbourg». Книжечка содержала, кроме биографии Ломоносова, похвальную оду ему, и перевод стихотворения «Утреннее размышление о божием величестве».

Более пространная биография Ломоносова, написанная Н. И. Новиковым, была напечатана в 1772 году в «Опыте исторического словаря о российских писателях». В 1783 году М. И. Веревкин составил новую биографию, которая была напечатана в следующем году при первом томе Полного собрания сочинений Ломоносова, изданного Академией наук.²⁶

²⁶ История создания этих биографий освещена мною (Д. Б.) в статье «Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками». («Ломоносов», сб. № 2, М.—Л., 1946).

Перечисленные биографии Ломоносова особенно ценны для нас тем, что были написаны его современниками на основании не только документов, но и рассказов лиц, близко общавшихся с великим ученым. Из всех тогдашних биографов Ломоносова Радищев был самым молодым его современником, а по идейным устремлениям, по всей духовной сущности — самым близким ему писателем. Весной 1765 года, когда весь Петербург, от сенатора до простолюдина, присутствовал на похоронах Ломоносова, Радищев находился в Петербурге в качестве воспитанника Пажеского корпуса. Ему никогда не приходилось лично встречаться с великим ученым, но рассказы о нем он несомненно слышал. После смерти Ломоносова Радищев стал часто посещать его могилу на кладбище Староневского монастыря. Недаром «Слово о Ломоносове» он начинает описанием вечерней прогулки к могильному памятнику Ломоносова: «Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство» и т. д.

Радищев всегда интересовался жизнью и творчеством Ломоносова. В «Путешествии», характеризуя состояние поэзии в России, он пишет о нем в главе «Тверь», упоминает его имя в философском трактате «О человеке. . .», написанном в далекой Сибири, в последние годы жизни он еще раз возвращается к Ломоносову в своей работе о метрике русского стиха, в «Памятнике дактилохореическому витязю».

Радищевское «Слово о Ломоносове» и по форме, и по содержанию выделяется среди всех предыдущих биографий Ломоносова. По форме это беллетризованная биография, насыщенная лирическими отступлениями, вроде таких: «Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Приди беседовати со мною о великом муже. Прииди, да соплетем венец насадителю российского слова». Иногда в ней читаем такие патетические восклицания: «Как можно быть ему, Ломоносову, посредственным?».

Радищев старается нарисовать глубоко эмоциональный, волнующий образ Ломоносова. Он не гонится за количеством фактов, а выбирает из них такие, которые кажутся ему наиболее важными и характерными. К их числу он прежде всего относит введение Ломоносовым новой формы русского стихосложения. Эту заслугу Ломоносова отмечали и другие биографы, но никто из них не дал такого глубокого, серьезного анализа, как Радищев.

А. П. Шувалов только упомянул, что Ломоносов своей одой на победу русских войск при Хотине «приобрел себе славу превосходного поэта». Немногим больше сказал об этом Н. И. Новиков, ограничившись общим заявлением о том, что Ломоносов в знании российского языка, стихотворства и красноречия «почитался в свое время в числе первых». Я. Я. Штелин, восхищаясь смелыми, величественными образами оды Ломоносова, счел ее лишь подражанием в размере, а в некоторых строфах даже и в содержании, оде немецкого поэта Гюнтера «Eugen ist mort».

Что касается Веревкина, то он не был твердо уверен в том, кто же ввел новый размер в русское стихосложение: Ломоносов или Сумароков?

Вопрос о реформе русского стихосложения рассматривался также в ряде общих литературно-критических статей А. П. Шуваловым, М. М. Херасковым, С. Г. Домашневым и др., но очень кратко. Так, например, А. П. Шувалов в своей статье о русской поэзии, напечатанной в пятом томе французского журнала «L'Appée Littéraire» за 1760 год, назвал Ломоносова «отцом нашей поэзии», поставив, впрочем, рядом с ним Сумарокова.²⁷

Херасков в своей статье «Рассуждение о российском стихотворстве» (1772), предназначенной для французских читателей, писал об оде Ломоносова на взятие Хотина следующее: «Сие творение... оказало великое сего сочинителя дарование и обучило россиян правилам истинного стихотворения. Оно написано ямбическими стихами в четыре стопы; сменение стихов и мера лирических строф тут точно соблюдены, и к чести сего славного пиита признать должно, что сие первое творение есть из числа лучших его од».²⁸

Статью профессионального поэта Хераскова, конечно, нельзя сравнить с дилетантским опытом Шувалова, но, признавая за Ломоносовым первенство в реформе русского стихосложения, Херасков, как и Шувалов, не идет дальше констатации этого факта, не делает никаких попыток объяснить, как и почему удалось Ломоносову совершить переворот в русском стихосложении.

Первую попытку такого объяснения сделал Радищев. Рассказывая о жизненном пути Ломоносова, он старался показать, каким образом этот великий человек, которого называют отцом русской поэзии, сумел проникнуть в тайны русского слова и заставил звучать его так легко и свободно.

Раскрытие Радищевым творческой истории оды на взятие Хотина и метода работы Ломоносова над первыми стихами изумительно по своей правдивости. Оно подтверждается черновыми тетрадами самого Ломоносова.²⁹ Однако никаких указаний на источники, которыми Радищев пользовался, работая над «Словом о Ломоносове», нигде нет. Его намерение нарисовать образ Ломоносова средствами художественной прозы исключало введение в текст документальных материалов, так как они нарушили бы общую эмоциональную ткань произведения. Очевидно, по той же причине Радищев не приводит в статье ни года рождения, ни года смерти, и других дат жизни и творчества Ломоносова. Но из

²⁷ См.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936, стр. 262—265 и др.; см. также его статью в сборнике «XVIII век», под ред. акад. А. С. Орлова (М.—Л., 1935, стр. 357, 362).

²⁸ П. Н. Берков. Неизвестная статья М. М. Хераскова. Литературное наследство, № 9—10, М., 1933, стр. 292—293.

²⁹ См.: Е. Я. Данько. Из неизданных материалов о Ломоносове. В сб.: XVIII век, № 2, 1940.

общего контекста видно, что факты Радищев брал в основном из опубликованных биографий Ломоносова. По сравнению с ними никаких новых сведений о жизни Ломоносова он не дает. Не использует полностью Радищев и тех сведений, которые были уже опубликованы. Да это и не входило в его задачу: основная цель Радищева заключалась в том, чтобы раскрыть те явления русской общественной жизни, которые произошли в результате деятельности Ломоносова.

Два из них он считает главными. Первое заключается в коренной реформе всей литературы, произведенной Ломоносовым. По мнению Радищева, начало этой реформе Ломоносов положил одой на взятие Хотина, а завершил ее своей грамматикой, в которой, «не довольствуясь преподавать правила российского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще, яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей... Предпослав таковое философическое рассуждение о слове вообще, на самом естестве телесного нашего сложения основанном, Ломоносов преподает правила российского слова».

Все ценное, что в дальнейшем появилось в русской литературе, было обязано первому толчку Ломоносова. «Первый мах в творении всесилен был, — заключает эту мысль Радищев, — вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия».

Другую заслугу Ломоносова Радищев видел в том, что он научил русских людей широкому государственному мышлению.

Вторая половина XVIII в. характеризуется глубокими революционными потрясениями, острой борьбой восходящего класса буржуазии с феодализмом. В этот период многие свободолюбивые люди, подавленные самодержавной властью, выступали не только против самодержавия, но и против государственного начала жизни людей в целом. Так зарождался крайний индивидуализм, стремление личности обособиться от общества, вернуться к «естественному состоянию».

Этот индивидуализм отразился в ряде произведений Ж.-Ж. Руссо. Его теория естественного человека имела своих последователей и в России. Радищев в одном из своих ранних набросков «Путешествия из Петербурга в Москву» нарисовал образ такого индивидуалиста-бунтовщика Ч. Некоторые современники полагали, что под Ч. он подразумевал своего университетского приятеля Петра Ивановича Челищева, который после окончания университета отказался поступить на государственную службу.

Бунт личности, подобной Ч., Радищев осудил, ибо он нес лишь голое отрицание существовавшего тогда социального порядка, не давая ничего взамен. Категория людей, подобных Ч., не имела никакого общественного идеала.

Положительного героя Радищев увидел в народной среде. Это был Ломоносов. Если для эгоистической личности, нашедшей свое яркое отражение в философии Руссо, характерной чертой было

стремление обособиться от общества или построить свою частную жизнь в нем на договоре, то Ломоносов стремился безоговорочно посвятить всю жизнь и деятельность культурному развитию своей страны.

Ломоносов произвел крутой поворот в русской общественной мысли, направив ее в сторону государственных, общенациональных интересов. Свой взгляд на роль писателя он выразил во вступлении к «Древней российской истории»: «Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила. Мрамор и металл, коими вид и дела великих людей изображенные всенародно возвышаются, стоят на одном месте неподвижно и ветхостию разрушаются. История, повсюду распростираясь и обращаясь в руках человеческого рода, стихии строгость и грызение древности презирает».

Радищев полностью воспринял взгляд Ломоносова на литературу и, в частности, на труд писателя. В начале «Слова о Ломоносове» он почти буквально повторяет приведенное высказывание Ломоносова: «Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и во веки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за неозримый горизонт столетий».

Многие годы Радищев непрерывно изучал творчество Ломоносова. Судя по помете на рукописи, над «Словом о Ломоносове» он работал с перерывами около восьми лет. Его интересовали не только произведения Ломоносова, но и его характер. Стремление крестьянского юноши к наукам Радищев объясняет сильно развитым любопытством. Любопытство и сильная настойчивость в преодолении трудностей — вот главные черты, которые Радищев подчеркивает в характере Ломоносова.

О характере Ломоносова писал еще Н. И. Новиков в «Словаре российских писателей». «Сколь отменна была его охота к наукам и ко всему человечеству полезным знаниям, — отмечал Новиков, — столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета. Стремление преодолевать все случавшиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом. Бодрость и твердость его духа сказывались во всех его предприятиях... Предприимчивость, сколь часто бывает в других пороком, столь многократно ему приобрела похвалу».

Сильный, волевой характер Ломоносова отмечали не только его почитатели, но и его враги, как например Август-Людвиг Шлецер. Бессильные вступить с Ломоносовым в открытую борьбу, они пытались обвинить его в грубости и резкости. Немало было пущено разного рода сплетен о грубом характере Ломоносова.

Радищев, отмечая их, с большим пафосом рисует нам образ Ломоносова: «Человек, рожденный с нежными чувствами, — пишет он, — одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, исторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным?».

Сравнение поля деятельности Ломоносова с «лобным местом» не случайно. Оно характеризует, с одной стороны, те невероятные препятствия, которые Ломоносову приходилось встречать на своем пути, а с другой — широкий общественный характер деятельности Ломоносова.

До Радищева о Ломоносове писали люди разных сословий и положений, и большинство из них подчеркивало именно этот общественный характер его деятельности. Крупный государственный деятель М. И. Воронцов, поставивший мраморный памятник на могиле Ломоносова, написал на памятнике: «Воздвиг сию гробницу граф Михайло Воронцов, славя Отечество с таким гражданином и горестно соболезнуя о его кончине». Общественный характер деятельности Ломоносова подчеркивали также и иностранцы. Лучше всех из них сказал об этом французский историк Леклерк: «Общество пользовалось его, Ломоносова, знаниями; ваши летописи воспользуются его славою: его будут чтить повсюду, где будут люди просвещенные».

Радищев, как бы суммируя все эти высказывания, пишет: «Пусть другие раболепствуют власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу».

В оценке отдельных работ Ломоносова, особенно по физике и химии, Радищев ошибался, но не эти ошибки главное в «Слове о Ломоносове».

Для Радищева Ломоносов был не только исключительной личностью, но ярким выразителем характера русского народа; позднее, в ссылке, работая над «Сокращенным повествованием о приобретении Сибири», Радищев отметил в русском народном характере те же черты, что были свойственны и Ломоносову, — «твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении... предпринятого», направленные на общее благо своего отечества.

В годы работы над «Словом о Ломоносове» Радищев писал «Путешествие из Петербурга в Москву». При этом следует отметить весьма характерную подробность. «Путешествие» закончено, рукопись с визой цензора принесена домой. И уже в готовой к печати рукописи Радищев делает поправки. В первоначальной редакции книга заканчивалась мрачной, трагической картиной. Путешественник, от лица которого ведется повествование, встретил в роще недалеко от Москвы стонущего от неудачного ранения самоубийцу. Он спешит оказать ему помощь, но тот категорически от нее отказывается. «На что жизнь тому, кому она стала в тя-

гость? — говорит он. — На что она, коли нет в ней более приятностей?».

Человек с расслабленной волей, зараженный глубоким пессимизмом, отказывается от жизни: «С проворством несказанным, вложив пистолет в рот, спустил взведенный курок и приник к земле, не произнося ни малейшего стога».

В окончательной редакции «Путешествия» Радищев отбросил эту мрачную концовку. В качестве заключительной главы он напечатал «Слово о Ломоносове». Светлый, жизнеутверждающий образ Ломоносова был противопоставлен людям, павшим духом, и всей веренице низких существ — от чиновника до вельможи, гневно изобличенных Радищевым в «Путешествии».

Однако Радищев одновременно отметил и известную классовую ограниченность Ломоносова: «Не завидую тебе, что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным не токмо похвалы, стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания; ты льстил похвалою в стихах Елизавете».

Радищев дал Ломоносову как писателю высокую оценку: «В стезе российской словесности — Ломоносов есть первый». Всех русских писателей второй половины XVIII века, в том числе и себя, он считает воспитанниками ломоносовской школы.

5

Второй период творческого развития Радищева — 80-е годы — был наиболее плодотворным. Именно в эти годы Радищев поднялся до обобщения опыта освободительной борьбы, создал лучшие свои художественные произведения — «Путешествие из Петербурга в Москву» и оду «Вольность».

Диапазон литературной и общественной деятельности Радищева в 80-е годы был необычайно широким. При содействии А. Р. Воронцова он становится членом Комиссии о коммерции, которая играла в экономической жизни страны большую роль. Согласно инструкции, составленной в 1760 году, эта комиссия предлагала «старание о размножении внутри России фабрик, мануфактур и заводов; о расширении внешней торговли, об учреждении торгового флота, о составлении выгодных для России коммерческих трактатов, об искоренении злоупотреблений по торговле и вообще об изыскании новых путей к умножению благосостояния государства».

Радищевым был написан для Комиссии о коммерции ряд весьма важных государственных проектов, несколько отзывов на доклады генерал-губернаторов по вопросам торговли. В начале 80-х годов он написал «Проект нового генерального таможенного тарифа». В 1789 году в связи с падением курса российских денег, вызванным русско-турецкой войной, Радищев разработал проект о вре-

менном запрещении привоза в Россию иностранных товаров, особенно предметов роскоши.

Участие Радищева в работах Комиссии о коммерции имеет важное значение для понимания его литературного творчества. Участвуя в работах этой комиссии, он приобрел глубокие знания в области экономической жизни России; ему стали ясны те узловые проблемы экономики и финансов, от решения которых зависело благосостояние народа.

В 80-е годы Радищев составил обстоятельную «Записку о податях Петербургской губернии» и начал «Описание Петербургской губернии». Анализируя хозяйственную жизнь сельского населения этого края, он стремился показать, что она мало чем отличается от жизни земледельцев других областей России. «Подати народные С.-Петербургской губернии суть единообразны податям других губерний как в их сущности, так и в образе взимания».³⁰

Стремление «назначить средства пособить доброму и отвратить злое» определило характер этих работ Радищева. Сугубо экономические проблемы, которым посвящены эти труды, он связал с вопросами народознания, морали и искусства. В частности, в «Записке о податях...» он писал: «Оклад крестьянина есть прихоть помещика, а мера оного его корыстолюбие и бескорыстность. О сих скажем только то, что с умножением роскоши, с познанием правил и выгод земледелия, с тех пор, как помещики не столько окладывают оброком, а заставляют пахать на свой щет, жеребий их становится тягостнее».³¹

В это же время Радищев собирал материалы для создания юридического трактата, в котором он собирался писать «сперва о предметах [законов], потом о существе и совершенстве, о издате, а наконец, и о исполнении законов».³² О своем замысле он писал: «Истина и блаженство ближнего будут при оном наша единственная цель. Ни несчастная склонность, родившаяся в наши поврежденные времена, к странным и страстям угрождающим мнениям, ни опасное желание показать тщеславной и соблазняющей разум не удаляет нас от оныя. Мы никогда не забудем, что единая добродетель заслуживает наше почтение...».³³

Радищев работал над трактатом с 1782 по 1790 год — одновременно с созданием «Путешествия». Ему приходилось постоянно обращаться за всякого рода историческими и юридическими материалами в архив Сената и в различные коллегии, широко пользоваться как русскими, так и иностранными источниками. В трактате он ссылается на знаменитый кодекс Юстиниана (Codex Justinianus, 529 г.), на книгу английского законоведа Блекстона «Истолкование

³⁰ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, 1952, стр. 97.

³¹ Там же, стр. 118.

³² Там же, стр. 5.

³³ Там же.

английских законов» (Commentaries of the laws of England, 1765—1768) и др. Арест и ссылка в Сибирь не позволили Радищеву осуществить свой замысел. Сохранилась незаконченная рукопись под заглавием «Опыт о законодательстве» и обширные материалы (более 500 листов), собранные для этой работы.

Перед тем как приступить к художественной прозе, Радищев проделал большое историческое, экономическое и социологическое исследование России. Поэтому его «Путешествие» поражает глубиной и великолепным знанием своей страны.

Путь, по которому развивалось со студенческих лет познание мира Радищевым, хорошо освещен в «Житии Федора Васильевича Ушакова». Это повесть о молодом человеке, ставшем на путь исканий смысла жизни, социальной справедливости. К ней Радищев приложил три работы преждевременно скончавшегося своего друга и наставника Федора Ушакова — «О праве наказания и о смертной казни», «О любви» и письма о книге Гельвеция «О разуме».

Повесть Радищева замечательна как образец демократической философской мысли конца XVIII века и как художественное произведение, открывающее русскую реалистическую прозу. В повести реалистические детали в описании людей и обстановки сочетаются с точностью передачи психологии героев.

Художественную прозу Радищева 80-х годов составляют три произведения: «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Дневник одной недели»³⁴ и «Путешествие из Петербурга в Москву». Сюда же можно отнести и неоконченный отрывок о Филарете Милостивом, написанный в Петропавловской крепости летом 1790 года. Каждый раз Радищев искал наибольшего соответствия между содержанием и формой произведения. Форма для него не просто эстетическая необходимость, а нечто органическое, единое с идейным замыслом.

Совершенно в ином стиле, чем повесть об Ушакове, написан «Дневник одной недели». Это — страстный лирический монолог человека, почувствовавшего себя в глубоком моральном одиночестве среди окружавшего его мира. В «Дневнике» нет событий, нет лиц, кроме самого автора, охваченного жгучей тревогой, не знающего ни минуты покоя и нигде не находящего себе места. Его тревожное состояние подчеркивается всем строем речи: динамичными фразами, обилием восклицательных и вопросительных знаков.

«Дневник одной недели» до сих пор является для исследователей загадкой. Некоторые отделяют его от других произведений писателя, считая, что «Дневник» отличается «отсутствием политической темы», столь характерной для творчества Радищева.

³⁴ Данные о датировке «Дневника одной недели», позволяющие отнести его к 80-м годам, приведены ниже, в главе IV.

На этом основании его относят к числу ранних произведений писателя, написанных «до идейного перелома, происшедшего под влиянием пугачевского восстания».³⁵ Для такого утверждения, мне кажется, нет оснований. Произведение это наполнено глубоким философским смыслом. В нем есть определенная политическая тема, но выражена она не прямо, а в скрытой форме. Уже самый факт морального одиночества, ярко нарисованный в «Дневнике», заставляет задуматься над тем, какие социально-общественные причины породили такое настроение. Радищев придал моральному одиночеству новый смысл, который заключался в революционном протесте против самодержавно-крепостнического общества.

О моральном одиночестве, которое может издать прогрессивно настроенного человека, Радищев писал и в повести об Ушакове: «Ты поместишься в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почтяться могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души и самую мерзость. Возненавиден будешь ими; поженут тебя, да оставишь ристание им свободно».

6

Центральное место в творчестве Радищева занимает книга «Путешествие из Петербурга в Москву». В ней наиболее ярко развернулось его художественное дарование. Все, что им написано раньше, было лишь подступом к этой великой книге, составившей целую эпоху в русской литературе.

В жанровом отношении это весьма своеобразное произведение. Оно не похоже ни на роман, ни на повесть. В «Путешествии» объединены различные жанры: короткие новеллы, фольклорные сказы, историческая хроника, публицистический очерк и т. п. В главу «Спасская полость» включена сказка о государевом наместнике и сон о правителе государства; в главу «Новгород» — отрывок из новгородской летописи; в главу «Хотиллов» — проект об уничтожении придворных чинов; в главу «Торжок» — «Краткое повествование о происхождении цензуры»; в главу «Тверь» — ода «Вольность»; в последнюю главу — биографический очерк «Слово о Ломоносове».

По охвату явлений и событий, исторической широте взгляда на мир «Путешествие» можно поставить в какой-то мере в один ряд с летописью Нестора, которую Радищев тщательно изучал в середине 1770-х годов.

В «Путешествии», как и в летописи Нестора, объектом изображения является не просто человек и его личная судьба, а обще-

³⁵ См. комментарии Г. П. Макогоненко в кн.: А. Н. Радищев, Избранные сочинения, М.—Л., 1949, стр. 764.

ственная жизнь государства в целом — его люди, политика, классовая борьба, литература, искусство. Подобно тому как летопись Нестора отражает жизнь Киевской Руси, книга Радищева отражает целую эпоху жизни русского народа в конце XVIII века.

В литературе не раз возникал вопрос, к какому жанру повествовательной прозы следует отнести эту книгу? Исходя из представлений, сложившихся к 30-м годам XIX века, Пушкин не находил в книге Радищева сюжетного единства. «Радищев написал несколько отрывков, — писал он, — дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка».³⁶

Некоторые исследователи (М. И. Сухомлинов, Алексей Веселовский, Н. П. Павлов-Сильванский и др.) сближали «Путешествие» Радищева с «Сентиментальным путешествием» Стерна. «Внешнюю форму сочинения: наблюдения и размышления во время путешествия он заимствовал из „Сентиментального путешествия“ Стерна», — писал Н. П. Сильванский.³⁷

В. П. Семенников, опираясь частично на показания самого Радищева, также считал, что «литературную форму» для «Путешествия» «дало прочитанное Радищевым „Сентиментальное путешествие“ Стерна».³⁸

Действительно, Радищев в своих показаниях от 15 июля 1790 года упоминает Стерна, называя его Йориком. Но из того же показания видно, что с «Сентиментальным путешествием» он познакомился не ранее 1785 года, т. е. тогда, когда у него уже было написано несколько глав для будущей книги. «В следующие годы, — говорил он, — читая Гердера, я начал писать о цензуре, начал повесть Систербецкую, но все не было закончено. А как случилось мне читать перевод немецкой Йорикова путешествия, то и мне на мысль пришло ему последовать».³⁹

Чтение книги Стерна не привело Радищева к изменению жанрового принципа, который лег в основу уже написанных глав «Путешествия из Петербурга в Москву». Оно лишь убедило Радищева в правильности уже избранного им жанра и вооружило некоторыми приемами литературного мастерства, в частности приемом психологического анализа. Из сравнения «Сентиментального путешествия» с «Путешествием» Радищева видно, что книга Стерна не оказала большого влияния на «Путешествие из Петербурга в Москву». Стерн, занятый исключительно эстетическим

³⁶ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII, стр. 271.

³⁷ Н. П. Сильванский. Жизнь Радищева. Вступительная статья к книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. СПб., 1905, стр. XXVI.

³⁸ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923, стр. 320.

³⁹ Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 189.

переживанием впечатлений, которые получил на своем пути, был далек от изображения общественной жизни народа в таких масштабах, как это сделал Радищев.

«Путешествие из Петербурга в Москву» не только крупное эстетическое, литературное событие; оно представляет собой как бы часть самой действительности того времени, чего нельзя сказать о книге Стерна. Одной из причин колоссального успеха книги Радищева являлось то, что она была посвящена злободневным проблемам. В книге содержится множество ценнейших наблюдений писателя, ярких зарисовок современников, многие из которых, как в зеркале, узнавали себя.

В главах «Любани», «Зайцево», «Вышний Волочок», «Медное», «Городня», «Пешки» и «Черная грязь» писатель с разных сторон обличает крепостничество, правдиво показывает ужас крепостного труда, продажу крепостных с публичного торга, продажу крестьян в рекруты и т. п.

Радищев показал в книге глубокое знание жизни и быта крепостного крестьянства. В главе «Городня» впервые в русской литературе он нарисовал волнующий образ крепостного интеллигента, униженного и оскорбленного помещиком.

Обнажая язвы самодержавно-помещичьего строя, писатель одновременно показал, какие высокие моральные качества заключены в русском народе. Изображению людей из народа посвящены главы «Едрово», «Любани», «Слово о Ломоносове».

Столь широкий охват жизни — от крепостного крестьянина, помещика и царя до гениального русского ученого — делает эту книгу документом целой эпохи.

В «Путешествии», так же как и в других произведениях, Радищев не стремится к стилистическому единству. Стиль его меняется в зависимости от объекта изображения. При описании народного разорения и непомерного страдания крепостных речь Радищева полна гневными возгласами: «Звери алчные; пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем: то, чего отнять не можем, воздух» (глава «Пешки»). Когда речи нужно придать эмоционально напряженный, патетический оттенок, писатель прибегает к церковно книжным оборотам.

Описание уже знакомых читателю предметов и явлений действительности Радищев соединил с элементами, принадлежащими исключительно внутреннему миру самого писателя. Это легло в основу композиции «Путешествия». Все те картины, в которых изображается жизнь крепостных людей, почерпнуты писателем из жизни. Мы не располагаем записными книжками и черновыми набросками Радищева, которые свидетельствовали бы о том, как он работал над «Путешествием», хотя знаем, что такие наброски он делал.

При изучении «Путешествия» нельзя пройти мимо исторических документов тех лет, в частности следственных актов о жесто-

ком обращении помещиков с крепостными крестьянами, о надругательствах над честью крепостных женщин и т. п. Дикий помещичий произвол встречался в самых различных формах. В архивах 5-го департамента Сената сохранилось много уголовных дел о зверствах помещиков, которые даже для того времени представлялись ужасными. Обложки этих дел пестрят такими заглавиями: такой-то помещик (помещица) «обвиняется в засечении дворовой девки», «засечении батогами крестьянина», «избиении плетью дворовых людей», «жестоком обращении с своими людьми», «удавлении крестьянина», «бесчеловечном истязании крестьянки» и т. п. Стоит только раскрыть любое из этих дел, и перед нами встает трагическая судьба замученных ни в чем не повинных людей.

Вот «Дело о прапорщике Андрее Калугине и жене его Екатерине Григорьевой, обвиняемых в засечении дворовой девки». Дело это поступило в Сенат от симбирского и уфимского генерал-губернатора Вязмитинова 13 декабря 1795 г. В нем имеются медицинское заключение, свидетельские показания и другие документы, свидетельствующие о том, что помещик Калугин и его жена в течение многих лет крайне бесчеловечно обращались с дворовой девушкой Маланьей Васильевой. В рапорте Вязмитинова Сенату сказано:

20 февраля 1794 года, г. Белебей. Протопоп Степанов донес, что по его сведениям у помещика Калугина умерла скоропостижной смертью без исповеди и причастия дворовая девка Маланья Васильева. При освидетельствовании мертвого тела белебеевским городничим оказалось:

Спина на ней вся, начиная от шеи и поясицы, и обе руки с самых плеч до кистей, а у ног бедра, лядвины, икры и до самых плюсен избиты так, что во многих местах и раны; на левой же ноге под коленком в четырех местах будто бы чем изрезано и часть от костей тела в одном месте отделилась; также и на лице, начиная с левой стороны от скулы до шеи, боевой знак, а на ухе багровое пятно.⁴⁰

Ряд дел свидетельствует о многочисленных насилиях помещиков над крепостными девушками и женщинами. Огромное дело (на 115 листах) по обвинению помещиков Дмитрия и Николая Бахметьевых в «насилованном блуде с крепостными их девками» поступило в Сенат в конце 1799 года от вологодского губернатора Ф. К. Нордмана. В течение одиннадцати лет братья Бахметьевы занимались развратом в своих деревнях. Вологодская палата суда и расправы в своем донесении Нордману от 28 октября 1799 г. сообщила:

Тех Бахметьевых одновотчинные крестьяне утвердили, что подлинно жены и дочери девки их к тем Бахметьевым были по приказаниям их самими или их десятскими, а более к Дмитрию, для прелюбодеяния вожены, и что подлинно те Бахметьевые с теми девками и женками насильно растление и прелюбодеяние чинили, онос сами как девки, так и женки показали. . .⁴¹

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1345, оп. 98, № 12, лл. 1—2.

⁴¹ Там же, № 641.

Радищев, создавая в «Путешествии» галерею образов жестоких и развратных помещиков, писал их с живых Калугиных и Бахметьевых. В ряде мест он сам отмечает документальный характер повествования. Так, например, в главе «Едрово», рассказывая о помещике, которого крестьяне везли на казнь к Пугачеву, он пишет: «В бывшее Пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия не лжива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин добрый и человеколюбивый, но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначал. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших».

Время, в которое протекала литературная деятельность Радищева, характеризуется разорением мелкопоместных дворян и началом перехода крупных помещичьих хозяйств на капиталистический способ товарного производства. Разорившиеся мелкие помещики входили в неоплатные долги, которые сопровождался обычно описанием имения и продажей его вместе с крепостными крестьянами с публичного торга. Объявления о продаже людей печатались в Московских и Санкт-Петербургских ведомостях.

Так, например, в «Московских ведомостях» за 2 января 1775 года было сказано, что продается с публичного торга «описанное имение артиллерии подпоручика Измаила Чистого за вексельные разных людей иски», в котором «мужеска пола 20, женска 13 душ... Желающим купить с публичного торга следует явиться в учрежденный при Московском магистрате аукцион».

Помещики продавали крестьян наравне с каретами, мебелью, домашними животными, лесом и пахотными угодьями. Иногда, перед тем как продать крепостного, его учили какому-либо ремеслу, отчего цена его повышалась. В номере за 12 июня 1775 года читаем: «Крепостного дворового человека, выученного убирать мужские и женские волосы, желающим купить о цене спросить могут за Арбатскими воротами в... доме Николая Егоровича Николаева у живущего в том доме Льва Колокольцева».

Помещики продавали крепостных как целыми деревнями, так и поодиночке. В «Прибавлениях к Московским ведомостям» за 3 января 1777 года было помещено следующее объявление: «Вдовы Надежды Дмитриевой дочери Норовой желающим купить на вывоз 30, а на месте 60 душ, состоящих в Михайловском уезде, в сельце Суховке, в коем господский двор с садом, в нем 230 плодовых деревьев, некоторое количество рогатого скота, земли 70 четвертей в поле. О цене договориться в Алексеевском монастыре, что у Пречистенских ворот, с самою вдовою Норовою».

Дети разлучались с родителями, жены с мужьями. Проданные в разные уезды и губернии, они уже никогда больше не могли встретиться друг с другом.

Иногда сведения о продаже крестьян и лошадей публиковались в одном объявлении. В «Прибавлениях к Московским ведомостям» за 10 февраля 1777 года сообщается о том, что лейб-гвардии капитан-поручик А. П. Скорняков-Писарев продает «в Ярославском уезде, в деревнях Гатиловой и Анфиловой по последней ревизии мужеска пола 24 души, да двух немецких вороных 4-летних жеребцов». В «Московских ведомостях» подобные объявления печатались из года в год, из номера в номер.

Радищев имел перед глазами не только подобного рода объявления, но и наблюдал на аукционах, как происходили торги беззащитными людьми. Так, например, приступая в главе «Медное» к описанию продажи с публичного торга крепостной семьи, он подчеркивает документальный характер этого изображения.

«О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне, или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемляется. — Публикуется: „Сего... дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под но... и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желаящие могут осмотреть заблаговременно“».

Работа по собиранию и отбору материала органически входит в творческий путь Радищева. Такой метод работы с фактическим материалом требовал совершенного знания страны, а чтобы приобрести это знание, нужно было трудиться целую жизнь.

В «Путешествии» звучит голос представителей многих тогдашних сословий. Это отразилось и на композиции книги. В некоторых главах имеется по несколько маленьких новелл или историй, рассказанных разными людьми. В главе «Тосна» в качестве рассказчика выступает старый стряпчий, бывший регистратор при разрядном архиве; в главе «Любани» — крепостной земледелец; в «Чудове» — петербургский интеллигент Ч., возмущенный бюрократическими порядками в столице и ее пригородах; в «Спасской полести» — присяжный с женою, бывший купец, убегающий от преследования несправедливого суда; в «Подберезье» — председатель Уголовной палаты, уволенный со службы за то, что оправдал убийство крестьянами жестокого помещика; в «Крестцах» — седовласый отец, дающий сыновьям мудрые наставления;

в «Едрове» — крестьянская девушка Анюта; в «Хотилове» — интеллигент, составивший проект об уничтожении крепостного права; в «Городне» — крепостной интеллигент; в «Клину» — бывший воин, слепой певец, и т. д.

Каждый из рассказчиков вносит в книгу свой колорит, свои мысли, эмоции, выражает мнение той или иной общественной группы.

Радищев не ограничивал свою задачу тем, чтобы правдиво воспроизвести действительность. Хотя в книге нарисована ужасная картина народной жизни, всякий, кто прочитает ее, чувствует прилив бодрости, одушевляется на борьбу за лучшую жизнь. Радищев не остается нейтральным в борьбе, о которой повествует, и не позволяет оставаться нейтральным читателю. Потому эта книга, как произведение великого искусства, не стареет.

К художественным произведениям Радищева 80-х годов относятся и повесть о Филарете (в некоторых изданиях печатается без заглавия). Повесть эта осталась незаконченной. Она была начата в Петропавловской крепости, когда Радищев ежечасно ожидал свершенья над ним смертной казни. В повести о Филарете Радищев, по-видимому, хотел изобразить переживания человека, приговоренного к смертной казни.

В 80-е годы Радищев проявил себя и как незаурядный поэт и публицист. Из его стихов этого периода сохранилось немного: «Эпитафия», посвященная первой его жене Анне Васильевне, умершей в 1783 году, и ода «Вольность».

Из публицистики нам известна только статья «Беседа о том, что есть сын отечества», хотя можно предполагать, что таких статей Радищевым было написано больше.

7

Третий период творчества Радищева начинается в сибирской ссылке и длится до начала 1801 года — до возвращения в Петербург. В годы ссылки Радищев не прекращал заниматься литературным трудом. Уходя в высокие сферы философской и эстетической мысли, он в то же время продолжал изучать жизнь народа. В этом плане большой интерес представляют его дневники. По дороге в Сибирь, начиная от Казани, Радищев систематически ведет путевые записки, пристально всматривается в окружающую действительность, записывает виденное. Он продолжает свои записки и на обратном пути из Сибири.

Путевые дневники впервые были опубликованы В. В. Каллашем в 1906 году,⁴² но до сих пор еще недостаточно учитываются

⁴² Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1906, кн. 4.

при изучении творчества Радищева. Такая недооценка их не может быть оправдана.

В путевых записках Радищева виден его прежний творческий метод документального отображения действительности. П. С. Богословский, производивший анализ записок, пришел к следующему выводу: «На основании этого анализа имеем право говорить о тонкой и широкой наблюдательности автора, об его стремлении к точности, об его трезвом ясном уме (критическое отношение), об его анализирующей способности при определенной в то же время склонности к синтезу. При всем этом мы должны признать в нем художника, способного из метко сделанных наблюдений единичных явлений создавать типичные, живо чувствующего красоту в природе, хотя и располагающего для описания старым, тяжелым арсеналом стилистических приемов и находящегося в цепком плену славящины».⁴³

После П. С. Богословского, который впервые обратил внимание на большое историко-литературное значение путевых записок Радищева, их изучение продолжали П. П. Померанцев,⁴⁴ М. П. Алексеев,⁴⁵ А. И. Андреев.⁴⁶ В их работах записки анализировались главным образом с географической и текстологической стороны. Путевые записки Радищева были опубликованы по не исправной копии, содержащей явные описки, искажения и пропуски отдельных слов, и заслугой названных исследователей является то, что они во многом очистили текст записок от искажений и расширили возможности всестороннего его изучения.

Путевые записки Радищева охватывают весьма широкий мир наблюдений. В них содержатся ценные данные по географии, истории и экономике Урала и Сибири. Но самым главным предметом внимания Радищева является народ, его труд, его положение. Радищев присматривается к жизни не только русских людей, но и других народов. Его интересует, как живут татары, чуваша, удмурты и другие малые национальности. Он делает сравнительный анализ их быта и нравов.

Во время коротких остановок на почтовых станциях Радищев успевал пройти по улице деревни, внимательно осмотреть крестьянские избы, побеседовать с местными жителями о их жизни. После такого осмотра села на реке Вятке он отметил: «Мужики бедные, избы худые».

⁴³ П. С. Богословский. Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. Пермский краеведческий сборник, вып. 1. Пермь, 1924, стр. 11.

⁴⁴ П. П. Померанцев. Примечания к «Запискам путешествия в Сибирь» и «Дневнику путешествия из Сибири». В кн.: А. Н. Радищев, Избранные сочинения. ГИХЛ, М.—Л., 1949, стр. 824—830.

⁴⁵ М. П. Алексеев. К тексту «Записок путешествия в Сибирь». В сб.: Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 277—281.

⁴⁶ А. И. Андреев. Дневники. Подготовка текста и примечания. В кн.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III.

Говоря о сибирских поселенцах, он пишет: «Посельщики много бедны. За недоимки отдают их в работу на винный завод, где работают и каторжные».

Присматриваясь в Сибири к людям разного общественного положения, Радищев видит на всем печать того же самодержавно-бюрократического насилия, которое он разоблачал в своем «Путешествии». В путевых записках он неоднократно отмечает грубость сибирских исправников. «Исправник — грубиян, — пишет он в Каинске. — Почти везде они славятся взятками». В Аевской слободе, отмечает Радищев, исправник заставил крестьян внести в казну 20 тысяч пудов хлеба, взамен растраченного им.

Говоря о трудолюбии сибирских крестьян, о стремлении их выбиться из тяжелой нужды, Радищев в то же время отмечает, что над ними всегда висит «разорительная рука» начальства. «Если разорительная рука начальства частного, — пишет он, — не прострет свое опустошение, если равняющаяся огню для сельского жителя приписка к заводам не распространится на барабинских жителей, то благосостояние их будет лучше и лучше».

За недоимки, за отказ от принудительной работы на заводах местное начальство подвергало уральских и сибирских крестьян разного рода наказаниям вплоть до варварского наказания раскаленным железом. В Кунгуре Радищев осмотрел воеводскую канцелярию, при которой хранились всевозможные орудия пыток. «Старая воеводская канцелярия, — записал он, — в середине большая комната со столами и скамьями для писцов, в середине два столба, у одного цепь, в прихожей отгородка решетчатая, осланистая (т. е. темная, — Д. Б.) для сажания колодников». Рядом в сарае, отмечает он, «хранятся и орудия казни: топор, крюк, которым за ребра вешали, утюг, то есть кривое железо с ручкою, шириною в $2\frac{1}{2}$ пальца, наподобие серпа, железы, или клеймы малые».

Несколько раз Радищев упоминает о так называемых колодниках, состоявших главным образом из крепостных крестьян, сосланных в Сибирь за какие-либо провинности или за восстания против помещиков. Их гнали тогда партию за партией в каторжные работы.

За короткими путевыми записями Радищева скрываются характерные для самодержавно-крепостнической России явления и глубокие жизненные противоречия. В качестве примера мы попытаемся раскрыть здесь одну такую запись.

Во время более чем семимесячного пребывания в Тобольске Радищев хорошо ознакомился с жизнью местного населения, достопримечательностями самого города и пр. В короткой записи о пребывании в Тобольске, перечисляя то, где он был и кого видел, Радищев пишет: «Торг. Гулянье с карманьяком. Аптекарский сад. Невольники. Сосланные».

Из этой записи видно, что, кроме ссыльных, Радищев видел в Тобольске невольников. Что это за невольники, которых пригнали в Тобольск?

До приезда в Сибирь Радищев, очевидно, не знал о существовании в Сибири невольничьего рынка, на котором предметом торга являлись тогда главным образом калмыки (зюнгары). Вследствие внутренних раздоров князьков к середине XVIII века калмыцкое царство, известное под названием Джунгары, распалось и его население, мучимое голодом и разоряемое грабежами, двинулось в Сибирь под защиту русского государства. По дороге калмыков ловили киргизские разбойники и продавали русским купцам.

Главным центром работорговли были Ирбитская ярмарка и другие российские крепости, расположенные по джунгарской и киргизской границе.

«Падение Джунгарии, — пишет исследователь Сибири Шашков, — имело самое сильное влияние на усиление сибирского рабства, тем более, что незадолго до этого падения вышел в 1737 г. указ императрицы Анны, 6 § которого узаконил существование невольничества».⁴⁷

В 1756 году Сенат издал указ, которым русским купцам предоставлялось право выменивать и покупать калмыков, с тем чтобы обращать их затем в христианство или передавать в руки христиан, «а во мзду за окрещение оставлять крещеных в вечном услужении у покупателей христиан».⁴⁸

Записывая рассказы о притеснениях народа, Радищев отмечает и факты проявления народного гнева против дворян.

Много раз он говорит о действиях разбойников, отмечая, что они нападают главным образом на дворян. В заметках Радищева содержится небольшой рассказ о знаменитом разбойнике Иване Фадееве, записанный со слов караванного приказчика, который едва ли не лично знал Фадеева.

Антидворянские настроения Фадеева сильно заинтересовали Радищева. Он отмечает у него исключительную отвагу и находчивость: «Застали его у мужика, он ему дал 500 руб., чтоб зажег свой дом, и поскакал на тройке; будучи постигаем, начал кидать ассигнации по дороге и тем спастся».

Радищев, по-видимому, надеялся когда-нибудь вернуться к своим запискам, расширить их и придать им художественную форму.

Меньше всего пишет Радищев в путевых записках о своих личных переживаниях, хотя мы знаем, каким потоком мыслей и чувств он был охвачен в период ссылки. На обратном пути из Сибири его постигло еще одно большое горе — умерла в То-

⁴⁷ С. Шашков. Рабство в Сибири. Журн. «Дело», 1869, № 3, стр. 11.

⁴⁸ Там же, стр. 13.

больше его жена и друг Елизавета Васильевна Рубановская. Но об этом глубоко потрясшем его несчастии он записал в своем дневнике всего лишь несколько слов.

Все внимание Радищева направлено на факты общественной значимости, на сложную и разнообразную жизнь страны. Среди записей имеются отдельные художественные наброски, представляющие собою более или менее законченные части будущего произведения. К их числу можно отнести, например, зарисовки волжского пейзажа, сделанные с большим поэтическим вдохновением.

Приехав в Илимск, Радищев начинает работу над философским трактатом «О человеке, его смертности и бессмертии». В начале трактата, впервые опубликованного сыновьями писателя, стоит дата: «Начато 1792 года генваря 15». В Илимск Радищев приехал 4 января 1792 года, следовательно, к работе над трактатом он приступил через десять дней после приезда на место ссылки. Обширность замысла, широкий круг использованной литературы свидетельствуют о том, что план этого произведения Радищев вынашивал давно. Не исключена возможность, что некоторые предварительные наброски и книги для работы Радищеву привезла в Сибирь Е. В. Рубановская, приехавшая к нему в Тобольск спустя несколько месяцев.

В трактате Радищев проявил огромную способность к «человековедению»: вопрос о способностях человека познать самого себя и окружающий мир занял в трактате одно из главных мест.

При рассмотрении философских взглядов Радищева исследователи не уделили должного внимания радищевским воззрениям на человека. В дореволюционных историко-философских работах, посвященных трактату, на первый план выдвигался вопрос: к чему больше склонялся Радищев — к признанию смертности или бессмертия души? «Тема вековечная — проблема бессмертия человека, — так определял основную тему трактата „О человеке“ И. Лапшин. — Этот основной мотив вплетается в эскизный очерк философии природы и философии духа. Первая книга трактата — философское введение, во второй выдвигаются доводы против нематериальности и бессмертия души, две остальные представляют опровержение этих доводов с точек зрения метафизической, психологической и моральной».⁴⁹

Сведя широкую философскую проблематику трактата к одной проблеме бессмертия, исследователи прошли мимо самого главного — материалистического воззрения Радищева на человека. С материалистических позиций трактат «О человеке» впервые подвергся рассмотрению лишь в работах советских исследователей, но вопрос о способностях человека познать мир, поставленный Радищевым, так и не получил должного освещения.

⁴⁹ И. Лапшин. Философские воззрения Радищева. Полное собрание сочинений А. Н. Радищева под ред. проф. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева, т. II. СПб., 1907, стр. VII.

Радищев говорит, что человек есть «существо всесилоу и всеведению сопричастное».⁵⁰ Его дерзновенный разум может «взойти до бесконечности»; око его ведет «до пределов, солнечной системе смежных»; он вооружает зрение свое телескопами, «за дальнейшие неподвижные звезды досягающими», и «микроскопами, в миллионы раз увеличивающими».⁵¹

В эпоху Радищева научная мысль, техника еще не знали микроскопов, «в миллионы миллионов раз увеличивающих». Но то, что Радищев высказал предположительно, теперь доказано. Развитие науки в наше время подтверждает материалистическую мысль Радищева о том, что возможности человеческого познания безграничны, что разум человека может проникнуть в области, недоступные непосредственному восприятию с помощью органов чувств.

В начале трактата Радищев в шутку пишет о себе: «[Я] как будто новый некий провидец». Это «провидение» основывалось у него на глубоком знании не только природных возможностей человека, но и на понимании значения научных открытий, сделанных в XVIII веке. Радищев указывает, что для лучшего понимания, насколько человек велик, нужно только посмотреть на его изобретения, на его творения: «Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек прее выше всего на земли поставлен».⁵²

Вопрос о способности человека познавать мир, о его стремлении вырваться из оков религии на безграничный простор науки занимал в XVIII веке умы лучших европейских писателей. Энгельс, говоря о молодости Гете, отметил: «Гете неохотно имел дело с „богом“, от этого слова ему становилось не по себе; он чувствовал себя как дома только в человеческом, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии именно и составляет величие Гете. В этом отношении с ним не могут сравниться ни древние, ни Шекспир».⁵³

В русской литературе XVIII века тема о человеке, о его способности познавать мир и овладевать им неоднократно ставилась Ломоносовым и Державиным. Ломоносов в стихотворении «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния», нарисовав грандиозную картину мироздания, где

... бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна,

⁵⁰ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 40.

⁵¹ Там же, стр. 42—43.

⁵² Там же, стр. 58—59.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II. Госполитиздат, М.—Л., 1931, стр. 345.

в смятении остановился перед ней. Его поразило, что человек, держащий определить пути планет, сам является по сравнению с ними бесконечно малой величиной:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Как персть между высоких гор,
Так гибнет в ней мой ум и взор.⁵⁴

Об этой же несоизмеримости величин говорит и Державин в оде «Бог» (1784):

Но что мной зрима вселенна?
И что перед тобою я? —
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

Однако у Ломоносова и Державина уже прорывается и гордость за человека. Державин в оде «Бог» пишет:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, я раб, я червь, я бог!⁵⁵

Особенно сильно религиозные настроения у Державина проявляются начиная с периода, непосредственно предшествовавшего Французской революции. Его ода «Бог», имевшая огромный успех среди сторонников самодержавия, была направлена против философского свободомыслия, против идей материалистической философии. В религии Державин видел источник нравственности, добродетели, надежную опору государства. В стихотворении «Бессмертие души» (1797) он с ужасом говорит о том, что могло бы произойти, если бы человек не имел сдерживающего начала в религии.

Но если нет души бессмертной,
Почто ж живу в сем свете я?
Что в добродетели мне тщетной,
Когда умрет душа моя?
Мне лучше, лучше быть злодеем,
Попрать закон, низвергнуть власть,
Когда по смерти мы имеем,
И злой и добрый, равну часть.

И далее:

Давно бы потряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали б троны, царства, грады,
И все погибло б зол в борьбе.⁵⁶

⁵⁴ Сочинения М. В. Ломоносова, т. I. СПб., 1891, стр. 109.

⁵⁵ Сочинения Державина, т. I, ч. 1. СПб., 1864, стр. 199—201.

⁵⁶ Там же, т. II, ч. 2, стр. 7—8.

Радищев в оде «Вольность» ярко раскрыл служебную «земную» роль религии в самодержавно-крепостническом обществе:

Власть царства веру охраняет,
Власть царску вера утверждает.

Радищев, как и другие просветители XVIII века, не отрицал существование бога или силы, являвшейся первопричиной существования всего мироздания. Ему были свойственны черты пантеистического мировоззрения Спинозы. В трактате «О человеке...» он говорит о том, что сила эта находится в самой природе, в том числе и в человеке. «Называй сие кто как хочет, — пишет он, — но Гоббес и Спиноза ее ощущали».⁵⁷

В философских воззрениях Радищева видна жизненная конкретность идеала, неразрывная связь теоретических предпосылок с практическими задачами революционной борьбы.

Такое превращение философии в орудие преобразования действительности, как указывают классики марксизма, в феодальном обществе всегда начиналось с критики религии и официальной церкви. «Критика религии заканчивается учением, что человек есть высшее существо для человека, — писал Маркс, — следовательно, категорическим императивом ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, обремененным, презренным существом...»⁵⁸

В теории познания, изложенной в трактате, виден материализм Радищева. «Познания наши, — пишет он, — состоят только в сведениях бытия вещей». Проверкой истинности познания являются опыт и наблюдение. Развитие мысли зависит, по мнению Радищева, от внешних условий существования человека. «Разум исполнительный в человеке, — пишет он, — зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями».

Развивая сформулированные Ломоносовым принципы материалистического понимания природы, Радищев считал, что материальный мир существует объективно, независимо от сознания человека: «... бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе».

Подобно Ломоносову, Радищев решительно утверждал, что материя не может возникнуть из ничего и превратиться в ничто. «Природа... ничего не уничтожает, и не бытие или уничтожение есть напрасное слово и мысль пустая... Никакая сила в природе не может пропасть, исчезнуть».

Радищев оставался в пределах метафизического материализма, ибо не видел внутри самой материи источника движения. Но все же нельзя не видеть в его философии элементов диалектики. К их

⁵⁷ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 58.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 406.

числу относится, в частности, попытка рассматривать пространство и время в неразрывной связи с материей.

Значительный интерес представляют рассуждения Радищева о мышлении как свойстве материи. Несмотря на некоторые отступления в сторону идеализма (рассуждение о вечности сознания, души), надо признать, что в целом он оставался здесь на материалистических позициях. Радищев считал, что мышление есть свойство не всякой материи, а только некоторых ее видов. Мышление есть «вещественности свойство», но не всякой вещественности, а только живой природы. Больше того, изменение сознания он ставил в зависимость от изменения вещества, указывая, что все «силы и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе, как вещественности совокупны...».

Важнейшей особенностью философии Радищева является то, что она была связана с практической революционной деятельностью, служила теоретическим обоснованием передовых общественно-политических идей, помогала успешно решать злободневные вопросы социально-экономического развития России.

В Илимске Радищев написал обстоятельный политико-экономический труд, озаглавленный первыми издателями его «Письмо о китайском торге» (1792). Здесь он изложил свои наблюдения и выводы об экономическом состоянии Сибири. Посылая эту работу в Петербург своему покровителю, президенту Коммерц-коллегии А. Р. Воронцову, Радищев писал, что в методе своего исследования он придерживается такого же принципа, как и прежде: «Хотя мнения мои относительно многих вещей, по несчастию моему, стали более известными, нежели тщеславие быть сочинителем иногда требует, — писал он, — но я признаюсь в превратности моих мыслей охотно, если меня убедят доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были (т. е. ссыла, — Д. Б.)».

В сибирской ссылке Радищев следил, насколько позволяли обстоятельства, за развитием литературы и науки: выписывал через Воронцова нужные книги, журналы и газеты, писал стихи и труды по истории Сибири. Здесь им было написано «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». В нем Радищев рисует героический образ Ермака. Личность Ермака влекла Радищева прежде всего тем, что в ней воплотилось народное стремление к свободе. Он называет Ермака «вождем непорабощенных воинов», рисуя его образ в соответствии с тем пониманием исторической роли народных вождей, которое было сформулировано еще в «Путешествии» («Скоро бы из среды их (рабов, — Д. Б.) исторгнулись великие мужи, для заступления избитого племени»).

Радищев пишет, что у Ермака, вышедшего из народной среды, не было целей угнетения. Уходя от преследований царской власти, он надеялся организовать в Сибири новое, свободное отечество. Идейю о лучшей стране он вдохновил и свои дружины. Ермак представляется Радищеву человеком великого духа и «изящных

качеств», бесстрашным искателем новых путей. Уходя от преследования, он не падал духом, а увлекал за собою тех, кому угрожала тюрьма или виселица.

Интерес к Ермаку, стремление раскрыть социальные и психологические мотивы его деятельности не покидали Радищева на протяжении всего последнего периода его жизни.

Мы знаем, что Радищев писал поэму «Ермак». Краткий набросок к ней был напечатан его сыновьями под названием «Ангел тьмы» (отрывок из поэмы «Ермак») в «Собрании оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (т. VI). Поэма не была завершена. Сам Радищев в поэме «Бова» с сожалением говорит о том, что у него уже нет силы осуществить свой замысел. Окидывая мысленным взором необъятные пространства России, где всегда много было «превращений, оборотов», где чередой проходили многие народы, он пишет:

Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремляясь
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
На лоне жаркой дружбы
Был блажен, и где оставил
Души нежной половину.
Воздохну, что нет уж силы,
О Ермак, душа велика,
Петь дела твои!

Дошедший до нас набросок под названием «Ангел тьмы» не дает законченного представления о содержании и стиле поэмы в целом.

Название «Ангел тьмы» указывает на широкий философский замысел поэмы. Это, по-видимому, должна быть поэма об отверженном гордом духе, образ которого прошел через древнеиндийскую поэзию («Магабгарата», «Рамаяна» и др.), средневековые мистерии, «Божественную комедию» Данте, поэмы Мильтона и Клопштока.

Образ отверженного духа, ангела тьмы, претерпел в литературе большие изменения; на его трактовку оказывали влияние общественные события, развитие освободительной борьбы.

Радищев хорошо знал творчество Данте, Мильтона и Клопштока, говорил о нем в своих произведениях и письмах. Джон Мильтон импонировал ему своим пафосом гордых, мятежных чувств. Радищев находил в его произведениях истинную красоту, которая никогда не поблекнет. «Омир, Virgiliy, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие, — писал он в «Путешествии», — читаны будут, доколе не истребится род человеческий».⁵⁹

⁵⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 353.

В сибирской ссылке он вновь обращается к «Потерянному раю» Мильтона. Радищев упоминает об этом произведении в трактате «О человеке...», говоря о способности фантазии («умственной силы») создавать прекрасные образы. Он пишет, что изображение жизни Адама и Евы и последнего суда над ангелом тьмы в «Потерянном рае», так же как и другие великие произведения искусства, свидетельствует о наличии у человека безграничной творческой фантазии, способной претворять мысль в действительность: «Когда ты читаешь картину лобзания первого мужа и жены во Эдеме, когда ты воззришь на изображение последнего суда и не почувствуешь, что сотворить могла их единая токмо сила, что сила их образовала во главе Мильтона и Михаила Анжела, то и я на то согласен».⁶⁰

В 1797 году Радищев был переведен из Илимска в сельце Немцово Калужской губернии, где продолжал заниматься литературным трудом. В Немцове он написал ряд произведений; некоторые из них дошли до нас в незавершенном или в неполном виде. В «Описании моего владения» он изобразил хозяйство крепостной деревни и вновь поставил вопрос о ликвидации крепостного права. Говоря о крепостных крестьянах, обрабатывавших ниву помещика, он восклицает: «Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш. Но, о горестное напоминание! ниву селянин возделывает чуждую и сам, сам чужд есть, увы!».

Материалы показывают, что в Немцове созданы незаконченный очерк о «Тилемахиде» Третьяковского («Памятник дактилохорическому витязю») и начало поэмы, написанной под впечатлением выхода в 1800 году «Слова о полку Игореве» («Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам»).

В последние годы жизни Радищев обращается к темам историческим. Кроме названных произведений, в Немцове им была написана «Песнь историческая». Уходя в историю, Радищев не отрекался от своих прежних убеждений, не слагал оружия борьбы с крепостным рабством, а стремился к тому, чтобы оживить историческое прошлое идеей освободительной борьбы.

Четвертый, последний, период падает на 1801—1802 годы, когда писатель вернулся к общественной деятельности. В этот период Радищев создает одно из значительных своих стихотворений — «Оснадцатое столетие» — и ряд трудов по вопросам российского законодательства (подробнее об этом см. в главе VI).

⁶⁰ Там же, т. II, стр. 115.

ОДА О РЕВОЛЮЦИИ

1

Никто из русских поэтов XVIII века не верил так горячо в революцию, никто не прославлял с таким восхищением, изумлением, пафосом те блага, которых ожидали от нее угнетенные массы, как Радищев. Революция, открывающая новые пути развития человечества, ее вожди и участники — все это вошло в русскую поэзию через Радищева, его оду «Вольность». Эта ода, еще при жизни автора стяжавшая ему славу неустрашимого революционера, составляет гордость нашей отечественной литературы.

В оде «Вольность» охвачен широкий круг явлений. Большое место в ней занимают исторические лица: римский республиканец Марк Юний Брут (85—42 гг. до н. э.), легендарный средневековый предводитель швейцарцев Вильгельм Тель, Оливер Кромвель, Лютер, Колумб, Галилей, Ньютон, Пиндар, Джордж Вашингтон и др. Радищев не просто называет имена этих людей, но вызывает в памяти читателя конкретные исторические события, связанные с ними, дает ту или иную оценку их деятельности. В этом отношении ода «Вольность» приближается к исторической поэме.

Многие из этих исторических лиц уже получили то или иное освещение в русской литературе, но оценки Радищева интересны тем, что они сделаны с точки зрения угнетенных масс. Политическая тенденция в них проступает с первой же строфы оды, где Радищев напоминает царям о том, что грозный и мятежный дух, которым когда-то дышали Брут и Тель, живет в поработенных народах:

Да Брут и Тель еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

Полное одобрение Радищева вызывает казнь Карла I, что лишний раз указывает на антимонархический характер оды. Екатерина II, прочитав строки о казни Карла I, написала в своих замечаниях на книгу Радищева: «Кромвелев пример приведен с по-

хваляю. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские».¹

Более сложным было отношение Радищева к Кромвелю. В начале 23-й строфы он называет Кромвеля «великим мужем», а затем дает ему уничтожающую характеристику. В большую заслугу Кромвелю Радищев ставит казнь короля:

Научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил.

Резко порицает Радищев Кромвеля за предательство интересов трудящихся, боровшихся за свои права:

Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил.

В такой двусторонней оценке Кромвеля видно глубокое понимание Радищевым воспитательного значения революции для народных масс. Хотя эти массы, совершившие под руководством Кромвеля революцию, и не воспользовались плодами своей победы, они тем не менее вынесли из нее ценные уроки революционной борьбы.

Критика Кромвеля велась Радищевым слева. Она совпадает с той оценкой, которая была дана Кромвелю выдающимся английским поэтом XVII века Джерардом Уинстенли. Уинстенли выступал наиболее последовательным защитником интересов беднейшей части английского крестьянства (безземельных диггеров), стремившейся углубить и развить революцию, овладеть землей, отнятой во время революции у крупных феодалов и церкви.

Уинстенли мужественно отстаивал в своих статьях интересы крестьянской бедноты, выступал против имущих классов и политики Кромвеля. От лица бедняков он заявлял, что только усилия простых людей, их труд, их героизм привели парламент и армию Кромвеля к победе над королем. «Теперь, — писал он, — когда королевская власть — нормандское ярмо — уничтожена, должна быть уничтожена и власть над землей потомков завоевателей — ленд-лордов. Однако, освободив себя с помощью народной крови и денег от королевского гнета, фригольдеры и джентльмены оставили по-прежнему народ в рабстве, заставляя его по-прежнему платить лордам ренты и поборы за пользование землей». «Разве вы не обещали свободу всей нации, — спрашивал он у сквайров, — после того как будет изгнана партия „кавалеров“? Почему же теперь вы ищите свободу лишь для себя...», отрицая та-

¹ См.: Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 163.

кое же право за простым народом, понесшим самые большие потери?»²

В «Песне диггеров» Уинстенли зовет к действенному протесту, указывает крестьянам, кто их враги — это «кавалеры» и «джентри» (дворяне, богачи), это «законники» — друзья и пособники джентри, это, наконец, священник, который называет грехом борьбу диггеров за свободу. Рефрен «Вставайте теперь, вставайте!» придает песне боевое, мужественное звучание.

Благородные диггеры, все вставайте теперь,
вставайте!

Чтобы пустые поля удержат,
Так как может любой увидеть,
Как кавалеры бесчестят весь люд,
Как они презирают ваш труд.
Вставайте теперь, вставайте!
Ваши хижины сносят они, вставайте!
Ваши хижины сносят они,
Страхом гонят вас в город они,
Вставайте теперь, вставайте!
Но джентри наступит конец,
Бедняк получит венец!
Джентри все захватили вокруг.
Вставайте теперь, вставайте!

Им хитрость любая подстать,
Чтоб землю у вас отнять.
Вставайте теперь, вставайте!
Законник — джентри друг. Вставайте!
В злобе все он готов измышлять,
Вас советует в тюрьмы бросать.

Вставайте теперь, вставайте!
Священник за них во всем.
Вставайте теперь, вставайте!

Священник за них во всем,
И он называет грехом,
Когда мы хотим начать
Свободу себе добывать.
Вставайте теперь, вставайте!³

Диггеры подверглись гонению со стороны Кромвеля и его сподвижников из числа нового дворянства. В одной из своих речей Кромвель обозвал диггеров животными за то, что они стремились к социальному равенству. Радищев, оценивавший революцию с точки зрения угнетенных масс, видел в Кромвеле своего идейного противника:

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать.

² М. А. Барг. Кромвель и его время. М., 1950, стр. 209—210.

³ Там же, стр. 212.

Вождю английской буржуазной революции Радищев противопоставил Джорджа Вашингтона. Вашингтон показан Радищевым как вождь армии свободы, основанной на сознательной дисциплине, где каждый воин чувствует себя ответственным за исход сражения.

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не гряда правильно стремится, —
Вождем тут воин каждой зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимой,
Ты есть и был непобедимой,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

Ода «Вольность» следует в «Путешествии» непосредственно за главой «Медное», в которой изображена потрясающая картина продажи крепостной семьи с публичного торга. Сцена завершается встречей путешественника с иностранцем, который указывает на вопиющее противоречие между «Наказом» Екатерины II и действительностью. Вот этот диалог:

«Что тебе сделалось? Ты плачешь! Возвратись, — сказал я ему, — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, — повторил я, — не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах.

— Не могу сему я верить, — сказал мне мой друг, — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет,⁴ столь постыдное существовало обыкновение.

— Не дивись, — сказал я ему, — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.⁵

Екатерина II в последней фразе приведенного диалога увидела надежду Радищева на революцию. В своих замечаниях она записала: «На стр. 349: кончится сими словами, свободы не от

⁴ Намек на «Наказ» Екатерины II.

⁵ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 351—352.

советов ожидать должно (отчинников), но от самой тяжести порабощения, то есть надежду полагает на бунт от мужиков».⁶

Переход от изображения рабства к описанию народной революции был для Радищева естественным и внутренне мотивированным. Он логически вытекал из основного тезиса книги о том, что «из мучительства рождается вольность». В авторских комментариях к оде сказано: «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство».

2

Ода «Вольность» занимает видное место не только в наследии Радищева, но и в истории русской культуры в целом. Однако творческая история этого произведения выяснена еще слабо: не уточнено время, когда была написана ода; недостаточно раскрыты ее исторические и литературные источники; идут споры о том, какие события внутренней и международной жизни нашли в ней отражение, и т. д. На некоторых из этих вопросов здесь я и останавлиюсь.

О времени создания оды «Вольность» существуют разные мнения. Одно из них высказал еще в XIX веке М. И. Семевский в предисловии к несостоявшемуся изданию оды. Он утверждал, что ода была написана в 1790 году под влиянием французской революции.⁷ В. И. Семевский, напечатавший в 1906 году краткий пересказ этой оды, также полагал, что в ней нашли свое отражение события революции 1789 года.⁸

В 1923 году В. П. Семенников, основываясь на том, что «Путешествие», куда были включены отрывки из оды, было дозволено цензурой к печати еще до начала революции во Франции, отнес написание «Вольности» к более раннему периоду. Он усматривал в оде отражение событий американской революции 1776 года.⁹ По его мнению, ода могла быть написана в период 1781—1783 годов.

Семенников ссылается на книгу Рейналя (*Révolution de l'Amérique*), вышедшую в 1781 году, которая, по его мнению, оказала влияние на оду «Вольность». «Живые отклики оды на американские события, — пишет он, — позволяют сделать заключение, что «Вольность» написана или в самый период борьбы за независимость Америки (но не ранее 1781 г., когда Радищеву могла стать известной книга Рейналя), или же в ближайшее к периоду ее окончания (в 1783 г.) время, когда сохранялась вся свежесть

⁶ См.: Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 163.

⁷ См. об этом ниже, стр. 288.

⁸ Былое, 1906, № 1, стр. 26.

⁹ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования, М.—Пгр., 1923, стр. 4.

впечатления американского переворота, не заслоненная еще событиями надвигавшейся во Франции революции».¹⁰

Оба указанных мнения нуждаются в уточнении. М. И. Семевский и В. П. Семенников рассматривали оду как нечто застывшее в своем содержании. В действительности же ода на протяжении длительного времени изменялась и дополнялась, дорабатывалась Радищевым.

По имеющимся сведениям (см. главу IV), Радищев в середине 1780-х годов выступал в Москве на собрании Общества университетских питомцев с чтением своей «Оды на вольность». Это была, по-видимому, первоначальная редакция оды «Вольность». Рукопись ее, находившаяся в бумагах Новикова, по свидетельству управляющего кабинетом Екатерины II В. С. Попова, содержала многие «приправки», сделанные другой рукой. Свидетельство Попова не расходится с показаниями самого Радищева (в «Путешествии» автор оды рассказывает о том, как ее раскритиковали в Москве).

Текст оды дошел до нас из трех авторитетных источников, не считая многих списков, точное происхождение которых пока не удастся установить.

Первый источник — рукопись «Путешествия», которая находится в следственном деле Радищева в Центральном Государственном архиве древних актов. Рукопись оды, находящаяся в следственном деле, написана рукой секретаря Радищева, Александра Царевского; на некоторых ее страницах имеются поправки и замечания самого Радищева. Листы рукописи имеют две нумерации: самого Радищева (листы 186, 189) и архивную. Эта рукопись служила оригиналом наборщику. На всех ее листах имеются многочисленные следы пальцев, запачканных типографской краской.

В рукописи 16 полных строф и одна неполная. Из сохранившихся листов видно, что Радищев вписывал в дозволенной цензурой текст оды новые строфы. При этом он изменил прежнюю нумерацию строф. Строфу 2-ю он сделал 3-й, 3-ю — 4-й, 4-ю — 6-й, 5-ю — 7-й, 6-ю — 10-й, 7-ю — 11-й, 8-ю — 13-й, 3-ю — 14-й, 10-ю — 15-й, 11-ю — 18-й, 14-ю — 22-й.

Так, в печатном тексте «Путешествия» появилось начало 2-й строфы и начало 5-й; появились в полупрозаическом, полустихотворном изложении строфы 8, 9, 12 и 21. На строфе 24 рукопись обрывается.

Второй источник — печатный текст «Путешествия», где ода была помещена в отрывках.

Третий источник — рукопись, подготовленная к печати в 1806 году сыновьями писателя (подробнее о ней см. в главе VII). Здесь в оде есть новые дополнения.

¹⁰ Там же.

О! даръ небесъ Левогословенный,
Истощенъ въсхъ величавъ утлъ;
О вольность! вольность $\frac{1}{2}$ даръ безцѣнны!
Позволь, что въ радъ твой восхъ,
Исполни сердце ~~твоемъ~~ даромъ
Въ кель, силъ твоихъ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ,
Во свѣтъ правды твоей ~~и~~ даромъ;
Да брѣтъ и ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ
Суды во славу да снѣтъ
Отъ гласа твоего Цари.

Я въ свѣтъ и въ шель, и тѣ солоню;
На мѣстѣхъ твоихъ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ
Свободкою ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ
Пріими ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ
Стоя въ кель, етъ мѣтъ ~~и~~ даромъ;
Тому ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ;
Въ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ;
Молитъ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ;
И въ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ;
Въ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ.

На ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ?
Въ ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ.
3 Важная ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ.
Свободкою ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ.
Эт ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ,
По ~~и~~ даромъ ~~и~~ даромъ,

Кроме того, ода «Вольность» содержится в отрывках во многих рукописных списках «Путешествия». Полных списков ее сохранилось три. Они описаны В. П. Семенниковым¹¹ и Л. И. Кулаковой.¹²

Список оды, описанный В. П. Семенниковым, принадлежал М. Н. Лонгинову. Он был сделан в начале XIX века.

Долгое время считалось, что лонгиновский список является единственным в своем роде, потому что только в нем были поэма «Творение мира» и разночтения в оде «Вольность». Но в последнее время обнаружен еще один список «Путешествия», в котором есть полный текст оды «Вольность» и «Творение мира». Этот список был приобретен в 1939 году Государственным литературным музеем от частного лица, а в 1941 году передан в Центральный Государственный архив литературы и искусства, где сейчас и находится. Описание этого списка дано Л. И. Кулаковой, которая указывает, что его текст «в основном совпадает с текстом лонгиновского списка».¹³

Названные источники позволяют сделать вывод, что ода «Вольность» создавалась Радищевым в течение ряда лет. В ее создании можно наметить три этапа.

Первый этап — работа до сдачи рукописи «Путешествия» в цензуру, которая произошла, как показал Радищев на следствии, в начале 1789 года. В рукописи, сданной в цензуру, текст оды занимал семь листов: 186—192. Из них сохранилось четыре листа: 186—189. Вслед за ними следует лист 194, на котором продолжается текст главы «Городня», начинающийся словами: «Кто напоит меня и накормит». Глава «Городня» начиналась на 193-м листе, а на листах 190—192 были продолжение и конец оды. Если учесть, что на каждом из предыдущих четырех листов написано по 4 строфы, то на утраченных трех листах было не больше 12 строф. Следовательно, общий объем оды в момент сдачи рукописи в цензуру не превышал 28 строф.

Второй этап работы над одой совпадает с периодом издания «Путешествия». На этом этапе ода была доведена до 50 строф. Многие строфы были набросаны только вчерне, чем, по-видимому, и объясняется, что некоторые из них даны в книге в прозаическом пересказе.

Третий этап работы над одой мог быть уже после напечатания «Путешествия». Текст оды был снова частично переработан и до-

¹¹ В. П. Семенников. Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву». Былое, 1922, № 19 (было издано отдельной брошюрой).

¹² Л. И. Кулакова. К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. XV, вып. 2, 1956.

¹³ Там же, стр. 152.

полнен. Между 8-й и 9-й строфами текста, вошедшего в «Путешествие», были вставлены следующие стихи:

Сей был и есть и будет вечной
Источник рабства, бед, оков.
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть один покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал,
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.¹⁴

После печатного текста, содержащего похвалу Кромвелю за казнь короля, Радищев поместил строфу с размышлением об исторической роли английской революции.

Ниспал призрак и мглу густую
Светильник истины попра;,
Личину, что зовут святою,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит своей уж он обиде,
Не в действе распростерт своем
Не спавшему от бед нас мнимый,
Отцу предвечному всех зримых
Победиую мы песнь поем.

Значительно был переработан конец оды. В печатном тексте «Путешествия» после пересказа 40-й строфы указано: «Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества». В переработанном тексте эти прорицания были изложены в 5 строфах. Дополнительно Радищев включил еще 3 строфы. В 1-й и во 2-й из них содержится патетическое обращение к народам, борющимся за свободу:

О! вы, щастливые народы,
Где случай вольность даровал,
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что Вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас слотить.
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.
К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна!
Стремится, гневом где согбенна
Лежала вольность попра;на;

¹⁴ Здесь и далее стихи оды цитируются по тексту рукописи, подготовленной сыновьями писателя для издания.

Ликуешь ты, а мы здесь страждем,
Того ж, того ж и мы здесь жаждем;
Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе непричастен,
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

В 3-й строфе содержится знаменитая автоэпитафия Радищева:

Но нет, где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавший славы,
Пришед на гроб мой обветшавый
Дабы сочувствием вешал:
«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенные,
Нам вольность первый прорицал».

Теперь ода содержала 54 строфы. Это была последняя редакция, которая и нашла свое отражение в рукописи, подготовленной сыновьями писателя к печати. Эта же редакция с небольшими различиями содержится и в тех списках, которые описаны В. П. Семенниковым и Л. И. Кулаковой.

Последнюю редакцию оды Радищев завершил уже после издания «Путешествия». На это, в частности, указывает лонгиновский список оды, где имеются подстрочные примечания, заимствованные из печатного текста «Путешествия» (на листах 139—145, 147, 148).

Семенников, опубликовавший текст оды по лонгиновскому списку, не воспроизвел этих примечаний и тем самым создал неправильное представление о времени составления списка.

«Трудно понять, — писал Я. Л. Барсков, — почему опущены „вообще все выноски“ при передаче текста „Вольности“; именно эти „выноски“, в которых заключаются прозаические сокращения первых 38 строф оды, всего более сближают рукопись Б (так Барсков называл лонгиновский список, — Д. Б.) с печатным текстом. Пропуск этих „выносок“ создает иллюзию текста, не тронутого автором для цензуры или для печати, так сказать, протографа».¹⁵

Радищев окончил оду «Вольность» уже после возвращения из ссылки. Об этом есть косвенное указание в лонгиновском списке. В нем приведен отрывок из неоконченной поэмы «Творение мира». Поэт, ознакомив путешественника с одой «Вольность», подал ему этот отрывок и сказал: «Прочтите сию бумагу и скажите мне, не посадят ли и за нее» (разрядка моя, — Д. Б.). Об аресте за оду «Вольность» в печатном тексте «Путешествия»

¹⁵ Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.—Л., Academia, 1935, стр. 249.

не говорилось ничего. В лонгиновском списке об этом упомянуто впервые, причем выражение «не посадят ли и за нее» предполагает, что автор уже понес за оду известное наказание.

Возможно, ода была закончена Радищевым в селе Немцове. В иностранной печати конца XVIII века появилось сообщение о том, что у Радищева в Сибири власти нашли какие-то новые рукописи. В июльской книжке гамбургского журнала «Минерва» за 1798 год говорилось следующее: «Автор книги [«Путешествия»] был обнаружен и сослан в Сибирь. Так как и там через некоторое время у него нашли новые рукописи такого же характера, его отправили дальше и стали содержать строже».¹⁶

Подобное сообщение помещено было также в 1809 году в книге Г. Ф. Гельбига «Русские избранныки»: «Несчастный Радищев, хотя и в Сибири, но был весьма легко арестован... Радищев... снова приготовил сочинение, подобное первому, и тотчас отправил рукопись, но мы не знаем куда... Его перевезли на несколько сот верст далее в более суровую тюрьму...».¹⁷

Все эти сообщения основаны были лишь на слухах. Мы не можем полностью доверять этим слухам, но при сопоставлении их с другими фактами о доработке оды уже после того, как было издано «Путешествие», нельзя не учитывать этих сообщений.

3

Приведенные данные о работе Радищева над одой «Вольность» свидетельствуют о том, что нельзя безоговорочно утверждать, как это делали некоторые исследователи, что в оде отразился ранний этап политического сознания Радищева. Нет также оснований видеть в ней отражение событий только французской революции 1789 года. Оба указанных представления сужают ее содержание. Кроме того, когда оду рассматривают лишь под углом зрения событий на Западе, то забывают об исторических событиях, совершившихся в России, которые не могли не отразиться на ее содержании.

Из названных выше работ Радищева видно, как серьезно изучал он русскую историю и, в частности, историю борьбы русского народа за свои политические права. История давала Радищеву много фактов освободительной борьбы, о которых он упоминает в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в других произведениях (борьба новгородцев со своими князьями и московским царем Иваном Васильевичем, восстания холопов в XVII веке, восстание Пугачева и др.).

¹⁶ И. Д. Смолянов. Из разысканий о Радищеве. В сб.: Радищев. Статьи и материалы, Изд. ЛГУ, 1950, стр. 262.

¹⁷ Там же, стр. 264.

После Пугачевского восстания в России с новой силой разгоралась освободительная борьба угнетенных масс. На усиление помещичьей эксплуатации крестьяне отвечали восстаниями. В. И. Семевский указывает, что в послепугачевский период царствования Екатерины II известно 20 восстаний в вотчинах 18 помещиков. При этом он добавляет: «...быть может в действительности их было и гораздо больше, но сведения о них пока не разысканы».¹⁸ (Исследования советских ученых значительно пополнили сведения о крестьянских восстаниях в этот период).

В 1778 г. вспыхнуло восстание в имениях графа Апраксина (в Порховском уезде Новгородской губернии), которое угрожало схватить соседние районы. Новгородский генерал-губернатор Сиверс, побывав в районе, охваченном восстанием, докладывал императрице: «Это дело будет иметь самые пагубные последствия, если, как это часто бывает, волнение охватит соседних крестьян. Приверженцы Пугачева состояли только из крепостных, недовольных своими господами; к тому же убийства дворян совершались по большей части их ослепленными людьми. Было уже слишком много примеров, что подобные искры разгорались в пламя, грозившее опасностью всему государству».¹⁹

Сиверс подчеркивает, что новые восстания отличаются от пугачевского движения. Если приверженцы Пугачева, указывает он, были недовольны главным образом своими господами, то теперь крестьяне выступают уже против деспотического правления в целом. «В стране с деспотическим образом правления, — пишет он в другом письме к Екатерине, — зародыш восстания готов разростись при всяком удобном случае. В этом отношении нужно быть как можно бдительнее».²⁰

Высокой сознательностью и организованностью отличалось восстание крестьян в 1784 году в Прибалтике. 12 апреля 1784 года восстали помещичьи крестьяне 25 мыз Рижского наместничества. Как только известие об этом восстании распространилось по окрестности, восставших поддержали крестьяне, принадлежавшие коронному ведомству.

Для выяснения причин восстания Екатерина II послала А. Р. Воронцова. Во время поездки Воронцовым были собраны обширные материалы о восстании. Перед тем как представить их Екатерине II, он сделал с них копию на 58 листах, которая находится ныне в его архивах в отдельной обложке с надписью: «Дело по именному указу о изыскании причин по случаю происшедших от крестьян в Лифляндии беспокойств».²¹

¹⁸ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1903, стр. XXV.

¹⁹ Там же, стр. 445.

²⁰ Там же, стр. 446.

²¹ Институт Истории АН СССР (Ленинградское отделение), собрание Воронцова, № 449/993, лл. 240—268.

Установлено, что Радищев в период с 1782 по 1790 год пользовался многими из этих бумаг Воронцова.²² Собранные Воронцовым материалы свидетельствуют, что крестьяне действовали дружно и организованно. Для руководства восстанием и для связи с крестьянами соседних губерний они выбрали из своей среды наиболее умных и стойких людей. Когда к ним явились отряды солдат, крестьяне дружно защищались.

Начав восстание в отдельных мызах и уездах, крестьяне предполагали распространить его на всю Россию, надеясь на активную поддержку крестьян других губерний. Для установления связи с другими губерниями восставшие собрали деньги и вручили их своим вожакам. Когда правительство организовало тщательные поиски этих вожаков, то многие из них укрылись в русских деревнях.

Восстание было подавлено, но правительство Екатерины II неоднократно вспоминало о нем. Когда в 1788 году началась война России со Швецией, Сиверс писал Екатерине II: «Крестьяне, притесняемые своими господами и военною администрацией, так и ждут удобной минуты, чтобы начать смуты. — Ваше величество сами видели при беспорядках по случаю сбора подушной подати, как нетрудно подговорить наших крестьян к возмущению. Одному злодею вздумалось объявить, что уплатою подушной подати можно получить свободу, и все пришло в смущение. Если бы к несчастию неприятелю пришло в голову в своем манифесте объявить, что он дает крестьянам свободу, то каждый владелец крестьян, не успевший спастись бегством, был бы подвергнут страшным опасностям».²³

К концу царствования Екатерины II недовольство крестьян росло все больше и больше, а при Павле I крестьянские восстания охватили всю Россию. В декабре 1796 года было 29 восстаний, в январе 1797 года — 139. По данным Трифильева, за первый год царствования Павла I произошло 278 восстаний. За первые три месяца царствования Павла в его канцелярию поступило более 1200 прошений от крепостных крестьян. «За редким исключением, отсылка прошения крестьянами государю, — отмечает историк, — сопровождалась отказом их от повиновения своему помещику».²⁴

О характере этих восстаний можно судить по восстанию в селе Андросово Орловской губернии, которое представляет большой интерес по значительности размаха, согласованности действий и упорству в сопротивлении войскам. К восставшим андросовцам

²² См. об этом примечания к «Опыту о законодательстве» в кн.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 565—570.

²³ А. Брикнер. Война России с Швецией в 1788—1790 годах. СПб., 1869, стр. 127.

²⁴ Е. П. Трифильев. Очерки по истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904, стр. 287—289.

присоединились крестьяне других сел Дмитровского, Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии.

Согласно донесениям, поступавшим из разных уездов к орловскому губернатору Квашнину-Самарину, восставшие крестьяне, вооруженные дубовыми кольями, косами и частично ружьями, устанавливали тесную связь с восставшими в других деревнях и селах и призывали к восстанию тех, кто еще колебался. Вокруг села Родогощи, как сообщает председатель севского нижнего земского суда Калугин, были расставлены из крестьян караулы, а в селе были «великие толпы людей».²⁵

Побывавший в районах восстания Квашнин-Самарин сообщал Орловскому губернскому правлению, что никаким его уговорам и даже царскому указу восставшие не подчинились. Когда Ахтырский гусарский полк пошел в наступление на восставших в селе Родогощи, они не испугались. К стоявшим на карауле пришли на помощь другие крестьяне. Между солдатами и восставшими произошел настоящий бой. С той и другой стороны были убитые и раненые. Под дружным натиском крестьян Ахтырский полк вынужден был отступить.

Потерпев поражение в Родогощи, Ахтырский полк направился в соседнее село Брасово, но и там крестьяне дали ему решительный отпор. Командир полка Линденер в своем рапорте от 29 января 1797 года сообщает, что в селе Брасове собралось более 4000 «вооруженных бунтовщиков с женами и детьми». Линденер во избежание, как он сам пишет, «драки» вынужден был вывести свой полк из Брасова и поставить его в соседнем селении Глодневе. Но и там крестьяне не оставили ахтырцев в покое. 31 января Линденер сообщал орловскому губернатору, что крестьяне не дают возможности расположиться его полку ни в одной из деревень и требуют, чтобы он убрался совсем из их местности.

В своих донесениях Линденер пишет о настроении восставших: «...из всех бунтовщиков действий явствует, что они не только против своих помещиков, но и против войска его императорского величества намереваются освободиться вооруженною рукою от повиновения себя высшей власти».

Крестьяне села Родогощи, давшие отпор Ахтырскому полку, хорошо понимали, что успех их был временным и что впереди предстоит жестокая борьба. Поэтому вожаки восстания начали собирать силы по разным деревням. На деньги, забранные в конторах помещиков, они покупали ружья, порох и свинец. Восставшие захватили в Севске и Трубчевске 10 пушек и набрали к ним команды из бывших солдат. В кузницах ковали копья, дротики и косы.

²⁵ Для характеристики крестьянских восстаний в 1796—1797 годах в Орловской губернии я пользуюсь рукописными материалами, собранными орловским историком А. Г. Пупаревым [хранятся в ИРЛИ, в архиве «Русской старины»]. Ряд сведений об этих восстаниях содержится в указанной книге Е. П. Трифильева.

В связи с этим орловский губернатор приказал прекратить по всей губернии торговать оружием. По распоряжению Павла I в Орловскую губернию для подавления восстания были направлены Рижский и Малороссийский кирасирский полки. Командующим всеми войсками был назначен опытный военачальник князь Н. В. Репнин. Квашнин-Самарин за то, что не сумел справиться с восставшими, был смещен с должности губернатора.

Стянув большие военные силы и окружив со всех сторон главные центры восстания Родогощь и Брасово, Репнин начал наступление. Крестьяне проявили при этом исключительное мужество. На сделанное Репниным предложение сдаться крестьяне села Брасова отвечали: «Умрут, но не послушаются». Расправа с восставшими была крайне жестокой.

Восстание крестьян в Орловской губернии — это лишь один эпизод борьбы крестьян с феодально-крепостническим строем из сотен подобных. То решительное, боевое настроение у орловских крестьян, о котором говорилось выше, родилось не сразу. Такая решительность к борьбе не на жизнь, а на смерть складывалась годами. В конце XVIII века среди крестьянских масс сильно поколебалась вера в царя. Хорошо осведомленный о политическом состоянии страны друг Радищева А. Р. Воронцов указывает в своих «Примечаниях на некоторые статьи, касающиеся до России», что в конце царствования Екатерины II народ желал «скорой перемены». В секретной экспедиции первого департамента Сената сохранилось много дел по обвинению крестьян за «произнесение дерзких слов» против царя. Особенно много таких дел относится к царствованию Павла I.

Новороссийская палата суда и расправы рассматривала в 1800 году дело по обвинению поселянина Федора Кохана «в произнесении дерзких слов против императора». Кохан в разговоре со своим братом, вернувшимся с военной службы, назвал царя чертом. «Не государю, а черту ты служил», — сказал он ему.²⁶ Слова Федора Кохана были признаны судом за «великое и важное преступление», и его приговорили к смертной казни.²⁷

Одновременно с делом о Федоре Кохане Новороссийская палата суда и расправы рассматривала дело помощника землемера Самсона Тимофеева, который также обвинялся в «произнесении дерзких слов против императора».²⁸

В том же 1800 году Томский уездный суд судил крестьянина Ивана Гуляева за произнесение «дерзких слов» против государя.²⁹ За резкие, «бранные слова, относящиеся к оскорблению его величества», Воронежская палата суда и расправы в начале 1801 года

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, № 772.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, № 771.

²⁹ Там же, № 773.

приговорила к смертной казни посадского Ивеля Самойлова. К смертной казни были приговорены лица, которые слушали выступление Самойлова и не донесли об этом начальству.³⁰

Число таких примеров можно было бы значительно умножить. Все они говорят о том, что сознание масс революционизировалось из десятилетия в десятилетие.

Это стихийно порождаемое практикой борьбы настроение масс имело для литературы огромное значение.

4

Все, о чем сказано выше, непосредственно на оде «Вольность», быть может, и не отразилось, но, несомненно, оказывало существенное влияние на литературный процесс в целом — через народное поэтическое творчество и публицистику, в которой шли оживленные дебаты о положении крепостных крестьян. Характерной особенностью народного творчества второй половины XVIII века является изображение крепостного быта и классовых противоречий между помещиками и крестьянами.

Народное творчество этого периода представлено было многочисленными песнями, сказками, анекдотами и пр. Произведения эти бытовали преимущественно в устной традиции. Некоторые из них дошли до нас уже в поздних, несколько измененных записях XIX века, часть же сохранилась в рукописных сборниках XVIII века.

Немало народных лирических песен включено в «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова. Тематика их довольно разнообразна, однако всем им свойствен один общий мотив — недовольство жизнью, протест против власти господ. В одной из песен крестьянин жалуется на то, что ему некуда податься:

Уж куды-то я, доброй молодец, ни кинуся:
Что по лесам, по деревням все заставы,
На заставах ли все крепки караулы;
Они спрашивают печатного пашпорта,
Что за красною печатью сургучевой.
У меня ль, у добра молодца, своеручной,
Что на тонинькой на белой на бумажке,
Что куды-то ни пойду, братцы, ни поеду,
Что ни в чем-то мне, добру молодцу, нет счастья.³¹

Раненый солдат, умирающий на чужбине, сокрушается о том, что его дети «натерпятя холоду и голоду».³² Солдатская жена

³⁰ Там же, № 768.

³¹ Собрание разных песен М. Д. Чулкова, чч. I, II, III с прибавлением. Изд. имп. Акад. наук, СПб., 1913; ч. II, № 148. В дальнейшем «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова цитируется по этому изданию.

³² Там же, № 138.

в деревне причитает:

Что видагь ли мне худые годы пережити,
Что видать ли мне те слезы переплакать.³³

Народное горе становится темой многих песен:

Привязалось ко мне горе
К молодому человеку,
Я не знаю, как и быти,
Своему горю пособити;
Не могу горя избыти,
Ни заесть и ни запити.³⁴

В XVIII веке было создано замечательное поэтическое произведение, которое можно поставить в один ряд со знаменитой «Повестью о горе-злочастии», «Вирши о горькой судьбе». Герой его рассказывает о своем бедном житье:

Ах, житье мое бедное,
Житие бедное, беспокойное!
Изжил я свой век
Не как человек;
В горе живучи,
Беды терплючи.³⁵

В «Виршах о горькой судьбе» горе называется «скуда». От этой скуды человеку некуда деваться:

Ах, детца куды
Все мне от скуды? —

спрашивает герой.

Ах, беда! а скуде,
Места нет нигде!
Как корабль в море,
Так скуда в горе:
Тот всегда в волнах,
А ты, скуда, всегда в бедах!
Ах, глаза зажать,
Да в лес убежать,
Да и там найдут,
За зверя почтут.

Человек идет в монастырь, и скуда за ним; он в суд — и она там:

Ах, беда, а скуда
Нету ей суда;
С ней и в суд пойдешь,
Побой не минешь,
Хоть прав, обвинят,
Прибьют, прибранят.

³³ Там же, ч. III, № 146.

³⁴ Там же.

³⁵ Произведение не опубликовано; рукопись хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в архиве «Русской старины».

Человек бросается в воду, скуда и там не оставляет его в покое:

Ах, беда а скуде
Нет места и в воде:
Вытащат от толь,
Да ссушат, как моль,
Почнут потрошить,
Как умер смотреть,
Кожу всю сдерут,
Кости все сберут.

Автору «Вирш о горькой судьбе», несомненно, была известна «Повесть о горе-злочастии», но, отталкиваясь от нее, он создал вполне оригинальное произведение. Новым в нем было и осмысление горя. В «Повести» горе осмыслялось в морально-религиозном плане. Молодой человек страдает за то, что отказался жить по традиционным заповедям, стал «непокорливым ко отцову учению, зазорливым к своей матери».

В «Виршах о горькой судьбе» горе-скуда трактуется в социальном плане. Здесь герой терпит беды от богатых людей за свое несогласие с ними.

В конце 60-х—начале 70-х годов XVIII века был создан известный «Плач холопов», в котором звучит та же тема неизбежного народного горя:

О! горе нам, холопом, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить!
А хотя кто и служит — так как острая коса;
Видит милость — и то как утрення роса.
О! горе нам, холопом, от господ и бедство!³⁶

В ряде народных песен названы имена помещиков, издевавшихся над крепостными. Такова песня, написанная в 1789 году крепостным живописцем князя Н. С. Долгорукова. Это — автобиография крепостного, доведенного жестоким обращением помещика до полного отчаяния. В 1787 году автор песни бежал от своего помещика в Швецию, скитался там два года, а затем был пойман и отдан под суд. Написанная им песня приложена к судебному делу и служила доказательством его вины. Все, что им было пережито и выстрадано от помещика, он вложил в эту песню:

Не видал я дней веселых,
А всегда я был во кручинушке.
Без резону он всегда гневался,
Без вины он нас наказывал,
Он наказывал нас все палочьем,
А посля того под караул сажал.
Под караул сажал на хлеб, на воду.³⁷

³⁶ А. В. Кокорев. Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952, стр. 257.

³⁷ Т. А. Мартемьянов. Крепостное право в народной словесности. Исторический вестник. 1906, сентябрь, стр. 867.

Обличение помещичьей жестокости содержится и в народных сказках, записанных в конце XVIII века. «Сказка о некоем башмачнике и слуге его Притычкине», «Сказка о хитром воре Климке». «Сказка о некоем башмачнике и слуге его Притычкине» впервые была напечатана в 1786 году.³⁸ Главными действующими лицами сказки являются князь Мистафор Скурлатович и крепостной его башмачник Горя сын Кручинин. Горя своей безупречной работой никак не может угодить барину, который по каждому поводу бьет его беспощадно.

«Сказка о хитром воре Климке» впервые была напечатана в 1794 году.³⁹ Герой сказки является сыном бедного крепостного крестьянина. Когда Климка подрос, то решил помочь отцу выбиться из бедности. Не зная никакого ремесла, он принят за воровство и скоро показал в этом деле большое искусство. Глядя на него, жадный помещик решил сам стать вором. Он просит Климку взять его к себе в ученики. Климка соглашается. Однажды они обворовали купцов и заспорили о добыче. В споре Климка, не желавший уступить свою долю, убил помещика. Сказка кончается моральным оправданием Климки. «Сделавшись полным наследником всего имения, — говорится о нем, — возвратился в свое селение и стал у отца своего жить честным образом, оставя все прежние свои плутовства и бездельства».

Есть целый ряд аналогичных сказок, записанных фольклористами в XIX веке, в которых также довольно ярко отразились крепостнические отношения.⁴⁰

Большой интерес представляют фольклорные записи, сделанные в XVIII веке лицами, которые сами являлись в той или иной мере организаторами освободительной борьбы против самодержавно-крепостнического строя.

Так, заслуживает внимания литературно-художественный сборник, составленный в 1789 году Василием Буниным.⁴¹

³⁸ Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих русских сказок. СПб., 1786; 1790; 1805; 1815; 1819 (здесь цитируется по изд. 1790 г., стр. 91—107); см. также: В. И. Чернышев. Русские сказки в изданиях XVIII века. В сб.: Сергею Федоровичу Ольденбургу, Л., 1934, стр. 587—588; И. Колесникова. Русские сказочные сборники последней четверти XVIII века. Уч. зап. Ленингр. унив., № 33, сер. филолог. наук, вып. 2, 1939, стр. 207.

³⁹ Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных иждевением московского купца Ивана Иванова. Ч. I. М., 1795. — В составе этого сборника имеются две ранее напечатанные сказки под заглавием: Сказки о Климке, о Катерине Сатериме (в типогр. А. Решетникова, 1794), — «Сказка о Климке» напечатана на стр. 3—26.

⁴⁰ Значительная часть таких сказок помещена в сборнике «Русские народные сказки. Барин и Мужик. Редакция и предисловие Ю. М. Соколова», Academia, 1932; см. также сборник «К воле», составленный Н. Л. Бродским (М., 1911).

⁴¹ Этот сборник хранится в собрании древнерусских рукописей Отдела древнерусской литературы ИРЛИ.

Из произведений, включенных в этот сборник, видно, что его составитель глубоко и искренне ненавидел самодержавие и все его устремления были направлены на то, чтобы показать непримиримость классовых интересов крестьян и помещиков. Содержание сборника, время его составления и место, где он имел хождение, дают основание считать, что он принадлежал известному в истории крестьянского движения XVIII века сержанту Василию Бунину, судившемуся в 1788 году Киевской палатой уголовного суда за тайный «умысел» поднять народное восстание.⁴² Некоторые из свидетелей, допрошенные следствием, показали, что они принимали Бунина за Петра III. Однако сам Бунин никогда не выдавал себя за самозванца.

Василий Бунин происходил из орловских однодворцев; с 1763 года он служил в Старооскольском гусарском полку, в котором дослужился до сержанта; после отставки в 1779 году жил недолго у своего отца и служил копиистом в Мценском нижнем земском суде; в 1783 году был исключен из суда, как ненадежный чиновник, после чего долго скитался по разным местам, убежал в Польшу, менял фамилию и жил по фальшивым паспортам; в 1787 году оказался в Киеве и был выдан полиции. Из судебных материалов видно, что это был умный, энергичный человек, прошедший суровую жизненную школу, перенесший за свои революционные убеждения многие невзгоды.

Некоторые из этих биографических данных подтверждаются отдельными записями названного нами сборника. В его составе есть антицаристское стихотворение, в котором оценка политических событий дана с солдатских позиций, близких сержанту Бунину. На нескольких листах сборника имеются подписи Бунина: «Сия книга Василия Бунина» (л. 2); «Василей Бунин писал до конца» (л. 6); «Конец предложенных курьезностей. 1789-го года месяца октября. Писал Василий Бунин» (лл. 67, 77) и т. д.

В сборник Василия Бунина входят шуточные, любовные стихи, анекдоты, сказки, пародии и др.

Анекдоты и рассказы о барской глупости и зазнайстве написаны в широко бытовавшей тогда в народе виршевой форме, простонародным языком.

На листах 15—18 написан рассказ «О прохожем человеке». В нем рассказывается о двух кичливых дворянах и мужике, к которому они относились с обычным барским высокомерием. Мужик затем оказался умнее их. Он ловко отомстил дворянам за их высокомерие и осмелял их перед народом.

⁴² Об этом см.: И. П. Шульгин. Еще тень Петра III. Русский архив, 1871, кн. XII, стр. 2055—2065; Евгений Альбовский. Отголосок пугачевщины на Украине. Русский архив, 1898, кн. XI, стр. 297—308; К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. Исторические записки, 1950, № 31, стр. 131.

Сюжет этого рассказа сходен с сюжетом лубочной картинки, помещенной в книге Д. Ровинского.⁴³ Однако текст, напечатанный у Ровинского, значительно отличается от рассказа, записанного Буниным. У Ровинского вместо мужика выведено некое неопределенное лицо, названное «бесстыдным», и все его действия против дворян описаны в осуждающем тоне. У Бунина рассказ от начала до конца носит ярковыраженный антидворянский характер. В нем говорится:

Один мужик дорогою и шел
И для нужды своей в трактир зашел,
Где сидели два небогие дворяны.
Усмотрел он, что они гораздо убраны.
Мужик хотя был в худой одежде
И оставался в курioзной надежде;
Ни о чем сомнения не имел,
Тут же вместе с ними за стол сел.

Далее описывается, как дворяне начали над мужиком «смехи учинять, хорошева кушанья ему есть не давать». Они забрали себе все ложки и над мужиком смеялись:

«Каналия тот ничево не разумеет,
Который без ложки кушать не умеет».
Мужик догадался,
Лишь рассмеялся.
Зараз взял хлебную корку
И в ней выдолбил, как в ложке, норку;
Воткнул вилки, стал кушанье хлебать,
А дворяне на него начали взирать.

Дворяне еще раз решили посмеяться над мужиком. Когда на стол подали жареную дичь, они «все поставленное по себе разобрали, а мужику тому голых костей наклали».

Увидел мужик таковые дворянские насмехи,
Вздумал и он им учинить равные помехи.
Тотчас на стол поставили на блюде от молока творог
И внесли жареного колкуна и пирог.
Еще поставилась оловянная чаша,
В ней была презиридная молочная каша.
Все тое мужик никому не давал,
Но к себе поближе подвигал.

Мужик, благодаря своей находчивости, заставил высокомерных дворян признать принцип равноправия. Дворяне, лишившись еды, взмолились:

Мы знаем давно эти вести.
Что надобно б всем кушать вместе.

На это им мужик дерзко ответил:

Постойте, теперь воля не ваша,
Ко мне пришла в гости молочная каша.

⁴³ Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, стр. 57.

В другом рассказе, помещенном в сборнике Бунина — «О проежем мужике и дворянине», повествуется о том, как мужик заехал оглоблей в спину дворянина, когда последний не уступил ему дороги. Сюжет этого рассказа сходен с сюжетом лубочной картинки № 217 в упомянутой книге Ровинского (т. I, стр. 252) «Суд дворянина с мужиком». У Ровинского мужик назван глупым и мораль рассказа выражена так: «Мало то годитца умному с глупым судитца». У Бунина рассказ направлен против дворянина и концовка совсем иная. В рассказе у Бунина говорится о том, как

Некий дворянин ехал дорогою впереди,
А мужик брел за ним тем же путем позади,
Которой на лошади вез воз дров продавать,
Чем бы мог себя с женою пропитать.
Мужик кричит тому дворянину: — «Господин, поберегись,
Вить ты видишь, что я еду с возом, посторонись!»

Заехав оглоблей дворянину в спину и разодрав ему епанчу, мужик крикнул:

А ты лихо больно спесив стал,
За то я тебе в спину и оглоблею попал.

Дворянин потащил мужика в суд. На суде мужик прикинулся немым, и судья отказался его судить. Тогда дворянин начал спорить с судьей и признался, что мужик просил его посторониться.

Слыша, судья только рассмеялся
И о той просьбе догадался.
Говорил дворянину:
«Почто ж ты, дворянин, суда просишь,
И в такой себя стыд токмо вводишь.
Когда мужик громко кричать для тебя чтился,
То для чево ты ему не посторонился?».

Таким образом, мужицкая правда восторжествовала.

Фольклорных источников, раскрывающих настроение угнетенных масс, дошло до нас относительно немного. Долгое время они сохраняли свою политическую остроту и поэтому не могли попасть в печать.

При Екатерине II за пение «дерзких песен» простолюдинов арестовывали. Так, в 1780 году Петербургский нижний надворный суд рассматривал дело по обвинению жены матроса Агафьи Абросимовой в пении антикрепостнических песен. Тот же суд судил за пение на улице таких песен дворового человека Василия Кузьмина. В 1781 году этот же суд приговорил к наказанию еще нескольких дворовых людей за пение антикрепостнических песен.⁴⁴

⁴⁴ См. дела Петербургского нижнего надворного суда, хранящиеся в Государственном историческом архиве Ленинградской области, ф. 1716, оп. 1, №№ 161, 162, 570.

Фольклорные источники имеют важное значение для установления зависимости творчества писателей от настроений крепостных крестьян. Радищев разделял настроения народных масс и, как видно из его произведений, внимательно изучал народные песни, чтобы лучше понять по ним «образование души нашего народа».

Народное творчество второй половины XVIII века свидетельствует об острой идеологической борьбе в период, когда жил и писал Радищев. Оно имеет также большое значение и для правильного понимания того, как складывалось отношение тогдашних русских писателей XVIII века к народной жизни и к народной культуре.

Среди писателей, возмущавшихся жестоким обращением помещиков с крестьянами, были и такие, которые сами отнюдь не являлись сторонниками освобождения крестьян. Так, например, Сумароков, писавший в Вольное экономическое общество о том, что «свобода крестьян не токмо обществу вредна, но и пагубна», одновременно давал помещикам такие наставления:

На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?

С обличением жестокости помещиков Сумароков выступает в «Хоре к превратному свету». «Из-за полночного моря, из-за холодного океана» прилетела на берег синица, рассказывает он. От нее хотят узнать, как живут люди за морем. Она рисует идиллическую картину жизни, где

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят;
За морем людьми не торгуют...
За морем нет тунеядцев,
Все люди за морем трудятся,
Все там отечеству служат;
Лучше работающий там крестьянин,
Нежели господин тунеядец;
Лучше не расчесаны кудри,
Нежели парик на болване.

В целом сатира Сумарокова никогда не поднималась до обобщающих обличений социального зла, но тем показательнее, что и в ней народная жизнь давала о себе знать. Народная жизнь врывается в творчество многих русских писателей, будила их гражданскую совесть. Поэт Василий Петров в послании к Силову, отстаивая мысль о равноправии, писал:

Иль мнишь, за душу пар вложен в простолоудина,
Во место крови дегть, и вместо сердца льдина?
Увы, по сих ты пор невежества во тьме,
Дач много у тебя, а пустоши в уме!

Журнал «Смесь» подвергал сатирическому осмеянию тех, кто считал «ум барский» яснее ума мужика. Неизвестный нам автор

«Речи о существе простого народа», напечатанной в журнале, высмеивает тех стихотворцев, которые прославляют мнимые добродетели богатых и гордых дворян. «Стихотворцы прославляют добродетели лирическим гласом, — пишет он, — однако я никогда не читал похвальной оды крестьянину, так же как и кляче, на которой он пашет».

Новиков в эпиграфе к журналу «Трутень» (1769) подчеркнул паразитический образ жизни дворянства: «Они работают, а вы их труд ядите!».

Своеобразное преломление получила жизнь русской деревни в комической опере. В комических операх Майкова, Попова, Николаева и др. наряду с идеализацией отношений между помещиками и крестьянами было также и обличение помещичьего насилия.

В «Деревенском празднике» Майкова (1777) нет непосредственного изображения тяжелой крепостной жизни, но о ней говорят на протяжении всей оперы. В опере выведен добродетельный помещик, который все время уверял гостей в том, что его крепостные живут весело и всем довольны, а потом вдруг в сцене гадания выясняется, что староста беспощадно обирает крестьян.

В опере Попова «Анюта» (1772) крестьянин Мирон, охваченный горестными размышлениями о своей жизни, поет:

Боярская забота:
Пить, есть, гулять и спать;
И вся их в том работа,
Штоб деньги обирать.
Мужик сушишь, крушишь,
Потей и работой,
И после кош взбесися,
А денежки давай.
Вот наша жизнь какая,
Проклятая! благая!

Аналогичная мысль выражена в опере Николаева «Розана и Любим» (1778), где хор помещичьих псарей поет:

Барское счастье — наше несчастье,
Барское ведро — наше ненастье.
Их забота —
Наша сухота;
Их забава —
Наша отравка;
Их беда —
Хлеб да вода;
Хлеб да вода —
Наша еда.

В основу сюжета «Розаны и Любима» положена ситуация, типичная для того времени. Богатый помещик Щедров насильно увозит в свою усадьбу приглянувшуюся ему дочь крепостного крестьянина Розану, помолвленную за рыбака Любима, и пытается сделать ее своей любовницей. Отец девушки, убитый горем, в от-

чаянии восклицает: «Боже мой! какое беззаконие!». О Щедрове он говорит: «Етот честной и хвальной сосед во всем околодке? Так вот добродетели то знатных бояр! Коли не раззоряют соседей, так увозят девок, не ставят за грех обесчестить бедного человека с тем, чтоб бросить ему деньги!.. Не христианин! не знает он, что честь также дорога и нам!».

В русле критического отношения к крепостной действительности развивалось творчество Фонвизина.

Ненавистью к помещичьей тирании проникнуто творчество Крылова, начиная с его первого драматургического опыта «Копейница» (1783—1784).

Пафосом обличения «властителей и судей» современного ему общества был охвачен Державин. В первой редакции переложения 81-го псалма он писал:

Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля.
Не ведают, что с бедных стона
Неправдой движется земля.

Эти и многие другие факты показывают, что в обличении помещичьего гнета русская литература второй половины XVIII века шла по пути, намеченному народной поэзией, в ряде случаев она разрабатывала те же сюжеты и темы, что и фольклор.

При наметившейся тенденции сближения русской литературы с жизнью народа существенным переменам должна была подвергнуться и эстетическая мысль. Поэтому далеко не случайно, что писатели второй половины XVIII века проявляют большой интерес к собиранию и изучению фольклора, издают народные песни, сказки, пословицы и поговорки. Но соотношение народного поэтического творчества и художественной литературы XVIII века до сих пор остается еще малоизученным.

Долгое время в историко-литературных работах не было достаточно ясного понимания причин, которые обусловили интерес писателей XVIII века к народной эстетике. Некоторые исследователи видели в их увлечении народным творчеством увлечение стариной, уход от действительности. Другие безоговорочно утверждали, что в русской литературе XVIII века господствовало отрицательное отношение к народному творчеству.

В действительности же народная поэзия оказала в XVIII веке большое влияние на развитие русского стихосложения, на реформу, проведенную Тредиаковским и Ломоносовым. «Пусть отныне перестанут противно думающие думать противно, — писал Тредиаковский, — ибо, поистине, всю я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему стиху приличного; и буде желается знать, но мне надлежит объявить, то поэзия нашего простого народа к сему меня довела. Даром, что слог ее весьма не красный от неискусства слагающих; но слад-

чайшее, приятнейшее и правильнейшее разнообразных ее стоп, нежели иногда греческих и латинских, падение подало мне непогрешительное руководство к введению в новый мой эксаметр и пантаметр оных выше объявленных двосложных тонических стоп».⁴⁵

Ряд русских писателей XVIII века начинает подражать народному стиху. Так, в 1769 году Василий Майков писал по поводу взятия русскими войсками турецкой крепости Хотин:

Во златой век на севере,
При премудром правлении
Тишиной наслаждался
Всероссийское воинство.
Что не громом, не молнией —
Вероломными советами
Загорался восток войной,
Что войной неправильной.
Возгордяся неверный царь...
Возгордясь Мустафа султан
Изменил слово верное
И нарушил с Россией мир,
Поднимался со воинством,
Что не со стом, не с тысячей...
Посылал свое воинство,
Мнил Россию к ногам попать,
Посреде лета красного,
При Хотине при городе,
На берегах у Днестра реки
Не две тучи сходилися,
Что сходились две армии —
Со российской турецкая.
Там не грозная молния —
Возблестало оружие
Православного воинства...⁴⁶

Л. Н. Майков так оценивал это стихотворение: «Эта небольшая пьеса размером своим близко подходит к складу народных песен и представляет замечательную попытку воспроизвести некоторые заимствованные из них образы и речения. В ней автор употребляет свойственные нашей народной поэзии эпитеты, отрицательные уподобления, повторение предлогов и т. п. Вследствие того, как по замыслу, так и по исполнению пьеса эта стоит совершенно особняком среди современного ей стихотворства».⁴⁷

Подражание складу народных песен становится частым явлением в русской поэзии XVIII века. С народным стихом ассоциируется целый комплекс понятий: простота, естественность, национальное содержание, патриотизм и т. п. Н. А. Львов в посвящении комической оперы «Ямщики на подставе» (1788) прямо заявлял:

⁴⁵ Новый и краткий способ к сложению российских стихов... чрез Василия Тредиаковского. СПб., 1735, стр. 24—25. Разрядка моя, — Д. Б.

⁴⁶ Сочинения и переводы Василия Ивановича Майкова. СПб., 1867, стр. 502—503.

⁴⁷ Там же, стр. X.

Я от тебя не потею,
По нотам мерного я не причастен вою,
Доволен песенкой простою,
Ямскою, хватской, удалою;
Я сам по русскому покрою
Между приятелей порою
С заливцем иногда пою.

Свою приверженность к народной форме стиха Львов декларировал и в поэме «Добрыня» (1794), которая, как сообщают друзья Львова, была написана с целью доказать, «что можно даже написать целую русскую эпопею в совершенном русском вкусе».⁴⁸ Она начинается следующими стихами:

О темна, темна ночь осенняя!
Не видать в небе ни одной звезды,
На сырой земли ни тропиночки;
Как хребет горы, тихо лес стоит,
И ничто в лесу не шалохнетя;
Гул шагов моих мне наводит страх. —
О темна, темна ночь осенняя!⁴⁹

Карамзин, следуя опыту Львова, написал «богатырскую сказку» «Илья Муромец». В примечании к ней он утверждал: «В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами».

Высокую художественную ценность признают за народной поэзией изданные в последней четверти XVIII века литературно-музыкальные сборники русских народных песен. В 1776 году сын украинского священника, бывший «камер-гуслист» при дворе Елизаветы Петровны В. Ф. Трутовский издал первую часть своего «Собрания русских простых песен с нотами». Интерес передовой русской интеллигенции к народной песне проявился еще до издания этого собрания, о чем свидетельствуют дошедшие до нас записи народных песен в нотных рукописных сборниках 50—60-х годов XVIII века.

Выдающимся событием русской литературно-музыкальной жизни было издание в 1790 году сборника «Собрание народных русских песен с их голосами», составленного Н. А. Львовым.⁵⁰ Н. А. Львов в течение многих лет собирал материалы для этого сборника, увлекал этой работой многих друзей, часто собиравшихся в его доме. На литературно-музыкальных вечерах Н. А. Львова исполняли народные песни. «Случилось раз, — вспоминает В. В. Капнист, — что у друга моего, покойного Николая Александровича Львова, собравшиеся родственники и приятели пели простонародную песню „Высоко сокол летел“; в то самое время входит известный превосходными музыкальными со-

⁴⁸ Журн. «Друг просвещения», М., 1804, № IX, стр. 195.

⁴⁹ Там же, стр. 196—197.

⁵⁰ 2-е издание вышло в 1806 г.; 3-е издание — в 1815 г.

чинениями Сартти; он останавливается, слушает со вниманием, наконец, примечают его и перестают петь. Он осведомляется об имени сочинителя и получает в ответ, что это простонародная русская песнь. Удивленный, просит он о повторении оной. Превознесен похвалами отмеченного музыкального рода сочинение сие, удивляется искусству поющих столь, по мнению его, трудный хор. Ему отвечают, что нет ничего легче, и что простонародные певцы поют оный с такою же точностью. Сему ученый музыкант никак верить не хочет. Спустя час, просят его выйти на широкий двор, где 12 гребцов, нанятых покойным графом А. А. Безбородко, пели хор сей. В изумлении почтенный Сартти перебегает от одного певца к другому, вслушиваясь, и по окончании песни признался, что был свидетелем делу невероятному; что по грубости голосов невозможно было предположить такой точности в исполнении; тем более что певцы, каждый особенно, не наблюдали в напеве своем определенных каждому голосу нот; но часто переменяли оные, без нарушения общего стройногласия в хоре. Он уверял, что для изучения оного нужно было бы лучшим италиянской оперы певцам употребить целую неделю, по написанным, на каждый голос нотам; но что спеть толь трудный хор, без соблюдения оных, почитал невозможным».⁵¹

О мотивах, заставивших его обратить внимание на русские народные песни, Львов писал: «Можно себе вообразить, какой богатый источник представит собрание сие для талантов музыкальных, какое новое и обширное ристалище не токмо для Гейденов, Плеилев, Дово и проч., но и для самих сочинителей опер, какое славное употребление могут сделать они и из самой странности музыкальной, какая есть в некоторых песнях наших... Может быть, не бесполезно будет сие собрание и для самой философии».⁵²

Широкое признание получают во второй половине XVIII века и русские народные танцы, пляски. Постановщики опер широко вводят их на театральную сцену.

Признание за народными песнями и танцами большой художественной ценности являлось одним из первых шагов русской интеллигенции на пути усвоения народной эстетической культуры.

Внимательно присматриваясь к разным сторонам народной жизни, проявляя живой интерес к эстетической культуре народа, русская литература второй половины XVIII в. не могла не столкнуться с вопиющим противоречием между высокой духовной одаренностью народа и его бесправным, жалким положением в самодержавно-крепостническом обществе. Капнист, возмущенный закрепощением крестьян Украины, написал «Оду на рабство». Народ в цепях — таков зрительный образ, проходящий через все произ-

⁵¹ ИРЛИ, ф. 122, № 95, лл. 30—31.

⁵² Собрание народных русских песен с их голосами. 1790, стр. XI.

ведение («И раздается звук цепей»); крестьяне изнывают от непосильного крепостного труда («Потоками льют пот кровавый»); они лишены всех радостей жизни:

Исчезли сельские утехы,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих.

Некоторые из писателей задумывались над вопросом, как изменить существовавший строй. Так, известный публицист князь М. М. Щербатов в книге «Путешествие в землю Офирскую» (1783—1784) грезил об аристократической республике, о форме правления, существовавшей в древнем Риме.

Щербатов целиком находился во власти узко кастовых интересов, был чужд революционной логике Радищева; автор «Путешествия из Петербурга в Москву» и оды «Вольность» в отличие от Щербатова свои надежды возлагал не на аристократию, а исключительно «на бунт от мужиков».

5

Ода «Вольность» делится на две части, разные по содержанию, но логически неотделимые одна от другой. По своему построению она похожа на «Утопию» английского писателя Томаса Мора (1478—1535). Первая часть оды, так же как и первая часть «Утопии» Мора, представляет собой литературно-политический памфлет; здесь Радищев выступает с беспощадной критикой современных ему общественно-политических порядков, бичует церковь за то, что она помогает царской власти держать народ в «ярме порабощенья». О союзе церкви и монархии он пишет:

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
Закон се божий — царь вещает;
Обман святой, — мудрец взывает,
Народ давить что ты обрел.

В 10-й строфе Радищев обличает ту гнусную атмосферу рабства, которую церковь создала вокруг царского трона:

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,

Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут.

Здесь Радищев выступает единомышленником английского писателя, защитника беднейшего крестьянства Джерарда Уинстенли, упомянутого выше. В «Песне диггеров» Уинстенли обличается священник, который во всем стоял за джентри:

Священник за них во всем,
И он называет грехом,
Когда мы хотим начать
Свободу себе добывать.

В критике церкви Радищев опирался на произведение Вольтера. «Оглянись назад, — писал он в «Путешествии», — кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет: невежество, рабство, инквизиция и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы».

В записке «О законоположении», имея в виду произведения Вольтера, в которых тот обличал церковь и дворянство, Радищев писал: «Вольтер проповедывал терпимость до безголосицы, бич гонения воздвиг на суеверие и пустосвятство преследующим оружием насмешки, и язык его, яко бритва изощренных, сокрушил сии бранные исступления».⁵³

С особой силой в первой части оды Радищев выступает против крепостного права:

Покоя рабского под сенью
Плодов золотых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там неподручны.
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол

В критике крепостного рабства Радищев опирался на уже сложившуюся традицию русской литературы. Одним из литературных источников оды «Вольность» была «Ода на рабство» Капниста, о чем писал еще В. П. Семенников.⁵⁴ Ода Радищева близка к следующим строкам Капниста:

Возрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей;
Где нет любезных свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,

⁵³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 147.

⁵⁴ В. П. Семенников, Радищев, стр. 446—448.

К уничижению осужденны,
Несчастий полную чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И злее смерти жизнь кланут.

Строкам Радищева

Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол...

соответствуют следующие строки Капниста:

Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.
Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонят прочь.

В. П. Семенников, указывая на несомненную близость отдельных мест од Радищева и Капниста, не мог установить, какая из них была написана раньше. «Радищев ли повлиял на Капниста, — писал он, — или обратно — мы решить не беремся; так как точная дата оды „Вольность“ неизвестна, то хронология допускает и то и другое предположение».⁵⁵

В настоящее время, уточнив время создания оды «Вольность», можно считать, что она была написана позднее «Оды на рабство». Следовательно, воздействие оды Капниста на Радищева не подлежит сомнению. Опубликованные недавно высказывания Капниста о Радищеве свидетельствуют, что Радищев был и лично знаком с Капнистом, даже мог читать его оду задолго до появления ее в печати.⁵⁶

В смелой критике царского деспотизма Радищев превзошел своих современников:

Чело надменное вознеси,
Приняв железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея,
«По воле, — рекл, — щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велею коль жить».

⁵⁵ Там же, стр. 448.

⁵⁶ См.: Д. С. Бабкин. А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста. Русская литература, 1958, № 1.

Представленный здесь образ царя по многим деталям («чело надменное», «железный скипетр», «властно севши», «нахмурюсь грозно») создан писателем-революционером, взглянувшим на царский трон глазами народа.

Если соотнести это изображение царя с Екатериной II, то в каждом стихе 12-й строфы видны намеки на реальные факты. Например, стих «Я властью могу дарить» может восприниматься как намек на щедрость Екатерины к своим фаворитам. Между прочим, по свидетельству С. Н. Глинки, Потемкин усмотрел в книге Радищева выпад против себя.⁵⁷ Но Радищев имел в виду не только Екатерину II. Нарисованный им образ царя представляет собой широкое обобщение.

До Радищева в литературе уже сложилась определенная традиция изображать царей, не проявлявших заботы о благе своих подданных. Авторы романов и политических трактатов, выступавшие с изображением царей, обычно противопоставляли дурным правителям хороших, «образцовых» царей. Чаще всего идеальный царь был просветителем, «отцом» своих подданных. В литературе, стоявшей на позициях просвещенного абсолютизма, на первый план выдвигалась проблема дидактическая — воспитание добродетельного монарха, по отношению к которому у народа не должно быть иной обязанности, кроме безоговорочного послушания. Вопрос о воспитании такого монарха ставился в ряде произведений типа романа Фенелона «Приключения Телемака»⁵⁸ и «Персидских писем» Монтескье.

Фенелон, воспитатель бургундского герцога, писал, что стремился представить в «Приключениях Телемака» «все истины, необходимые для правительства, и все прегрешения, в которые может впадать верховная власть».⁵⁹

Роман Фенелона, переложенный на стихи Тредиаковским, был широко известен в России. Радищев взял из него эпиграф к «Путешествию»: «Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и лаей». Это строка из 18-й книги «Тилемахиды», где дается пространная характеристика злым царям, которые за свои преступления были повержены в тартар:

Там, наконец, Тилемах усмотрил царей увенчанных,
Употребивших во зло свое на престолах могущество.
Им с одной стороны едина из мстящих Евменид
Предпоставляла зеркало, пороков их мерзость казавше.
В то смотрелись они, да в том не могли ж и не видеть
Грубые толь величавности, алчные хвал смехотворных;

⁵⁷ С. Н. Г л и н к а. Записки. СПб., 1895, стр. 205—206.

⁵⁸ О русских переводах романа Фенелона см. обстоятельную статью акад. А. С. Орлова «„Тилемахида“ В. К. Тредиаковского» (сборник «XVIII век», М.—Л., 1935, стр. 5—55).

⁵⁹ Там же, стр. 23.

Также и жестоты своая к человекам подвластным,
Должны которых были всегда благостными делать;
И всего ж отвращения от добродетели всяки.
Страха притом и боязни, слышать истину точно;
Склонности к людям негодным, к ласкателям же подлодушным;
Лености, неги, и нерадивства, и подозрений,
Пышности, и велелепий своих по-премногу чрезмерных,
А основанных всех на людей разорении крайнем;
И властолюбия, и любочестия, тщетны и славы,
Приобретаемы кровию многих своих подчиненных.
Но, наконец, своая и лютности, ищущи всяк день
Новых себе утех в слезах и отчаяньи бедных.
В том зеркале они смотрили себя непрестанно;
И находились гнуснейши и страшилищны паче.
Нежели Химера та, побежденная Веллерофонтом,
Нежели Идра Лернейска, самим Ираклием сраженна,
И напоследок, нежели тот преужасный пес Кервер,
Чудище обло, озорно, огромно, с тризвонной и лаей,
Из челюстей что своих кровь бляует ядовиту и смольну,
Коя могла б заразить живущих всех земнородных. . .

В лицах сих же вревавших в страх Тилемаха и ужас,
Многие он усмотрил из царей тех древних лидийских,
Мучимых за предпочтенность утех трудам надлежащим,
Коиm должно быть всегда неразлучным от царства,
На облегчение людям и всем подчиненным народам.
Сии цари укоряли себя слепотою взаимно.

Тот говорил другому, себе в жизнь бывшему сыну:
Я не часто ль тебя увещал, пред смертью в старость,
Все зло поправить, моим нерадением сталось которого?

Сын отвечал: «О ты отец мой, толь злополучный!

Ты меня погубил: от тебя я сам научился
Пышности, гордости, роскоши, неге и величавству,
И жестоте тиранской к людям, бывшим подвластным.
Видя тебя на престоле толико изнежена духом
И толь многих окрест себя там льстивцов имевша,
Я приобик любить ласкательства купно утехи.
Я помышляя, что все человеки прочии были
То пред царями, что скот работный пред человеки,
Кой потолыку полезен есть, поколику он служит
И способствует быть поколику жизни выгодной.
Так я мнил, для того что меня так мнить ты заставил.
А теперь толь люто страдаю, тебе подражавший.⁶⁰

Монтескье в «Персидских письмах», резко бичуя правление Людовика XIV и других самодержавных правителей, также, подобно Фенелону, дает советы, по которым цари должны управлять государством.

После Фенелона и Монтескье в литературе XVIII века стало модой поучать царей, давать им советы, открывать глаза на недостатки царствования. Из сочинений иностранных авторов, отразивших мечты об идеальном правителе, следует назвать книги

⁶⁰ Тилемахида, т. II. СПб., 1766, стр. 104, 106.

Рамзея,⁶¹ Террасона,⁶² Гольберга,⁶³ Галлера⁶⁴ и др. В русской литературе вопрос о воспитании добродетельного монарха трактовался в произведениях Ф. Эмина — «Приключения Фемистокла» (1763); Хераскова — «Нума, или Процветающий Рим» (1768), «Кадм и Гармония» (1786), П. Львова — «Храм Истины» (1790) и др.⁶⁵

Ф. Эмин в критике не порядков не поднимается до широких социальных обобщений. Худым царям и министрам он спешит противопоставить добродетельных.

Херасков попытался дать более целостную концепцию воспитания добродетельного монарха, чем Ф. Эмин. В ней отразились элементы масонской идеологии. Нума, римский царь, старается усвоить свою власть не столько на принуждении, сколько на «религии сердца». Удаляя из своего дворца охрану, он говорит поданным: «Я не принял бы вашего венца, ежели бы я опасался вас, и лучше хочу любовь произвести, нежели страх в сердцах моих поданных... Ваше усердие и любовь ко мне будут мне воинами и оградою моею.»⁶⁶

«Горе царю! — восклицает Кадм, герой второго романа Хераскова «Кадм и Гармония», — горе каждому властителю! горе каждому начальнику, страх, а не любовь, в сердца человеческие впечатлевающему. Будут трепетать пред таковым; опасность и боязнь напишется на их лицах, но внутренность, льду или камню подобная, никогда склонности к таковым властителям ощущать не удобна.»⁶⁷

Сознавая нежизненность своего идеала, Херасков смотрел на него как на художественный вымысел. В предисловии к повести «Нума, или Процветающий Рим» он пишет: «Сия повесть не есть точная историческая истина; она украшена многими вымыслами, которые, не уменьшая важности нуминых дел, цветы на них рас-

⁶¹ Рамзей. Новое киронаставление, или Путешествие Кира, с изложенными разговорами о богословии и баснотворчестве древних. Пер. с франц., 2 части, 1765; 2-е изд., 1785, под названием «Новая Киропедия».

⁶² Террасон. Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая. М., 1762—1768, 4 части; 2-е изд., 1787—1788.

⁶³ Гольберг. Подземное путешествие, представляющее историю разнородных, с удивительными и неслыханными свойствами животных, также образцов жита и домостроительства оных... СПб., 1762.

⁶⁴ Галлер. Плоды трудов прозаических сочинений. Ч. I, содержащая в себе изображение самовластного в государстве единоначалия в образе Усонга, в восточной повести описанное, ч. II, содержащая в себе изображение аристократического, или властью законов ограниченного, в государстве правления, в образе Альфреда, короля англосаксов описанное. Пер. с нем. Н. Поливанов. СПб., 1783—1784; 2-е изд. под названием «Увенчанные подвиги людей мудрых и великих», 1793.

⁶⁵ Обзор литературы по этому вопросу дан в книге В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа», т. I, вып. 1 (СПб., 1909, стр. 114—163)

⁶⁶ Нума, или Процветающий Рим. М., 1768, стр. 25.

⁶⁷ Кадм и Гармония, Ч. I. М., 1786, стр. 149.

сыпают... Как бы то ни было, должно признаться, что ежели бы все такие мысли имели, какие имел сочинитель сей книги, тогда бы человеческий род не несчастлив был, ибо истина, добродетель и правосудие торжествовали бы на земли.

Во второй половине XVIII века проблема обличения дурных царей широко обсуждалась в литературе, но критика их у большинства авторов, как справедливо указал В. В. Сиповский, «носила очень смиренный характер, быть может, не превышая суетного желания щегольнуть чисто литературной мёдой — ругнуть придворных, дать „поучение“ государю, нарисовать утопию».⁶⁸

Радищев был хорошо знаком с этой литературой, и некоторые из названных произведений были литературными источниками оды «Вольность». Легко видеть из приведенных отрывков из «Тилемахиды», что ряд содержащихся в них образов и сравнений, как-то «чудище», «идра лернейска» и др., Радищев непосредственно использовал в своей оде.

Используя отдельные литературные приемы и образы из произведений других авторов, Радищев дал им совершенно новое осмысление. В оде «Вольность» он не противопоставлял дурным царям хороших, как это делали до него, а поставил вопрос об уничтожении монархии вообще и замене ее демократическим строем. Первая часть оды завершается величественной картиной народного суда над царем. Народ, совершивший революцию, ликует:

В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

В 25-й строфе намечается переход ко второй части оды, в которой изображен новый общественный строй:

На вече весь течет народ;
Престол чугунный разрушает,
Самсон, как древле, сотрясает
Исполненный коварств чертог.
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

Приведя эти стихи в «Путешествии», Радищев пишет: «В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы и действия ее; то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие».

⁶⁸ В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1 (XVIII век), стр. 143.

Понятие вечевое правления, введенное в оду, ассоциируется с порядком, существовавшим в древней новгородской республике. По-видимому, не случайно Радищев так подробно останавливался на описании Новгорода в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в исторических записках «К Российской истории». «Известно по летописям, что Новгород имел народное правление, — писал он в «Путешествии». — Хотя у них были князья, но мало имели власти. Вся сила правления заключалась в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на вече был истинный государь...».

Свою политическую концепцию переустройства общественного строя Радищев создавал с учетом своеобразия исторического развития России. Ему было присуще глубокое чувство историзма. Внимательно изучая работы лучших представителей западноевропейской политической мысли, в частности сочинения Монтескье и Руссо, он находил их чрезмерно абстрактными, созданными без учета исторического развития стран. «Монтескью и Руссо с умствованием много вреда сделали, — пишет он. — Один мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассирийские правления и Францию. Забыл о соседях своих. Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие».⁶⁹

Рисую в оде «Вольность» новый общественный строй, Радищев пишет, что земля должна принадлежать тем, кто обрабатывает ее собственным трудом:

Дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет.

Армия должна быть организована по образцу революционной армии Америки, где военачальники выделяются из среды самих воинов:

Вождем тут воин каждой зрится.

Большое внимание в оде уделено охране завоеванной свободы. Именно этой безграничной тревогой проникнута строфа 38:

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенный стрясут;
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан льют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти.
Что обществу устроит казнь.

⁶⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 47.

Будущий идеальный общественный строй Радищев изображает с учетом стремлений угнетенных масс не одной, а многих стран. Он не замыкает революцию в рамки одной страны. На примерах, взятых из английской и американской революций, он показал, что революция — явление интернационального значения, что у всех борющихся за свободу народов общая цель, общий враг. Опыт одной революции, как это показывает Радищев на примере деятельности Кромвеля, может быть поучителен и для других народов («Но научил ты в род и роды, как могут мстить себя народы»).

В оде «Вольность» Радищев создал образ поэта-революционера, мудрого, пронизательного наставника, не обольщавшего массы легкими победами, но указавшего им единственно правильный путь борьбы. Этот образ сливается с реальными чертами самого Радищева. Таким он предстает перед читателями в «Путешествии из Петербурга в Москву» и других произведениях.

Философ, реалистично рассуждавший об отношениях между предметами и явлениями, Радищев в то же время был страстный мечтатель. Именно мечта о народной революции воодушевила его на создание оды «Вольность» и «Путешествия».

В оде «Вольность» Радищев выступил как достойный последователь Ломоносова, высоко ценившего фантазию в литературе и науке. «Журналист, — писал Ломоносов, — не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе».⁷⁰

На оде «Вольность» лежит отпечаток художественного мышления Ломоносова. Беспредельный полет фантазии, свойственный ломоносовским одам, восхищал Радищева. «Воображению вещал, — писал он о Ломоносове, — лети в беспредельность мечтаний и возможности, собери яркие цветы одушевленного и, вождаяся вкусом, украшай оными самую неосязаемость».⁷¹

Успех оды Радищева объясняется не только тем, что почти полтора столетия после ее создания вопрос о народной революции волновал передовые умы России. Ода «Вольность» ведь не философско-публицистический трактат, призывающий к революции, а сложное художественное произведение, в котором высокая идейность сочетается с высокими поэтическими достоинствами.

Рисуя в оде народную революцию, Радищев стремился следовать правилу, которого он придерживался в «Путешествии из

⁷⁰ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 231.

⁷¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 388.

Петербурга в Москву» — верности изображения жизни. «Сила воображения и живое чувствование, — писал он в «Слове о Ломоносове», — не отвергают разыскания подробностей». Под «подробностями» Радищев понимал правдоподобие изображаемого. Революция, показанная в оде, не производит впечатления вымысла, воспринимается как правда, быль.

Высоко оценивая роль фантазии в искусстве, Радищев в то же время считал, что художник не может удаляться от действительности, если стремится к тому, чтобы его произведения воздействовали на умы и сердца людей. В понятие действительности он вкладывал широкий смысл: оно обозначало историю и повседневную жизнь, было категорией философской и эстетической.

Наивысшей похвалы Радищева удостоивались те произведения, в которых было выражено полное ощущение жизни, страдания, радости или борьбы. Когда герой умирает от ран, говорил он, то читатель или зритель должны чувствовать его муки. «Скажи, — пишет он о знаменитой скульптурной группе Лаокоон, — не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаокоона?». Напоминая о том, как Мeroпа в трагедии Вольтера хочет поразить кинжалом не узанного ею сына, он восклицает: «Не тебе ли Мeroпа, вознесши руку, вонзить хочет в грудь кинжал?».⁷²

Исходя из верности изображения жизни, Радищев в оде «Вольность» стремился придать воображаемому действию полную реальность. В центральной части оды, где изображается суд восставшего народа над царем, он ввел речь общественного обвинителя. В ней перечисляются конкретные преступления царя против его подданных, в истинности которых невозможно сомневаться. В 16-й строфе, указывая, что царь своим избранием на должность правителя страны был обязан народу, Радищев писал:

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти;
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лжи и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

Такое понятие об обязанностях монарха не было придумано Радищевым. Оно широко бытовало в западноевропейской и русской литературе. Довольно подробно о должности государя говорилось, в частности, в названном выше романе Фенелона, который привлек пристальное внимание не только Радищева, но и многих

⁷² Там же, т. II, стр. 55.

других русских людей, начиная с Петра I, Тредиаковского и кончая Державиным, Фонвизиным и Карамзиным.⁷³

В своих исторических выписках и заметках «К Российской истории» Радищев не раз отмечал факты, которые свидетельствовали о том, что в древней Руси народ сам выбирал себе правителей. Вот, например, его выписка из Несторовой летописи: «Отягченным податми володимирѣи говорили: мы есмо вольнии, а князей прияли к себе и крест целовали к нам на всем».

В 17-й строфе перечисляются трудовые подвиги народа, благодаря которым государство могло процветать:

Покрыв я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой.

Так в сознание современников Радищев внедрял уважение к народу-созидателю, перед которым кичливый царь казался ничтожным. Подобный прием был уже разработан в одах Ломоносова и удачно использовался не только Радищевым, но и Державиным.

Радищев благодаря тонкому мастерству и умелому использованию этого приема достигал правдоподобия изображаемого и дискредитации ненавистой монаршей власти. От приведенного выше описания дел народа он переходит к приговору над царем:

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истины велел;
Взывать стал не ко мне, но к богу,
Расчистил клевете дорогу,
А мной гнущаться восхотел.

Революция Радищева не была «внутренним бунтом» при пассивном подчинении обстоятельствам жизни, что случалось с некоторыми поэтами. В жизни, во всей своей литературной и общественной деятельности он стремился подготовить умы к пропаганде идей революции в широких массах.

⁷³ Подробнее об этом см. статью акад. А. С. Орлова «„Тилемахида“ В. К. Тредиаковского» в сборнике «XVIII век» под ред. А. С. Орлова (М.—Л., 1935).

РОЛЬ РАДИЩЕВА В СПЛОЧЕНИИ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ

1

Деятельность настоящего писателя — это всегда путь, пройденный вместе со страной. В XVIII веке передовая дворянская и разночинная интеллигенция шла учиться в семинарии и университеты, открывала типографии, организовывала журналы и литературные общества, использовала литературу для обличения тирании и крепостного рабства, и вместе с нею шел Радищев.

В буржуазной историографии долгое время держалось мнение, что у Радищева не было ни литературно-общественных связей, ни единомышленников, что он фигура одинокая. Это, конечно, неверно. Другое дело, что мало сохранилось материалов, раскрывающих литературно-общественные связи и подлинную роль Радищева в сплочении прогрессивных сил. Это является результатом преследования царским правительством передовых деятелей той эпохи.

С большим трудом, изучая распыленные архивы прогрессивных деятелей второй половины XVIII века, исследователи творчества Радищева по крупицам извлекают из них ценные сведения. Так, например, В. П. Семенников документально доказал участие Радищева в изданиях Общества, старающегося о напечатании книг, организованного Н. И. Новиковым.¹

В 1941 году был опубликован радищевский перевод статьи Антона Гики «Желания греков к Европе христианской», свидетельствующий о том, что Радищев еще в студенческие годы пытался установить связи с русской журналистикой.²

В Обществе, старающемся о напечатании книг, Радищев, очевидно, находил людей более или менее одинаково с ним настроенных, и развивал перед ними свои демократические мысли.

¹ В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 47.

² А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 403—407.

Понемногу начинают проявляться связи Радищева с прогрессивными деятелями того времени. Так, например, Г. П. Макогоненко установил факт личного знакомства Радищева с поручиком Федором Кречетовым, организовавшим в 80-х годах в Петербурге тайное общество. Кречетов с 1773 по 1775 год служил вместе с Радищевым в Финляндской дивизии и находился в его непосредственном подчинении.³

В бумагах А. Р. Воронцова удалось обнаружить документ, свидетельствующий о личном знакомстве Радищева с собирателем русских народных песен писателем Михаилом Чулковым. Чулков служил секретарем Коммерц-коллегии и часто встречался с Радищевым на заседаниях у А. Р. Воронцова. Иногда Воронцов поручал им обоим составление инструкций по делам Коммерц-коллегии и других документов.⁴

Об участии Радищева в Обществе друзей словесных наук писали П. Е. Щеголев⁵ и В. П. Семенников.⁶ В. Н. Орлов осветил деятельность Радищева в 1801—1802 годы в группе молодых прогрессивных писателей и публицистов.⁷

Из всех известных нам литературно-общественных связей Радищева наибольшего внимания заслуживает его деятельность в Обществе друзей словесных наук. П. Е. Щеголев и В. П. Семенников не раскрыли ее во всем объеме. Им не были известны многие документы, характеризующие цели и состав общества. Биографический подход к собранному материалу препятствовал раскрытию идеального влияния Радищева на деятельность Общества.

О принадлежности Радищева к Обществу друзей словесных наук стало известно из записок С. А. Тучкова, одного из учредителей этого общества, которые были опубликованы в 1908 году.⁸

Что это за общество, когда, кем оно было организовано и каковы были его цели?

В. П. Семенников, указывая на скудность материалов об этом обществе, писал: «Мы имеем только два-три печатных известия относительно Общества друзей».⁹ Он привел отрывок из письма

³ Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев и русская общественная мысль XVIII в. Вестник АН СССР, 1952, № 9, стр. 67.

⁴ Копия указанной инструкции, подписанной Радищевым и М. Чулковым, хранится в Центральном Государственном архиве древних актов (ф. Воронцова, № 602, д. Коммерц-коллегии, оп. 1, № 187).

⁵ П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева. Минувшие годы, 1908, декабрь; перепечатано в кн. Щ.: Исторические этюды, СПб., 1913, стр. 1—30.

⁶ В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева. В сб.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 211—289.

⁷ В. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Гослитиздат, Л., 1950.

⁸ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. Под ред. К. А. Военского. СПб., 1908.

⁹ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 217.

М. И. Антоновского к Г. Р. Державину, в котором содержатся некоторые сведения об Обществе. Антоновский, отвечая на запрос Державина, почему он отказался участвовать в журнале «Зеркало света», писал ему 11 марта 1786 года: «Зеркало света не есть издание Общества, коего я член, но господ Туманского и Богдановича (не сочинителя Душеньки, а другого какого-то). Впрочем, позвольте мне открыться в моей радости, видя из письма вашего толь благое в пользу нашу о обществе нашем мнение, и принести за то искреннейшую от имени Общества друзей словесных наук признательность».¹⁰

Указанное письмо Антоновского и записки Тучкова долгое время служили главными источниками сведений об Обществе. Несомненно, что этих сведений было недостаточно для более или менее четкой его характеристики.

Необходимость ясно представить то литературное окружение, в котором протекала работа Радищева в период создания «Путешествия из Петербурга в Москву», заставляет еще раз вернуться к Обществу друзей словесных наук и в свете новых разысканий проанализировать связи писателя с этим обществом (я имею в виду прежде всего неизданный устав Общества).

Устав Общества называется «Начертание Общества друзей словесных наук, учрежденное с общего согласия составивших оное друзей во граде святого Петра 1784 года». К нему приложена пояснительная записка секретаря Общества от 7 декабря 1786 года под названием «Главные положения Общества друзей словесных наук».¹¹ На основании этих документов уточняется многое из того, что ранее было известно лишь частично.

В конце устава имеются подписи учредителей Общества: Михайло Антоновский, Петр Радкевич, Павел Икосов, Павел Львов, Семен Спешницкий, Алексей Барщов, Корней Лубянович, Николай Муравьев, Николай Новосильцов, Иван Степанов, Сергей Золотов, Семен Пестов, Николай Эмин, Яков Чекалевской, Сергей Тучков, Егор Рябинин, Семен Печенев, Михайло Степанов, Степан Завалеевский, Петр Титов, Иосиф Коржевский — всего двадцать одна подпись. Но между перечисленными фамилиями на листе оставлены чистые места и точки для подписей других членов-учредителей. Подписи Радищева здесь нет, так как он вошел в Общество позднее. Нет здесь подписей и других лиц, о которых точно известно, что они также являлись членами Общества. Нет подписей писателя С. С. Боброва, книгопродавца Мейснера, являвшегося казначеем Общества, переводчика П. А. Озерова

¹⁰ Там же.

¹¹ Устав Общества написан на 12 листах, пояснительная записка — на 4 листах; они хранятся в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, в коллекции Н. П. Лихачева (238), № 309/3. Текст устава впервые публикуется в приложении к настоящей книге.

НАЧЕРТАНІЕ

общества друзей словесных наук

учрежденное

съ общаго согласія составившии оною друзи
во градѣ святого Петра 1784. года.

отдѣленіе I.^е

1. Дружеское общество должно не много что значить, наибъ сопряганіе чувствительныхъ сердецъ о участии ближняго, лишенаго помощи дати помощь природнымъ своимъ дарованіямъ, грезъ потворую оны возсіяли въ пользу и гестію нашего отечества. Погему такое общество да иметъ себя предметомъ, чтобы, шибъ собратныи членами въ сятимощи неучивъ ладъ, шибъ и образеніе вліянія благоутрастительнаго природнаго, быи грезъ общае управленіе распростра- гяемы, исправляемы и гощающаи

это значить
съ обществомъ
и напало
должно быть
оснащеніи.

Ганового намертаніе уредженіа общ-
ства друзей словесных наук; мы
оного члены, почитая за удобнѣйшій
способъ къ достиженію нашего прср-
мства, согласились нашими утврда-
и одобреніемъ подписаніемъ исполнить
объяснѣніе.

рзшопиша
стае.

Михаило Антоновичъ Пётръ Бородинъ
Клеверъ Мясоевъ Павелъ Авдеевъ
Семёнъ Ситниковъ Степанъ Карповъ
Корней Ивановичъ Николая Суворовъ
Николай Новосильцовъ

Иванъ Степановъ
Сергей Зотовъ

Семёнъ Александръ
Киреевичъ

Александръ Семеновъ
Сергей Михайловъ

Егоръ Яковлевъ
Олеговъ Петровъ

Михаило Степановъ
Султанъ Васильевичъ
Пётръ Степановъ
Иосифъ Корженевскій

Подписи членов-уредителей под уставом Общества друзей
словесных наук.

(старшего брата драматурга В. А. Озерова), М. Доброгорского, А. М. Вындомского, И. Ф. Софоновича, В. Шереметева, Н. Д. Жулковского и др.

Точных указаний о том, когда Радищев вошел в Общество друзей словесных наук, не найдено. Основным указанием на принадлежность его к Обществу является свидетельство С. А. Тучкова, который упоминает о Радищеве в связи с обсуждением на собрании Общества сочинения Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества или истинный патриот». Раньше к его словам можно было относиться с осторожностью, так как было неизвестно, какое место занимал в Обществе друзей словесных наук сам Тучков. Теперь, в связи с обнаружением устава Общества, на котором стоит личная подпись Тучкова как одного из основных учредителей его, утверждение становится неоспоримым. Тучков не только упоминает о том, что Радищев был членом названного общества, но и рассказывает о деятельности его в этом обществе.

Существовал и более полный список членов Общества друзей словесных наук, который был подан в 1790 году на просмотр Екатерине II, о чем также сообщает Тучков.

Екатерина, знавшая о существовавших тогда в Петербурге и Москве всякого рода литературных и масонских обществах, по-видимому, специально выясняла, к какому обществу принадлежал Радищев. В конце тех же замечаний на его книгу она пишет: «И вероподобие оказывается, что он себя определил быть начальником, книгою ли или инако изторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить один не мог, показывается уже следы, что несколько сообщников имел».

О своих посещениях собраний Общества друзей словесных наук Радищев писал в «Дневнике одной недели»: «Я еду со двора, еду в дом, где обыкновенно бываю с друзьями моими. Но — и тут я один. Грусть моя, преследуя меня безотлучно, отнимала у меня даже нужное приветствие благопристойности, делала меня почти глухим и немым. С тягостию, несказанною себе самому и тем, с коими беседовал, препроводил я время обеда; спешу домой. Домой? Ты паки один будешь, — пускай один, но сердце мое не пусто, и я живу не одною жизнью, живу в душе друзей моих, живу стократно. Мысль сия меня ободрила, и я возвращался домой с веселым духом».

О наличии специального дома для собраний говорится и в уставе Общества. Об этом доме рассказывает и С. А. Тучков. Осенью 1790 года он приехал из армии в Петербург. «После столь трудового похода, — сообщает он, — прибыл в дом отца моего и, отдохнув несколько дней в моем семействе, вздумал посетить собрание наше любителей словесности. Но приехав в дом, где собирались мои сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает, почему, однако, давно уже, как запрещено от полиции этим господам собираться».

Таким образом, упоминаемый Радищевым в «Дневнике» дом реально существовал. Встречи и беседы, происходившие в этом доме, были для писателя второй жизнью («но сердце мое не пусто, и я живу не одною жизнью, живу в душе друзей моих, живу стократно»).

«Дневник одной недели» не датирован, о времени его написания нет единого мнения. В академическом собрании сочинений Радищева он отнесен к числу самых ранних произведений писателя — примерно к середине 1770-х годов. По мнению Л. И. Кулаковой, «Дневник одной недели» мог быть написан не ранее 1790—1791 годов.¹² В. П. Гурьянов считает, что он был написан в 1801—1802 годах.¹³ Мне представляется, что упоминание дома, в котором собирались члены Общества, позволяет уточнить время написания произведения. Собрания происходили с конца 1784 года, с момента учреждения Общества, до закрытия дома в начале 1790 года. Следовательно, «Дневник» мог быть написан в период 1785—1790 годов.

Примечание, сделанное, по-видимому, первыми издателями собрания сочинений Радищева, указывает на то, что «Дневник» был написан Радищевым до ареста. Оно относится к описанию театральной постановки популярной в те годы пьесы французского драматурга Сорена «Беверлей». «Представление привлекло мое внимание и прервало нить моих мыслей, — пишет он. — Беверлей в темнице — о! Какую тяжко быть обмануто теми, в которых полагаем всю надежду! — Он пьет яд! — что тебе до него? Но он сам причина своему бедствию, — кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду?». К последней фразе и сделано примечание: «Сие сбылося чрез несколько лет».¹⁴

Посещение на одной неделе дома Общества и театра не могло быть ни разу после ссылки Радищева: в 1801—1802 годах, когда он вернулся из ссылки в Петербург, Общества уже не существовало.

Посещать собрания Общества друзей словесных наук, как это видно из его устава, могли только лица, принятые в члены Общества. Радищев вступил в это общество, по-видимому, не сразу после его организации в 1784 году, а в последующие годы.

Общество ставило перед собой широкие цели. В его уставе подчеркивается необходимость воспитывать из своих членов активных деятелей народного просвещения. В первом пункте устава спрашивается: «Что значит сие общество и на каком должно быть

¹² Л. И. Кулакова. О датировке «Дневника одной недели». В сб.: Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 148—157.

¹³ В. П. Гурьянов. Еще раз о дате «Дневника одной недели» Радищева. Вестник Московского университета, сер. VII, филология и журналистика, № 1, 1960, стр. 57—60.

¹⁴ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, 1941, стр. 141.

основании?»). В ответе сказано: «Дружеское общество должно не иное что значить, как сострадание чувствительных сердец о участи ближнего, лишенного помощи дать пищу природным своим дарованиям, чрез которую б они возсияли в пользу и честь нашего отечества. Почему такое общество да имеет себе предметом, чтобы как собранные членами в святилище наук плоды, так и дарования, влиянные благодетельствующею природою, были чрез общее упражнение распространяемы, исправляемы и посвящаемы в пользу какого-либо юношества, воспитывающегося в просвещение отечественного нашего народа».

В пояснительной записке секретаря Общества Антоновского содержится добавление к приведенному пункту: «Члены общества сего должны всемерно стараться быть чистосердечными, единомышленными, любить паче себя свое отечество, быть сострадательными к несчастливой участи ближнего своего и прилагать всевозможное попечение о просвещении разума своего полезными для человечества познаниями, равномерно и о соделании сердца своего правым и непорочным».

Вопрос о подготовке общественных деятелей, способных проявить беззаветную, бескорыстную заботу об улучшении «несчастливой участи ближнего своего», занимает главное место в уставе Общества. Некоторые исследователи полагали, что на деятельность Общества влияла масонская идеология, так как в его состав вошли воспитанники московского Собрания университетских питомцев, находившихся под влиянием масонов. Однако в уставе Общества друзей словесных наук нет никаких следов религиозного, мистического мышления, свойственного масонам.

В уставе говорится о внутренней структуре Общества. Оно было организовано на строго демократических началах. «Преимущество между членами такового общества, — записано в третьем пункте устава, — терпимо быть не может, а всякий член должен стараться пред другими отличившись добрым сердцем, усердием к пользе отечества и трудолюбием, каковыя качества могут ему служить блистательным знаком его отличия».

Члены Общества делились на три части: к первой относились лица, проявившие себя в области науки и литературы оригинальными сочинениями; ко второй — переводчики с «некоторым познанием словесных наук»; к третьей — лица, находящиеся по долгу службы в других городах и не имеющие потому возможности регулярно посещать собрания общества (иначе они назывались почетными). Кроме того, при Обществе были кандидаты, которые, проявив себя достойными цели Общества, торжественно принимались в его члены.

В Обществе был небольшой штат постоянных сотрудников: секретарь (М. И. Антоновский) и казначей (его обязанности исполнял Мейснер). Секретарь вел протоколы общих собраний, следил

за исполнением постановлений, вел переписку с отдельными членами Общества и т. п.

Обязанности казначея были определены следующим образом: «Казначей, назначаемый из надежнейших которого-нибудь класса членов, по своему чину да имеет всякое от имени Общества сношение с договаривающимся или договорившимся типографщиком в рассуждении печатания трудов, также и собирает выручаемые за книги и всякие от членов для нужд Общества внесенные деньги, и производит оным расход по распоряжениям Общества».

Общество имело дом для собраний, хорошее собрание редких книг.

Члены Общества создавали оригинальные произведения и делали переводы иностранной литературы. Выбор тем соответствовал той общей цели, которую Общество ставило перед собой. В уставе об этом сказано: «Что касается до упражнений (переводов или сочинений, — *Д. Б.*), то они не иначе должны быть принимаемы, как по предложении о том собранию, исходатайствовании на то согласия или по назначению труда от собрания, при выборе которого оно не должно терять из виду точной пользы своему отечеству от оных, естли не могущей произойти, то по крайней мере желаемой».

В Обществе существовала строгая дисциплина. Посещение общих собраний было обязательным для всех. Все члены Общества обязаны были в порядке установленной очереди выступать на собраниях с чтением своих произведений.

В уставе записано: «Собрания должны учреждены быть в назначенные по согласию дни и часы, и кто из членов за болезнью или за крайней нуждою быть не может, обязан накануне или по крайней мере того дня утром известить о том секретаря, или кого-нибудь из членов, чрез что в напрасном ожидании время не теряется. В отсутствии трудившегося его упражнений не читать, хотя б того и очередь требовала, но заняться в таком случае чем-нибудь другим, нужным и полезным для Общества».

Был установлен порядок, определявший начало работы собрания, характер речей и даже тон выступлений при обсуждении прочитанного.

«Когда члены соберутся, — сказано в уставе, — и секретарь их запишет в журнал по порядку прихода, должны начинать собрание не позже назначенного часа.

«Потом секретарь читает журнал предыдущего собрания, по прочтении которого один из членов непременно должен начать труды речью, для чего и нужно им учредить между собою круговой порядок. Сия речь да вливает наиболее в чувства сотрудников благородные и достойные человека мысли, также и усердие к собранию. Причем полезно вмещать в оную, естли нужда потребует, предложения, усугубляющие пользу общества сего.

«После таковой речи тот член, которого труд должен поправляем быть, принимает оный от секретаря и читает пред собранием, сохраняя всегда терпение к выслушиванию какого-либо против его сочинения или перевода возражение и делая на оное ответы благопристойные; противно ж сему поступающий почтется Обществом за малодушного и будет час от часу терять к себе прежнее уважение так, что наконец собрание принуждено будет лучше уменьшить число членов, нежели умножить беспорядок и бесчинство в собраниях».

Устав предусматривал помощь начинающим литераторам. «Для облегчения в сем труде собрания, — говорится в примечании к уставу, — и для спешествования течению изданий нужно, чтоб трудившийся, а особливо из членов мало еще упражнявшихся в переводе или сочинениях, имел к кому-нибудь из членов искуснейшему себя доверенность в рассуждении домашней поправки и просмотра его труда. Выбор к сему поручается самому такому члену».

Общее собрание заканчивалось составлением плана дальнейших мероприятий Общества или определением повестки дня следующего общего собрания.

Указанному порядку должны были подчиняться все члены Общества. Никаких исключений ни для кого не делалось. Всякое нарушение устава или даже пассивность члена Общества становилась предметом обсуждения на общих собраниях.

В уставе имеется особый раздел «Должность Общества в рассуждении каждого члена», в котором сказано: «Общество обязано внимательно примечать малейшее движение каждого члена в предприятых и отношениях его в рассуждении общего дела, усердного достойно ободрять, ослабевающего укреплять, пренебрегшего ж собственное свое согласие в рассуждении правил судить обще и поступать с оным по мере его поступка.

«Суд должен над таковым членом производиться в случаях сомнительных и важных в рассуждении общей целости, осмотрительно и неспешно, хотя бы принуждены были его разделить и на два собрания, естли в один раз окончан быть не может. Он объявляется по должности секретарем собрания и тогда судимому запретить должно вход в собрание до окончания суда.

«В суде не только надлежит разбирать род поступка, но также судимого заслуги Обществу, расположение сердца и достоинство в трудах; без чего невозможно положить о его вине мнения, которое было справедливо и целости общества не противно.

«По чему, естли кто из членов против обвинителя похочет судимого защищать на основании показанных при суде осмотрительностей, то ему можно сие позволить изъяснить защитительным словом; каковый порядок может быть полезен для навыку к расположениям своих рассуждений и свободному мыслей изъяснению».

В заключительной части устава имеется раздел «Должность каждого члена в рассуждении Общества». В нем сказано:

«Всякой член должен чувствовать, что его усердие, соединенное с усердием сотрудников, есть душа Общества. Почему и обязан звание сие рачительно отправлять и изыскивать все, что может быть дополнено к совершению и утверждению целости оною.

«Как уже известно всем, что каждое общество согласием скрепляется и враждою рушится, то члену и сего Общества должно все свое устремить внимание к тому, дабы первое сохранить, а второй заградить вход в сердце сочленов; почему он да не гордится ни ученостию, ниже дарованиями своими перед прочими, и да тщится иметь единственно благородную ревность, чтоб превзойти прочих трудами, которым полагать цену не его, но Общества есть долг. И наконец, да судит беспристрастно труд своего товарища и воздает всякому по достоинству. Из чего можно видеть, что должность члена есть двойка в рассуждении согласия Общества и в рассуждении успехов оною, из коих частей первая добрым сердцем, последняя ж трудолюбием исполняется».

В конце XVIII века существовал целый ряд тайных и явных обществ, но ни одно из них не имело такого целенаправленного четкого устава. Этические принципы, положенные в основу деятельности Общества друзей словесных наук, являются в известной мере прообразом принципов декабристских обществ.

Для своего времени Общество друзей словесных наук было крупным явлением в культурной жизни России. Оно сыграло большую роль и в формировании эстетических взглядов Радищева. Достаточно сопоставить взгляды Радищева на задачи писателя, изложенные им в посвящении А. М. Кутузову «Путешествия из Петербурга в Москву», с уставом Общества, чтобы заметить, как много в них общего. В уставе говорится о «сострадании чувствительных сердец о участи ближнего» и о поисках средств избавления человечества от страданий. А разве не об этом же пишет Радищев в названном посвящении? «Воспрянул я от уныния моего, — говорит он здесь, — в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! Я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. — Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Мы можем с большой уверенностью предположить, что Радищев читал на собрании Общества свое «Путешествие», и, по-видимому, не на одном, а на двух-трех собраниях. Поскольку книга состоит из отдельных очерков, то, возможно, что некоторые из них давались членам Общества на предварительный просмотр. Так, например, «Сон» (из главы «Спасская полесь») сначала ходил в рукописных списках в качестве самостоятельного произведения.

Один из таких списков ныне хранится в Пушкинском доме, в собрании Шляпникова.

Собрание, по-видимому, одобрило книгу Радищева: согласно уставу Общества, только после такого одобрения Радищев мог приступить к ее изданию.

Нет сведений о том, как проходило обсуждение «Путешествия из Петербурга в Москву», но сохранилось свидетельство С. А. Тучкова об обсуждении другого произведения Радищева — статьи «Беседа о том, что есть сын отечества».

«Некто г. Радищев, — пишет он, — член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием „Беседа о том, что есть сын отечества или истинный патриот“ и хотел поместить в нашем журнале. Члены хотя одобрили оное, но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, написанное с такой вольностью духа. Г-н Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания».¹⁵

Как видно из приведенного рассказа, у Радищева были в Обществе единомышленники, которые без колебаний одобрили его смелое произведение.

Велика была роль Радищева в идейном воспитании и сплочении членов Общества. Из приводимых ниже материалов видно, что он прилагал большие усилия для того, чтобы Общество стало на путь пропаганды революционных идей, и Общество пошло по этому пути.

Тучков в своих записках пишет, что Радищев уделял большое внимание журналу «Беседующий гражданин», издаваемому Обществом.

Влияние Радищева сказалось на многих произведениях, напечатанных в журнале. Особенно оно заметно в произведениях С. А. Тучкова. Тучков поместил в «Беседующем гражданине» около 30 стихотворений (характеристика некоторых из них дана в книге «Процесс А. Н. Радищева»). Здесь я напомним лишь о стихотворении Тучкова «Рондо». Оно было напечатано в декабрьском номере «Беседующего гражданина» рядом со статьей Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества». Тучков в этом стихотворении пишет о том, что в стране водворилась неправда и что «на сильного управы сыскать нельзя никак».

О времена! о нравы!
Златый скончался век!
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек;
Астрея удалилась,
Неправда водворилась,
Всяк чтит ее уставы. —
О времена! о нравы!

¹⁵ Записки Сергея Алексеевича Тучкова, стр. 42.

И далее:

О времена! о нравы!
Вельможа горделив
Своей лишь жаждет славы,
Отечество забыв;
Хоть общество страдает,
Но он лишь помышляет
Иметь свои забавы. —
О времена! о нравы!
О времена! о нравы!
Невинность гонит всяк,
На сильного ж управы
Сыскать нельзя никак.
Несчастный, ты крутись;
Счастливый веселись,
Счисляй свои забавы. —
О времена! о нравы!¹⁶

Тучков убежден, что такой общественный порядок невозможно более терпеть:

О времена! о нравы!
Нет силы зло сносить!

Он обращается с боевым призывом к честным гражданам-патриотам:

О времена! о нравы!
Уж нет ироев тех
Для общества что славы
Старались паче всех;
Воскресните! Проснитесь!
Возьрите; ополчитесь!
Сдержите блеск державы!

Это стихотворение интересно сопоставить с многочисленными панегириками Екатерине II и ее царствованию в русской литературе тех лет. Так, в «Собеседнике любителей русского слова», издававшемся при участии самой Екатерины II, анонимный автор, называя ее «российской Астреей», а ее царствование сравнивая с золотым веком, пишет:

Почто, о древность, мне искать чудеса в тебе!
Отечество мое мне кажет их в себе. . .
На мудрую простри ты взор Екатерину. . .
Се та великая российская Астрея,
Которая любовь к нам матерню имея,
Для блага нашего оставила покой,
Снося тяжчайший труд и жертвуя собой,
Златой в России век для нас устроявая,
И добродетельми всех смертных побеждая,
Чрез двадцатьлетние труды нам то дала,
Чем ты во множестве веков славна была.¹⁷

¹⁶ Беседующий гражданин, ч. III, 1789, декабрь, стр. 305—306.

¹⁷ Собеседник любителей русского слова, ч. IV, СПб., 1783, стр. 3—6.

Тучков рисует противоположную картину. Он заявляет, что богиня справедливости Астрея удалилась, в стране водворилась неправда, и никакого золотого века люди не видят. Хотя эти мысли выражены в общей аллегорической форме, для тогдашнего читателя было вполне понятно, против кого они направлены. Радищев в «Путешествии» (в главе «Спасская полесь»), нарисовав образ преступного царя, тоже не назвал имя Екатерины II, однако она сама без особого труда увидела в нем себя.

С. А. Тучков, как показывают приведенные строки, был резко настроен против екатерининского режима. Его другие стихотворения связаны по содержанию с радищевской статьей «Беседа о том, что есть сын отечества», проникнуты тем же демократическо-патриотическим пафосом.

С. А. Тучков — это не единственный писатель из членов Общества друзей словесных наук, на творчестве которого сказалось влияние Радищева. В журнале «Беседующий гражданин» был помещен ряд произведений других авторов с не менее четкой демократической, антидворянской направленностью. Политически острый и злободневный характер имело, например, стихотворение «Преступающий и судимый Каин», напечатанное в февральском номере журнала без указания фамилии автора.

Не те единые убийцы,
Что в жизни были кровопийцы;
Но кто дерзает ближних гнеть,
Корысти, злобе вслед вступая,
И плач и стон в ничто вмения,
Убийцы ж имя должен несть.

К числу таких обличительных стихотворений следует отнести и «Сонет. Придворная жизнь» (ч. I, март), и «Послание к Правдону» (ч. III, декабрь).

Некоторые исследователи полагают, что Радищев поместил в «Беседующем гражданине», кроме «Беседы о том, что есть сын отечества», еще несколько произведений. Так, например, В. П. Семенников считал, что Радищеву принадлежат статьи «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия», «Рассуждение о связи естественного права с правом гражданским» и «Рассуждение о человеке и его способностях».¹⁸ Ю. М. Лотман полагает, что Радищеву принадлежат статьи «Рассуждение о человеке и его способностях» и «Рассуждение о труде и праздности».¹⁹

Названные статьи напечатаны в журнале без указания фамилий авторов. Исследователи считают их принадлежащими Радищеву на основании идейной близости их к его творчеству. Думается,

¹⁸ В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева, стр. 255.

¹⁹ Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века. В сб.: Радищев. Статьи и материалы, Изд. ЛГУ, 1950, стр. 81—128.

что этого довода недостаточно для утверждения авторства Радищева. Эти статьи с такой же вероятностью могли написать и другие члены Общества друзей словесных наук, в частности Н. Н. Новосильцев, Н. Эмин, К. Лубянович. Приведенные доводы В. П. Семенникова и Ю. М. Лотмана свидетельствуют лишь о том, что авторы названных статей стояли на идейных позициях Радищева.

Роль Радищева как идейного вдохновителя журнала сказалась и на редакционной статье «Заключение к просвещеннейшей публике», напечатанной по случаю закрытия журнала. П. Е. Щеголев²⁰ и П. В. Семенников²¹ высказали предположение о том, что Радищев принимал участие в составлении указанного «Заключения». Их предположение частично подтверждается тем, что в трактате Радищева «Опыт о законодательстве» имеются высказывания, которые по содержанию полностью совпадают с тем, что говорится в названной статье.

Издаваемый Обществом друзей словесных наук журнал «Беседующий гражданин» привлек внимание Екатерины II. В конце 1789 года по ее указанию Общество и журнал были закрыты.

Тучков сообщает некоторые подробности о расправе правительства над членами Общества. «Императрица велела подать себе все списки членов, как тайных, так и вольных собраний, в том числе представлен был список и нашего собрания. По разным видам и обстоятельствам большая часть членов лишены были своих должностей и велено было им выехать из Петербурга. Я не могу умолчать о том, что она, читая список собрания нашего и найдя в нем мое имя, сказала: „На что трогать этого молодого человека, он и так уже на галерах“». ²²

Общество друзей словесных наук было закрыто, но деятельность его, как будет видно ниже, еще долгое время продолжалась.

2

Общество друзей словесных наук постоянно испытывало затруднения с изданием трудов своих членов. Еще в 1786 году секретарь общества М. И. Антоновский писал Г. Р. Державину: «Пустились бы, может быть, уже и мы в свет со своими изданиями, ежели бы сумятица, в целом государстве о цензуровании книг, от монахов произшедшая, по случаю напечатания некоторых у г. Новикова высочайше замеченных вредными и раскольническими книг, есть-ли бы, говорю, сия сумятица [не] по

²⁰ П. Е. Щеголев. Исторические этюды, стр. 26.

²¹ В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева, стр. 261.

²² Записки Сергея Алексеевича Тучкова, стр. 43. — Тучков служил в то время на галерном флоте и принимал участие в военных операциях против Швеции.

удержа<ла> нас... Однако же мы ныне изыскиваем уже другие к тому средства и надеемся вскоре пуститься в море».²³

Организованный Обществом в 1789 году журнал «Беседующий гражданин» не мог печатать крупные произведения. Как правило, статьи в нем не превышали одного печатного листа и лишь в виде особого исключения печатались статьи с продолжением в следующем номере. Но и этот журнал, просуществовав всего лишь один год, был закрыт.

По-прежнему перед Обществом друзей словесных наук стояла задача создать собственную издательскую базу, отсутствие которой не позволяло Обществу выйти со своими трудами в «широкий свет», мешало вести просветительскую работу, которая предусматривалась в его уставе как главная задача.

Создание такой издательской базы и взял на себя Радищев. Он сам испытывал трудности с публикацией собственных сочинений. Подготовленную им к печати рукопись «Путешествия из Петербурга в Москву» никто из издателей не хотел печатать. Есть сведения, что Радищев предлагал издать рукопись «Путешествия» типографу Селивановскому, но тот отказался. «Пробежав оригинал и поняв всю важность его содержания, — рассказывает сын Селивановского, — батюшка оставил книгу. Является автор. Ему отвечают, что книги печатать не станут».²⁴

В иностранной печати появилась легенда о том, что «Путешествие» было издано в Москве Н. И. Новиковым. В 1798 году в июльской книжке гамбургского журнала «Минерва» сказано: «Московский издатель, выпустивший книгу, был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где он находился еще в 1795 году».²⁵ Возможно, что в основе этой легенды лежат сведения о том, что Радищев обращался с рукописью к московским издателям, в том числе, может быть, и к Н. И. Новикову.

В 1789 году Радищев решил создать в своем доме типографию. Оборудование для нее он приобрел в долг у известного петербургского типографа Ивана Шнора. На следствии он показал: «Прошлым летом получил я стан типографский от Шнора с литерами, за который еще ему всех денег не отдал, но не мог начать печати прежде прошлой зимы. Первую книжку в один лист на оном я напечатал под заглавием: «Письмо к другу в Тобольске», вторую «Путешествие».²⁶

Печатание своих произведений Радищев рассматривал лишь как первый опыт работы организованной им типографии. В том же показании он признался, что хотел поставить работу своей

²³ Сочинения Державина, т. V. СПб., 1869, стр. 476.

²⁴ Библиографические записки, I, 1858, № 17, стб. 518.

²⁵ И. Д. Смолянов. Из разысканий о Радищеве. В сб.: Радищев. Статьи и материалы, стр. 262.

²⁶ Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 168.

типографии на широкой коммерческой основе: «С того времени, как ея императорское величество всемилостивейше дозволила всем заводить типографии беспрепятственно, я, зная, сколь великой барыш многие получают, вознамерился завести у себя типографский стан, но не имел на то случая».²⁷

Эти слова подтверждаются следующим фактом. При обыске у Радищева был изъят вместе с рукописью «Путешествия» небольшой отрывок неизвестного произведения, начинающийся словами: «А теперь увы! плачевныя перемены! С Нероном ты сравнился...». В первом томе академического издания собрания сочинений Радищева этот отрывок помещен среди его произведений. Однако более тщательное изучение рукописи, хранящейся в Центральном Государственном архиве древних актов (фонд бывш. Госархива, разряд VII, № 2760, ч. II, лл. 203—204), показало, что нет оснований приписывать его Радищеву. Отрывок написан не его рукой и даже не рукой тех переписчиков, которые готовили рукопись «Путешествия» к набору. Это конец произведения другого автора, которое, по-видимому, должно было печататься в типографии Радищева. Произведение это в марте 1790 года было представлено в цензуру: в конце рукописи, на листе 204, петербургским цензором Жандром написано: «Печатать дозволено от Управы благочиния в Санкт-Петербурге. Марта 10 1790 года. Андрей Жандр».

Приобретение типографии еще не решало вопроса об издательской базе. Нужны были квалифицированные наборщики и печатники, нужны были магазины, которые продавали бы книги; наконец, нужен был оборотный капитал для финансирования всех этих мероприятий. Радищев и здесь нашел выход: он привлек к участию в деле своих сослуживцев по Петербургской портовой таможне.

С Петербургской таможней Радищев был связан в течение многих лет. В конце декабря 1777 года он поступил на службу в Коммерц-коллегию, в ведении которой находилась Петербургская таможня. По поручению А. Р. Воронцова Радищев следил за прибытием в порт русских и иностранных торговых кораблей, за сбором таможенной пошлины, составлял инструкции по торгово-таможенным делам и т. п. В 1780 году по рекомендации Воронцова он был назначен помощником директора таможни Германа Даля, а в 1789 году, после смерти Даля, и управляющим таможней.

Ежегодно через Петербургскую таможню проходили сотни кораблей. В ведомости о находящихся в Петербургской портовой таможне русских торговых судах, подготовленных к навигации на 1 мая 1790 года, которая подписана Радищевым, значится 132

²⁷ Там же.

судна. Каждое из них за навигацию совершало по несколько рейсов. Не меньше торговых кораблей приходило в Петербург из Англии, Франции Голландии, Германии и других стран. В таможне были сотни досмотрщиков, сборщиков пошлин, кладовщиков.

Радищев ежедневно видел этих людей; вместе с ними он поднимался на палубы кораблей, спускался в трюмы, присутствовал при клеймении иностранных товаров, вскрывал обманы купцов, контролировал работу досмотрщиков, следил за порядком в портовых амбарах и кладовых. Он сам принимал на службу досмотрщиков и их учеников, каждого из них знал в лицо, инструктировал, как вести борьбу с контрабандным провозом товаров. Служащие таможни глубоко уважали своего начальника, видели его честность и неподкупность. Из писем Радищева видно, что он хорошо знал своих подчиненных, знал также, кто из них имеет склонности к литературе, к типографскому искусству и пр.

Во время службы в Петербургской таможне Радищев сплотил вокруг себя целую группу беспредельно преданных ему таможенных служащих, которые не только разделяли его убеждения, но и практически включились в начатую им работу по созданию издательской базы. В эту группу входили и лица, являвшиеся членами Общества друзей словесных наук. К их числу относится прежде всего досмотрщик Петербургской таможни Мейснер, который исполнял в Обществе обязанности казначея.

Мейснер одно время принимал в книжной лавке подписку на издаваемый Обществом друзей словесных наук журнал «Беседующий гражданин». В объявлении, напечатанном в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 31 октября 1788 года, указано, что подписка на этот журнал принимается у книгопродавца Мейснера. 2 марта 1789 года, ввиду задержки выпуска журнала, Мейснер поместил в «Санкт-Петербургских ведомостях» следующее объявление: «Господам, подписавшимся на ежемесячное сочинение Беседующий гражданин в книжной лавке под № 283 у Мейснера, сим объявляется, чтоб они для получения экземпляров относились сами к г. майору Озерову, издателю сего сочинения, и что он, Мейснер, за неимением времени, не обязывается более ходить для приема от него за его подписанием и печатью ежемесячных тетрадей».

В следующем номере «Санкт-Петербургских ведомостей» появилось возражение Озерова, из которого видно, что книжная лавка, в которой торговал Мейснер, принадлежала не ему, а типографу Ивану Шнору. В этом возражении сказано, что «Мейснер к Озерову никогда не хаживал и тетрадей никаких не получал, а получал он (Озеров, — Д. Б.) издания сего первый месяц, переплетенный в обыкновенную бумажку, второго же дано ему не было, для того что в помянутом месте лавка несколько уже недель заперта и отворяется ли когда, не известно, но известно

только, что она, как принадлежащая г. Шнору, от Мейснера взята и перемещена против Зеркальной линии под № 22».

Очевидно, около этого времени, т. е. в марте 1789 года, Мейснер, уйдя из лавки Шнора, перешел на службу в таможенную к Радищеву.

Мейснер был одним из ближайших помощников Радищева. Возможно, при его участии Радищев приобрел у Шнора типографский шрифт и печатный станок для своей типографии. Мейснер помог провести рукопись «Путешествия» через цензуру и сохранить в тайне имя его автора. «Когда моя книга была уже готова, — показал Радищев на следствии, — то я послал ее для цензуры с бывшим прежде книгопродавцем (Мейснером, — Д. Б.), а в то время находившимся при таможене. Долго времени спустя, в конце прошлого лета, книгу мою Мейснер возвратил за подписанием обер-полицеймейстера Рыльева. Неизвестно мне, сказывал ли Мейснер о сочинителе книги; но мне он сказывал, что о имени моем не объявил. Я хотя мало тому верил, но признаюсь, был тому рад, потому что, не зная, как в публике оно будет принято, я хотел ждать для объявления о себе того времени, как его одобрят».²⁸

Перед Мейснером стояла трудная задача получить цензурное разрешение на книгу, направленную против существующего строя. Екатерина II сначала даже не поверила тому, что Управа благочиния разрешила печатать ее. «Сие, вероятно, ложь либо оплошность», — писала она по этому поводу в своих замечаниях на книгу Радищева.²⁹ Каким образом, при помощи каких личных связей Мейснер справился со своей задачей, неизвестно. Надо полагать, что он не впервые имел дело с цензурой.

За несколько дней до ареста Радищева Мейснера вызывали в полицию, чтобы узнать у него фамилию автора — «Путешествия». Показания его не сохранились, но известно, что он не выдал Радищева. Более того, вернувшись из полиции, он рассказал Радищеву, о чем его там спрашивали. Радищев рассказывает: «Когда купец Зотов³⁰ был посажен под стражу, Мейснер был спрашиван, кто сочинитель книги, и хотя и тот и другой того не сказывали, но я, ожидая, что и я о том же вопрошен буду, и желая иметь какое-либо оправдание, собрал разметанные листы цензурованной тетради и пребывал в ожидании, что меня спросят».³¹

Вторым из ближайших помощников Радищева в деле издания книги был Александр Алексеевич Царевский. Сам Радищев о Царевском упоминает дважды. На вопрос Шешковского, кем сочинена книга «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев

²⁸ Там же, стр. 167—168.

²⁹ Там же, стр. 157.

³⁰ О купце Зотове, продававшем книгу Радищева, см. ниже.

³¹ Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 168.

отвечал: «Сия книга сочинена им, Радищевым, самим, и черной манускрипт весь писан был его рукою; по написании ж оной переписывал ее набело таможенный надзиратель Царевской». ³²

Перечисляя экземпляры «Путешествия», которые он подарил своим знакомым, Радищев сообщает: «Один хотел дать надзирателю Царевскому, но дал ли или нет, того не упомнит. . . ³³ Александр Царевский надзиратель при таможене у разъезда на судах».

Почему Радищев доверил Александру Царевскому переписывать набело рукопись своей книги?

Ряд ценных данных о Царевском сохранился в бумагах Петербургской палаты уголовного суда, связанных с делом Радищева. Выясняя личность А. А. Царевского, Петербургское губернское правление обратилось с запросом в Петербургскую портовую таможеню, и здесь неожиданно выяснилось, что таможня была своеобразным штабом по изданию и распространению книги Радищева. Царевский же активно распространял книгу не только среди служащих таможни, но и среди купцов, торговые корабли которых ему приходилось осматривать по долгу своей службы.

Царевский был, видимо, незаурядным человеком. Сын провинциального священника, он попал в Петербург благодаря своим большим способностям. Он был одним из типичных разночинцев XVIII века, человеком без связей, получившим образование лишь благодаря своим способностям и трудолюбию.

Царевский был привлечен к допросу по делу Радищева. На допросе он показал о себе: «Отроду ему двадцать шесть лет, отец ево священник Казанской епархии Алексей Ильин, мать ево Парасковья Ивановна; рожден от них в городе Царевококшайске; обучался в Казанской семинарии грамматике, риторике, философии; потом по требованию комиссии о народных училищах взят в Петербург в 783 году в гимназию учительскую, в которой обучался преподаваемым наукам, потом определен учителем. В сей должности находился по 786-й год или 787-й год, а точно не упомнит. После сего определился в таможеню в 1787-м году к познанию таможенных дел по прошению ево и по увольнению приказа Общественного призрения и определен надзирателем при страже». ³⁴

Царевский знал Радищева задолго до своего поступления в Петербургскую таможеню. «За два же года прежде определения его в таможеню, — пишет Царевский, — обучал он детей у господина коллежского советника Александра Николаевича Радищева истории, географии, чистописанию, арифметике, алгебре и грамматике, с получением от него платы». ³⁵

³² Там же, стр. 172—173.

³³ Там же, стр. 215.

³⁴ Там же, стр. 223.

³⁵ Там же.

Из приведенных показаний видно, что Радищев знал Царевского довольно близко не менее пяти лет до издания «Путешествия». В течение этого времени он воспитал молодого человека в своем духе настолько, что не побоялся доверить ему переписывание своей рукописи.

Из показаний Царевского выяснилось, что книгу Радищева набирал также один из служащих Петербургской таможи: «Наборщиком был досмотрщик здешней таможи Богомолов, а имени его, также и кто с ним другой был, не знаю».³⁶

Досмотрщик Богомолов, призванный Палатой уголовного суда на допрос, сообщил о себе: «1790 года июля 24 дня в присутствии Палаты уголовного суда был допрашиван представленной таможенным экспедитором той же таможи досмотрщик из пакагуза № 10-го Ефим Богомолов о имеющей в палате книге под названием „Путешествия из Петербурга в Москву“ и показал, что он прежде сего находился в Академии наук наборным учеником и в 1785-м году по прошению ево с данным аттестатом уволен, с которым также по прошению ево в том 785 году определен в здешнюю портовую таможню досмотрщиком, где и по ныне находится».³⁷ Наборщики типографии Академии наук, откуда вышел Богомолов, обычно были образованными людьми, знали иностранные языки и много читали. Очевидно, этими качествами обладал и Богомолов.

Ефим Богомолов вполне оправдал доверие Радищева. Он, безусловно зная, кто был автором «Путешествия», не назвал его. «Кто же именно сочинил показанную книгу, я не известен», — заявил он на допросе.³⁸

Следующим близким помощником Радищева был Герасим Козьмич Зотов, молодой, энергичный человек, также разночинец по своему социальному положению. В бумагах следственного дела он именуется купцом, книгопродавцем. По делу Радищева Зотов был арестован дважды. Первый раз его взяли за пять дней до ареста самого Радищева, 26 июня, и продержали в полиции четыре дня. Вторично он был взят 6 июля и полтора месяца содержался в тяжелых условиях Петропавловской крепости.

Биографические сведения о Зотове, имеющиеся в деле, скудны и противоречивы.

В справке пристава Бухарева от 20 июня 1790 года сказано, что Зотов «в прошлом 1789 году записался из московских купцов в санктпетербургские иногородные гости с капиталом по 3-й гильдии тысячи пяти рублей».³⁹

В следственном деле Тайной экспедиции сказано: «Известной книгопродавец Зотов родом из города Козельска. Отец был у него

³⁶ Там же, стр. 224.

³⁷ Там же, стр. 225.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 151.

купец; от отца остался малолетним, так что ево и не помнит, а от матери по 6-му году; а, наконец, на 12-м году взял его к себе дядя его родной, бывший санктпетербургский купец, а ныне мещанин Иван Павлов сын Баженов; а в 1784-м году записался он в здешнее купечество в третью гильдию, а от дяди отстал и начал собою торговать в нынешнем году с святой недели». ⁴⁰

Эта справка никем не подписана, даты на ней нет, но из дела видно, что она составлена в Петропавловской крепости для Шешковского и имеющиеся в ней сведения, очевидно, записаны со слов самого Зотова, так как вряд ли мог кто-нибудь, кроме него, знать, в каком он возрасте остался без матери. В середине июля Екатерина II велела собрать дополнительные сведения о Зотове. 16 июля Безбородко писал Шешковскому: «О купце Зотове государыня находит нужным справиться образом повального обыска, какого он поведения и нет ли за ним еще каких худых дел; а тогда и можно будет его выслать из столицы в какой-либо город, где меньше худых книг читают». ⁴¹

Приведенные выше справки не сходятся одна с другой. В первой Зотов именуется приезжим московским купцом, а из второй следует, что московским купцом он никогда не был, что с двенадцати лет он воспитывался у дяди в Петербурге. Не совпадает также и время записи в петербургские купцы: в первой справке указан 1789 год, а во второй — 1784-й.

Показания Зотова о его связях с Радищевым весьма сдержанны. 28 июня он совсем скрыл имя Радищева, заявив, что ему не известно, кто является издателем «Путешествия». На следующий день, 29 июня, под давлением неопровержимых данных, предъявленных ему следствием, он сознался, что часто бывал в доме Радищева, видел там типографию и знает, кто набирал «Путешествие». «Как же он, Зотов, хаживал почасту к Радищеву в дом, то видел сам в доме его типографию, а наборщики у него — таможенные досмотрщики и ево люди». ⁴²

Типография у Радищева была неплохо ограждена от любопытных взоров. Она находилась в верхнем этаже, и доступ в нее для посторонних лиц был невозможен. Если Зотов часто посещал ее и даже знал тех, кто набирал и печатал книгу, мог ли он быть посторонним для Радищева человеком?

Возникает вопрос: откуда мог взять Зотов, именуемый в вышеприведенной справке козельским сиротой, оставшийся в малолетстве без родителей и воспитывавшийся у дяди мещанина, значительный капитал, чтобы открыть в центре столицы, в Гостином дворе по Невской линии, книжную торговлю?

Следствие привлекло Зотова лишь для того, чтобы узнать фамилию автора «Путешествия» и выяснить, сколько экземпляров

⁴⁰ Там же, стр. 205—206.

⁴¹ Там же, стр. 203—204.

⁴² Там же, стр. 155.

книги было продано и кому. Екатерина II в своих замечаниях на книгу Радищева писала: «Старатся надлежит узнать, много ли выпущены экземпляры и куды девались».⁴³

Однако в показании Зотова, сделанном 29 июня, есть сообщение, на которое следствие не обратило внимания. Зотов показал: «Сочинителя книги он подлинно не знает, а только многие гостинодворцы и писари Радищева (имеются в виду писари таможи, — Д. Б.) ему говорили, что-де эта книга печатана в типографии Радищева, но точно ли у него она печатана, сего он утвердить не может. Но, по помянутому слуху, думает он, что, может быть, та книга подослана и от Радищева, а о сем думает он потому, что Радищев мог подослать и с сердюков за то, что он (Зотов, — Д. Б.) по доносу его о неявленных товарах получил от таможи тысяч до семи, а Радищеву, по простоте своей, ничем не поклонился».⁴⁴

Из приведенного показания видно, что Радищев знал Зотова и что последний имел деловые связи с таможей.

О каких же «неявленных товарах» говорил здесь Зотов, за сообщение о которых он получил из таможи столь большую сумму денег? И когда это было?

Неявленными назывались тогда тайно привозимые из-за границы товары, на которых не было таможенного клейма, т. е. контрабанда. Купцы и иностранные матросы, стараясь провезти такие товары, часто подкупали таможенных служащих, а иногда обращались за покровительством к влиятельным вельможам, вплоть до Потемкина. В таможе были для борьбы с контрабандой специальные надзиратели и досмотрщики.

Радищев систематически вел борьбу с контрабандным провозом заграничных товаров. В 1789 году он по поручению Комиссии о коммерции написал проект указа о запрещении привоза в Россию через пограничные таможи иностранных товаров, чтобы остановить катастрофический упадок курса российских денег, обусловленный войной с Турцией и Швецией. Проект лег в основу указа, на основании которого во всех городах страны производилась тщательная ревизия торговых лавок и гостиных дворов для выявления контрабандных товаров. В Петербурге и Москве ревизия производилась опытными служащими Петербургской таможи, которых назначал сам Радищев. В награждение лиц, участвовавших в выявлении контрабандных товаров, Радищеву были предоставлены широкие полномочия.

В свете изложенного становится понятным, за что и когда Зотов получил из таможи семь тысяч рублей, о которых он показал на допросе 29 июня. Зотов называет себя доносителем, т. е. лицом, посторонним для таможи. Служил ли он в действитель-

⁴³ Там же, стр. 164.

⁴⁴ Там же, стр. 154. Разрядка моя, — Д. Б.

ности в таможене или работал на нее со стороны — об этом нет данных в следственном деле. Но и без того ясна его связь с Радищевым и с Петербургской таможней.

Близок был Зотов к Радищеву и по изданию «Путешествия», в котором играл далеко не последнюю роль. По выходе книги в свет он должен был много сделать для распространения книги. Очевидно, большую помощь Зотов оказал Радищеву в налаживании типографского хозяйства, в приобретении бумаги, краски и пр. Участие Зотова в покупке бумаги для издания книги подтверждается его разговором с сыном купца Хлебникова в книжной лавке. На допросе 8 июля Зотов показал: «Прежде, нежели взят он был к обер-полицеймейстеру, приходили к нему двое в лавку и, сторговав книжку, просили в долг, так как-де с ними мелких денег не случилось, а как я им сказал, что вас не знаю, то один из них сказал: „Как ты не знаешь, ведь вы у нас бумагу покупаете из лавки, я — Хлебников“. Почему я им и поверил».⁴⁵

Хлебников, говоря «вы у нас бумагу покупаете», несомненно имел в виду не одного Зотова, поскольку самому Зотову не требовалось много бумаги, так как он еще совсем недавно начал торговать в книжной лавке.

На полученные от Радищева из таможни деньги весной 1790 года Зотов открыл книжную лавку в Гостином дворе по Суконной линии, под № 16.

История этой книжной лавки тесно переплетается с судьбой «Путешествия из Петербурга в Москву». Она была единственным местом, где в течение нескольких дней совершенно свободно продавалась книга. Лавка была открыта, несомненно, по инициативе Радищева, и открытие ее неслучайно было приурочено к выходу в свет «Путешествия». До того лавка принадлежала известному книгопродавцу Тимофею Полежаеву. Во всех объявлениях о продаже книг, напечатанных в «С.-Петербургских ведомостях» до начала мая 1790 года хозяином лавки указан Тимофей Полежаев. С 10 мая по 16 июля 1790 года владельцем лавки именуется Герасим Зотов. Полежаев не продавал свою лавку Зотову, а лишь принял его как пайщика. Очевидно, не желая брать на себя ответственности за распространение опасной книги Радищева, он только на время устранился из своей лавки, возложив весь риск на Зотова. И действительно, когда началось судебное дело о Радищеве, то Полежаев остался в стороне и никто его ни в чем не заподозрил. Однако как только опасность миновала, он снова объявил себя хозяином лавки. 26 июля в «С.-Петербургских ведомостях» было напечатано объявление, в котором сказано, что «В Гостином дворе в Суконной линии в книжной лавке под № 16 у купца Тимофея Полежаева продаются. . . книги».

⁴⁵ Там же, стр. 199.

Таким образом, за два с половиной месяца книжная лавка дважды меняла свою вывеску. И это не было случайным. Радищеву нужен был для распространения его книги вполне надежный человек, который в случае неудачи сохранил бы в тайне имя автора и не побоялся принять на себя известную долю ответственности. Как никто из типографов не брался издавать его рукопись, так не легко было найти и книгопродавца для ее продажи. Поведение купца Полежаева было весьма показательным примером. Самое большое, на что он согласился, это принять Зотова в компаньоны и на некоторое время уйти в тень.

Лавка Полежаева была расположена в двух помещениях, состоящих под №№ 16 и 15 по Суконной линии Гостиного двора. Число книг в ней было довольно значительное (Зотов на допросе 29 июня показал, что их было до 5000 экземпляров).

Менее чем за два месяца книжной торговли Зотов сумел приобрести широкую популярность. В документах следствия он назван «известным книгопродавцем». Начиная с 10 мая по 16 июля 1790 года в каждом номере «С.-Петербургских ведомостей» печатались его объявления. Никто из петербургских книгопродавцев того времени не рекламировал так широко книги, как он. В некоторых номерах он помещал одновременно по два и по три объявления. За указанный период только в одном номере «Ведомостей» (за 28 июня), не было помещено его объявления, так как в это время он сидел под арестом в полиции. В июле, когда Зотов был вторично арестован и сидел в Петропавловской крепости, его объявления продолжали печататься в «Ведомостях». Очевидно, текст этих объявлений был дан в редакцию заранее.

Обладая незаурядными организаторскими способностями, Зотов быстро установил деловые связи с петербургскими и московскими издателями, которые начали снабжать его книгами. Установил он деловой контакт и с крупнейшей типографией того времени — типографией Московского университета, которую до этого в течение ряда лет арендовал Н. И. Новиков. В 1790 году эту типографию арендовал Василий Огороков, от которого Зотов получал для продажи книги. Зотов проводил в своей лавке и подписку на те книги, которые еще только печатались в типографии Московского университета.

Такой тесный контакт с типографией Московского университета был не случаен. Общество друзей словесных наук, для издания трудов которого Радищев организовал книжно-издательскую базу, действовало в полном контакте с Обществом университетских питомцев, существовавшим при Московском университете и оказывавшем значительное влияние на дела университетской типографии.

Создавая книжно-издательскую базу Радищев, имел широкие планы. Располагая прочными связями с писателями и публици-

стами, членами Общества друзей словесных наук, и имея среди своих сослуживцев в Петербургской портовой таможне членов этого общества, он стремился координировать их участие в работе издательства.

Такое объединение вокруг издательства писателей, типографских рабочих, служащих таможни и специалистов книготоргового дела способствовало распространению в народе прогрессивных, революционных книг. В этом большом и сложном деле Радищев использовал опыт Н. И. Новикова.

Новиков с 1780 по 1789 год арендовал типографию Московского университета и, кроме того, имел в своем распоряжении еще три типографии, одна из которых была известна под названием «Типографической компании». Все эти типографии печатали много полезных книг.

Новиковские издания наполняли университетскую книжную лавку и книжные магазины в Москве, Петербурге и других городах. Посылались они и за границу.

К участию в издании книг Новиков привлекал в качестве авторов и переводчиков студентов и профессоров Московского университета. Основное ядро его сотрудников входило в Собрание университетских питомцев и Дружеское ученое общество. Первое из них было создано в 1781 году, второе — в 1782 году. В 1784 году оба общества объединились.

Екатерина II боялась разраставшегося влияния Новикова на русское общество и развернула против него и его изданий целый поход. Работать Новикову становилось все труднее. В 1789 году истек срок его аренды типографии Московского университета и Екатерина II запретила продлить этот срок.

Началось преследование и Дружеского ученого общества, которое существовало на средства новиковской Типографической компании. Это преследование началось летом 1789 года в связи с революционными событиями во Франции. Екатерина II боялась, что Общество будет распространять в России идеи французской революции.

В начале июня 1790 года, за месяц до ареста Радищева, она дала указание Прозоровскому начать тайное следствие о деятельности московских «мартинистов», входивших в состав Дружеского ученого общества.

Екатерина II потребовала изъять из магазинов наиболее «опасные» издания Новикова, установила строгую цензуру на последующие издания, лишила типографской базы и, наконец, закрыла Дружеское ученое общество, члены которого принимали активное участие в литературно-издательских предприятиях Новикова.

Вот при какой ситуации Радищев создавал книжно-издательскую базу. Тесная творческая связь с Обществом друзей словесных наук могла помочь обеспечить подготовку к печати трудов

других авторов, которые отвечали бы духу и направлению политической программы Радищева.

Радищев шел по пути, который был уже намечен Новиковым. Новиков демократизировал издательское дело в России, придав ему широкий общественный характер. В этом его огромная историческая заслуга, которую оценил еще Н. М. Карамзин. «Всеми способами старался [он] приохотить публику к чтению, — писал о нем Карамзин, — угадывал общий вкус и не забывал частного».⁴⁶

Екатерина II сумела парализовать издательскую деятельность Новикова, но она была не в силах истребить охоту демократических слоев общества к чтению книг, развитию которой так сильно способствовал Новиков. Должен был появиться новый издатель. Им и хотел стать Радищев.

Была ли непосредственная связь между издательской деятельностью Радищева и Новикова?

Сохранилось предание, что Радищев в юношеские годы сотрудничал в журнале Новикова «Живописец». Журналист А. А. Корсунов писал в 1858 году со слов П. А. Радищева о принадлежности его отцу известного «Отрывка путешествия в*** И*** Т***», который был напечатан в журнале «Живописец» в 1772 году.⁴⁷ Сам П. А. Радищев подтвердил сообщение Корсунова, заявив, что «другие статьи Путешествия были напечатаны в „Живописце“ Новикова...».⁴⁸

Об этом свидетельстве П. А. Радищева идет многолетняя полемика. А. И. Незеленов считал, что «Отрывок...» мог принадлежать И. П. Тургеневу, но эта гипотеза не получила подтверждений. Л. Н. Майков высказал предположение, не принадлежал ли «Отрывок...» самому издателю журнала Новикову, но потом отказался от него.⁴⁹

Гипотезу Майкова развил Г. П. Макогоненко.⁵⁰ Основной аргумент его состоит в том, что «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» был перепечатан в 1775 году в третьем издании журнала «Живописец», в которое Новиков якобы поместил исключительно свои собственные сочинения.

Но такое утверждение Г. П. Макогоненко опровергается фактами. В третьем издании «Живописца», как и в первых двух его изданиях, Новиков поместил не только свои произведения. В частности, он напечатал здесь статью «На сих днях получил я описание...» — переделку перевода Д. И. Фонвизина «Торг семи

⁴⁶ Вестник Европы, ч. III, 1802, стр. 57.

⁴⁷ Русский вестник, т. XVIII, 1858, декабрь, кн. I, стр. 406.

⁴⁸ Там же, стр. 429.

⁴⁹ Обзор литературы по этому вопросу приведен в примечаниях ко II тому академического собрания сочинений А. И. Радищева, стр. 414—420.

⁵⁰ Г. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951.

муз. Из кригеровых снов», который был напечатан в 1762 году в журнале И. Г. Рейхеля «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия».

Но если статья «На сих днях получил я описание...» не принадлежит Новикову, то и другие статьи, в том числе и «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», тоже могли принадлежать другим авторам. Мне кажется, что свидетельство П. А. Радищева о принадлежности «Отрывка...» перу А. Н. Радищева не опровергнуто.

Предание об участии Радищева в журнале Новикова «Живописец» имеет реальную основу. Известен ряд фактов, которые свидетельствуют о несомненных литературных и личных связях между Радищевым и Новиковым на протяжении 17—18 лет.

В. П. Семенников на основании расписок Радищева в получении гонорара установил факт участия Радищева в переводческих работах Общества, старающегося о напечатании книг, организованного Новиковым. Этим обществом в 1773 году были изданы два перевода Радищева: книга Мабли «Размышления о греческой истории» и немецкое руководство по военному делу «Офицерские упражнения». «Мы предполагаем, — писал Семенников, — что не только одним знакомством ограничивались в это время (в 1772 году, — Д. Б.) личные отношения Новикова и Радищева: возможно думать, что они даже были близки в первую пору своей деятельности. В 1773 году издатель „Живописца“ организовал „Общество, старающееся о напечатании книг“, и это общество выпустило два перевода Радищева. Очень вероятно, что в числе членов этой издательской организации был и Радищев: ему была близка мысль об издании книг, и позднее он сам завел свою типографию».⁵¹

Имя Радищева значится в перечне лиц, подписавшихся на изданные Новиковым книги «Древняя Российская гидрография» (1773), «Древняя Российская вивлиофика» (1774) и журнал «Утренний свет» (1777—1780). В такие перечни Новиковым обычно включались лица, которые ему были хорошо знакомы или состояли с ним в дружеских отношениях.

Вернемся теперь к уставу Общества друзей словесных наук и посмотрим, что дает он нового для раскрытия связей между издательской деятельностью Радищева и Новикова.

В уставе имеется специальный пункт об отношениях Общества друзей словесных наук, членом которого состоял Радищев, и организацией Новикова Обществом университетских питомцев. Оба эти общества принадлежали к одной организации и имели общую цель, к которой шли, как они выражались, «соединенными силами».

⁵¹ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923, стр. 362—363.

Общество друзей словесных наук, говорится во втором пункте его устава, «да примет оно основанием любовь к ближнему и усердие к пользе Отечества и будет в рассуждении своей цели составлять часть нераздельную Общества университетских питомцев, в Москве учрежденного и горящего единым усердием» (разрядка моя, — Д. Б.).

Далее сказано: «Что же касается до названия оногo, то пристойно ему (Обществу, — Д. Б.) именоваться Обществом друзей словесных наук. А как сии две части единого общества, разделенные токмо местом, в рассуждении же согласного усердия к пользе своего отечества всегда тесно соединенные чрез сходственные чувствования сердец, простирают свои мысли к единому предмету, то и необходимо обязаны иметь между собою сообщения, относящиеся до успехов предприятия, внутреннего согласия и разных случающихся нужд, чтоб таким образом взаимно поощряемы и вспомошествуемы были».

Устав Общества друзей словесных наук обязывал его членов поддерживать дружескую связь с Московским обществом университетских питомцев, сотрудничать в его изданиях, посылать ему экземпляры своих печатных трудов и пр. «И сия связь между ними, — говорится во втором пункте устава, — должна до того простираться, чтобы член сего общества мог невозбранно или, лучше сказать, обязан был, будучи в Москве, посещать тамошние питомцев собрания и некоторые труды, естли похочет, в оныя вносить. Сверх сего экземпляры трудов, вышедших в свет, в знак соединенности взаимно пересылать по одному на собрание было бы для нас желательно, а некоторым образом и полезно» (разрядка моя, — Д. Б.).

Рукописи членов Общества читались и обсуждались на общих собраниях и, одобренные собранием, передавались казначею Общества, который и организовывал их печатание. В параграфе третьем устава об этом сказано следующее: «Казначей, назначаемый из надежнейших которого-нибудь класса членов, по своему чину да имеет от имени Общества сношение с договаривающимся или договорившимся типографщиком в рассуждении печатания трудов, также и собирает выручаемая за книги и всякия от членов для нужд Общества внесенные деньги, и производит оным расход по распоряжениям Общества».

Согласно этому уставу, типография Радищева и открытый им книжный магазин не могли быть частными предприятиями: они принадлежали Обществу и все доходы от издания и продажи книг должны были поступать в кассу Общества. В уставе имеется специальный раздел «Каким образом поступать с изготовленными уже к изданию трудами», в котором записано:

«1. Исправленные показанным порядком труды должны отданы быть для переписки трудившемуся (автору, — Д. Б.), который обязан стараться как можно менее в том медлить, и потом отдать вторично секретарю, который доносит о том собранию и труд назначается ко внесению в число изданий.

«2. Издания сочинений и переводов удобнее могут выходить в свет без назначения времени, ограничивающего толь часто мысли сочинителя и точность переводчика в их упражнениях, почему и лучше оные издавать по частям, определив в каждую известное число листов, для легчайшаго с типографщиком рацета.

«3. В таковых изданиях под каждым трудом имя трудившегося означено быть должно по крайней мере начальными литерами имени и фамилии.

«4. Ежели ж кто из членов предпримет труд составляющий обширную книгу, превосходящую положенное число листов каждой издания части, посвятив оный пользе сего Общества, то в таком случае оная книга хотя не принимается в периодическое издание, однако же должна быть читана в собрании и по особливому с типографщиком договору издаться под именем трудившегося или как он пожелает, и полученные по продаже ее деньги будут подлежать распоряжению собрания».

Согласно порядку, установленному уставом, Радищев, перед тем как печатать свои произведения, должен был читать их на собрании Общества. Отдельные части книги, например «Оду на вольность» (первоначальная редакция оды «Вольность»), он посылал в Москву Н. И. Новикову, что свидетельствовало о глубоком уважении и доверии Радищева к руководителю Московского общества университетских питомцев. Этот важный факт, характеризующий тесные отношения двух крупнейших представителей русского просвещения, устанавливается из неизданной секретной переписки о бумагах Новикова, доставленных из Москвы в Петербург Екатерине II. Управляющий кабинетом императрицы В. С. Попов, передавая бумаги Новикова в Тайную экспедицию, писал 10 июня 1792 года С. И. Шешковскому: «По высочайшему ее императорского величества повелению препровождаю к вам при сем вновь полученные из Москвы бумаги. Тут найдете вы список членов, о которых должно спросить, все ли они и теперь числятся в ордене или кто по каким обстоятельствам выбыл и когда; найдете еще оду на вольность; об оной надобно узнать, кто сочинитель и чьей руки приправки; сыщете много и в прочих бумагах такова, на что требоваться будет объяснение известным человеком («известным человеком» назывался в секретной переписке Н. И. Новиков, — Д. Б.)».⁵²

⁵² Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, архив В. С. Попова, картон 4, № 6, л. 89.

О том, что Радищев посылал в Москву рукопись оды «Вольность», известно и из его книги. Автор «Вольности», встретившийся путешественнику в Твери, рассказывает: «Я и сам, продолжал он, заразительно последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне; да и оставшуюся та же ожидает участь, как и сестра ее постигшая. В Москве не хотели ее печатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы; другая, что предмет стихов не свойственен нашей земле».

Радищев, по-видимому, посылал Новикову первоначальную редакцию оды. Это могло быть в середине или в конце 1780-х годов — до того как Радищев открыл свою типографию. Из главы «Тверь» видно, что ода горячо обсуждалась московскими литераторами, которые хорошо разбирались в тонкостях поэтического мастерства. На основании приведенного выше документа из секретной переписки можно предположить, что обсуждение оды происходило на квартире самого Новикова или на собрании Общества университетских питомцев. Последнее более вероятно, потому что устав Общества друзей словесных наук обязывал членов этого общества бывать и выступать на собраниях Общества университетских питомцев.

Обсуждение оды происходило в присутствии Радищева. Судя по «Путешествию», разбиралась почти каждая строфа оды. В процессе обсуждения было сделано много замечаний по отдельным стихам. «Но я не хочу, — говорит далее поэт путешественнику, — вас наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, признаюсь, из них были справедливы».

В. С. Попов упоминает в приведенном выше письме Шешковскому о «приправках» в тексте оды, сделанных чьей-то рукой. По-видимому, у Новикова хранился тот список оды, который обсуждался на собрании московских литераторов и в который при обсуждении вносились поправки. Новиков не решился издать оду, найдя, что «предмет стихов не свойственен нашей земле». В этом сказалась известная ограниченность его мировоззрения. Но то, на что не решился Новиков, сделал сам Радищев: он опубликовал «Вольность» в отрывках и частично в пересказе в своем «Путешествии».

Организуя в Петербурге книжно-издательскую базу Общества друзей словесных наук и опираясь в этом на издательский опыт Новикова, Радищев пошел значительно дальше его в идейном отношении, сделав основой своих действий пропаганду революционных идей. Открытие им типографии и книжного магазина совпало с началом буржуазной революции во Франции, которая еще больше вдохновила его вступить на путь пропаганды революционного действия. Широкий план такой пропаганды Радищеву не удалось осуществить. В связи с арестом писателя начатое им дело было прервано.

Радищев не думал ограничить издательскую деятельность печатанием только своих произведений. Издание брошюры «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» и книги «Путешествие из Петербурга в Москву» он рассматривал лишь как первый опыт. Общество друзей словесных наук, труды которого должна была печатать типография Радищева, уже готовило к печати новые работы. Об этом сообщалось в последнем (декабрьском) номере журнала «Беседующий гражданин» за 1789 год, который проводил через цензуру, как указывает С. А. Тучков, сам Радищев. Следовательно, и сообщение о подготовке Обществом к печати нового труда было напечатано при его непосредственном участии.

Это сообщение было сделано в редакционной статье «Заключение к просвещеннейшей публике», напечатанной по случаю прекращения журнала. В ней говорилось, что издание журнала «Беседующий гражданин» было для его издателей не более, как проверкой «вкуса» публики к восприятию серьезных мыслей: «Сим средством узнав настоящий ея вкус, ныне [издатели журнала] готовятся, не портя оно, доставить после более здоровую и питательную для просвещения разума пищу. Чему и надеются вскоре показать опыты».⁵³

Какие же «опыты» имелись в виду в названной статье? Сообщение, по-видимому из цензурных соображений, было туманным, расплывчатым, и истинный смысл его стал понятным только через несколько лет, когда вышла книга, подготовленная Обществом друзей словесных наук, — двухтомный коллективный труд, в пяти частях, общим объемом более тысячи страниц, под названием «Новейшее повествовательное землеописание».⁵⁴

Труд этот был начат еще в конце 1780-х годов, но книга была выпущена в свет в начале 1796 года (видимо, арест и ссылка Радищева задержали ее издание). В «Предуведомлении» к книге издатели отметили связь ее с журналом Общества. «За несколько лет пред сим, — писали они, — издавая в свет ежемесячное издание под названием „Беседующий гражданин“ и помещая в оное главнейших трех родов сочинения и переводы — нравоучительные, исторические и касающиеся до изящных наук, с тем единственным намерением, дабы узнать вкус народный, и к которому наи-

⁵³ Беседующий гражданин, ч. III, 1789, стр. II. Разрядка моя, — Д. Б.

⁵⁴ Полное его название: «Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, также и начального для малолетних детей учения о землеописании. Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало. Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших русских писателей, учеными россиянами. Иждевением книгопродавца Ивана Глазунова. В Санктпетербурге при императорской Академии наук, 1795 года». 8°, часть I — XVI + 92 стр.; часть II — 306 стр.; часть III — 306 стр.; часть IV — 196 стр.; часть V — 119 + 67 стр.

более оный из сих трех родов склонен, к несказанному обрадованию нашему, увидели мы и удостоверились опытом, что во опровержение тех обидных для российского народа мнений, яко бы оный больше влечения имеет к чтению поглощающих ум и благонравие растлевающих книг, каковы Фоблазы, Гостиные сыны, Два турка, Родственники Магометовы, Новые Элоизы, Кандиды, Вертеры, Поизмятые розы, Совестьдралы, глупые и невкусные площадные сказки о Бовах и Ерусланах и сим подобных, во опровержение, говорим, толь обидных мнений, российский народ наиглавнейшее имеет устремление к чтению отечественного, а купно и других народов землеописания и истории, яко первоначального источника просвещения и вернейшей указательницы прямого пути ко всем прочим полезным для рода человеческого познаниям прилепление, делающее величайшую честь сердцам и умам российского народа! — По сему то с того же самого времени и предпринято нами сочинение сего, издаваемого ныне «Всеобщего повествовательного землеописания», обращая наиболее старание наше к отечественному». ⁵⁵

Связь книги с «Беседующим гражданином» была подчеркнута и фронтисписом — гравюрой, изображающей Россию в виде женщины, сидящей в окружении отроков. Этот фронтиспис был прежде в журнале «Беседующий гражданин». Он стал, таким образом, своеобразной издательской маркой Общества друзей словесных наук.

Изданная Обществом друзей словесных наук книга принадлежала к распространенному в XVIII веке жанру исторической географии. Этот жанр позволял включить в книгу множество самых различных сведений о государствах и народах, начиная с описания земной поверхности, климата и кончая характеристикой политического строя, гражданских свобод, экономического и культурного уровня страны.

Во второй половине XVIII века в России был издан ряд книг по исторической географии: «Краткое землеописание Российского государства, изданное для народных училищ Российской империи», (СПб., 1787), «Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ Российской империи» (1788), «Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара, изданное для народных училищ Российской империи» (1790, 2-е изд.), «Бергманово естественное землеописание» (СПб., 1791) и др.

Книга, изданная Обществом друзей словесных наук, значительно отличается от подобных изданий как большей полнотой сведений, так и четко выраженным политическим направлением. Для нас «Новейшее повествовательное землеописание...» интересно тем, что в нем отразилось влияние Радищева, особенно в разделах книги, посвященных описанию Франции и России. Со-

⁵⁵ Новейшее повествовательное землеописание, ч. I, стр. IX—X.

ставители книги собрали ряд документов, в которых выражается глубокое сочувствие восставшему революционному французскому народу.

Об обстоятельствах, подготовивших французскую революцию, в книге говорится: «Самая перемена. 1789. Упадок доходов, причиненный несчастливим правлением Людовика XV, и который легкомыслие и расточительность министров и двора Людовика XVI в его юности привели до крайности, сделал наконец необходимым созыв чинов государства, яко последнее средство к уврачеванию сего зла. Государственные чины воспользовались благоприятствующими обстоятельствами, в которых они находились, и просвещением своего времени к искоренению старых злоупотреблений и к сочинению для государства нового постановления».

В книге излагаются и основные положения Декларации прав человека, принятой Учредительным собранием.

Наибольшей политической остротой отличалась характеристика государственного строя России и крепостного права. Составители книги утверждали, что крестьяне в России с древнейших времен были вольными и что власть помещиков над ними являлась незаконной. В разделе «Права и обязанности народа» сказано: «Прежде Рюрика, при нем и после него, до нашествия татарского, народ славено-российский был вольный. Власть великих и удельных князей была умеренна или сорастворена властью вельмож и народа. Всякий владетельный князь, вступая во владение, обязан был, прежде введения христианства, целовать меч, а по принятии христианства — крест перед народом в том, чтоб судить ему по законам, вправду и никого не обидеть; без согласия народа, и не объявив им причин побудительных, войны не начинать; и народ прежде того рассматривал безопасность внутреннюю. Сие доказывают российские летописи, а тем и является, что народ, имея соучастие с вельможами в правлении, и мог на сеймах своих определять многое; что определения народа были важны и сильны и что во общенародных собраниях всякий гражданин имел право подавать свой голос».⁵⁶

Целый раздел посвящен доказательству того, что русские крестьяне раньше не были прикреплены к помещичьей земле и могли по своей воле переходить от одного помещика к другому: «Невольные же были тогда одни только пленники и потомки их, коих помещик имел право духовною в наследие детям своим, рядною в приданое за дочерью укрепить и постороннему продать».⁵⁷

В книге доказывалось, что крепостное право является не только незаконным, но и вредным как для крестьян, так и для экономического развития страны в целом. «Величайшее зло из всех есть то, когда земледелец не удостоверен, что плодами трудов своих

⁵⁶ Там же, ч. II, стр. 136.

⁵⁷ Там же, стр. 253.

может пользоваться в безопасности и что трудится он для себя и для своего семейства».⁵⁸

«Новейшее повествовательное землеописание» постигла такая же участь, как и «Путешествие» Радищева: как только книга появилась в свет, она сразу же была запрещена по распоряжению Екатерины II.⁵⁹

7 апреля 1796 года генерал-прокурор А. Н. Самойлов писал московскому главнокомандующему Измайлову и петербургскому генерал-губернатору Архарову, что до императрицы дошли сведения о вольных мыслях и непозволительно смелых выражениях, содержащихся в указанной книге; поэтому Екатерина II приказала запретить продажу этой книги, отобрать от книгопродавцев все имеющиеся экземпляры и хранить их в Управе благочиния.⁶⁰

В Москве было отобрано 359 экземпляров книги, в Петербурге — 802. Отобранные экземпляры решено было отправить в Академию наук для исправления и перепечатки некоторых мест. А. Н. Самойлов писал 4 июня 1796 года управляющему Академией наук П. П. Бакунину: «Ее императорское величество высочайше указать соизволила книгу под названием „Новейшее повествовательное землеописание“, по причине помещения в оной непозволенных выражений продажею остановленную, отослать в Академию наук с тем, дабы она, выняв из нее совсем артикул о Франции, прочее точнейшим образом пересмотрела и ничего не оставила такого, что противно законному и самодержавному правлению и самой благорядности, а потом, напечатав, выпустила в публичную продажу».⁶¹

Ввиду того, что исправлять книгу никто из академиков не взялся, дело переиздания затянулось на многие годы, и в конце концов весь ранее отпечатанный тираж был уничтожен. До нашего времени сохранилось не более 15 экземпляров этой книги.

За что же Екатерина II запретила «Новейшее повествовательное землеописание», какие главы этой книги содержали, с точки зрения императрицы, «вольные мысли и непозволительно смелые выражения»?

В цитированном выше письме генерал-прокурора Сената А. Н. Самойлова была названа только одна из таких глав — «артикул о Франции». Что касается других глав, то о них было сказано

⁵⁸ Там же, стр. 251—252.

⁵⁹ Сведения о запрещении книги «Новейшее повествовательное землеописание» приведены в работах: М. И. Сухомятиной. История Российской Академии, вып. 2. СПб., 1875, стр. 231—243; Н. Г. Высоцкий. Запрещенные при Екатерине Великой книги. Русский архив, 1912, № 10, стр. 252—255; В. Семенников. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. Русский библиофил, 1913, январь.

⁶⁰ Н. Г. Высоцкий, указанная статья, стр. 252.

⁶¹ Архив Академии наук СССР, ф. 3, оп. 1, № 568; см. также: В. Семенников. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. Отдельный оттиск, стр. 15.

в общей форме: «...ничего не оставлять такого, что противно законному и самодержавному правлению». Эта формулировка свидетельствует о том, что указанная книга, так же как радищевское «Путешествие», была воспринята Екатериной II как дерзкий удар по самодержавию.

В письме Самойлова к московскому главнокомандующему Измайлову причины запрещения «Новейшего повествовательного землеописания» были указаны подробнее. К письму была приложена записка, в которой перечислялись те вольные мысли и дерзкие выражения, за которые книга подвергалась изъятию. В записке было сказано:

«Стр. 139-я первой части книги: Царь Федор Алексеевич, умерший бездетным, объявил наследником короне младшего брата своего Петра, обойдя старшего брата его Иоанна в рассуждении неспособности его к правлению по болезни и слабодушию.

«Стр. 140-я той же части: Петр Первый сам, умирая, не нарек по себе наследника, по-видимому, или не решился на то, или же предускорен был в том смертью. Оставалось в неизвестности, кому по нем царствовать; бо́льшая часть народа желала иметь наследником и государем своим принца Петра, сына несчастного Алексея, но сильнейшая сторона употребила все меры к возведению на престол Екатерины, супруги Петра Первого.

«Стр. 243-я второй части книги: Кардинала Ришелье, министра Людовика XIII, казалось, единственное старание состояло в том, чтобы власть короля увеличить уничтожением вольности священ-ных прав народа; он достиг своей цели насилем и происками. Наконец, в правление Людовика XIV, от низости его ласкателей, деспотизм взошел на высочайшую степень. Людовик XV наследовал всю неограниченную власть своего предшественника, но как не наследовал он тех же блистательных дарований и предался величайшим распутствам, оставя правление своим министрам и любовницам, то подданные его начали скучать таковым поносным игом, которое в правление Людовика XIV частью сами на себя возложили. Хотя в его время и менее было стихотворцев с прекрасными дарованиями, нежели во время его предшественника, но оное произвело философов, которые при свете разума открыли права государя и гражданина и доставили всему народу новый оборот в умах. Американская война, в которой Людовик XVI, скоро по вступлении своем на престол, принял участие, показала подданным его, на самом деле, те новые правила, кои проповедывали им те философы, и возбудили в них величайшее желание вольности и основанного на правоте постановления.

«Стр. 259-я той же части: 17 июля того же года имел славный въезд в оный город Людовик XVI и согласился на перемену в прежнем образе правления...»⁶²

⁶² Н. Г. Высоккий. Запрещенные при Екатерине Великой книги, стр. 253.

Приведенная записка Самойлова не указывает все опасные для самодержавия места книги. Возможно, Екатерина II, по указанию которой была составлена записка Самойлова, не хотела более подробно раскрывать содержание книги, чтобы не привлекать к ней внимания. Книгу старались скрыть всеми способами от читателей. Об этом наглядно свидетельствует один из экземпляров «Новейшего повествовательного землеописания», хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Страницы этого экземпляра наглухо опечатаны сургучными печатями, чтобы никто не мог их раскрыть. Заглядывать в книгу строго запрещалось даже чиновникам, конфисковавшим ее в книжных магазинах.

Книга была опасна для самодержавия не отдельными своими выражениями или теми местами, которые были выписаны в записке Самойлова, а всей своей концепцией государственного правления и крепостного права в России. Вся книга была пронизана революционным духом. В ней пропагандировалась та же самая идея народоправия, всестороннее обоснование которой до этого было уже дано Радищевым в «Путешествии» и оде «Вольность».

«Новейшее повествовательное землеописание» доказывает огромное идейное воздействие Радищева на Общество друзей словесных наук, подготовившее ее к печати.

Екатерина II потребовала выяснить, кто участвовал в составлении этой книги. Из самой книги было видно, что над ней работал не один человек, а целый коллектив. Академик Румовский, которому управляющий Академией наук поручил исправить книгу, отметил, что для написания такой серьезной книги нужно было иметь «обширное и точное знание естественного России состояния», «историческое и политическое об оной сведение» и что «едва ли сыщется человек, который бы один вмещал в себя все нужные к сему сведения».

На титульном листе книги было указано, что она сочинена «учеными россиянами». Из предисловия видно, что ее подготовили издатели «Беседующего гражданина», т. е. Общество друзей словесных наук. В том же предисловии было указано, что Общество готовит к изданию еще и другие исторические труды: «Мы же с своей стороны не оставим продолжать доставлять возлюбленным соотечественникам нашим, как сие мы обещали и в заключении „Беседующего гражданина“, подобные творения и уповаем вскоре иметь удовольствие издать: первое — „Всеобщий землеописательный словарь“ и второе — самое новое и верное статистическое описание о всех державах, населяющих земной шар».⁶³

Это обещание свидетельствует, что в Обществе друзей словесных наук была целая группа «ученых россиян», которая готовила к изданию одну книгу за другой по плану, намеченному еще при Радищеве в 1789 году.

⁶³ Новейшее повествовательное землеописание, ч. I, стр. XII—XIII.

Из участников «Новейшего повествовательного землеописания» в самой книге названо только одно лицо. В конце V части помещено следующее уведомление: «От издателей к читателю. Долгом нашим поставляем объявить чрез сие благосклонному читателю, что, буде нашел он сие издание наше удовлетворительным обещанию нашему и желанию своему, то сим должен он наиболее потрудившемуся между нами секретарю адмиралтейской коллегии майорского чина Николаю Дмитриевичу Жулковскому».

Н. Д. Жулковский (1769—1832) был взят на службу в Адмиралтейскую коллегию из учеников Киевской академии в 1787 году во время путешествия Екатерины II по югу России. Рекомендовал его на эту службу бывший воспитанник Киевской академии, секретарь Общества друзей словесных наук М. И. Антоновский.⁶⁴ В некрологе Жулковского сказано, что Жулковский во время войны Швеции с Россией находился при адмирале В. Я. Чичагове и участвовал троекратно в сражениях при Карлсроне, Ревеле и в Выборгском заливе.⁶⁵

В этой войне принимали участие многие члены Общества друзей словесных наук. В указанных сражениях находился С. А. Тучков.⁶⁶ В 1789 году в походной канцелярии адмирала Чичагова служил М. И. Антоновский.⁶⁷

В чем состояло участие Н. Д. Жулковского в «Новейшем повествовательном землеописании», из приведенного уведомления не видно. В некрологе о его работах сказано в общей форме: «...занимался еще переводами с немецкого языка, собранием разных любопытных рукописей». Привлекался ли Жулковский к какой-либо ответственности за издание «Новейшего повествовательного землеописания», мы не знаем.

Президент Академии наук Николай в своем прошении генерал-прокурору П. В. Лопухину от 21 марта 1799 года о списании долга с Академии за издание этой книги пишет, что ее автор «некий надворный советник Антоновский».⁶⁸

Сам М. И. Антоновский о своем участии в «Новейшем повествовательном землеописании» писал противоречиво. В своем жизнеописании он называет себя «издателем с поправлением Всемирного повествовательного землеописания, ежемесячных изданий Вечерней зари, Беседующего гражданина ... Науки побеждать препрославленного победам Суворова» и ряда других книг.⁶⁹

В записках М. И. Антоновского, напечатанных в «Русском архиве», сказано: «...исправил применительно к тогдашнему вре-

⁶⁴ См.: Записки Михаила Ивановича Антоновского. Русский архив, 1885. № 2, стр. 156.

⁶⁵ Северная пчела, № 22, 28 января 1832 г.

⁶⁶ Записки Сергея Алексеевича Тучкова, стр. 26—62.

⁶⁷ См.: Записки М. И. Антоновского, стр. 160.

⁶⁸ ЦГАЛИ, 1374, 1799 г., оп. 1, № 1749, л. 3.

⁶⁹ ИРЛИ, ф. 405, № 4.

мени и на российском языке издал Остервальдово Повествовательное землеописание о целом свете, к коему присоединил сочиненное им статистическое описание России». ⁷⁰

По делу издания «Новейшего повествовательного землеописания» М. И. Антоновский был арестован. На допросах он выглядел наивным, глупым человеком, не понимающим, почему книга была конфискована и объявлена «возмутительной». Он показал, что имел к ней отношение только как человек, стремившийся заработать на ее издании себе на пропитание. О вопросах, которые задавались в Тайной экспедиции, ему, по-видимому, было запрещено рассказывать; он заявляет, что допрос велся мягко, «для одного токмо виду».

«Сия-то книга возбудила ему завистников, — рассказывает он, — людей близких к престолу, которые и объявили именное якобы покойной императрицы Екатерины II повеление генерал-прокурору графу Самойлову допросить Антоновского в Тайной экспедиции о побуждениях его к сочинению толь якобы возмутительной книги. Антоновский взят шумно полициею, два дни сряду возим был по городу то к градоначальнику, то от сего к генерал-прокурору, который, рассмотрев уже предварительно указанные в оной книге места, якобы возмутительные, и видя, что Антоновский на напечатание оной получил дозволения узаконенной цензуры, что в оной книге написано сокращенно токмо все то, что уже издано в свет повествовательного и землеописательного обо всем земноводном шаре, на всех почти известных языках, со скромностию (для одного токмо виду тайного допроса Антоновскому) велел быть при том Тайной экспедиции начальнику, коллежскому советнику Макарову, что ныне сенатор (умер). Антоновский на допрос сей тогда же написал ответ сам своею рукою в кабинете генерал-прокурора графа Самойлова, который на другой же день докладывал императрице, и сия всемилостивейшая и премудрая монархиня указала объявить Антоновскому свое прощение, а дабы он более не был принужден таковыми тяжкими и опасными для него трудами снискивать себе пропитание, непременно избрать род службы, оставя свои науки, и определить в оный по его желанию, с жалованьем, какое получал до того на флоте. В книге же сей повелено Российской Академии наук, также для виду, переправить некоторые места; но Академия, не зная, как оные и почему бы должно поправить, оставила у себя тлеть в кладовой все экземпляры оной без всякой поправки, хотя и велено было ей, по исправлении, пустить оную книгу в продажу для выручки денег, заплаченных из государственного казначейства книгопродавцу Глазунову за издержанные им на напечатание оной книги и прочее более трех тысяч рублей». ⁷¹

⁷⁰ Русский архив, 1885, кн. 2, стр. 161.

⁷¹ Там же, стр. 161—162.

Указание президента Академии наук Николаи о том, что сочинителем «Новейшего повествовательного землеописания» был Антоновский, основывалось, очевидно, на том, что последний был арестован по делу об издании книги. Свидетельство Николаи не подтверждается академиками Лепехиным и Румовским, которые рассматривали книгу. Они писали, что автор им не известен.

Утверждения самого Антоновского нуждаются в значительных уточнениях. В записках он преувеличивает свои заслуги, приписывает себе то, к чему имел лишь косвенное отношение, или то, чего вовсе не делал. Так, например, он ставит себе в заслугу появление в печати суворовской «Науки побеждать». В действительности же он мог выступать здесь лишь посредником между автором и типографией.

Нуждается в уточнении и его заявление, что он был издателем журнала «Беседующий гражданин». Установлено, что издателем этого журнала являлось Общество друзей словесных наук, а Антоновский, как секретарь этого общества, выполнял лишь его поручения. Последние же номера «Беседующего гражданина» выходили в свет вообще без участия Антоновского, который, согласно его собственному утверждению, находился с 4 мая 1789 года в действующей армии, в походной канцелярии адмирала Чичагова. Вернувшись в начале 1790 года в Петербург, он почти сразу же был направлен с дипломатической миссией в Вену. В. П. Семенников отмечает: «... в наших библиографиях редактором „Беседующего гражданина“ считается Антоновский. Однако роль его в журнале в действительности надо весьма ограничить. Это видно из того, что в мае 1789 г. (4-го числа) он был назначен правителем канцелярии к командовавшему флотом адмиралу Чичагову и находился в этой должности вплоть до февраля 1790 г., причем флот в это время не раз принимал участие в боях со шведами, и Антоновскому приходилось быть на корабле и во время этих боев. При таких условиях Антоновский, естественно, не мог принимать участия в редактировании журнала, кроме, может быть, самых первых и последних книжек.⁷²

Точно так же необходимо ограничить роль Антоновского и в сочинении «Новейшего повествовательного землеописания».

Академик Румовский, как указано выше, считал эту книгу коллективным сочинением. Такое же мнение высказал адъюнкт Академии наук Карл Герман. Приступая в 1805 году к изданию «Статистического журнала», он во введении к нему писал: «В России вышло 1795 года „Новейшее повествовательное землеописание и пр.“, где Российская империя описана статистически, как никогда еще не бывало, в Санктпетербурге Обществом ученых, издано Иваном Глазуновым, печатано при Академии наук. Книга

⁷² В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева, стр. 243.

сия, которая заключает в себе много хорошего о старой российской статистике, была запрещена, и как можно заключить из вырезанных листов, за некоторые мнения древней российской истории и новейшей Французской революции, а посему самому книга сия теперь редка».⁷³

Свидетельство Карла Германа, что «Новейшее повествовательное землеописание» написано «Обществом ученых», расширяет представление о составе Общества друзей словесных наук, указывая, что в Обществе были не только молодые, начинающие литераторы, как С. А. Тучков и М. И. Антоновский, но, по-видимому, и лица из научной среды. Ценным дополнением к приведенному указанию является примечание Карла Германа, в котором он связывает «Новейшее повествовательное землеописание» с планом описания российских губерний, разработанным Академией наук. «Еще в 1777 году, — пишет он, — Российская императорская Академия наук в Санктпетербурге сделала проспект к топографическому описанию Российского государства, коего первую главную часть должно составлять всеобщее географическое описание государства. План к историческому описанию предлагал г. Стриттер, к статистическому г. Гильденштед, а к прочему г. Паллас».⁷⁴

Впервые предложение создать топографическое описание России сделал директор Академии наук С. Г. Домашнев на заседании академической Конференции 12 сентября 1776 года. На этом заседании был образован комитет для составления такого описания, который с большим энтузиазмом приступил к работе.

В 1782 году в связи с увольнением Домашнева из Академии наук комитет распался, но некоторые из его бывших членов продолжали работу над топографическим описанием России по собственной инициативе. Они главным образом собрали необходимые для описания сведения и материалы. Часть таких материалов поступала из губернских правлений, которые составляли по указанию Сената краткие описания своих губерний. Так, например, в июне 1789 года Вологодское наместническое правление прислало в Академию наук «Топографическое описание Вологодского наместничества» на 114 листах, которое было передано академику Иноходцеву.⁷⁵

К 1789 году, когда в Обществе друзей словесных наук возник замысел составить «Новейшее повествовательное землеописание», было собрано уже немало необходимых для такого описания сведений о России.

Следствие по делу составителей «Новейшего повествовательного землеописания» затянулось, а со смертью Екатерины II и совсем прекратилось. Академия наук хотя и потерпела убытки

⁷³ Статистический журнал. Том первый. Часть первая. В Санктпетербурге. При императорской Академии наук. 1806, стр. 17—18.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 375, лл. 75—76.

от издания этой книги, не была заинтересована найти ее составителей. Если предположение Карла Германа о том, что кто-то из академиков принимал участие в работе над книгой, соответствует действительности, то Академии наук благоразумнее было умолчать об этом. Удобнее было свалить всю вину на секретаря Общества друзей словесных наук Антоновского, что и сделал президент Академии наук Николай.

Неизвестно, подозревала ли Екатерина II участие Радищева в составлении «Новейшего повествовательного землеописания», но некоторые исследователи полагают, что он участвовал в создании этой книги. Основанием служит ее близость к политическим взглядам Радищева. Так, еще М. И. Сухомлинов отметил, что некоторые места «Новейшего повествовательного землеописания» имеют много общего с радищевским «Путешествием». Приведем несколько выписок о народоправстве, он пишет: «Подобные указания на свободу и равенство граждан и на верховные права народа не могли быть встречены сочувственно в кругах, осудивших „Путешествие“ Радищева как опасное порождение духа революции, охватившей Францию и гибельной для всей Европы».⁷⁶

В. П. Семенников, рассматривавший цензурную историю указанной книги, писал, что «„Новейшее повествовательное землеописание“ — труд, предпринятый членами того же общества, участником которого был и Радищев».⁷⁷

М. В. Птуха после тщательного анализа содержания книги пришел к выводу о том, что она написана не без участия Радищева. «Нас интересует в первую очередь вопрос о том, — пишет он в своем фундаментальном труде по истории статистики в СССР, — принимал ли участие в составлении Землеописания А. Н. Радищев и если принимал, то какое. Работа началась не позже 1788 г., а А. Н. Радищев был арестован 30 июня 1790 г. Мы убеждены, что он не мог не принять участия в этой интересной работе, содержание которой соответствует его воззрениям. Проблема изучения производительных сил России, пропаганда идей французской революции были близки Радищеву. Труднее ответить на второй вопрос. Мы считаем вероятным, что А. Н. Радищев не ограничился только участием в обсуждении плана и общего характера Землеописания и т. п., но что он успел за два с половиной года кое-что написать для текста работы. Следует ожидать, что архивные изыскания дадут положительный ответ на этот вопрос».⁷⁸

Если Радищев участвовал в составлении «Новейшего повествовательного землеописания», то он мог, в частности, написать раз-

⁷⁶ М. И. Сухомлинов. История Российской Академии, вып. 2, СПб., 1875, стр. 234.

⁷⁷ В. Семенников. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. Отдельный оттиск, стр. 14.

⁷⁸ М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. I. М., 1955, стр. 106.

дел «Статистическое землеописание Российской империи». Приводимые в настоящей книге сведения об изучении Радищевым Несторовой летописи свидетельствуют, что в середине 1770-х годов у него возник замысел создать большой труд по исторической географии. Тогда же он изучал «Российскую историю» Татищева, исторические работы академика Г. Ф. Миллера и другие статьи и книги по истории России, делая из них выписки. Он объединил эти заметки под характерным заглавием «К российской истории». Они характеризуют творческую лабораторию писателя, его метод работы над историческими источниками. Эти выписки и заметки позволяют установить принадлежность Радищеву некоторых произведений, которые до сих пор не печатаются в собрании его сочинений. Часть сведений, содержащихся в названных заметках, вошла и в «Статистическое описание Российской империи».

В рукописи «К Российской истории» немало таких выписок и заметок, назначение которых не ясно без сопоставления со «Статистическим землеписанием Российской империи». Без такого сопоставления трудно иногда понять, почему тот или иной исторический факт привлек к себе внимание Радищева. Так, например, он пишет о старинных деньгах: «Татарское побеждение России ввело в оную тисненные деньги. До тех вместо оных употребляли лоскутки куниц, куны называемые. Мортки также, бельи лапки (Stief-lärrschen von Eichhörnchen). Сперва деньги были татарские в употреблении, потом были с одной стороны с подписью русскою, с другой татарскою, напоследок с одной русскою. Название „денги“ произошло от татарского слова танга — знак. (До сих пор есть в Большой Бухаре и Харизме монета танга, которая, вероятно, единственная в употреблении, может быть, танга, то же значит, что деньги). Она делается из довольно чистого серебра и стоит около копеек шестнадцати или немного более. Она круглая, на одной стороне имя ханское, а на другой имя земли с показанием года».⁷⁹

Эта заметка вошла в двадцать первую главу «Статистического землеописания Российской империи», где говорится о появлении денег и развитии торговли. В ней сказано: «История научает нас, что с начала торговли России с другими народами, т. е. вскоре по рождестве Христове, известны уже стали некоторые монеты, или деньги, в России, как золотые и серебряные, так и кожаные. Те были чужестранные, а сии домашние. Монета и деньга, или танга, тинга, значит одно и то же, т. е. знак. Одно латинское, а другое персидское и татарское слово. Поелику Россия большею частию вела торг с чужестранцами мехами, то и деньги, или знаки, имела от тех же зверей, коими торговала, и именовались оные: куны, векоши, мортки, скуры, ногаты, долгеи, резани, барани, лобки, полушки».⁸⁰

⁷⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 32.

⁸⁰ Новейшее повествовательное землеописание, ч. II, стр. 231—232.

В рукописи «К Российской истории» есть несколько заметок о существовавшем в древней Руси обычае продавать пленников и о разнице между пленниками и холопами. При этом Радищев полемизирует с В. Н. Татищевым: «Господин Татищев мнит княжее быть „что у древних приводили на растление к господам невест рабов“... Но подданной и раб разница и по тогдашнему мнению».⁸¹

Изложенная здесь концепция Радищева о том, что холопы не являлись рабами, нашла свое отражение в 23-й главе «Статистического землеописания Российской империи»: «Невольные же были тогда одни только пленники и потомки их... Холопы были также вольные люди, как и крестьяны, и служили по кабале и по летной, а рабами были только одни пленники».⁸²

Одна из заметок, имеющих в рукописи «К российской истории», почти текстуально вошла в 23-ю главу «Статистического землеописания Российской империи». В рукописи сказано: «Царь Василий Иванович Шуйский для утишения в холопах смятения закон учинил, что пленным токмо рабами быть, доколе свободу получат, а холопей в прежней верности оставил по кабале и по летной».⁸³

В «Новейшем повествовательном землеописании» напечатано: «Помещики, недовольны будучи оказанною властью над кабальными холопами, стали их сравнивать с полными холопами, но они, не хотя дать себя поработить, воспротивились таковому помещиков своих притязанию и, собравшись, подали царю Василию Иоанновичу Шуйскому челобитную, жалуясь на притеснение вольности их от помещиков. Царь Василий Иоаннович закон сделал, чтоб пленным только быть рабами, а холопам служить по прежнему по кабале и по летной».⁸⁴

Число подобных сопоставлений можно значительно умножить, но и приведенные примеры показывают, что в изданной Обществом друзей словесных наук книге есть страницы, написанные Радищевым. Поскольку книга составлялась и редактировалась несколькими лицами, трудно определить, какие именно главы принадлежат Радищеву. Из его сохранившихся выписок и черновых набросков можно сделать вывод, что в «Статистическом описании Российской империи» Радищеву принадлежат 21-я и 23-я главы. Именно в них вошло в том или ином виде многое из его выписок и набросков.

Глава 21 содержит очерк развития денег в России начиная с древнейших времен и кончая восьмидесятью годами XVIII века. В ней описываются гривны, рубли, полтины, куны, гроши, копейки, алтыны, пулы (полушки), золотые, серебряные и медные монеты,

⁸¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 37.

⁸² Новейшее повествовательное землеописание, ч. II, стр. 253—254.

⁸³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 35.

⁸⁴ Новейшее повествовательное землеописание, ч. II, стр. 255—256.

бумажные деньги (ассигнации) с указанием нарицательной стоимости всех этих монет в древнее и новое время. Необходимые сведения для очерка Радищев мог почерпнуть в библиотеке и архиве Коммерц-коллегии, с которой он был связан по своей работе в течение многих лет.

Вопрос о деньгах, их чудодейственной силе, рождающей преступную страсть к богатству, неоднократно заставлял глубоко задумываться Радищева. Несколько раз он касался этого вопроса в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Глава 23 представляет собой исторический очерк состояния земледельцев в России — рабов, холопов, помещичьих и государственных крестьян и пр. Этого вопроса Радищев в своих произведениях касался не раз.

В очерке сказано, что «прежде земледельцы или крестьяны не были привязаны к земле, могли переходить от одного помещика к другому по своей воле».⁸⁵ «Как запрещен стал быть им переход с места на место, тогда всякий должен был остаться на том месте, где был поселен вечно, дети и потомки его. Поселенные на землях помещичьих стали быть крепки помещикам, не сами по себе, как холопы, но по земле, не имея воли оставить оную. Недоразумение пределов помещичьей власти и крестьянского подчинения производило сначала многие споры, жалобы, возмущения: но помещики, будучи умнее и богаче, умели растолковать закон в свою пользу и сделать крестьян виноватыми».⁸⁶

Кроме этих двух глав, Радищев, по-видимому, хотел написать для «Новейшего повествовательного землеописания» и другие главы. В его бумагах сохранились материалы, относящиеся к описанию Петербургской губернии и Тобольского наместничества. Рукопись «Описания Петербургской губернии» относится к 1789 году, т. е. к тому времени, когда в Обществе друзей словесных наук складывался замысел «Новейшего повествовательного землеописания».

Сопоставление радищевского «Описания Петербургской губернии» с упомянутым выше академическим проектом топографического описания Российской империи показывает, что Радищев в своей работе придерживался плана, который был разработан Комитетом Академии наук и который был принят Обществом друзей словесных наук. План академического Комитета распределял описание России по следующим пяти разделам: географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описание. Четвертый раздел этого плана предусматривал описание наместничеств и губерний. О нем было сказано: «В следующих отделениях опишутся наместничества и губернии по нижеследующему плану:

⁸⁵ Там же, стр. 252.

⁸⁶ Там же, стр. 256.

«Обширность и пределы наместничества и губерний, сколько в них квадратных миль, разделение их на провинции, уезды, волости и пр.

«Общее состояние, как-то горы, равнины, леса, болота, степи, плодородная и бесплодная земля и т. д.

«О смежных (где есть) с оными морях и их состоянии, заливах, мысах и пр.

«Общее число городов, сел, деревень, число жителей.

«Краткое известие о древней и новой истории каждой губернии.

«Произведения губернии — земледелие, скотоводство, промыслы, заводы и пр.»

Радищев использовал много различных материалов и документов, относящихся не только к Петербургской губернии, но и к другим губерниям и наместничествам России. Большое содействие в этой работе ему оказывал президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов. Значительная часть материалов, которые изучал и использовал Радищев, позднее оказалась вместе с его рукописями в собрании Воронцова. Два огромных тома этих материалов с надписью «География и статистика» хранятся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР.

Работа Радищева по описанию Петербургской губернии осталась незавершенной и потому не вошла в состав «Новейшего повествовательного землеописания».

В свете приведенных выше сведений, обнаруженных в последние годы, надо по-иному посмотреть на записи Радищева, сделанные по дороге в Сибирь, и его письма к Воронцову из Сибири. Эти материалы дают немало ценного для выяснения отношения Радищева к «Новейшему повествовательному землеописанию».

Во время своего пути в Илимск Радищев постоянно изучал природу, жизнь местного населения тех мест, по которым проезжал. «Разум мой может иногда заниматься упражнениями, — сообщал он А. Р. Воронцову 20 октября 1790 года из Нижнего Новгорода. — Когда я стою на ночлеге, то могу читать; когда еду, стараюсь замечать положение долин, буераков, гор, рек; учусь в самом деле тому, что иногда читал о истории земли; песок, глина, камень — все привлекает мое внимание. Не поверите, может быть, что я с восхищением, переехав Оку, вскарабкался на крутую гору и увидел в расселинах оной следы морских раковин».⁸⁷

Начиная с Казани, Радищев систематически ведет дневник. В нем содержатся сведения по географии, истории и экономике. П. С. Богословский, анализировавший путевые заметки Радищева о Пермском крае, пришел к следующему выводу: «На основании этого анализа имеем право говорить о тонкой и широкой наблюдательности автора, об его стремлении к точности, об его трезвом ясном уме (критическое отношение), об его анализирующей спо-

⁸⁷ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 345—346.

способности при определенной в то же время склонности к синтезу».⁸⁸

Живя в Сибири, Радищев изучал этот край. «Время моего здесь пребывания я, по возможности, стараюсь употребить себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений», — сообщает он Воронцову из Тобольска 15 марта 1791 года.⁸⁹

Еще раньше этого он писал Воронцову: «Я взял с собою несколько книг физических и тому подобных и велел спросить наставления вашего сиятельства, можно ли ко мне отправить еще, дабы десять лет я мог бы сократить учением и трудолюбием, и исправиться».⁹⁰

Е. В. Рубановская привезла ему в Тобольск «Путешествие Лесепсово по Камчатке и по южной стороне Сибири».⁹¹

От Воронцова Радищев получил «Статистическое описание Российского государства» И. Ф. Германа; «Политическое положение Франции» Ш. Пейссонеля; «Описание Санкт-Петербурга» И. Георги; «Путешествие по России и в Кавказских горах» И. А. Гильденштедта и другие подобные книги.

Радищев пишет о волновавших его вопросах, непосредственно связанных с описанием Российской империи. «Перед глазами моими на стене прибита генеральная карта России, — пишет он ему из Тобольска в письме от 15 марта 1791 года, — в коей Сибирь занимает почти $\frac{3}{4}$. Хорошо знать политическое разделение государства; но если бы весьма учебно было бы в Великой России сделать новое географическое разделение, следуя в том чертам, природою между народами назначенной, гораздо бы еще учебнее и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте, разумеется) на округа, естественностью означенные. Тогда бы из двух губерний вышла иногда одна, а из одной пять или шесть. Но к сочинению таковой карты не исправниково искусство нужно, но головы и глаза Паласа, Георги, Лепехина да без очков, и внимание не на одни цветки и травы».⁹²

Дает Радищев и краткие отзывы о книгах, посвященных описанию России. «Оно писано со многими подробностями на немецкий лад, — пишет он Воронцову о «Статистическом описании Российского государства». — Из него можно выучиться, как варить квас и кислы шти, искусство, помещенное между мануфактурами; многия таможенные ведомости куплены им, кажется, на бирже по 25 копеек листочик. Если бы удалось нам пожить лет сто, то бы мы увидели событие пророчества господина Германа, что в России больше будет народа нежели в Китае. Но он забыл, что тела по-

⁸⁸ П. С. Богословский. Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. Пермский краеведческий сборник, вып. 1. Пермь, 1924, стр. 11.

⁸⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 355—356.

⁹⁰ Там же, стр. 345.

⁹¹ Там же, стр. 354.

⁹² Там же, стр. 356—357.

литические стареют, так же как и естественные, соразмерно употреблению своих сил. Если человек в молодости своей живет неводержно, то навлекает на себя безвременную дряхлость и скорую смерть. Тоже сказать можно и о телах политических». ⁹³

В сибирской ссылке Радищев написал «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Его план совпадает с планом описания азиатской части России в «Новейшем повествовательном землеописании». Радищев хотел затем написать политическую и экономическую историю Сибири с начала ее покорения и до конца XVIII века. На это он указывает в конце своего произведения: «Не излишне будет здесь пройти сокращенно все предметы государственного управления в новозавоеванных странах». ⁹⁴

Текст радищевской рукописи о Сибири не вошел в изданное Обществом друзей словесных наук «Новейшее повествовательное землеописание». По-видимому, Радищев не закончил своего сочинения или не успел вовремя переслать его из Илимска в Петербург. Но так или иначе «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» невозможно изучать вне связи его с «Новейшим повествовательным землеописанием».

⁹³ Там же, стр. 394.

⁹⁴ Там же, т. II, стр. 163.

БОРЬБА ВОКРУГ РАДИЩЕВА В XVIII ВЕКЕ

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев не ограничился моральным осуждением помещичьего класса. Он вплотную подошел к проблеме гражданской войны. Об исторической целесообразности такой войны, об ее очистительном значении Радищев писал не раз.

«О! если бы рабы, — восклицает он в «Путешествии», — тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены». В оде «Вольность» Радищев писал:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Появление в литературе открытого призыва к народной революции, да еще выраженного с большой художественной силой, не могло не вызвать резкого обострения политический борьбы.

Книга Радищева была по крепостникам, заставляла задуматься шедших на компромисс с самодержавием, указывала путь борьбы тем, кому ненавистны были крепостнические порядки.

Естественно, что на выступление Радищева реагировали по-разному. Екатерина II, посылая петербургскому главнокомандующему Я. А. Брюсу указ о предании Радищева суду, писала, что его книга «наполнена самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям ува-

жение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изращениями противу сана и власти царской».¹

Московские масоны начали дискредитировать книгу Радищева с позиций евангельских заповедей. «Уверяют только, — писал один из руководителей московских масонов И. В. Лопухин, — что поступок Радищева основан на антихристианстве, которое совсем противно истинному масонству».²

Нападки на Радищева велись одновременно с выпадами против «адского буйства» французов, свергнувших королевскую власть. Тот же Лопухин издал в 1791 году брошюру «Духовный рыцарь», целиком направленную против духа французской революции и учения Радищева. Предостерегая готовящихся вступить в масонское общество от «смертного греха», в который впал Радищев и подобные ему, Лопухин рекомендует придерживаться следующих правил:

«Непоколебимая верность и покорность к своему государю с особливою обязанностью охранять престол его, не только по долгу общей верноподданных присяги, но и всеми силами стремись изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства; и таким же образом стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена Адского буйства и волнения противу властей держащих.

«Совершенное повиновение учрежденным в правительстве начальствами и примерное наблюдение законов государственных.

«Совокупными силами и каждому особо сколько возможно противоборствовать буйственной и пагубной системе мнимые вольности и равенства и стараться искоренять ее всеми искусными средствами действий разума и всякими возможными путями добрыми».³

В другом сочинении «Некоторые черты о внутренней церкви» (1798) Лопухин еще раз резко полемизирует с революционными взглядами Радищева. Проповедников свободы и равенства он называет «писателями откровений духа тьмы». «Сии-то вредные пустословы прелестными для плоти писаниями своими много содействовали к порождению буйного стремления ко мнимому равенству и своеволию в противность порядка небесного и земного благоустройства, и в противность божественному велению царя чтить и повиноваться властям предержавшим».

Масонство в конце XVIII века было заметным явлением общественной жизни России. Его организаторы создавали впечатление, что оно носит независимый от правительства, прогрессивный характер. Екатерина II относилась к масонам, особенно к москов-

¹ Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 211.

² Я. Л. Б а р с к о в. Переписка московских масонов XVIII века. Пгр., 1915, стр. 15.

³ Масонские труды И. В. Лопухина. М., 1913, стр. 3—4.

ским мартинистам, с недоверием, была склонна видеть в них своих потенциальных противников. Однако в деле Радищева масоны показали свою глубокую преданность интересам помещичье-дворянского класса. Московские масоны в частной переписке всячески отмежевывались от тех взглядов, которые проповедовал Радищев.

Своей книгой Радищев активизировал кристаллизацию политических течений. Эта активизация отразилась и на литературе.

В русской журналистике того времени нет прямых высказываний ни за, ни против Радищева: правительство не разрешало упоминать его имя. Однако некоторые писатели выразили свое отношение к Радищеву и его взглядам. Сохранилась эпиграмма на его отъезд в Сибирскую ссылку, которая распространялась в рукописных списках.

Езда твоя в Москву со истиною сходна,
Не к стати лишь смела, дерзка и сумасбродна.
Я слышу, на коней ящик кричит: Вирь, вирь!
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.⁴

Интересно здесь указание на правдивость книги Радищева («Со истиною сходна»).

Эпиграмма приписывается Г. Р. Державину. Сравнение в ней Радищева с известным деятелем французской революции Мирабо, возможно, навеяно замечанием Екатерины II на «Путешествие из Петербурга в Москву»: «На 418 [странице] начинается слово о Ломоносове и простирается до окончания книги, тут вмещена хвала Мирабоа, который не единой, но многие виселицы достоин».⁵

Высказывания идейных противников Радищева помогают лучше понять его историческое значение. Наиболее резкие из них принадлежат Екатерине II.

Целых две недели, не отрываясь от книги Радищева, Екатерина читала ее и писала замечания. «Скажите сочинителю, что я читала его книгу от доски до доски», — заявила она.⁶

В дневнике ее секретаря А. В. Храповицкого есть записи, раскрывающие некоторые подробности этого чтения. Книга вызвала у Екатерины резкое озлобление против автора. Вот что записал Храповицкий 26 июня 1790 года: «Говорено о книге „Путешествие от Петербурга до Москвы“. Тут рассевание заразы французской: отвращение от начальства; автор мартинист. . .».

7 июля Екатерина послала свои замечания Шешковскому. «Сказывать изволила, что он бунтовщик хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит он Франклина как начинщика и себя таким же представляет. Говорено с жаром и чувствительностью».

⁴ Я. Л. Барсков. Перечень рукописей «Путешествия». В кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Асадемия, М.—Л., 1935, стр. 255.

⁵ Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 164.

⁶ Здесь и далее высказывания Екатерины II о книге Радищева приводятся по книге «Процесс А. Н. Радищева».

В замечаниях Екатерины много мелких придилок, на некоторых из них лежит печать желчного раздражения. Многие места книги императрица отнесла на свой счет, хотя Радищев вряд ли метил непосредственно в нее. В ряде случаев Екатерина пытается объяснить выступление Радищева против самодержавия тем, что он якобы был обижен ею. Например, она пишет: «Сочинитель ко злости склонен. Стр. 60. Сие наипаче видно из последующих страниц. Стр. 72, 73. Довольно доказывают намерение, для чего вся книга написана, подвиг же сочинителя, об заклад биться можно, по которому он ее надписал, есть тот, для чего вход не имеет в чертоги; можно быть, что имел когда ни на есть: а ныне не имея, быв с дурным и, следовательно, с неблагодарным сердцем, подвизается пером».

Но среди мелких придилок и несостоятельных домыслов имеются и довольно пронизательные суждения. В частности, Екатерина не сомневалась, что распространение книги Радищева будет способствовать усилению антикрепостнических и антисамодержавных настроений в народе.

К недовольству внутри страны прибавились революционные события во Франции, которые произвели сильное впечатление в России. Екатерина II свое замечания на книгу Радищева писала с оглядкой на революцию во Франции. Ее не покидало ощущение того, что Радищев по примеру Франции готовил революцию в России. Об этом она несколько раз говорит в своих замечаниях.

«Намерение сей книги, — пишет она в начале замечаний, — на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает всевозможное к умалению почтения власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

В конце своих замечаний, касаясь брошюры Радищева «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», Екатерина пишет: «Сие сочинение такожде господина Радищева и видно из подчеркнутых мест, что давно мысль ево готовилась ко взятому пути, а французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем».

Положение России в 1788—1790 годах было чрезвычайно напряженным. Страна одновременно вела две войны: на юге с Турцией, на севере со Швецией. Эти войны усиливали бедствия крепостного крестьянства, поставлявшего в армию солдат и продовольствие. Народ проклинал царя и помещиков. В рукописной литературе тех лет распространились следующие солдатские стихи:

Коль царям бывает война полезна,
А военным она толь нелюбезна.
Царство войною цари украшают,
А военны жители жизнь проклинают.
Потому нелюбезна им бывает,

Что вечно мужей от жен разлучает,
Отцы и матери толь горько плачут,
А цари все веселятся и скачут.⁷

Недовольство политикой царского правительства росло и среди прогрессивной интеллигенции. Об этом свидетельствует список «Оды на войну» в рукописном сборнике 1790-х годов, принадлежавшем, как это видно из надписи на титульном его листе, офицеру русской армии. Эта ода представляет собой один из первых поэтических откликов на радищевское «Путешествие».

В ряде мест «Путешествия» Радищев резко осуждает завоевательную политику царизма. В главе «Спасская полость» Истина говорит царю: «Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общие тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем, ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое». Это высказывание Радищева и отразилось в «Оде на войну».

Неизвестный автор оды, так же как и Радищев, заявляет, что война народам не нужна, что она выгодна лишь царям и вельможам. Обращаясь к воину, автор спрашивает:

Повеждь мне ярости причину
Столь сильно движущей тобой,
Каких ты видел бед причину
От тех, с кем ты вступаешь в бой?
Вещаешь: «Брани что виною,
Отнюдь не ведаю того,
То знает царь, кой правит мною,
Или вольможа лишь его».

Далее автор восклицает:

Так ты орудие слепое
Чудовищ злейших, нежель сам,
И человечество святое
Причем, им следуя, к мечтам.
Коль хочешь ими быть владеем,
Задуй душевные огни,
И почитай того злодеем,
Кого велят они.

В конце оды автор пересказывает то место в «Путешествии», где Истина говорит царю о жертвах войны:

Иной гласит, отдай мне друга;
О сыне слезы мать льет;
Рыдая, нежная супруга

⁷ Рукописный сборник 1789 года, составленный Василием Буниным. ИРЛИ, шифр $\frac{1.114.404}{0.2-II}$, л. 13.

За мужню смерть тебя клянет;
Всё гласом отчество гневливым
Гремит, как некий бог с небес:
«Отдай мне чад, что ты бурливым
На жертву склонностям принес». ⁸

Екатерина не встречала в русской литературе столь резкого и глубокого обоснованного выступления против основ существовавшего строя. До выступления Радищева она имела дело со статьями лишь по отдельным наболевшим вопросам современности. Так, например, Д. И. Фонвизин в первом номере журнала «Собеседник любителей российского слова» за 1783 год пытался вызвать ее на публичную дискуссию на злободневные политические темы. Екатерина отмахнулась от сатирика, поместив в третьем номере журнала и свои ответы на его вопросы. Иначе поступила Екатерина II с Радищевым. Борьбаться с ним литературными средствами она оказалась бессильной и прибегла к иным, чисто административным, способам борьбы.

По приказанию Екатерины Радищев был арестован 30 июня 1790 года, затем приговорен за свою книгу к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Сибирь, в глухой острожный поселок Илимск. Подробное освещение суда над Радищевым дано в книге «Процесс А. Н. Радищева». Здесь отмечу лишь один аспект этого процесса.

Суд, который был устроен по указанию Екатерины над Радищевым, являлся не просто судом над писателем за смелое произведение, а крупным политическим процессом над первым русским революционером. Екатерина хотела не только устрашить последователей Радищева в России, но и показать другим странам, что российское самодержавие, не в пример французскому, держится крепко.

«Путешествие из Петербурга в Москву» произвело сильное впечатление на демократически настроенных читателей. Книгу начали быстро раскупать. Купец Зотов, распродав за два-три дня первую партию книг, обратился к Радищеву за второй. Из его показаний видно, что «Путешествие» покупали главным образом купцы и разночинцы: бывший компанейщик Лукин из Орла, купец Варенков, дворецкий заводчика Никиты Демидова, канцелярист Иван Яковлев, купец Хлебников, писатель Николай Осипов и др.

Часть экземпляров попала в Москву, Серпухов, Орел, на Урал. Купцы платили большие деньги за то, чтобы читать ее. Граф А. А. Безбородко в частном письме от 16 июля 1790 года сообщал, что книга Радищева «начала входить в моду у многих шали», т. е. у многих вольнодумцев. ⁹

⁸ Полный текст «Оды на войну» опубликован в книге «Процесс А. Н. Радищева».

⁹ Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 319.

Об огромном успехе книги в широких читательских кругах свидетельствует то обстоятельство, что вскоре после ее появления некоторые издатели хотели переиздать ее. Готовился и немецкий перевод книги, о чем сохранились сведения в показаниях писателя Николая Осипова. Издатель Петр Богданович, рассказывает Осипов, говорил ему, что слышал, «будто та книга в Лейпциге на немецком языке (не помню) печатается или переводится».

На вопрос Шешковского, знает ли он что-нибудь о подготовке переиздания в Петербурге, Осипов ответил: «Оная книга здесь или в других городах печатается или нет, он, Осипов, не знает и ни от кого не слышал. Но, судя по великому любопытству публики к той книге, нельзя не сомневаться, чтобы кто-нибудь из завистливых и корыстолюбивых типографщиков не вздумал ее напечатать».¹⁰

Слухи об издании «Путешествия» в Германии недавно подтвердились. Немецкие ученые Х. Грасхоф, Е. Хексельшнейдер и Г. Цингенгейст нашли в берлинском журнале «Deutsche Monatschrift» (в июньской книжке за 1793 год) перевод шести глав из книги Радищева («Отъезд», «София», «Тосна», «Любани», «Чудово», «Спасская полость») под заглавием «Часть одного путешествия по России. Перевод с русского».¹¹

«Путешествие» имело успех среди революционно настроенной молодежи. В частности, молодой офицер В. В. Пассек, часто бывавший в доме А. Р. Воронцова и, по-видимому, встречавшийся с Радищевым, написал в подражание радищевской оде «Вольность» несколько стихотворений.¹² При аресте Пассека в его бумагах нашли два списка радищевского «Путешествия».

Правительство Екатерины учитывало широкий общественный резонанс книги Радищева: книга была запрещена. Весь путь в ссылку Радищев ехал под конвоем. Из Тобольска до Иркутска он ехал, как сказано в рапорте иркутского наместнического правления от 15 октября 1791 года, «за присмотром одного унтер-офицера тобольских баталионов». В Иркутске наблюдение за Радищевым было усилено. Для постоянного надзора за ним в Илимске был выделен унтер-офицер и два рядовых солдата. Иркутское наместническое правление в своем рапорте Сенату от 15 октября писало: «В наместническом правлении определено: с прописанием справки и сего сообщения здешнему городничему подписать указом и велеть, вследствие высочайшего соизволения, упомянутого аре-

¹⁰ Там же, стр. 205.

¹¹ Х. Грасхоф, Е. Хексельшнейдер, Г. Цингенгейст. Первый немецкий перевод «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Вопросы литературы, № 7, 1963, стр. 138—144.

¹² Стихотворения В. В. Пассека напечатаны в книге «Процесс А. Н. Радищева». Отрывки их приведены в книге М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» (М., 1941, стр. 113) и в статье Л. Б. Светлова «А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII в.» (сборник «Из истории русской философии XVIII—XIX веков», М., 1952).

станта Александра Радищева посредством здешнего нижнего земского суда отправить в Илимский острог с исправным унтер-офицером и двумя рядовыми солдатами немедленно на десятилетнее безисходное пребывание в оном остроге и тому унтер-офицеру приказать явиться для получения, по расчислению верст отсель до Илимска, прогонных денег в Казенной палате; а как тому унтер-офицеру с солдатами быть при нем, Радищеве, и иметь его в смотре-нии, дать ему от наместнического правления особое наставление».

В этом же рапорте отмечается, что, кроме специально выделенных для надзора унтер-офицера с солдатами, предписано еще иметь наблюдение за Радищевым нижнему земскому суду: «А здешнему нижнему земскому суду дать знать указом, — с таким предписанием, дабы оный за тем Радищевым, сверх приставной стражи, имел и свое надзирание».¹³

Постоянный двойной надзор не позволял Радищеву никуда отлучиться далее близлежащих окрестностей Илимска. Сообщая Воронцову о своем желании ознакомиться с русско-китайской торговлей в пограничном сибирском городе Кяхте, он пишет: «Я бы почел в положении моем благодением, если бы позволено мне было отлучаться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение. Если глагол мой заразителен, если дышу язвою и взор мой возмущение рассеивает, скитаяся по пустыням и дебрям, переходя леса, скалы и пропасти, — кто может чувствовать действие толико злодейственна существа? Пускай глас мой не пременился, пускай вымя не стерта и носится гордо; глас ударять будет в камень, отзвонек его изыдет из пещеры и раздастся в дубраве необитаемой. Свидетели моих мыслей будут небо и земля; а тот, кто зрит в сердца и завесу внутренности наша проникает, тот знает, что я, что быть бы мог и что буду».¹⁴

Радищева не покидала надежда на близкий конец «всем бедам» его. Смерть непосредственного виновника его страданий — Екатерины II — усилила его надежды.

Получив первые известия о вступлении на престол Павла I, он пишет Воронцову в начале января 1797 года: «Мой разум взволнован нахлынувшими мыслями, сердце мое, переполненное различных чувств, разрывается между проблеском надежды и почти полной безнадежностью, и я признаюсь вам, что покой бежит от меня. Ах, если бы рука, подающая мне жизнь, могла, по крайней мере, уготовить мне могилу в местах, где я родился. Сестра моя, верная моя подруга, спутница моего несчастья, исполненная тех же чувств, что и я, свидетельствует свое почтение вашему сиятельству».¹⁵

¹³ Русская старина, т. VI, 1872, стр. 436—438.

¹⁴ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, стр. 26.

¹⁵ Там же, т. III, стр. 489—490.

Радищев понимал, что если теперь, при перемене царя и правительства, в его судьбе не произойдет изменений, значит он надолго, а может быть, и навсегда останется в глухом Илимске. Он возлагал большие надежды на заступничество Воронцова, но от Воронцова не было ни строчки. К новому году Воронцов прислал ему 500 рублей, не приложив к ним даже короткой записки. Радищев не знал, как истолковать такое молчание. «Неужели вы переменились ко мне? — спрашивает он его в только что цитированном нами его письме: — Нет, сердце отвергает эту мысль. Она для меня невыносима».¹⁶

Пока Радищев метался в Илимске между надеждой и отчаянием, в Петербурге о нем не забывали.

7 ноября 1796 года генерал-прокурор Сената А. Н. Самойлов по приказу Павла I сделал запрос к иркутскому генерал-губернатору Л. Т. Нагелю о Радищеве. Павел I подписал 23 ноября 1796 года рескрипт, в котором было сказано: «Находящегося в Илимске на житье Александра Радищева оттуда освободить, а жить ему в своих деревнях».

Такое решение Павел принял под нажимом влиятельных лиц, в частности графа А. Р. Воронцова, с которым он не мог не считаться. «О возвращении ходатайствовал, — пишет П. А. Радищев, — по просьбе графа Воронцова, князь Александр Андреевич Безбородко, бывший тогда в большой силе».¹⁷

Павел I, дав распоряжение перевести Радищева из Илимска, однако не согласился дать ему полную свободу. В письме А. Н. Самойлова от 26 ноября к Нагелю, в котором сообщался рескрипт нового императора, было дано указание выделить для Радищева надежный конвой.

Для жительства в России Радищев избрал себе маленькую деревушку Немцово Калужской губернии в ста километрах от Москвы, которую ему выделил его отец.

В Немцове, по распоряжению Павла I, за Радищевым был установлен строжайший надзор. В рескрипте Павла о переводе его из Илимска было указано «начальнику губернии, где он пребывает, иметь будет, чтобы наблюдаемо было за его поведением и перепискою».

Екатерина II старалась выведать о единомышленниках Радищева через палача Шешковского. Павел избрал другую тактику: он решил обнаружить общественно-политические связи Радищева через почтовых чиновников и мелких полицейских шпионов. Радищев находился еще в Сибири, а вице-канцлер А. Б. Куракин уже уведомил калужского губернатора В. П. Митусова, что секретным указом императора предписывается наблюдать за поведением и перепискою Радищева.

¹⁶ Там же, стр. 489.

¹⁷ Русский вестник, 1858, декабрь, кн. 2, стр. 416—417.

О том, какие меры были приняты для встречи Радищева в Калужской губернии, рассказывает Митусов в донесении князю Куракину от 24 марта 1797 года: «Предписание вашего сиятельства от 16-го с изображением высочайшего его императорского величества указа о наблюдении мне за поведением и перепискою пришлощегося из Сибири Александра Радищева для житья в малоярославецких его деревнях 23 числа текущего месяца получить я честь имел; в повиновение которого ныне же вызываю сюда тамошного земского исправника для объяснения ему высочайшей воли, дабы он, храня глубокую тайну сию, когда придется помянутой Радищев в его деревни, почасту тайным образом наведывался о поведении его и обращении по общежитию, строжайше наблюдая и замечая, с кем он по большей части будет иметь обращение, и не замечательно ли [!] будет чего-либо подозрительного, доносил бы ко мне; относительно же наблюдения за его перепискою, то также вызываю управляющего почтовою частию малоярославецкого городского магистрата бургомистра, которому, строжайше подтвердя о соблюдении сего в тайне, прикажу все, какие будут отдаваемы от Радищева для пересылки на почту письма, доставлять ко мне для просмотра их содержания, подобно сему и здешнему губернскому почтмейстеру, на случай иногда прямой от его пересылки писем, подтвердить не оставил; и в случае усмотрения мною каковых-либо противников закону и подозрительных переписок, не оставляю доносить вашему сиятельству».

Со всех писем Радищева, а также и писем, адресованных к нему, на почте снимали копии и представляли их на просмотр самому царю. Так, только за первые два месяца после прибытия Радищева в Немцово московский почт-директор доставил Павлу копии с писем к Радищеву от М. И. и Н. И. Бравиных, а Митусов перехватил пять писем Радищева.

Павел I в 1797 году дважды давал указания относительно того, как надо наблюдать за перепиской Радищева. 28 марта 1797 года А. Б. Куракин записал его повеление: «Государь император высочайше повелеть соизволил предписать губернатору Митусову, чтоб он письма Радищева не распечатывал, но собирал их, препровождал в конверте на имя московского почт-директора Пестеля, которому дать знать, что он все те письма открывал и доставлял по подписям. Копии с них присылал ко мне; в случае же что в числе оных найдутся подозрительные, тогда самые оригиналы ко мне доставлял».

Чем объяснить такой усиленный надзор за Радищевым? Ответ на этот вопрос следует искать не в личном отношении Павла I к писателю-революционеру, а в той напряженной политической обстановке, которая создалась в России с первых дней царствования нового императора.

В 1796—1797 гг. более 30 губерний было охвачено крестьянскими восстаниями. По данным Е. П. Трофилева, с ноября 1796

по ноябрь 1797 года в России было 278 восстаний. За первые три месяца царствования Павла I ему было подано крестьянами 1205 прошений с жалобами на помещиков. «За редким исключением, — отмечает историк, — отсылка прошения крестьянами государю сопровождалась отказом их от повиновения своему помещику».¹⁸

Почти вся армия была брошена Павлом I на подавление крестьянских восстаний. Это была настоящая война царского правительства против народа. Восстания были подавлены, но крестьяне, уверенные в правоте своего дела, не смирились.

Революционная проповедь, с которой Радищев выступил в 1790 году, при возобновлении ее в указанной ситуации могла стать новым источником энергии масс и придать борьбе более острую форму. Павел I, так же как и Екатерина II, а затем и другие русские цари, делал все для того, чтобы революционные идеи Радищева, его гневный протест против самодержавия и крепостничества не дошли до широких народных масс.

По справке, полученной Павлом I от иркутского генерал-губернатора Нагеля, Радищев в Илимске «вел себя добропорядочно и скромно», но независимо от его воли его голос в защиту поработанных масс подхватывали другие. Имеющиеся в архивах многочисленные материалы показывают, что после ссылки Радищева правительство провело несколько секретных политических процессов. Некоторые из подкудных испытали на себе влияние идей Радищева. Жестоким расправе подвергся уже упоминавшийся выше офицер В. В. Пассек. В сохранившихся бумагах следствия по делу Пассека неоднократно упоминается имя Радищева.¹⁹

В 1793 году был осужден царским правительством на пожизненное тюремное заключение отставной поручик, сослуживец Радищева по Финляндской дивизии, Ф. В. Кречетов. Ему были предъявлены те же обвинения, что и Радищеву. В приговоре было сказано, «что душа его наполнена прямым злом против государя и государства, ибо он именно открывал злое свое намерение в том, чтоб сделать в России правление таково, которое бы разрушило все благоустроенное в нынешнем положении государство».²⁰

Политические процессы Пассека, Кречетова и многих других,²¹ приведенные в 90-х годах XVIII века, свидетельствуют о том, что царское правительство не могло нейтрализовать притягательную

¹⁸ Е. П. Т р и ф и л ь е в. Очерки из истории крепостного права в России. Царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904, стр. 289.

¹⁹ Подробнее о В. В. Пассеке см. в книге «Процесс А. Н. Радищева, стр. 138—144, 333—337, а также в статье Л. Светлова «А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века» (сборник «Из истории русской философии XVIII—XIX веков», М., 1952), стр. 39—45.

²⁰ М. К о р о л ь к о в. Поручик Федор Кречетов. Шлиссельбургский узник XVIII столетия. Былое, 1906, № 4, стр. 58.

²¹ Подробные данные о ряде таких процессов см. в статье Л. Светлова «А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века», стр. 38—84.

силу идей, проповедуемых Радищевым. Массовые выступления крепостных крестьян, по-видимому, заставляли Павла I искать тайные связи их организаторов с автором «Путешествия из Петербурга в Москву».

В сентябре 1797 года генерал-прокурор Сената А. Б. Куракин еще раз получил от Павла приказание о тщательном надзоре за перепиской Радищева. Царя интересовали не только письма самого писателя, но и тех, кто поддерживал с ним связи. Куракин в секретном письме к графу Безбородко писал: «Его императорское величество высочайше повелеть изволил, дабы за перепискою живущего в деревнях малорославецких Калужской губернии Радищева употреблено было наиточнейшее надзирание. Вследствие чего покорнейше прошу вашу светлость приказание кому следует сделать по тому надлежащее распоряжение и меня об оном уведомить».²²

Павлу не удалось обнаружить каких-либо тайных связей Радищева с его «соумышленниками». Радищев знал, что за ним непрерывно следят, и вследствие этого был чрезвычайно осторожен в своей переписке. Живя в Сибири, он ни разу не пользовался услугами почты, пересылал все свои письма через приезжавших в Сибирь курьеров А. Р. Воронцова или курьеров иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля, а затем сменившего его Л. Т. Нагеля, которым на этот счет были даны А. Р. Воронцовым соответствующие указания.

Точно так же он поступал и в Немцове. Как только Радищев узнал, что его письма задерживаются и просматриваются, он перестал пользоваться почтой. То же самое сделали и его адресаты, которых он уведомил через своих «верных» людей. В октябре 1798 года он писал А. Р. Воронцову: «Я пользуюсь верным случаем, чтобы написать вашему сиятельству. До сих пор такой okazji не представлялось вовсе, а я столько раз испытал неверность почты, что у меня к ней полное отвращение; да и приказания вашего сиятельства на сей счет весьма точны. Да чего же, наконец, ищут, вскрывая мои письма! Никогда в них не заключалось ничего, что могло бы показаться неуместным, никогда такого в них и не будет».²³

Дом, в котором поселился Радищев, находился под постоянным надзором полицейских чиновников, которые бесцеременно заходили в него. Посещения их были столь частыми, что Радищев скоро перестал обращать на них внимание. Рассказывая Воронцову о встрече со своими старшими сыновьями, служившими в армии, он пишет: «Однажды вечером, когда мы с детьми сидели у чайного стола, вошли ко мне два человека военного вида. Сперва я подумал, что это гусары, часто оказывающие мне честь своим посещением».²⁴

²² Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева, стр. 313.

²³ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 522.

²⁴ Там же, стр. 507.

Радищеву долго не разрешали съездить в Саратовскую губернию навестить больных родителей. Съездить к родителям Павел I разрешил ему один только раз.

Живя в центре России, имея в Москве и соседних губерниях много друзей, родных и знакомых, Радищев не мог ни с кем из них встречаться. Он тайно посетил только А. Р. Воронцова, жившего в селе Андреевском Владимирской губернии, и побывал у своего старого товарища С. Н. Янова.

В полной изоляции от общества, под непрерывным полицейским надзором жил Радищев в Немцове. «Ваше сиятельство, желаете, знать, что я поделяваю и есть ли у меня соседи, — пишет он А. Р. Воронцову 21 сентября 1797 года, — соседей хоть пруд пруди, но я никого не видел».²⁵ Все его внимание было поглощено трудовой жизнью крестьян. Глядя на их труд, повседневные заботы и печали, он забывал свое личное горе. «Прибыв сюда, — пишет он, — я только и делал, что глядел, и этим наслаждался. Я видел, как убирали рожь и яровые, я видел сенокос. Я наблюдал, но я запретил себе размышления.

«После окончания летних работ, — пишет он далее, — я видел целые толпы сельских жителей, которые, подобно стаям диких гусей и уток, проходили передо мной; они покидали свои жилища, чтобы отправиться на поиски пропитания, подобно тому как птицы покидают север с приближением морозов. Сердце мое сжималось. Значит, есть для них край более богатый, более привольный, может быть, небо там чище и яснее и жизнь счастливее? Нет, простолюдин любит места, где он родился; только необходимость заставляет его покинуть свой дом и все то, что человек покидает с сожалением. Но он вернется сюда нагруженный данью, которую его ремесло приносит ему от людей еще более простых, чем он сам, и радость снова войдет в его дом. Горе тому, кто ее потревожит! Когда я вижу чужую радость, мне самому становится весело...».²⁶

В приведенных строках виден весь Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Ни суд, ни тюрьма, ни ссылка в Сибирь — ничто не охладило его сердца, ничто не сделало его равнодушным к несчастной судьбе народа.

В 1800 году кончился срок наказания Радищева, определенный указом Екатерины II от 4 сентября 1790 года, но правительство продолжало держать его в ссылке.

В декабре 1800 года Радищев подал на имя Павла I прошение о дозволении ему съездить по семейным делам в Петербург и напомнил при этом, что он ждет помилования. Однако помилования Павел не дал, не разрешил ему также и приехать в столицу хотя бы на несколько дней.

²⁵ Там же, стр. 505.

²⁶ Там же, стр. 505—506.

Таким образом, вопреки существовавшим законам, ссылка Радищеву была произвольно продлена на неопределенное время. Никакой другой причины, кроме прежнего страха перед ним, боязни того, как бы вокруг него не начали группироваться все те, кто был возмущен помещичье-крепостническим строем, для этого не могло быть.

Полицейские меры, которыми пользовались правительства Екатерины и Павла, были главными формами борьбы против Радищева и проповедуемых им идей. Российское самодержавие не в состоянии было выдвинуть какой-либо концепции, которая имела бы столь же притягательную силу, какую имела книга Радищева.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1

31 марта 1801 года Радищеву был объявлен указ Александра I об амнистии лиц, содержавшихся в тюрьмах и ссылке по ведомству Тайной экспедиции.

В рапорте Боровского земского суда, посланном по этому случаю в Калужское губернское правление, сказано: «Его императорского величества указ из одного губернского правления от 29-го марта под № 6894-м, последовавший по предложению господина Калужского гражданского губернатора и кавалера, об объявлении жительствовавшему под присмотром земского начальства в Боровском уезде коллежскому советнику Радищеву, что он по именному его императорского величества высочайшему указу прощен и из-под присмотра освобожден с возвращением чина и дворянского достоинства, с дозволением иметь пребывание, где он сам пожелает, и о прочем; в Боровском земском суде того ж марта 31-го числа получен, и определено: указ хранить с протчими, а означенному коллежскому советнику Радищеву, жительствовавшему в сельце Немцове, о вышеизъясненной высокомонаршей милости чрез суда сего господина комиссара немедленно объявить (и объявлено) с подпискою».¹

Радищев избрал постоянным местом жительства Петербург.

По рекомендации А. Р. Воронцова, Радищев был определен членом Комиссии составления законов. В архиве Академии наук СССР сохранилась рекомендательная записка Воронцова к Александру I, в которой он пишет: «В Комиссии сочинения законов недовольно людей со способностями на сию по себе пространную часть. Коллежский же советник Александр Радищев мог бы в сей работе быть полезен по своим дарованиям и склонности к письменному труду. Потому беру смелость просить об определении его в Комиссию членом».²

¹ Государственный архив Калужской области, ф. 62, 1801 г., оп. 1, д. 576, л. 6.

² Архив АН СССР, ф. 101, оп. 1, ед. хр. 95, л. 6. — М. И. Сухомлинов («К биографии А. Н. Радищева». Исторический вестник, 1889, январь,

Комиссия составления законов была создана для систематизации обширнейшего законодательного материала и продолжала работу предшествовавших законодательных комиссий. Такие комиссии начали свою деятельность с петровской Палаты об уложении, учрежденной 18 февраля 1700 года; они продолжали существовать при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне и Петре III; наиболее известной из них была екатерининская Законодательная комиссия 1767 года.³ При Павле I, в 1797 году, вновь была создана Законодательная комиссия. На ее основе Александр I приказал создать новую комиссию, сохранив весь ее архив, делопроизводство и основной штат. На 9 февраля 1800 года в павловской Комиссии состояло 22 человека; 4 члена (Иван Яковлев, Алексей Поленов, Иван Ананьевской, Григорий Пшеничный) разрабатывали теоретические вопросы. В июле 1800 года, в связи с выбытием Яковлева и Поленова, в Комиссию вступил Николай Ильинский. Начальниками павловской Комиссии по-сменно были граф Самойлов, князь Куракин, князь Лопухин, генерал-прокуроры Сената Обольянинов и Беклешов.⁴

Председателем Комиссии Александр I назначил графа П. В. Завадовского, опытного царедворца, хорошо разбиравшегося не столько в сложных вопросах законодательства, сколько, по его выражению, в «оборотах» придворной жизни. Из старых членов в Комиссии остались Ананьевской, Пшеничный, Ильинский. В 1801 году членом Комиссии был определен способный законовед И. Д. Прянишников. Штат младших служащих был удвоен за счет молодых чиновников, семинаристов и студентов Московского университета. С этим составом служащих Радищеву пришлось работать в Комиссии до самого конца жизни.

Комиссия помещалась в здании Сената, сначала в двух комнатах, затем ей были предоставлены еще две комнаты, которые ранее занимала ликвидированная в 1801 году Тайная экспедиция, «вотчина» палача Шешковского, допрашивавшего в 1790 году Радищева. Тень ненавистной Тайной экспедиции как бы снова встала над Радищевым.

Причины, побудившие Радищева войти в состав членов Комиссии, до сих пор не раскрыты. Комиссия находилась в непосредственном ведении Александра I. Законовед неизбежно занимал в этой Комиссии позиции защитника существовавшего строя, доверенного лица монарха. На такую роль был обречен и Радищев. Однако она оказалась ему «не по характеру». Радищев проводил в Комиссии свою политическую линию, проповедовал

стр. 245—246) полагал, что эта записка составлена председателем Комиссии составления законов П. В. Завадовским. Автограф А. Р. Воронцова, хранящийся в Архиве Академии наук, ему, по-видимому, остался неизвестен.

³ Историко-юридический очерк названных комиссий дан в книге В. Н. Латкина «Законодательные комиссии в России в XVIII ст.», т. I, СПб., 1887.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 24—52.

демократические взгляды, враждебные дворянско-крепостнической идеологии. Попытки сохранить при выполнении своих обязанностей известное беспристрастие и личное достоинство привели Радищева к острому конфликту.

Работа павловской Законодательной комиссии не дала положительных результатов. Горький осадок оставался на сердце тех членов Комиссии, которые пытались что-то сделать для улучшения российского законодательства. Вот что рассказывает Николай Ильинский об отношении к его проекту управления канцелярских порядков в государственных учреждениях. Проект был переписан набело и роздан сенаторам Гагарину, Колокольцову, Державину и Оболянинову. Они «мешкали рассмотрением, — пишет Ильинский, — а я ожидал за труд свой награды; но вдруг кончина императора Павла I-го погребла и мой труд, оставя неутвержденным и потом забытым. Вспомнил я теперь, как в одном общем нашем собрании члены рассуждали о пользе трудов в составе [Комиссии] законов. Князь Гагарин, быв умным и веселым человеком, сказал: „В самодержавном правлении, где государь делает, что хочет, трудно утвердить законы. Вот, говорил он, сегодня мы поднесем государю, он утвердит, а завтра тоже самое отменит. Это мы видим сами теперь ежедневно; и так, прибавил он, напрасно слишком силиться в бесполезном труде, подверженном ежечасной перемене“. Больно было сердцу моему слышать такое рассуждение умной и взысканной особою милостию от государя особы»,⁵ — заканчивает Ильинский свои горестные размышления.

В рескрипте Завадовскому от 5 июня 1801 года отражены намерения Александра I, еще не столкнувшегося вплотную с бюрократической рутинной, управлять Россией на основе справедливых законов. Завадовский ознакомил с рескриптом, как это видно из имеющейся в делах Комиссии его копии, всех членов Комиссии. Некоторые положения рескрипта, содержащие критику существовавшего в России законодательства, Радищев (что видно из его записки «О законоположении») вполне разделял.

В своем рескрипте Александр I писал:

«Постановляя в едином законе начало и источник народного блаженства и быв удостоверен в той истине, что все другие меры могут соделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их на веки, в самых первых днях царствования моего и при первом обозрении государственного управления признал я необходимым удостовериться в настоящем части сей положении.

Я всегда знал, что с самого издания Уложения [царя Алексея Михайловича] до дней наших, т. е. в течение почти одного века с половиною, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их на-

⁵ Н. С. Ильинский. Воспоминания моей жизни. Русский архив, 1879, кн. 12, стр. 411—412.

мерениях, ни постоянности в действии. Отсюда всеобщее смещение прав и обязанностей каждого, мрак, облегающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменять их по первому движению прехоти или самовластия.

Я всегда знал, что самое Уложение царя Алексея Михайловича, быв издано более для Москвы, нежели для России, и более для россиян того времени, нежели для россиян вообще, не только в наши времена, но и в самых ближайших к коего изданию эпохах не могло иметь полного и неперемняемого действия. Вслед за изданием его, на каждом шагу открывались случаи, составом его не объятые и им не определенные. Новоуказанные так называемые статьи пополнениями своими, с одной стороны, доказывали уже его несовершенство, а с другой, во многих частях ему противореча и силу его подрывая, еще более его затемнили и, применение его к делам поставив в неизвестности, произвели множество произвольных толкований вреднейших, нежели самая неизвестность.

Петр Великий при самом начале преобразования России, объял все сии недостатки и положил их исправить новым Уложением.

С сего времени известно вам, какая усилia во всех почти царствованиях употреблены были к усовершению законов. Комиссии по сему предмету, под разными видами существовавшие с большим или меньшим напряжением в продолжении восьмидесяти с лишком лет, непрерывно почти действовали и действием своим составили в разных частях планы, сделали проекты, сочинили самые уставы, предложили важные поправки в прежних и приготовили новые ветви законоведения.

По изобилию сих материалов, я, имев причину мыслить, что существующей ныне Комиссии осталось только привести их в употребление и, совокупя воедино рассеянные части законоположения, привести их в состав. Но, вникнув подробнее в упражнении сего места, к сожалению моему, нашел я положение его весьма от надежд моих удаленным.

Я весьма удален от того, чтоб причитать ей в вину столь малоощутительный успех; напротив, я уверен, что она занималась делом своим со всею ревностию и усердием и успела в нем, сколько возможность ей дозволила; но сия возможность поставлена была в столь тесных пределах, что труды сей Комиссии не имели начала постоянно ими управляющего, ни единства в своем действии, ни внимания к ее успехам. Столько же раз переменяя порядок своего установления, сколько переменялась ее начальники, она переходила от одного недоумения к другому и, быв оставлена самой себе и случаю, ни разрешения в своих вопросах, ни руководства в предположениях, ни средины в соображениях своих не имела и ни откуда не видела.

Прискорбно бы мне было мыслить, что труды толиких лет, усилia отличных нашего века умов, намерения государей моих предков, самые приготовления к совершенству, столь уже приближенные, должны остаться без конца и великое дело законоположения, предмет размышления наилучших государей и цель желаний просвещеннейшей части подданных по бессильных покушениях должно пасть в ничтожество».⁶

Таков был взгляд молодого монарха на состояние русского законодательства и на положение дел в Комиссии составления законов, когда Радищев вступил в ее состав. Александр I в рескрипте нарисовал безотрадную картину русского законодательства.

Подобную картину рисует и Радищев в своих записках по вопросам законодательства. В одной из них он пишет: «Уложение царя Алексея Михайловича можно почесть законом системати-

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 63—65.

ческим, все единым оком объемлющим и устремляющим все к единому концу. Но последующие законы все были частные. Петр Первый, тронутый более блеском наружным общественной связи, нежели ее внутренним блаженством, обращал свои законы на торговлю, мануфактуры, морское и сухопутное войско. В судах учредил порядок течения дел, но ось, так сказать, на коей всему вертеться должно, оставил прежнюю. В последующие времена еще далее удалился от истинные цели. Если узаконения гражданские были, то все было частно. И когда правительства присвоили себе власть законодательную, толковали законы превратно или давали решения, совсем оным противныя. Оттуда происходит, что градодержатели и всякие начальники нередко или всегда законы толкуют по-своему; оттуда происходит, что закон едва обнаругован, как уже нарушается».⁷

Аналогичные мысли высказывает Радищев и в записке «О законоположении». Говоря о намерении Екатерины II «воздвигнуть власть верховную на законе непреложном и всем известном», он пишет: «Императрица Екатерина, издав Наказ о сочинении нового Уложения, издала многие только частные узаконения, но дело главное и основное всему оставила недовершенным. Со времени издания оного Наказа до ныне текущего столетия прошло более 35 лет, или время целого поколения, и народ российский и род человеческий переменялся в том, что живут теперь люди не те, которые жили тогда. Россия в сие время много образовалась и многие видели мы перемены; общее умоначертание образовалось во многом по законам Екатерины II; во многом оно клонит и нагибает во стезю свою самые законы и власть, действия их нередко бывают тщетны, хотя начало законополучения не во мгле времен скрыто».⁸

Неупорядоченность и хаотичность в области законодательства, толкование законов по прихоти судейских чиновников создали благоприятную почву для самовластия и насилия помещиков. Радищев, участвуя в работе Комиссии составления законов, надеялся оказать свое воздействие на направление ее работы. Это видно из его записки «О законоположении» и ряда «мнений», сохранившихся в делах Комиссии.

Александр I начал свое царствование с либеральных обещаний, туманных и ни к чему не обязывающих. Он не разделял политических взглядов автора «Путешествия из Петербурга в Москву», но, назначая Радищева членом в Комиссию составления законов, рассчитывал, что такое поощрение только что амнистированного им известного писателя будет способствовать популярности молодого монарха.

⁷ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III. Изд. АН СССР. М.—Л., 1952, стр. 42.

⁸ Там же, стр. 149.

По указу Его Величества, Государя, Императора, Александра
Павловича, Самодержца Всероссийского.

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего Канцисии Составления Законов Российской Империи Иван
Коллежский Советник Александр Радищев, вольности Его Величества, уведомля-
ющего оном Канцисии востовина действительнаго тайнаго Советника Сенатора
и Капитана Грота Петра Васильевича Забодовскаго предлозеня, отправится в Мо-
скву для бытия по случаю отъезда Его Величества на время пребывания тамъ
Его императорскаго Величества для высочайшей коронации Императрицы;
поисради в востовинах и на востовинах Кандиду Императорской Канцисии
Советнику Радищеву, гонитъ в Москву и обратно до Санктпетербурга,
свободный проездъ. Дано въ Санктпетербурге Августа 13 дня 1801 года.

Генералъ Робертъ и Капитанъ Юлианъ Александровичи

У сего Паспорта Его Император-
скаго Величества Канцисии составленъ
Заказъ Российской Империи почитать.

Генералъ Канцисии Советникъ Василь
Трубиловъ

Листъ 21 Сентября 1801 года 21-го (суббота)
1801 года 23 Сентября 1801 года

Паспорт, выданный А. Н. Радищеву для поездки в Москву на коронацию Александра I.

Александр I стремился иметь в Комиссии составления законов способных, широко образованных законоведов. Давая Завадовскому указания о составе Комиссии, он писал ему в рескрипте: «С сим планом [работы Комиссии], когда будет он утвержден, сообразить и самый состав Комиссии, и естли в настоящем своем положении найдется она недостаточною к выполнению его, представить о нужных переменах, держась впрочем того правила, что не количество, а качество людей успех удостоверяет».⁹ Радищев, как широко образованный юрист и талантливый писатель, являлся весьма подходящим кандидатом в члены комиссии. Чтобы заставить Радищева активнее работать в Комиссии, Александр I не раз оказывал ему знаки своего внимания.

Он включил Радищева в коронационную свиту для поездки в Москву. В Москве Александр I подписал указ о возвращении Радищеву ордена Владимира. В указе было сказано: «Коллежскому советнику Радищеву, возвращенному в прежнее его достоинство и служащему ныне членом в Комиссии о составлении законов, повелеваю возвратить и знак ордена святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени в 1784-м году ему пожалованного, со внесением его по-прежнему в список кавалеров сего ордена».¹⁰

После коронации Радищеву было разрешено остаться в Москве еще на три месяца. В это свое пребывание в Москве он устанавливает связь с Московским университетом и хлопочет об издании сочинений сына Николая.

Радищев вернулся в Петербург лишь в конце декабря 1801 года. В Комиссии его уже ждали, чтобы вручить присланный в его отсутствие из Капитула орденов знак ордена Владимира и орденскую ленту. Служащие Комиссии эту награду вручили ему в торжественной обстановке. В журнале Комиссии сделана по этому случаю следующая запись: «Член сей комиссии коллежский советник Радищев бывшей при его сиятельстве в Москве из оной сего декабря 21-го возвратясь, сего числа в присутствии вступил, причем и доставленной из Капитула российских орденов минувшего октября 11-го в Комиссию возвращенной по высочайшему его императорского величества повелению знак ордена св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени и при нем один аршин лент ему от Комиссии вручен».¹¹

Так началась деятельность Радищева в Комиссии составления законов. Эту Комиссию постиг такой же удел, что и предшествовавшую ей Законодательную комиссию Павла I. Она не оставила заслуживающих внимания трудов, за исключением того, что написал Радищев.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 1, л. 66.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 101, оп. 1, ед. хр. 95.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 26, л. 113.

Апреля 26го Свободный - - - - - (присутствовали)
27го Воскресный рождение Его Императора (Габсбургского)
прусского Высочайшего Благочестивого
Бедвар Цесаревича и великого князя
Константина Павловича

28го Понедельник въ присутствіи съ Комиссією
присутств.

Комиссией Свободный и Кавалеры ратиссон по полноте
въ 9 часу.

Утражился во исправлении прусского ему по Комиссии
Орла.

Во отню Комиссии получены из Правительствъ Императора
та Императора указы со изображеніемъ въ нихъ Император
датныхъ статей

1го Минувшаго Февраля въ 25го о удовлетвореніи къ удовлетвенію гвар-
ды общественной отъ усиленія действительной казенной собственности
патентного дела при поступлении обязанностей для сокраще-
нія письменности при займахъ Общественныхъ вкладныхъ, въ томъ
отношении отъ вступою обязанности отъ записки при ав-
томатическомъ о диагональности представляемого или за-
лога вездъ и повестъ деламъ гварды ему и действительной им-
ли какъ досель закладные и союзничій ему потановле-
нію силъ и действій съ 1го Января Будущаго 1803 года.

2го Минувшаго марта въ 29го одитій Иркутскихъ Владычскихъ
Воронцовыхъ действительному статскому советнику и Сенат
Патербургской уголовной палаты председателю Ивану Яковлеву
вышелъ во 2го часу по полноте

Александръ Яковлевъ

Деятельность Радищева в Комиссии составления законов отразилась в так называемых «поденных записях», которые систематически изо дня в день велись в специальном журнале секретарем Комиссии. В журнал записывались число, день недели, указывалось, кто из членов Комиссии когда явился в присутствие и когда ушел, чем занимался. Присутствовавшие собственноручно расписывались в конце каждой такой записи. Поденные записи являются ценнейшим материалом для летописи жизни и творчества Радищева почти за два последних года его жизни, которые наименее всего освещены в исследованиях.

Эти записи показывают, что Радищев после зачисления в Комиссию несколько дней работал у себя дома и впервые явился на заседание 13 августа. Затем до конца августа, до отъезда в Москву на коронацию, он опять работал на своей квартире. Связь с ним осуществлялась через рассыльного. В Москву Радищев выехал 26 августа, прислав в тот же день в Комиссию пакет с отзывами на некоторые дела, рассматривавшиеся в Комиссии.

В Москву сопровождал Радищева его старший сын Николай, который по просьбе отца был назначен секретарем в коронационную Комиссию.

По возвращении из Москвы Радищев заседал в Комиссии 23, 24, 30 и 31 декабря.

Таким образом, на основании поденных записей установлено, что в 1801 году Радищев присутствовал в Комиссии всего лишь пять раз. Основная же его деятельность в Комиссии относится к 1802 году.

В 1802 году Радищев более регулярно заседал в Комиссии, но и в этом году им было пропущено немало дней. В январе он не присутствовал в Комиссии 23, 24 и 30 числа; в феврале — 11, 13, 14, 18, 26; в марте — 5, 7, 19, 28; в апреле — 2, 23, 25; в мае — 13, 16, 17, 18, 19, 28; в июне — 4, 11, 12, 13, 19; в июле — 1, 10, 11, 16, 30, 31; со 2 по 24 августа он ни разу из-за болезни не посетил Комиссию; 1 сентября он явился на заседание в 9 часов утра, но, не досидев до конца, ушел, не расписавшись в журнале; 2 сентября явился утром, но также, не досидев до конца, ушел. В последние десять дней перед своей смертью он ни разу не явился в Комиссию.

В последний раз фамилия Радищева упоминается в поденных записях журнала за 16 сентября в связи с просьбой его сына выдать остаток причитающегося его отцу жалованья. На похороны Радищева Комиссия не выдала ни одной копейки. Казначей Комиссии, выдавая остаток жалованья, удержал из него даже за госпиталь, которым больной Радищев пользовался.

Вот эта запись в журнале: «По доношению служащего во оной [Комиссии] губернского секретаря Николая Радищева, коим указывая, что родитель ево оной Комиссии член коллежской советник и кавалер Александр Радищев сего сентября 12-го дня, быв

болен, умре, просит о выдаче ему заслуженного родителем ево по день смерти жалованья под его расписку, рассуждено: о смерти одного члена коллежского советника и кавалера Радищева Правительствующего Сената и Герольдмейстерскую экспедицию уведомить, и его из списка выключить. Подлежащее же по день смерти ево жалованье из тысячи пяти сот рублевого оклада, по каковому он получил, сего сентября с 4-го по 12-е число за одиннадцать дней, за вычетом на гошпиталь, достальное сорок пять рублей тридцать семь копеек с половиною выдать под расписку объявленному сыну его губернскому секретарю Радищеву из положенной на жалованье Комиссии суммы, когда она из Государственного статного казначейства на роздачу комисским членам и служителям жалованья на нынешнюю сентябрьскую треть отпущена будет».¹²

Поденные записи вводят читателя в ту атмосферу, в которой Радищев вместе с другими членами Комиссии изучал и обсуждал дела, связанные с российским законодательством и практикой судопроизводства.

В первой половине дня члены Комиссии знакомились с различными указами. Многие записи в журнале начинаются со следующей фразы: «Во оную Комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них таковых же именных, данных Сенату».

Далее излагается содержание полученных указов.

Указы, присылаемые из Сената в Комиссию, касались многих вопросов. В них отражены злоупотребления губернаторов и судебных чиновников; жалобы крестьян на помещиков; донесения о бедности и бесправном положении солдатских жен; о бегстве юго-западного населения России в соседние страны; о земельных и имущественных спорах и т. п.

В этих указах отражалась картина народного горя и отчаяния, помещичьего произвола и притеснений. Радищев видел, что попытки молодого монарха пресечь некоторые злоупотребления чиновников никакого успеха не имели. Помещичье-крепостническое общество не ослабляло гнета над крестьянами, а еще более усиливало его.

Радищев скоро увидел реакционную сущность политики правительства Александра I. Если в первые месяцы своего царствования Александр обещал смягчить или даже вообще отменить крепостное право, о чем заявлял на заседаниях Негласного комитета, то 12 декабря 1801 года он подписал указ, которым подтверждалась власть помещиков над крепостными крестьянами. В Комиссию составления законов этот указ был доставлен для сведения и руководства 12 февраля 1802 года.

14 февраля 1802 года Александр I подтвердил доклад Сената относительно порядка взыскания штрафов за неправо иски

¹² Там же, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 184—185.

и жалобы, в котором было сказано, чтобы помещицы крестьяне в купчих крепостях оценивались как всякие другие вещи, принадлежащие помещикам. Копия этого доклада рассматривалась в Комиссии составления законов 19 февраля. Комиссии было предложено при составлении законов иметь в виду этот доклад.

1 мая 1802 года в Комиссию составления законов поступил для сведения указ, строго запрещающий книгопродавцам торговать книгами революционного содержания. В поденной записи за это число сказано: «Во оную Комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного, данного Сенату сего апреля в 1-й день, о непродаже книгопродавцам, торгующим иностранными книгами, книг, законом Божиим и гражданским противных и к соблазну явному клонящихся, под опасением строгого ответа и взыскания по законам».

Во второй половине дня члены Комиссии обсуждали выписки из прежних законодательных актов, разрабатывали проект нового Уложения и обсуждали конкретные дела, присланные из Сената на заключение Комиссии. Во всех этих работах Радищев принимал непосредственное участие. Им были составлены записка «О законоположении», «Проект для разделения Уложения российского» и «Проект Гражданского уложения».

Давно уже стоит вопрос, насколько мысли и отдельные положения, содержащиеся в этих работах, написанных по прямому заданию Александра I, являются выражением взглядов самого Радищева.

В. П. Семенников, нашедший рукопись «Проекта Гражданского уложения», писал: «С особым уважением надо отнести к этой предсмертной его работе. В строгих мыслях законодателя, иногда освещаемых чертами индивидуальных взглядов Радищева, видятся отражения его последних жизненных интересов».¹³

В этих трудах В. П. Семенников искал разгадку тайны смерти Радищева. «В строках последнего труда Радищева, — писал он, — так хотелось бы найти и намеки на разгадку тайны его смерти, ибо — по преданию, идущему от Пушкина, — именно этот последний проект был поводом для того упрека, который был сделан Радищеву гр. Завадовским с угрозой на возможность новой ссылки в Сибирь».¹⁴ «В той, специальной сравнительно, сфере, которой касается „Проект Гражданского уложения“, — продолжает исследователь, — в сущности, было немного точек приложения для политических взглядов Радищева. А там, где точки соприкосновения и были, Радищев не имел возможности сделать всех выводов. Так, исходя из принципов естественного права, Радищев должен был, однако, считаться с основным противоречием

¹³ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923, стр. 393.

¹⁴ Там же.

естественному праву — правом крепостным, и вот, говоря, например, о праве займа, Радищев упоминает, что закон иногда ограничивает это право: для замужних женщин, для детей, для находящихся в военной службе, для „крепостных людей“ и „поселян“. Жизненная практика создавала трудную коллизию для передового писателя: свое чувство, свой разум и направлявшие его идеалы естественного права говорили одно, а условия тогдашнего русского строя — другое. И хотя это упоминание о „крепостных“ встречается в „Проекте“ только один раз, хотя по прямому смыслу „Проекта“ подразумевается, что общегражданские права распространяются на всех без исключения граждан, эти общие принципы не могли быть осуществлены в рамках крепостного права».¹⁵

В. П. Семенникову возражал И. М. Троицкий: «В. П. Семенников не заметил, что Радищев предполагает только относительное ограничение права займа для крепостных, не оспаривая их прав на иные договоры».¹⁶ И. М. Троицкий полагал, что законодательные проекты Радищева не расходятся с его прежними политическими взглядами. «Сравнивая требования, скажем, „Путешествия“ и законодательных проектов, — писал он, — в положительной программе мы больших расхождений не находим. Если отбросить некоторые детали, о которых мы не будем говорить, чтобы не занимать читателя мелочами, то между „общественными идеалами“ „Путешествия“ и проектов также нет большой разницы. Правда, центральными пунктами „Путешествия“ являются отрицание самодержавия и монархии вообще и освобождение крестьян. Но Радищев отнюдь не ожидает немедленного осуществления этих мечтаний».¹⁷

В. С. Покровский также считает, что законодательные проекты Радищева, написанные в последние годы его жизни, не расходятся с его прежними взглядами. «Боевой и смелый дух, — пишет он, — проявляется во всех юридических трудах Радищева, связывая их идейно с такими его произведениями, как „Путешествие“ и ряд других. Недавно открытый „Проект Гражданского Уложения“ не является исключением».¹⁸

П. К. Бонгаш полагает, что Радищев в законодательных проектах лишь «формально» должен был учитывать полученное задание. «Этим объясняется, — пишет он, — наличие в первой части [«Проекта для разделения Уложения российского», — Д. Б.] некоторых пунктов, внешне как будто ставивших проект в какую-то

¹⁵ Там же, стр. 394.

¹⁶ И. М. Троицкий. Законодательные проекты А. Н. Радищева. В сб.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 68.

¹⁷ Там же, стр. 69.

¹⁸ В. С. Покровский. Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева. Изд. Киевского унив., 1952, стр. 172.

связь с заданием. Но в дальнейшем эти пункты сводятся на нет и опровергаются всеми остальными положениями проекта». ¹⁹

Что касается «Проекта Гражданского уложения», название которому не совсем удачно дано В. П. Семенниковым, то этот труд не является законодательным проектом; это — теоретический трактат с рядом законодательных предложений. В таком теоретическом труде, как справедливо отметил П. К. Бонташ, Радищев приводил отдельные положения из действующего права, но это отнюдь не значит, что он предполагал включить их в тот законодательный проект, введением к которому служит этот теоретический труд. ²⁰

Для исследователей, занимающихся изучением государственно-правовых взглядов Радищева, не безынтересно знать, что нового дают для понимания законодательных проектов приводимые ниже поденные записи в журнале Комиссии составления законов. Прежде всего они проливают свет на те обстоятельства, при которых Радищев писал законодательные труды; отмечают они также участие других членов и служащих Комиссии в подготовке этих трудов. Наконец, они указывают на литературу, источники, которыми пользовался Радищев в работе над составлением законодательных проектов.

«Проект для разделения Уложения российского» и «Проект Гражданского уложения» были составлены Радищевым на основе многочисленных материалов. Он сам указывает, что им были использованы российские, римские, английские, французские и прусские законы. Над переводами законов других стран и выписками из них трудился целый коллектив служащих Комиссии.

Из поденных записей в журнале Комиссии и других документов, хранящихся в ее делах, видно, что предметом большого внимания Комиссии были польские законы. В записке «О законоположении», говоря о переменах в правах у разных народов и о том, как эти перемены влияют на уменьшение преступности, Радищев замечает: «Еще лучше всех сих можно видеть пример: бывшая Польша разделена на три части и сии три части управляются самовластным государем, но по правилам различным; в которой же части народ живет лучше и известливее? Смежность так близка и сравнение и заключение будет не трудно сделать». ²¹

Для изучения «Проекта Гражданского уложения» Радищева большую ценность представляют записи в журнале Комиссии о переводе «Всеобщего земского права для прусских владений».

Члены Комиссии Ананьевской, Радищев и Пшеничный на заседании 24 декабря 1801 года вынесли решение купить немецкое

¹⁹ П. К. Бонташ. К вопросу о политических взглядах А. Н. Радищева последнего периода его деятельности. Юридический сб., 7, изд. Киевского унив., 1954, стр. 149.

²⁰ Там же, стр. 151—152.

²¹ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III, стр. 165.

издание прусского земского уложения. В поденной записи жур-нала за это число сказано: «За приисканные к покупке во оную комиссию нужные по рассуждению ее продающиеся на немецком языке изданных в 1791-м году прусским королем новых для прусских областей законов четыре книги в осьмую долю без переплета и взятые уже у книгопродавца Лиснера за пятнад-цать рублей, рассуждено: оные деньги заплатить ему (Лис-неру, — Д. Б.) из положенной на расходы по сей комиссии суммы, записав в расход, и о том расходчику, надворному совет-нику Ефиму Толстому, дать приказ».

Так как в конце 1801 года Радищев спешил начать работу над составлением «Проекта Гражданского уложения», Комиссия решила ускорить начатые переводы названного прусского зем-ского Уложения. В «Санкт-Петербургских Ведомостях» было дано объявление о приглашении в Комиссию переводчиков.

В феврале 1802 года Комиссия потребовала от переводчиков представить ей переведенные части Уложения. На заседании Ко-миссии 5 февраля заслушивался отчет о проделанной переводчи-ками работе. В нем названы многие главы и части «Всобщего земского права для прусских владений», которые в переработанном виде были использованы Радищевым в его законодательных про-ектах.

Общее отношение Радищева ко всем этим переводам выражено в записке «О законоположении». Он считал, что без вниматель-ного изучения законов других народов нельзя составлять новые законы для России. «Когда в древние времена, — писал он, — должность настояла давать народу целому законы, или, ска-зать правильнее, когда не совсем еще народ образованный обра-зовать желали, то дабы употребить в свою пользу то, что уже древ-ние сделали и в чем пользу находили, предпринимали путеше-ствия в те страны, которые более других процветали и славились своими законоположениями».²²

При этом в качестве примера Радищев ссылается на путеше-ствия Солона, Ликурга и Пифагора. Польза от таких путеше-ствий заключалась не только в том, чтобы заимствовать что-то хорошее из законов других народов, но и в том, чтоб, «уразумев из виденного, что человека движет и что управляет в известных обстоятельствах и случаях, на познанных побуждениях сердца че-ловеческого воздвигали здание законов во всем новое, с другими не сходственное».

Далее Радищев говорит о большой роли книги во взаимном ознакомлении народов с законами. «В наши времена, — пишет он, — великое сообщение между народов, знание иностранных языков, многие и частные путешествия, а паче всего книгопеча-тание, сделали то, что каждый народ европейский по крайней

²² Там же, стр. 162.

мере известен в многих своих чертах, известны законы всех почти европейских народов, потому что они всегда и везде издаются в печати».²³

Опубликованный Ф. Я. Приймай по автографу Радищева проект несохранившегося законодательного труда²⁴ по своему плану близок к общей схеме «Всеобщего земского права для прусских владений». В этом легко убедиться при сопоставлении проспекта с теми переводами «Всеобщего земского права для прусских владений», которые сохранились в делах Комиссии составления законов.

В проспекте Радищева названы три части. «I содержит статью о главе империи — о наследии престола — о правах государственных и казенных — о правах граждан» и т. д. Пункты аналогичного содержания имеются во введении «Всеобщего земского права для прусских владений», в главах «Delegibus in genere» (о законах вообще) и «Principia juris universalis» (всеобщие начала права).

Во второй части проспекта Радищев говорит «о правах лиц — вещей — о деяниях — о соизволении — о правах, проистекающих из противозаконных поступков — о договорах — о собственности и о разных родах приобретения, сохранения и отчуждения». Такие же пункты имеются во «Всеобщем земском праве», где в первой части, в главах I—IX сказано: «1. О лицах и их правах вообще. 2. О имуществе и правах оного. 3. О делах и о правах, происходящих из оных. 4. О расположениях. 5. О договорах. 6. О повинностях и правах, проистекающих из непозволенных дел. 7. О держании и владении. 8. О собственности. 9. О приобретении собственности вообще и непосредственных родах оного в особенности».²⁵

Поденные записи в журнале Комиссии составления законов помогают обнаружить ряд работ Радищева, которые ранее не числились в списке его трудов, в частности восемь его «мнений» по сенатским делам, которые до сих пор не опубликованы. В приложении к книге воспроизводятся поденные записи за все те дни, когда Радищев присутствовал в Комиссии составления законов.

2

В 1780 году Правительствующий Сенат направил на рассмотрение в Комиссию составления законов более двадцати сложных дел, которые десятилетия лежали нерешенными. «Дела сии были казусные, — пишет о них член Комиссии Н. С. Ильинский, — то есть такие, на которые или не было закона, или стекались такие случаи, кои разрешить трудно, и потому Сенат их оставил

²³ Там же.

²⁴ Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950.

²⁵ Институт истории АН СССР (Ленинградское отделение), собрание Н. Н. Новосильцева, ф. 17, № 12.

Комиссии с тем, чтобы она по каждому сделала свое мнение и внесла обратно».²⁶

Среди этих дел, в частности, имелось дело о многолетней тяжбе родителей Радищева с сенатором Козловым. Этот судебный процесс начала в 1756 году бабушка А. Н. Радищева, Анастасия Григорьевна, урожденная Аблязова. Предметом спора было имение Анастасии Григорьевны, которое она получила по завещанию от своей тетки Агафьи Афанасьевны Болтиной, рожденной Аблязовой. Сущность тяжбы изложена А. Н. Радищевым в приводимой здесь его записке, озаглавленной «О десятилетней давности». Ровно сорок пять лет тянулось дело о тяжбе Радищевых с Козловым до того, как оно поступило на рассмотрение в Комиссию составления законов. К тому же это дело подпало под действие указа о десятилетней давности, изданного 28 июня 1787 года.

Василей Иванов сын Болтин, — пишет Радищев в ней. — женившейся на вдове Агафье Афанасьевой дочери Кисаровой, по отце Аблязовой, перевел из Нижегородскаго уезда деревни Кудали крестьян и людей, принадлежащих жене его, в Пензенской уезд в деревню Умыс на свою землю. Сие имение Агафье Афанасьевой досталось на седьмую часть от первого ее мужа Кисарова. Василий Болтин и жена его Агафья умерли бездетны. К имению ея, Агафьи, ближайшая наследница была племянница ея родная Настасья Григорьева дочь Радищева, по отце Аблязова. За нею, Радищевой, все имение ея тетки Агафьи Болтиной, включая и переведенных ея, Агафьи, мужем Васильем Болтиным крестьян и людей, по определению Вотчинной коллегии, в 1750 году справедливо и отказано бесспорно.

В 1758 году откащик, отказывая, по определению Вотчинной коллегии, имение Василья Болтина за его наследников Марью Селивачевой и Федора и Павла Козловых, написал в отказ имение Агафьи Болтиной, за Настасью Радищеву уже отказанное.

На сей отказ Настасья Радищева подала спорное прошение в Вотчинную коллегию в том же году.

По сему прошению сделаны надлежащие выправки. Прощение приложено к делу о имени Болтина наследников Селивачевой и Козловых и к сделанной выписке поверенной Радищевой руку приложил.

В 1761 году Селивачева, будучи недовольна решением Вотчинной коллегии, постановляющим о ея части в разделе имения Василья Болтина между ее и Козловыми, просила в Правительствующем Сенате; оное дело внесено во оной на апелляцию. Отсылая сие дело, Вотчинная коллегия заметила, что по просьбе Радищевой она решения не учинила, потому что дело ее, находясь включенным в дело Селивачевой и Козловых, вносится в Правительствующий Сенат.

В том же году Сенат все производство сего дела утвердя, решение Вотчинной коллегии о разделе Селивачевой с Козловыми утвердил, а о просьбе Радищевой не сказал ни слова.

В 1762-м году по просьбе Селивачевой учинена выписка, в которую включено и дело Радищевой. Опекун Козловых прокурор Похвиснев в рукоприкладстве оговорил, что Радищевой дело внесено в выписку неправильно, в определении о нем ничего не упоминают.

В 1762 году Селивачева паки просила Вотчинную коллегию о переделе имения Болтина. В 1765 году коллегия в просьбе ея ей отказала, а определила быть по прежнему отказу.

²⁶ Н. С. Ильинский. Воспоминания моей жизни, стр. 413.

В 1767 году та же Селивачева просила коллегия паки о переделе, но сей просьбе решения не было.

В 1784 году напечатано было в «Московских ведомостях» в сходственно от именного ея императорскаго величества указа 1780 года октября 24 дня, чтобы Селивачева и Козловы явились, а как они к предписанному сроку не явились, то в 1785 году дело сие велено отдать в архив к вечному забвению.

Просительнице Радищевой, которой дело было присоединено к делу Козловых и Селивачевой, вызова не было и с оным же делом дело Радищевой, хотя о нем в определении Вотчинной коллегии упомянуто не было, отдано в архив глухо.

В 1789 году сын Настасьи Радищевой просил Вотчинной департамент, чтобы по просьбе матери его учинить решение.

Дело о тяжбе Радищевых с Козловым обсуждалось в Комиссии составления законов в начале августа 1801 года. Комиссия в своем заключении высказалась в пользу Радищевых, мотивируя это тем, что Вотчинная коллегия, рассматривавшая в свое время тяжбу, не известила Радищевых о дне, на который дело было назначено к слушанию. «Следовательно, — говорится в заключении Комиссии, — Радищев, с одной стороны, не знал и не представлял себе, чтобы дело его вопреки всякому порядку с другим делом было смешано, а с другой — в публикациях Вотчинной коллегии ни своего имени, ниже своего дела не видел, а потому не Радищева, а одну Вотчинную коллегия за непорядочные производства и публикацию винить должно».²⁷

Член Комиссии Иван Прянишников рекомендовал вернуть это дело в Сенат для законного обсуждения и решения. «Мнением полагаю, — писал он в своей записке, — когда Вотчинная коллегия на основании 1780 года указа, вызывая тяжущихся в публичных ведомостях, об одном только Селивачевой и Козловых опекуне Похвисневе упомянула, а о Радищеве вовсе умолчала, то о сем токмо усмотренном Комиссиею обстоятельстве Правительствующему Сенату отнестись, которой по сему случаю не оставит учинить свое суждение и решение. Я же по сему делу казуса и сумнения в узаконении не вижу».²⁸

Данное заключение было направлено в Сенат, но последний так и не вынес по нему никакого окончательного решения. По этому поводу А. Н. Радищев не без горечи писал своим родителям в письме от 18 августа 1802 года: «Дело с Козловым еще не шевелится; неизвестно, когда будут докладывать. Дай бог, чтобы вы конец его могли видеть».²⁹ Однако для творчества Радищева это дело сыграло определенную роль. Ценность его заключается в том, что оно дало писателю богатый материал для обличения существовавшего тогда судейского произвола и для критики проекта коронационной грамоты Александра I.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 20, л. 100.

²⁸ Там же, ед. хр. 19, лл. 15—16.

²⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 535.

Радищев принял активное участие в обсуждении дел, присланных из Сената в Комиссию составления законов. Эти дела были посланы к нему на квартиру в первых числах августа 1801 года. Когда он явился первый раз на заседание Комиссии, у него уже было написано несколько «мнений» по этим делам.

До сих пор опубликованы только два «мнения» Радищева по сенатским делам: «О ценах за людей убиенных» и «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника». М. И. Сухомлинов, опубликовавший их, назвал эти «мнения» глубоко принципиальными, резко отличающимися от мнений сенаторов, рассматривавших эти дела. О первом из них М. И. Сухомлинов писал: «Так как в данном случае дело шло о крепостных крестьянах, как лицах обвиняемых и потерпевших, то Радищев должен был говорить о предмете, особенно дорогим для его ума и чувства. И он остался на высоте своей задачи. „Мнение“ его, небольшое по объему, чуждое многословия и риторических прикрас, заслуживает особенного внимания по своей основной мысли и по достоинству изложения. Радищев выступает перед лицом закона искренним и просвещенным защитником человеческих прав крестьян, основывая свои доводы частью на общих началах, выработанных наукою права, частью на живых примерах, взятых из русской жизни. Двумя-тремя штрихами очерчивает он возмутительное явление, которое безнаказанно совершается в действительности и которое он изобразил такими яркими красками в своем „Путешествии“».³⁰

Неизданные «мнения» Радищева — это лаконичные заключения по ряду сенатских «казусных» дел, изложенные на двух листах. Они сохранились в писарской копии, сделанной для председателя Комиссии П. В. Завадовского. Оба листа подшиты в папке с надписью «Мнения членов Комиссии по различным необыкновенным делам, присланным из Пр. Сената в Комиссию на рассуждение». В перечне имеющихся в папке рукописей сказано: «Мнение г. Радищева касательно различных гражданских и уголовных дел, производившихся в Сенате».³¹

Об этих «мнениях» кратко упоминал М. И. Сухомлинов, но он усомнился в авторстве Радищева. Его сомнение было вызвано тем, что в рукописях, представленных Комиссией в Сенат, стоит подпись другого члена Комиссии — Прянишникова. «Оказывается, — писал Сухомлинов, — что мнения или заметки эти принадлежат не Радищеву, а Прянишникову, что положительно доказывается подписью его на подлинных рукописях, представленных в Сенат, как например на заметке по делу о преступниках, невоспользовавшихся свободой, и т. д.».³²

³⁰ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 623—624.

³¹ ЦГАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 19.

³² М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи..., стр. 623.

Просмотр сохранившихся бумаг Комиссии составления законов не дает оснований для такого сомнения. Делопроизводство Комиссии, которое вел ее секретарь Василий Гаврилов, было хорошо организовано и исключало какие бы то ни было неверные записи, особенно в отношении «мнений», принадлежавших тому или иному члену Комиссии. Кроме того, точность записей в делах Комиссии контролировалась ее старшими членами: Ананьевским, Пшеничным, Прянишниковым, Радищевым и Ильинским. Об этом, в частности, свидетельствуют их подписи, сохранившиеся в журналах.

То, что на некоторых «мнениях», представленных Комиссией в Сенат, была подпись Прянишникова, объясняется другим обстоятельством. Когда эти «мнения» были затребованы в срочном порядке Сенатом, в присутствии находился один Прянишников. Присутствие в Комиссии лишь одного дежурного ее члена, как это видно из поденных записей, бывало нередко. В этом случае дежурный член Комиссии подписывал все ее бумаги. Поэтому «мнения» в Сенат, отправленные Прянишниковым, не имели подписей всех членов Комиссии. На них не было подписи даже председателя Комиссии. Поэтому из Сената был сделан в Комиссию специальный запрос, подписанный сенатором Г. Р. Державиным.

Сомнение Сухомлинова было усилено и чистой случайностью — неправильным прочтением рукописи. Утверждая, что мнения по названным делам не принадлежат Радищеву, он писал: «В этом удостоверяет также и приписка к составленному в Комиссии перечню дел, названных мнениями Радищева: „К сему мнение и т. Радищева“. Значит, все остальные мнения не его, а кого-либо другого».³³

Но в рукописи, в приведенной приписке, а точнее в скрепе секретаря Комиссии, нет союза «и», который вызвал сомнения М. И. Сухомлинова. В рукописи между строк радищевского текста написано секретарем Комиссии: «Мнение г-на Радищева. К сему мнению г-на Радищева».

Таким образом, принадлежность указанных «мнений» Радищеву засвидетельствована в документах Комиссии трижды: один раз в перечне и два раза в самой рукописи.

Приводим сведения о делах, на которые Радищев писал заключения (в том порядке, в каком они были рассмотрены Радищевым). Публикуемые мнения Радищева расширяют представление о его деятельности в Комиссии составления законов и раскрывают, при каких конкретных обстоятельствах были написаны Радищевым его записки «О ценах за людей убиенных» и «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитников».

³³ Там же.

1. МНЕНИЕ О ПАТЕНТАХ ОТКОЛЬ ОНЫЕ ПОЛУЧАТЬ НА ЧИНЫ, ДАВАЕМЫЕ ЗА ВЫВОД ИЗ ЗАГРАНИЦЫ НА ПОСЕЛЕНИЕ В РОССИЮ ЛЮДЕЙ

Существо дела Комиссия определила так:

Новомиргородской купец Сергей Спаской вывел своим коштом из заграницы на поселение в Новороссийскую губернию мужеска пола 683, да женска 578 душ, которому бывший тогда новороссийским генерал-губернатором покойный князь Потемкин-Таврической на основании состоявшегося о поселении в Новороссийской губернии плана 4-й главы 4-го пункта дал чин капитана, но, как в означенном плане не сказано, отколь на таковыя чины давать патенты, то в 1776-м году представил об оном Сенату и просил указа.

В Правительствующем Сенате были о сем разныя суждения; четвертый департамент полагал, чтобы таковым выводцам, кои находятся в военной службе, давать патенты от Военной коллегии, а купцам и прочим разнаго звания людям (кроме крепостных) от Сената с означением во оных, что дается за вывоз людей, но с тем, дабы получившие таковыя чины не из дворян, правом дворянским не пользовались».³⁴

Вопрос о патентах за ввоз из заграницы людей возник в связи с необходимостью заселения земель на юге страны, присоединенных в результате войн с Турцией. Богатые и плодородные земли в этом крае никем не обрабатывались. В плане о заселении Новороссийской губернии, утвержденном в 1764 году, о котором упоминается в определении Комиссии, было сказано, что чины будут даваться при следующих условиях: «Чин майорский за привоз из заграницы в Россию 300 человек, капитанский — 150, поручицкий — 80, прапорщицкий — 60, вахмистрский — 30».³⁵

После рассмотрения данного дела Комиссия вынесла следующее заключение:

Хотя по плану о Новороссийской губернии 764-го года и положено за вывоз из заграницы в Россию собственным коштом людей объявлять чины, но поелику в течении времени вышедшими вновь постановлениями план сей отменился, следовательно, ныне всякая за подобные действия награда зависит уже от единственной его императорскаго величества воли.³⁶

Радищев записал следующее мнение:

Комиссия в заключении своем пншет, что 1764-го года план, в котором положено «за вывоз из заграницы в Россию собственным коштом людей объявлять чины, вышедшими вновь постановлениями отменился». Но я, с моей стороны, из приведенных Комиссиею законов точного о том узаконения не вижу; так же не нахожу казуса в рассужденни дачи патентов, ибо кому откуда давать патенты есть точное 1763 года сентября 12-го узаконение.³⁷

Это первое мнение Радищева в Комиссии записано 12 августа 1801 года.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 20, л. 8.

³⁵ Там же, л. 9.

³⁶ Там же, л. 10.

³⁷ Там же, ед. хр. 19, л. 3.

2. МНЕНИЕ О БЕГЛЫХ РЕКРУТАХ, ВОЗВРАТИВШИХСЯ В РОССИЮ ДО МАНИФЕСТА 1779 ГОДА

Существо дела Комиссия определила следующим образом:

В 1780-м году явились в Новгородское наместническое правление два беглых рекрута Василий Дементьев и Антон Леонтьев, показавшие о себе, что они отлучились из команд своих в Польшу, отколь года за три возвратясь в Россию, были при казенных работах, и, услышав, что манифестом 1779-го года все беглые прощаются, просили о причислении их на жительство в прежние экономические селении; но поелику манифестом сим вызываны к возвращению те только, кои отлучились из России, рекруты же по состоянии манифеста были уже в России, то начальник губернии, не могши почесть их подходящими под силу того манифеста, отнесся Правительствующему Сенату и просил к разрешению на сей и на будущие подобные случаи указа; между тем же по учиненной губернским правлением справке оказалось, что оным рекрутам по 1780-й год состояло от роду лет Дементьеву шестьдесят, а Леонтьеву около сорока, следовательно, ныне уже первый имеет с лишком восемьдесят, а последний без мала шестьдесят лет.³⁸

В манифесте от 5 мая 1779 года, на который ссылались Дементьев и Леонтьев, сказано:

Всех таковых, кои отлучились из отечества до издания сего нашего указа и возвратятся прежде года, из отдаленных же мест прежде двух лет от обнародования оного, всемилоостивейше прощаем в сем побеге и в других преступлениях, ими содеянных (кроме смертных убийств), обещая им полную личную безопасность и спокойствие, в надежде, что каждый из них впредь верною, честным и незазорным поведением и радением в звании и упражнении своем потщатся загладить вины свои.³⁹

Рекруты Дементьев и Леонтьев, поверившие в приведенный манифест и добровольно явившиеся в 1780 году в Новгородское наместническое правление, были арестованы и заключены в тюрьму. Их участь могла быть облегчена простой юридической справкой, показывающей, что они вполне подходят под объявленную в 1779 году амнистию; но хлопотать за них было некому. Более двадцати лет тянулось их дело. Оба они состарились в тюремном заключении. Члены Комиссии составления законов в своем заключении по делу записали:

Из вышеписанного явствует, что казус сей решился уже временем и обстоятельствами: ибо хотя манифестом 1779-го года даровано прощение одним только таким беглым, кои из России отлучились, но поелику в манифестах 1780-го и 1787-го годов распространено сие прощение на всех вообще, как из России, так и от жилиц и команд своих удалившихся, то и означенные два рекрута, буде подвергались сомнению по манифесту первому, подошли совершенно под силу манифестов последних. По докладу же Правительствующего Сената 1788-го года марта 21-го дня хотя и надлежало их, яко скрывавшихся до манифеста 1779-го года в России, отослать к командам, из коих бежали, но и от сего по старости своей они освобождаются, имея от роду, как выше зна-

³⁸ Там же, ед. хр. 20, л. 5.

³⁹ Там же, л. 5 об.

чит, Дементьев слишком восемьдесят, а Леонтьев без мала шестьдесят лет; тем более, что Новгородское губернское правление еще в 1780-м году при самой явке находило уже их к службе неспособными, а потому и остается теперь (буде они еще живы) причислить их в превобитное состояние, из которого в рекруты отданы».⁴⁰

Заключение подписали Иван Ананьевской, Григорий Пшеничный, Александр Радищев и Николай Ильинский. Радищев в отдельном мнении написал:

Как в высочайше подтвержденном 21-го числа марта 1783-го года докладесть об них (беглых рекрутах — Д. Б.) точное узаконение, то по сему казусу с моей стороны не вижу; ибо казус есть то, на что нет закона.⁴¹

3. МНЕНИЕ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ РЕВИЗИИ БЕЖАВШИХ ИЗ КИЕВСКОЙ В НОВОРОССИЙСКУЮ ГУБЕРНИЮ МОНАСТЫРСКИХ И ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН

Существо дела Комиссия определила так:

После подачи сказок к бывшей в 1781-м году ревизии бежали из Киевской губернии монастырские и помещичьи крестьяне, иные за границу, а другие в Новороссийскую и Азовскую губернии, а как в 1783-м году указом мая 3-го дня установлена в Малороссии подушная подать, то помещики просили, чтобы бежавших до сего указа крестьян по ревизии из за них исключить, о чем Киевское губернское правление в 1783-м году представляло Сенату и просило в резолюцию указа; в Сенате же были о сем разные определения. Сперва положено, чтобы на основании общих узаконений беглых до будущей ревизии не исключать да и отыскивать их предоставить самим помещикам; потом рассуждено, чтобы тех беглых в означенных губерниях отыскать и на прежние жилища выслать чрез попечение правительства».⁴²

Пока дело лежало без движения, беглые крестьяне успели по несколько раз сменить свое место жительства, и отыскать их было уже почти невозможно. Кроме того, в 1794 году была проведена новая ревизия, во время которой беглые крестьяне попали в списки по месту нового жительства. Затем были изданы указы о сложении недоимок с помещиков за беглых крестьян. Принимая во внимание все это, Радищев в своем мнении записал:

Когда в 1794-м году о ревизии, в 1796-м декабря 12-го о удовлетворении, в 1797-м году о сложении доимки постановления о сем случае уже решили, то за силою оных и казуса, подлежащего Комиссии к заключению, я, с моей стороны, не нахожу».⁴³

⁴⁰ Там же, л. 6 об.

⁴¹ Там же, ед. хр. 19, л. 3.

⁴² Там же, ед. хр. 20, л. 11.

⁴³ Там же, ед. хр. 19, л. 3.

4. МНЕНИЕ О ПРЕСТУПНИКАХ, НЕ ВОСПОЛЬЗОВАВШИХСЯ СВОБОДОЮ ПО СИЛЕ МАНИФЕСТА 7 АВГУСТА 1782 ГОДА

Существо дела Комиссией определено следующим образом:

Означенного манифеста 8-ю статьею предписано «каторжных (кроме смертно убийцов и таких, на коих поставлены знаки) всех освободить и возвратить на прежние их жилища».

Правительствующий Сенат, рассматривая в 1782-м году собранные из губерний о таковых преступниках ведомости, нашел, что Казанское губернское правление освободило по силе оной статьи на прежние жилища таких подсудимых, которые [будучи] собраны туда из других мест для отправления на каторгу, но в ожидании случая были не отосланы, и рассуждая, что они, яко на каторге еще не бывшие, под сию статью манифеста не подходят, приказом из жилищ их паки возвратить и отослать на каторгу, кто куда следовал; в числе колодников находились два купца Крапивин и Пастухов, осужденные в Оренбург к каторжной работе за неплатеж [налога] по питейным откупам, которые в 1784-м году за неосвобождение их от каторги приносили покойной императрице жалобу, и по оной данным генералу-прокурору указом велено, чтобы их, согласно манифесту, от присужденной каторжной работы освободить и возвратить на прежние жилища. Что по предписаниям Сената и исполнено; касательно же прочих ссылочных, вместе с ними купцами Казанским губернским правлением распущенных, а по указу Сената паки собранных, то Правительствующий Сенат сперва рассуждал, чтобы и их, подобно означенным купцам, оставить в свободе, но после между господ сенаторов вышло разногласие; одни полагали испросить об них нового указа, а другие утверждали, чтобы от каторжной работы их не освобождать. За каковым разногласием вошло дело сие в общее собрание, где никакого производства не было.⁴⁴

Почти двадцать лет большая группа каторжников, подлежащих освобождению согласно названному манифесту, отбывала наказание. Комиссия составления законов некоторое время колебалась, какое заключение вынести по этому делу. В первоначальном проекте постановления было записано: «Но чтобы дать им свободу ныне, пропусая столь немалое время, на сие без особой высокой монаршей воли решиться невозможно».⁴⁵ Но затем Комиссия сослалась на указ от 28 июля 1787 года, который давал основание освободить этих каторжников, если они еще остались в живых.

Радищев присоединился к последнему решению. В своем мнении он написал: «Комиссия в заключении своем пишет, небезуповательно, что жребий их (каторжников, — Д. Б.) всемилоштивейшим 1787-го года манифестом решился; то за силою сего для Комиссии казуса я не нахожу; остается токмо Правительствующему Сенату иметь рапорты, что жребий сих несчастных по силе того узаконения, точно и достоверно, а не уповательно, совершился».⁴⁶

⁴⁴ Там же, ед. хр. 20, л. 17.

⁴⁵ Там же, л. 18.

⁴⁶ Там же, ед. хр. 19, л. 3 об.

5. ПОДЛЕЖАТ ЛИ РАССМОТРЕНИЮ СЕНАТА ПРИСЛАННЫЕ В ОНОЙ ВЕДОМОСТИ О ПРЕСТУПНИКАХ, ВОСПОЛЬЗОВАВШИХСЯ ПРОЩЕНИЕМ ПО МАНИФЕСТУ 1782 ГОДА

Дело это тесно связано с предыдущим и возникло в результате той же бюрократической волокиты в Сенате вокруг освобождения по манифесту 1782 года ряда категорий осужденных.

Манифест от 7 августа 1782 года предусматривал следующие льготы осужденным:

1-й пункт. Которые колодники теперь и сего числа содержатся где в империи и осуждены к смертной казни, тех от оной освободить и сослать в работу; кои же осуждены к телесному наказанию, тех от оного освободить и сослать на поселение.

7-й. По корчемным и соляным делам содержащихся до сего времени под стражею всех освободить, по учиненным об них сентенциям ничего не делать, и все по сим делам начатые следствия отставить.

8-й. Каторжных (кроме смертоубийцов и таких, на коих поставлены знаки) всех освободить и возвратить на прежние их жилища.

9-й. Все до сего числа оказавшиеся в неисправлении или упущении должности (кроме взятков и других умышленных преступлений) прощаются, в чаянии, что они трудом и ревностью потщатся наградить свои неисправности».⁴⁷

Суть дела Комиссия сформулировала так:

По состоянию в 1782-м году августа 7 дня всемиловейшего манифеста, которым дарованы преступникам разные высокомонаршие милости, Правительствующий Сенат, рассылая оные в губернии ко исполнению, с своей стороны предписал, дабы все те, до коих простираются оные милости, воспользовались ими в самое скорейшее время, а кто именно и от чего будет освобожден, доставить Сенату немедленно сведения. Вследствие чего таковыя сведения и присылались из губернских правлений в первый департамент, а сей одни из них о сложенных казенных недоимках и начетах оставлял у себя, а о преступниках же препровождал на рассмотрение во 2-й департамент, где в 1784-м году при предложении их к слушанию докладывано было, что подобные ведомости Сенат уже рассматривал и где настояла нужда, там делал свои поправки и предписания; но между господами сенаторами вышло разногласие. Большая часть полагали, чтобы ведомости сии без всякого рассмотрения принять во известие, с одной стороны, потому, что они истребованы для одного токмо сведения, а с другой, что дела освобождаемых преступников большею частию до рассмотрения Сената не следуют и что ни от кого из подсудимых в неисполнении над ними силы манифеста просьб не имеется; напротив же того один господин сенатор утверждал, что помянутые ведомости рассматривать должно единственно в том, сходно ли осуждению учинено по манифесту исполнение. За каковым разногласием дело сие вошло в общее собрание [Сената], где никакого по оному производства не было.

Радищев по этому делу написал следующее заключение:

По сему с моей стороны никакого казуса я не вижу: что самые видимые о тех ведомостях обстоятельства доказывают; ибо Правительствующий Сенат в 1783-м таковые же о преступниках ведомости рассматривал и по настоящим нуждам делал свои поправки; а что в 1784-м между господ сенаторов о сих ведомостях вышло разногласие, то сие к казусу отнести я не могу.⁴⁸

⁴⁷ Там же, ед. хр. 20, лл. 19 об. — 20.

⁴⁸ Там же, ед. хр. 19, л. 3 об.

6. МНЕНИЕ О ВЗЫСКАНИИ ЗА НЕУМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ЖЕНОК

Существо дела Комиссией определено так:

Князя Алексея Дулова крестьянин Василий Тимофеев в 1769 году июня 9 дня убил до смерти рясского помещика Трухачева крестьянскую женку Степаниду Федосееву, у которой по осмотру предрясского воеводской канцелярии и [при] сторонних людях на мертвом теле боевые знаки явились. Голова и лицо избито. Значат кровавые раны. Грудь и спина бита, отчего сине и багрово. А тот убийца крестьянин Тимофеев в допросе июня 12 показал, что 9 июня реченного помещика Трухачева крестьянина Фетиса Васильева корова взшла с выпуску, под которую подпал собственной ево теленок, и по приказанию ево жена ево Меланья ту корову со двора согнала, и тогда ж, пришед ко двору ево, того крестьянина Фетиса жена Степанида с женою ево бранилась; и между тем, услышав он, Тимофеев, ту брань, прибежав к воротам, ударил ее, Степаниду, по левому плечу маленькою палочкою, от которого удару в то ж время и умре. А к убийству ее, Степаниды, прежде сего согласия ни с кем не имел, — и от того ль ево удару она умерла, не знает, в чем из пристрастного под плетьюми распроса утвердися.⁴⁹

Затруднения Сената при рассмотрении дела об убийстве крепостной крестьянки Степаниды Федосеевой возникли не потому, что он не мог определить степень наказания для убийцы: все его внимание было направлено на то, чтобы определить размер уплаты помещика Дулова за убитую крепостную женщину. Комиссия составления законов при рассмотрении дела стала на тот же путь. В своем заключении она записала:

За неумышленно убитого крестьянина сторублевая цена положена в 766 году, чему протекло тридцать пять лет, а в высочайшем 786 года марта 9 числа указе изображено: «Как цены ныне вообще на все противу прежнего гораздо возвысились, то положенная в рекрутском 766 года учреждении рекруту цена 120 рублей недостаточна, а потому и велено постановить рекруту цену 360 рублей». В рассуждении чего и за убитого неумышленно во владельческих, равно как и во всех казенных селениях, какого бы роду и звания они ни были, мужского пола крестьянина надлежит постановить сообразную за рекрута цену 360 рублей, а за крестьянок, женщину или девку, по 100 рублей. Буде же таковое неумышленное убийство случится дворовому человеку, или дворовой женке, или девке, которые по художествам, искусствам, ремеслам и трудам более иногда стоят, нежели лутчий крестьянин и крестьянка, то хотя и за них полагать такую же цену, но в таком только случае, буде помещик их будет тем доволен. Если же он сею ценою почитет себя за потерю человека неудовлетворенным, то обязан представить суду неоспоримые доказательства, почему точно более той цены убитый ему стоит. И тогда уже на основании высочайшего именного 1798 года генваря 28 числа указа оценить таковых дворовых людей женок и девок по работе и по тому доходу, каковой каждый из них чрез искусство, рукоделение и труды доставлял своему владельцу.

И сие относится единственно на тот случай, ежели владельческой казенного или казенной владельческого крестьянина, или женку, или девку неумышленно убьет до смерти; но что касается до подобных несчастных случаев между одними владельческими крестьянами, то поступать по состоявшемуся в 798-м году февраля 24 числа высочайшему именному указу.

В прочем из представления бывшего воронежским губернатором генерал-порутчика Шетнева заметить можно, что крестьянин Тимофеев хотя по трое-

⁴⁹ Там же, ед. хр. 20, л. 23.

кратной пытке и не признался в умышленном убийстве жены Степаниды Федосеевой, показывая будто ударил он ее один раз небольшою палочкою, то по правилам, изображенным в воинском 154-м артикуле, сему верить было не должно, ибо при осмотре на мертвом теле боевых признаков открылось, что голова и лице было избито и были кровавые раны, грудь и спина также биты, от чего сине и багрово; следственно, не один раз была она ударена и не малою, как он показывает, палочкою; а потому и надлежало б наказать его яко умышленного убийцу; но поелику сие преступление, равно как и пытка тоже и оправдание, утвержденное только на ней одной, происходили в 769-м году, чему протекло более тридцати лет, а по таковой давности не уповательно, чтобы как тот убийца, так и судившие столь слабо сие дело присутствующие, были доселе живы. Следственно, на основании высочайших 775 и 787 года манифестов и предать сие вечному забвению. Что же касается до того, каким образом впредь поступать при изысканиях и следствиях о неумышленном и умышленном смертным убийствам, о том при составлении общих по уголовной части законов Комиссия не оставит постановить и на сей случай точное правило.⁵⁰

Приведенное заключение подписали Иван Ананьевской, Григорий Пшеничный, Николай Ильинский. Два члена из пяти, Иван Прянишников и Александр Радищев, остались при своем мнении.

По данному делу имеются два отзыва Радищева: один представляет собой чисто юридическое заключение; второй является глубоким философским рассуждением на тему о цене человеческой личности вообще. Первый отзыв до сих пор оставался неизвестным, второй был опубликован М. И. Сухомлиновым. В первом мнении по этому делу Радищев писал:

В рассуждении положения о взыскании, на которое точного закона нет, я согласен; с замечанием же Комиссии, что господин воронежской губернатор Шетнев и другие присутствующие в 1769-м о крестьянине Тимофееве, которой с пристрастных допросов и с пыток в неумышленном убийстве утвердился, судили слабо, согласиться не могу; ибо сие до рассмотрения Комиссии не подлежит.⁵¹

Комиссия, вынося свое заключение, руководствовалась Уложением царя Алексея Михайловича, указами Екатерины II от 28 января 1765 года, положением Сената 1766 года и указами от 9 марта 1786, 28 января и 24 февраля 1798 годов, в которых предусматривались размеры уплаты помещикам за неумышленное убийство принадлежавших им крестьян. В частности, в Уложении (гл. 21, ст. 73) было сказано: «Ежели чей-нибудь крестьянин неумышленно убьет чьего крестьянина, то вместо убитого выдать по наказанию кнутом самого убийцу с женою, с детьми и с животы тому помещику, чей был убитой крестьянин, а буде его взять не похочет, то вместо одного кого выберет другого крестьянина ж с женою и с детьми и со всеми животы и с хлебом стоячим и которой сеян в земле».

Радищев в своей записке «О ценах за людей убиенных» писал:

Когда в нынешнее время и в кроткое и человеколюбивое правление ныне царствующего в России государя императора Александра I дойдет дело изда-

⁵⁰ Там же, лл. 25—26.

⁵¹ Там же, ед. хр. 19, л. 4.

вать какие-либо новые постановления, что дух ими путеводительствовать долженствующий, не может быть тот, который руководствовал трудившимся над соборным Уложением царя Алексея Михайловича. Ни пытка, ни казнь смертная ныне уже не употребительны, а за ними должны отменены быть и многие постановления соборного Уложения, сообразные грубости нравов тогдашнего времени, сообразные тогдашнему образу мыслей, но ныне уже не совместные. Тогда казнь торговая, кнут были наказания исправительные, и стыда не приносили наказанным ими, хотя многое, о чем законополагает соборное Уложение, еще существует; но полтора столетия, исполненные шаги в образовании Российского государства и народов в нем обитающих, перемены общее умоначертание, дает вещам новой вид; и то, что существует хотя законно, производит иногда удобно некоторой род невольного в душе отвращения и чувствительность терпит от того, что закон почитает правильным».⁵²

Далее Радищев показывает несостоятельность законов. В частности, он осуждает указ от 28 января 1798 года, в котором было сказано, что за долги можно брать с помещиков крестьянами, а последних оценивать «по работе и по тому доходу, каковый каждый из них чрез искусство, рукоделение и труды доставляет владельцу».

Радищев доказывает, что «цена крови человеческой не может определена быть деньгами». Он считал, что правительство должно заботиться не о том, какую цену следует уплатить за убитого крестьянина его владельцу, а о тех сиротах, которые остались после смерти пострадавшего.

Если бы можно было помыслить о удовлетворении за убийство человека, то оно принадлежать должноствовало бы тем, которые истинно страдают, когда бывает убиенной. Убиенной может быть отец, сын, супруг или мать, жена, дочь и проч. Не остающимся ли по ним (и сие разуметь должно о людях низкого состояния) принадлежать может всякое удовлетворение, по той истинной причине, что они больше, нежели их господин, потерю человека претерпеть могут. Муж лишается жены, жена мужа, дети отца, отец сына или дочери, но чем такую потерю заменить можно? Сверх того, кому неизвестно, сколько потерпеть может крестьянин в своем хозяйстве, если семья его лишится работника.⁵³

Свою записку Радищев заканчивает следующим призывом:

Что же касается до потерпевших от убийства человека, как-то детей, жены, то как сия статья входит в общее распоряжение о признании, то здесь о ней говорить не вместно; но доколе не будет сделано о признании общих распоряжений, то терпящие от убийства человека должны быть на попечении общества того селения или города, к которому убиенной принадлежит.⁵⁴

7. МНЕНИЕ О ДЕЛАНИИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ИЗ ИМЕНИЯ НА ТАКУЮ СУММУ, СКОЛЬКО НА ВЕКСЕЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ ИСКИ ПОТРЕБНО

Данное дело возникло по инициативе правления Государственного заемного банка. 13 апреля 1787 года банк обратился в Сенат с просьбой дать присутственным местам в губерниях предписание,

⁵² Там же, л. 5.

⁵³ Там же, л. 6.

⁵⁴ Там же, д. 6 об.

чтобы они при взыскании долга по векселям и другим искам не накладывали бы ареста целиком на имущества должников, а арестовывали бы только ту его часть, которая была бы достаточна для удовлетворения иска.

Дело это не вызвало споров в Комиссии составления законов. Комиссия в заключении сослалась на 36-й пункт Вексельного устава, в котором сказано: «Товары или имущества на столько, на сколько вексельного иску, надлежит заарестовывать».⁵⁵ Радищев, прочитав заключение Комиссии, написал: «Когда о сем есть точной закон, то с моей стороны казуса к разрешению не нахожу».⁵⁶

8. ОТДАВАТЬ ЛИ ПРОДАННЫЕ С ПУБЛИЧНОГО ТОРГА ИМУЩЕСТВА РОДСТВЕННИКАМ НА ВЫКУП

Дело возникло по ряду случаев, связанных с попытками родственников должников, которым выгоднее было выкупить имущества последних, проданные за долги с публичного торга, чем расплачиваться по ним наличными деньгами. В Комиссии это дело не вызвало споров. Она в своем заключении сослалась на указ Петра I от 17 апреля 1722 года и «Устав о банкротах» 1800 года, в которых содержались более или менее ясные ответы по данному вопросу.

Радищев в своем мнении записал:

Когда по сему предлогу поднесенной в 1772-м от Правительствующего Сената всеподданнейший доклад со мнением и со испрашиванием на сие, яко составляющее пополнение законов конфирмации, был в 1773-м возвращен с высочайшим повелением поступить по указу 1722-го апреля 17-го, то и исполнить сие высочайшее предписание; из других же дел явствует, что Правительствующий Сенат по содержанию того 1722-го указа определил собрать в Сенат коллежских президентов и членов.⁵⁷

Остановимся особо еще на одном деле, о котором Радищев написал «мнение».

9. МОГУТ ЛИ ПОДСУДИМЫЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПОДАВАТЬ НА СУДЕЙ ПОДОЗРЕНИЕ?

Дело возникло по инициативе псковского губернского прокурора Брылкина, который в 1782 году представил на рассмотрение Сената запрос: «Надлежит ли подсудимых, находящихся под следствием в гражданских правительствах по уголовным делам, в силу Воинского процесса 1-й главы 11 пункта спрашивать, не имеют ли они на кого из присутствующих тех мест, где судимы будут, подозрения?»

⁵⁵ Там же, ед. хр. 20, л. 27.

⁵⁶ Там же, ед. хр. 19, л. 4.

⁵⁷ Там же.

При обсуждении этого запроса в Сенате выявились разные точки зрения. В резолюции заседания 2-го департамента Сената 10 октября 1782 года было определено:

Хотя по указу 1731 года марта 5 дня и позволено как истцам, так и ответчикам быть при слушании дел их, а по указу 1724 года ноября 13 числа и объявлять им на судей подозрение, однако сие принадлежит собственно до дел тяжёбных, где иск начинается по воле и оный или производится далее, или и вовсе прекращается по соизволению ж; но в делах уголовных бывает совсем тому противное и подсудимый ни какой уже вольности не имеет, ибо когда судится он за какое-либо преступление, то сие почитается делом общественным, а не частным.⁵⁸

Резолюция Сената не была принята, поскольку один из сенаторов (Чичерин) не согласился с нею. Дело было передано на рассмотрение общего собрания Сената, где оно и пролежало без всякого движения до 1801 года.

Мнение Радищева по этому делу было опубликовано М. И. Сухомлиновым, но без указания на то, при каких обстоятельствах оно было написано.

Комиссия, обсуждавшая этот вопрос, основываясь на ряде прежних указов, записала в своем заключении:

Подсудимые по важным уголовным и следственным делам, и подлежащие к лишению жизни, или к лишению чести, или торговой казни, объявлять подозрения на судей не могут, и принимать от них того ни под каким видом не следует.⁵⁹

Заключение подписали Ананьевской, Пшеничный, Ильинский.

При особом мнении остались Прянишников и Радищев. Основные возражения были сделаны Прянишниковым. Поскольку Радищев выразил согласие с ним, о чем он прямо пишет в своей записке, приведем здесь мнение Прянишникова полностью:

Мнением полагаю, согласно Воинского процесса 1-й главы с 12-м пунктом, по силе которого подсудимые к объявлению на судей подозрения допускаться должны; и с правилами, начертанными в Наказе о проекте нового уложения: «1-е. Чем важнее вещь, о которой идет решение, чем больший у кого хранится залог, то все средства к защите и осторожности обвиняемого подать должно».

Оное же обстоятельство в судопроизводстве много к осторожному правосудию служит.

«2-е. Судебные обряды умножаются по толику, в каком где уважении честь, жизнь, вольность граждан содержится. 3-е. Ответчика должно слушать не только для узнания дела, но и для того еще, чтоб он себя защищал. 4-е. Надлежит, чтоб судимые в великих винах с согласия законов избрали себе судей или по крайней мере могли б отрешать из них толкое число, чтоб оставшиеся казались быть в суде по выбору судимых преступников. 5-е. Чтob не мог кто подумать, будто б он попался в руки таких людей, которые в его деле насильство во вред ему употребить могут. 6-е. Справедливо ли, что бы обвиняемой мог отрешить некоторое число из своих судей, на которых он имеет подозрение. 7-е. Где обвиняемой пользуется сям правом, там виноватой казаться будет, что он сам себя осуждает».

⁵⁸ Там же, ед. хр. 20, л. 44.

⁵⁹ Там же, л. 53.

И в следствие сих постановлений, столь святых, столь человечество милующих и невинность охраняющих, подсудимые по уголовным делам, кольми паче чиновники, в преступлении должностей обвиняемые, должны пользоваться правом защищения себя. И по сему, как подавать подозрения на судей, так и к сочиняемым из следственного дела выписам, рукоприкладство позволить должно. — Что же касается до рассуждения Комиссии, то с оным никак согласиться не могу.⁶⁰

Но Радищев пошел дальше предложений Прянишникова. Он считал необходимым разрешить подсудимым не только подавать подозрение на отдельных судей, но и отводить весь состав суда:

Согласуясь со мнением статского советника Прянишникова, что для ограждения безопасности гражданской нужно дозволить при производстве дел уголовных подавать подозрение на судей, я в дополнение еще полагаю, чтобы во всех уголовных производствах дозволено было подсудимому не только подавать подозрение, но отвергать весь суд, не приводя причин, для чего он судей отвергает, и требовать быть судиму иными судьями.⁶¹

Составление и обсуждение мнений по сенатским делам сопровождалось острыми спорами. Хотя дела, по которым Радищеву приходилось составлять заключения, носили по преимуществу частный характер, некоторые из них затрагивали кровные интересы крепостного крестьянства. В этих случаях Радищев, как и прежде, вставал на защиту порабожденных масс. Его попытки поставить в связи с некоторыми делами принципиальные вопросы, привели Радищева в новое столкновение с правящими кругами. Дело обстояло следующим образом.

1 апреля 1802 года члены Комиссии доложили Завадовскому по семнадцати сенатским делам свои общие и частные мнения. В записи о посещении Завадовским заседания Комиссии сказано, что он «по прибытии из Правительствующего Сената в Комиссию слушал учиненные оною Комиссиею на присланные в 1800-м году из общего Правительствующего Сената собрания казусные дела заключения; и, имея по оным рассуждение, положено некоторые из них по данной от его сиятельства резолюции поправить, а другие в чем подлежит пополнить».⁶²

Советы Завадовского внести поправки в представленные мнения не были приняты Радищевым и Прянишниковым.

В мае особые мнения Радищева и Прянишникова вместе с делами были переданы в Сенат без подписи Завадовского. В Сенате они встретили возражения. Державин усмотрел в них опасные мысли. Разговоры об этом, как видно из воспоминания Н. С. Ильинского, дошли до Завадовского, а через него, по-видимому, и до Радищева.

Старый опытный царедворец, Завадовский, почувствовал со стороны Державина явный подкуп под себя. Державин в сентябре

⁶⁰ Там же, ед. хр. 19, лл. 12—13.

⁶¹ Там же, л. 14.

⁶² Там же, ед. хр. 1, л. 54.

1802 года был назначен министром юстиции и потому был наиболее опасен для Завадовского. Конфликт между Державиным и Завадовским Ильинский объяснял тем, что Державин якобы был недоволен «медленностью» Комиссии в разборе «казусных» дел Сената. «Державин, — пишет Ильинский, — начал как бы понуждать Завадовского, а наконец прислал и письмо, изъясняя медленность Комиссии».⁶³

Из письма Державина, однако, видно, что он обвинял Завадовского не в том, что Комиссия составления законов работала медленно, а в том, что Завадовский позволил некоторым членам Комиссии представить в Сенат несогласованные с ним заключения по сенатским делам.

«Милостивый государь мой граф Петр Васильевич! — пишет Державин. — В 1800-м году по определению общего первых четырех и межевого Сената департаментов собрания отданы были из Сената в Комиссию о составлении законов 31 казусное дело для того, чтобы Комиссия, рассмотря оные и сделав свои заключения, представила их Сенату. Нынешнего года в мае месяце помянутая Комиссия представила в Сенат мнения свои по семнадцати делам. Я, рассматривая некоторые из них, заметил, что Комиссия, не представляя заключения свои на утверждение вашему сиятельству, яко главному над нею по высочайшему повелению установленному начальнику, прямо от себя представила их Сенату. Обязанностию считаю о сем обстоятельстве отнестись к вашему сиятельству».⁶⁴

Это письмо было послано в Комиссию составления законов 24 сентября 1802 года, но о недовольстве Сената представленными заключениями члены Комиссии, возможно, узнали значительно раньше, в начале сентября. Радищев в это время был болен. Дошедшие слухи, по-видимому, сильно взволновали его. Сын его Павел Александрович пишет: «Он вдруг сделался задумчив, стал беспрестанно тревожиться».⁶⁵

О тяжелом настроении Радищева в первых числах сентября можно судить и на основании поденных записей в журнале Комиссии. 1 сентября он явился на заседание, но, не досидев до конца, ушел с него, чего никогда не бывало с ним за все время его участия в Комиссии. В середине дня 2 сентября он явился в Комиссию для встречи с Завадовским, проводившим в тот день совещание. Встреча была короткой. Она определила полный разрыв Радищева с Комиссией составления законов, заседания которой с этого дня Радищев совсем перестал посещать.

Высказывалось предположение, что причиной столкновения Радищева с Завадовским были мнения Радищева по сенатским делам, на что есть намеки в воспоминаниях члена Комиссии состав-

⁶³ Н. С. Ильинский. Воспоминания моей жизни, стр. 413.

⁶⁴ ЦГАИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 43, л. 56.

⁶⁵ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 95.

ления законов Н. С. Ильинского. М. И. Сухомлинов, изучавший дела этой Комиссии, полагал, что причиной столкновения была поданная в Сенат записка Радищева «О ценах за людей убиенных», в которой тот вновь выступил в защиту человеческих прав крестьян.⁶⁶

Завадовский три недели спустя после смерти Радищева, 3 октября, отвечал Державину: «На почтенное отношение вашего высокопревосходительства о представлениях в общее Правительствующаго Сената собрание от Комиссии о составлении законов 17-ти казусных делах с ее заключениями честь имею уведомить: сии заключения от Комиссии внесены в Правительствующий Сенат не мимо сведения моего. Не подписанъ же мною потому, что Комиссия о составлении законов и до высочайшего мне поручения, имев в присутствии своем господ генерал-прокурора и трех сенаторов, течение дел своих отправляла за подписанием одних ее членов, как о том не безызвестно и вашему высокопревосходительству по тогдашнему вашему присутствованию в оной. Кроме того, в течение времени последовавшие узаконения изображают, что большая часть из тех дел, не составляя казуса, не предполагают и необходимости издания нового закона».⁶⁷

Обменом приведенных писем между Державиным и Завадовским история с оценкой мнений Радищева по сенатским делам закончилась.

3

При характеристике общественной деятельности Радищева в последние годы его жизни нельзя пройти мимо вопроса об участии Радищева в составлении проекта коронационной грамоты Александра I. Начало дискуссии об участии Радищева в составлении этой политической декларации положил В. П. Семенников.⁶⁸

Проект коронационной грамоты известен в литературе под названием «Грамота российскому народу». Ее текст, как и протоколы заседаний Негласного комитета, на которых она обсуждалась, более столетия пролежал в архивах, и никто к нему не обращался.

Сама «Грамота», оставлявшая в полной силе крепостное право и сословные привилегии дворянства, не привлекает особого внимания. Но поскольку некоторые исследователи утверждают, что Радищев участвовал в ее составлении, на ней следует остановиться подробнее.

Впервые «Грамота российскому народу» была опубликована на французском языке в 1908 году в журнале «Русский архив» (кн. 2, тетрадь 6) по рукописи, находившейся в архиве собственной его

⁶⁶ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи. . . , стр. 624.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 43, л. 33.

⁶⁸ В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пгр., 1923.

имп. вел. канцелярии.⁶⁹ В 1923 году В. П. Семенников напечатал в своей книге русский текст этой «Грамоты» по рукописи, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1936 году И. М. Троицкий опубликовал в сборнике «А. Н. Радищев. Материалы и исследования» русский текст «Грамоты» по рукописи, хранящейся в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР, в собрании А. Р. Воронцова. Этот текст по своему содержанию идентичен помещенному в «Русском архиве». Текст «Грамоты», опубликованный В. П. Семенниковым, подвергся редакционной обработке: он содержит не 20 пунктов-статей, как в первоначальной публикации, а 26.

Названные публикации представляют собой разные редакции одного и того же документа, но ни в одной из них составитель «Грамоты» не указан. Из имеющихся сведений известно, что проект «Грамоты» Александру I, будущему императору, представил А. Р. Воронцов.

В. П. Семенников, сопоставив отдельные пункты «Грамоты» с произведениями Радищева, пришел к выводу, что она составлена Радищевым. До него вопрос об авторе «Грамоты» решался по-разному. М. А. Корф в книге «Жизнь графа Сперанского» (1861) высказал предположение, что им был статс-секретарь Александра I Д. П. Троицкий, которому помогал М. М. Сперанский, состоявший тогда при его канцелярии. Основанием для этого были карандашные пометы Сперанского на рукописи «Грамоты», хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

А. Н. Пыпин⁷⁰ и Н. К. Шильдер считали, что основным составителем «Грамоты» являлся граф А. Р. Воронцов. «Кто был составителем этой новой предположенно жалованной грамоты, трудно решить, — писал Н. К. Шильдер. — Судя по напечатанному извлечению из [протоколов] заседаний негласного комитета, можно думать, что в составлении грамоты принимал деятельное участие граф Александр Романович Воронцов, и представлена она была в комитет по повелению императора Александра».⁷¹

В. П. Семенников, выдвигая в качестве возможного автора «Грамоты» Радищева, утверждал, что ни Троицкий, ни Воронцов не могли быть составителями столь ответственной декларации, требовавшей просвещенного ума и хорошего знания законов. «...Приписывать составление этого акта, — утверждал он, — требовавшее и специального знания законов, и некоторого литературного навыка, самому гр. А. Р. Воронцову очень трудно: сам он

⁶⁹ В настоящее время хранится в ЦГИАЛ (ф. 1409, оп. 1, ед. хр. 149).

⁷⁰ А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1885, стр. 89.

⁷¹ Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1897, стр. 78.

до конца дней своих писал по-французски лучше, чем по-русски, и даже едва ли был способен написать такую декларацию».⁷² Свое утверждение об авторстве Радищева В. П. Семенников обосновывал тем, что круг вопросов, содержащихся в «Грамоте», «совершенно соответствует сфере интересов и знаний Радищева»; сама форма грамоты перекликается с радищевским «Проектом в будущем», помещенным в «Путешествии из Петербурга в Москву»,⁷³ «В грамоте характерно присутствие церковно-славянских оборотов; это — излюбленный элемент стиля Радищева».⁷⁴

В подтверждение своей гипотезы В. П. Семенников ссылаясь на «Проект Гражданского уложения», который был составлен Радищевым, о чем свидетельствует сын последнего. По мнению В. П. Семенникова, «Грамота российскому народу» и представляет собой этот «проект» Радищева.⁷⁵

В. П. Семенников дал А. Р. Воронцову, являвшемуся видным государственным деятелем, явно необъективную характеристику, вступая в противоречие со своим же утверждением, что Радищев совместно с Воронцовым участвовал в составлении записки «Рассуждение о непродаже людей без земли». Едва ли Радищев стал бы с Воронцовым заниматься составлением каких-либо государственных актов, если бы считал, что Воронцов неспособен к такой работе. Из писем Радищева видно, что по ряду вопросов он спорил с Воронцовым, но признавал за ним большие способности.

Слабые места в аргументации В. П. Семенникова отметил еще И. М. Троицкий, который, в частности, считал совершенно произвольным его сопоставление «Грамоты» с радищевским «Проектом в будущем». «Да, действительно, — писал И. М. Троицкий, — Радищев дал в „Путешествии“ проект жалованной грамоты. Но „Проект в будущем“ касается в основном освобождения крестьян и ни в какой внутренней связи с рассматриваемым нами документом не состоит».⁷⁶

И. М. Троицкий считал, что в «Грамоте российскому народу» явственно ощущаются две линии. Одну из них следует приписать Воронцову, вторую — лицу, редактировавшему документ. Редактор, по мнению И. М. Троицкого, не ограничился стилистическими поправками, а внес в текст «Грамоты» такие важные поправки, что его «можно признать почти что соавтором».⁷⁷ Таким возможным редактором И. М. Троицкий назвал Радищева: «Итак, наиболее

⁷² В. П. Семенников. Радищев, стр. 149.

⁷³ Там же, стр. 150—151.

⁷⁴ Там же, стр. 171.

⁷⁵ Там же, стр. 172—173.

⁷⁶ И. М. Троицкий. Законодательные проекты А. Н. Радищева. В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 42—43.

⁷⁷ Там же, стр. 50.

вероятным и, на наш взгляд, единственным разрешением вопроса является приписание Радищеву не всего проекта „Грамоты российскому народу“, а только большинства тех изменений, которые внесены в его первоначальный вариант».⁷⁸

Мнение И. М. Троицкого об авторстве «Грамоты» разделяют, иногда с оговорками и другие исследователи. Так, В. С. Покровский писал: «Буржуазно-либеральная концепция Семенникова, который во что бы то ни стало пытался навязать основное авторство и составление „Грамоты“ А. Н. Радищеву, не выдерживает критики... Доказательства Семенникова заслуживают внимания лишь в той части, в которой они касаются отдельных статей „Грамоты“ и поправок, внесенных в процессе ее редактирования».

«А. Р. Воронцов, как опытный царедворец, разобрался в показном и мнимом „либерализме“ Александра. Обманув Радищева и использовав иллюзии писателя, амнистированного царем, он негласно мог привлечь его к редактированию „Грамоты“, чтобы придать проекту более „свободолюбивый“ характер и иметь возможность щегольнуть „свежестью“ мысли перед молодыми друзьями царя».⁷⁹

По мнению Г. П. Макогоненко, Радищев редактировал «Грамоту» вскоре после своего возвращения из ссылки, в мае—июне 1801 года. «Совершенно очевидно, — пишет он, — что Воронцов ввел Радищева в курс дел „Негласного комитета“, готовившего реформы. Радищеву же он сразу поручил и практическую работу — отредактировать составленную им жалованную грамоту русскому народу. Жалованная грамота обсуждалась на заседаниях „Негласного комитета“ 15 и 23 июня 1801 года. Следовательно, редактирование проходило в мае—июне. Это — первая работа Радищева после возвращения из ссылки».⁸⁰

С решительными возражениями В. П. Семенникову, И. М. Троицкому и другим ученым, утверждавшим, что Радищев участвовал в составлении «Грамоты российскому народу», выступил историк русского права П. К. Бонташ. Проследив, какие стадии редакционной обработки проходила «Грамота», он показал, что некоторые утверждения В. П. Семенникова и его единомышленников могли возникнуть лишь в результате незнания ряда источников по данному вопросу.

П. К. Бонташ полагает, что основные пункты «Грамоты» были написаны А. Р. Воронцовым, а дополнения и поправки, внесены «особой комиссией и написаны от ее имени Новосильцевым».⁸¹

⁷⁸ Там же, стр. 55.

⁷⁹ В. С. Покровский. Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева, стр. 157—158.

⁸⁰ Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. Гослитиздат, М., 1956, стр. 586.

⁸¹ П. К. Бонташ. А. Н. Радищев и вопрос об авторстве Грамоты российскому народу. Юридический сборник Киевского унив., № 6, 1953, стр. 122.

Опираясь на протоколы Негласного комитета, в котором обсуждалась «Грамота», П. К. Бонташ пишет: «...проект Грамоты был составлен А. Воронцовым совместно с Новосильцевым и Кочубеем. Составление Воронцовым „пунктов“ или предварительного наброска Грамоты засвидетельствовано протоколами Негласного комитета. Этими же протоколами, а также пояснительной запиской к окончательному тексту Грамоты засвидетельствовано участие в ее составлении вместе с Воронцовым Новосильцева и Кочубея. Воронцов, Новосильцев и Кочубей подписали пояснительную записку к окончательному (третьему) варианту Грамоты и тем самым засвидетельствовали свою солидарность с изложенной в ней программой».⁸²

П. К. Бонташ указывал, что гипотеза В. П. Семенникова искажает подлинный облик писателя-революционера. «Объявив Радищева одним из авторов программы „раннего русского либерализма“ и тем самым превратив его в заурядного либерала, — пишет он, — Семенников фальсифицировал его политические взгляды в том же плане, в каком это проделывали дореволюционные дворянско-буржуазные историки и публицисты (Бильбасов, Незеленов, Пыпин, Павлов-Сильванский, Милюков, Кизеветтер и др.), отождествлявшие или сближавшие взгляды Радищева со взглядами Екатерины II, Александра I, дворянских либералов, буржуазного либерала Сперанского. Следуя за дворянско-буржуазными фальсификаторами взглядов Радищева, Семенников, в полном противоречии с действительностью, пытается изобразить его идеалистом и мистиком, сторонником „просвещенного абсолютизма“ и далеко идущего компромисса с крепостниками. Трактовка Семенниковым отношения великого народолюбца к Грамоте российскому народу является по существу одним из фрагментов такого грубого искажения облика Радищева».⁸³

Острота развернувшейся дискуссии не удивительна — ведь речь идет об эволюции взглядов зачинателя революционно-освободительного движения в России.

Семенников, называя Радищева составителем «Грамоты российскому народу», тем самым поставил его имя рядом с именем Александра I, который, несмотря на свои первоначальные либеральные обещания, оставил в полной неприкосновенности крепостное право и все те привилегии дворянства, портив которых так горячо и решительно выступал автор «Путешествия из Петербурга в Москву».

В самом деле, как можно совместить прежние взгляды Радищева уже с первым пунктом первой редакции «Грамоты», в котором сказано: «Подтвердить и возобновить права и преимущества, данные дворянству предыдущими государями и именно указ госу-

⁸² Там же, стр. 138.

⁸³ Там же, стр. 110.

даря Петра III-го по сей матери и учреждение покойной императрицы Екатерины II-й, называемое дворянская грамота».⁸⁴

Во второй редакции этот пункт отредактирован только стилистически, а его существо осталось прежним.

Главный вопрос для Радищева — уничтожение крепостного права — в «Грамоте» даже не был поставлен. Единственный пункт, относящийся к крестьянству (в первой редакции — 9-й, во второй — 12-й), касается побочного вопроса — признания за земледельцем права собственности на соху, плуг, борону, лошадь, телегу, косу и тому подобное.

Детальный анализ «Грамоты российскому народу», проделанный П. К. Бонташем, показал, что она противоречит политическим взглядам Радищева. К такому же выводу пришел и другой историк русского права — С. А. Покровский. Он пишет: «Необходимо решительно исключить авторство Радищева в отношении приписываемого ему многими исследователями проекта „всемиловившей грамоты, российскому народу жалуемой“, подготовленной к коронации Александра I, равно как и участие Радищева в редактировании этой Грамоты... В Грамоте подтверждаются дворянские привилегии по законодательству Петра III и Екатерины II, подчеркивается необходимость сословных перегородок и отрицается право собственности крестьян на землю. В ней сохраняется деление имений на родовые и благоприобретенные в целях поддержания дворянских фамилий. Более детальный анализ истории работы над Грамотой целиком подтверждает вывод о непричастности Радищева к ее составлению».⁸⁵

Итак, в настоящее время четко выявились две диаметрально противоположные точки зрения на участие Радищева в составлении «Грамоты российскому народу». По мнению И. М. Троицкого, участие Радищева в составлении «Грамоты» свидетельствует о том, что он после своего возвращения из ссылки пересмотрел свои прежние революционные взгляды и, убедившись в невозможности крестьянской революции, стал «постепеновцем». «Предшествующее изложение убедило нас, — пишет он, — что, приступая к законодательной работе, Радищев, как и целая группа его последователей, верил в возможность постепенного осуществления преобразований, направленных в сторону установления буржуазных свобод, благодаря доброй воле монарха-законодателя Александра I».⁸⁶

Точка зрения П. К. Бонташа и С. А. Покровского исключает какое бы ни было отношение Радищева к проекту «Грамоты рос-

⁸⁴ А. Н. Радищев. Материалы и исследования, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 77.

⁸⁵ С. А. Покровский. Государственно-правовые взгляды Радищева. М., 1956, стр. 30—31.

⁸⁶ И. М. Троицкий. Законодательные проекты А. Н. Радищева, стр. 35.

сийскому народу». «Ни одно из тех положений, — пишет П. К. Бон-таш, — которые были близки и дороги Радищеву, ни одно из тех положений, которые он развивал в своих проектах последнего периода своей деятельности, ни в малейшей мере не были отражены в Грамоте».⁸⁷

На чьей же стороне истина?

Опубликованные материалы не дают бесспорного ответа на этот вопрос. Среди них нет ни одного документа, в котором бы раскрывалось полностью или частично отношение Радищева к «Грамоте», нет среди них документа, в котором отразилось бы мнение о Радищеве членов Негласного комитета, обсуждавших проект «Грамоты» на своих заседаниях. Все доводы спорящих сторон, как бы они ни были сами по себе логичны, строятся на косвенных соображениях и нуждаются в подкреплении документами.

При решении поставленного вопроса уже нельзя более ограничиваться опубликованными материалами. Нужны архивные разыскания, которые дали бы ответ на ряд вопросов, связанных с деятельностью Радищева в последний период его жизни.

Изучение подлинных документов архива собственной его имп. вел. канцелярии и бумаг архива А. Р. Воронцова показало, что первый вариант «Грамоты российскому народу» был составлен по поручению Александра I А. Р. Воронцовым. Воронцов представил этот вариант, состоящий из 20 пунктов-статей, Александру I не 14 августа 1801 года, как об этом было сказано при публикации в журнале «Русский архив», а на месяц раньше, т. е. 14 июля. Ошибка в датировке этого документа создавала трудности в выяснении вопроса о количестве редакций «Грамоты» и их последовательности.

Александр I, поручая Воронцову составить проект «Грамоты», велел включить в нее ряд определенных статей. В частности, как это видно из протоколов заседаний Негласного комитета, которые вел П. А. Строганов, царь предложил Воронцову включить в «Грамоту» те статьи, которыми подтверждались все прежние дворянские привилегии. Когда при обсуждении «Грамоты» в Негласном комитете эти статьи вызвали у некоторых членов Комитета недоумение, так как они расходились с либеральной фразеологией молодого монарха, Александр I объяснил, почему он предложил включить в декларацию эти статьи.

Чтоб «молодые друзья» не заподозрили его в непоследовательности, Александр сказал, что вынужден обнародовать «Грамоту» лишь против своей воли. Судя по записи, сделанной П. А. Строгановым, молодой монарх убеждал своих друзей довольно горячо, хотя этого и не требовалось, так как они сами подталкивали его на узаконение прежних дворянских привилегий. Вот что записал

⁸⁷ П. К. Бон-таш. А. Н. Радищев и вопрос об авторстве Грамоты российскому народу, стр. 140.

граф П. А. Строганов: «Он (Александр I, — Д. Б.) прибавил, что против своей воли он ввел в действие *Дворянскую грамоту*, что эти исключительные права были ему противны».⁸⁸ Ему заметили, что «в его власти остается возможность дать эти привилегии другим классам, когда обстоятельства позволят ему это сделать; что в настоящий момент, как кажется, еще не пришло для этого время; но что было бы несправедливо, из-за того, что еще не все классы государства могут одновременно воспользоваться одинаковыми правами, лишить этих прав тех, которые беспрепятственно могут их использовать; это в некотором роде можно сравнить с тем, что делают, когда, имея задачу усовершенствовать большую массу, вместо того, чтобы сделать это сразу, делают последовательно маленькими частями. Это рассуждение, казалось, доставило удовольствие его величеству и убедило его в том, что нам было желательно».⁸⁹

Вместе с А. Р. Воронцовым в составлении проекта «Грамоты» участвовали В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев. Воронцов, представляя 14 июля 1801 года первоначальный проект «Грамоты» Александру I, указал в сопроводительной записке, что он составил этот проект не один, а вместе со своими «товарищами». Полный текст этой записки до сих пор не опубликован, а выдержки из нее, напечатанные Бартеневым в «Русском архиве», содержат большие искажения. Например, в сопроводительной записке Воронцова сказано: «Чтоб сия эпоха ознаменована была милостями к народу, служащими к пользе и облегчению оного», а в «Русском архиве» вместо слов «облегчению оного» напечатано: «обличению оного».

В том месте записки, где Воронцов говорит о своих товарищах, принимавших участие вместе с ним в составлении «Грамоты», в издании «Русского архива» выпал целый абзац текста, в результате чего нет никакой возможности понять, о чем и о ком идет речь. Вот что напечатано в «Русском архиве»: «По сей-то причине я и товарищи мои, упражняющиеся земледелием, кои на деле прямую силу государства составляют и трудами которых все надобности государственные удовлетворяются, естлиб на сей текущей год освобождены они были от рекрутского набора, и чтоб о сей милости Вашего императорского величества к народу своему объявлено было указом при короновании Вашем».⁹⁰

В действительности же текст записки гласит: «Из больших милостей и которая б прямо ощутительна была для упражняющихся земледелием, кои на деле прямую силу государства составляют,

⁸⁸ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов, т. II. СПб., 1903. Протоколы Негласного комитета, стр. 73 (протоколы писаны по-французски, здесь цитируются в переводе).

⁸⁹ Там же, стр. 74.

⁹⁰ Русский архив, 1908, кн. 2, приложение «Сборник исторических материалов», стр. 6.

и трудами которых все надобности государственные удовлетворяются, естлиб на сей текущей год освобождены они были от рекрутского набора, и чтоб о сей вашего императорского величества к народу своему объявлено было указом при короновании вашем».

О своих «товарищах», участвовавших в составлении «Грамоты», Воронцов писал так: «Я и товарищи мои, участвующие в подносимом докладе, представляют вашему величеству, чтоб пожаловать на будущей 1802-й год всех положенных в подушном окладе славкою двадцати пяти копеек с души...».

В другой записке Воронцова, от 12 августа 1801 года, не только прямо названы имена составителей проекта «Грамоты», но и есть их собственноручные подписи. Записку подписали: граф А. Р. Воронцов, граф В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев. Писавшие об участии Радищева в составлении проекта «Грамоты российскому народу» В. П. Семенников и И. М. Троицкий почему-то обошли эти записки полным молчанием. По-видимому, они не знали об их существовании.⁹¹

В. П. Семенников указывал, что в тексте «Грамоты» находятся пункты, заимствованные из Habeas Corpus, которые, по его мнению, мог вставить только Радищев. Он писал: «Декларация имеет ряд частных соответствий с отдельными мнениями и мыслями Радищева, причем особенно характерными являются: присутствие в декларации статей из Habeas Corpus, цитаты „Наказа“ и мнения о порядке судопроизводства».⁹²

Однако имеющиеся документы показывают, что составители проекта «Грамоты» очень внимательно изучали западноевропейские законодательные акты, в том числе и Habeas Corpus, откуда и заимствовали ряд положений. «В проекте ж, составленном и подносимом здесь вашему императорскому величеству, — пишут они Александру I в своей докладной записке от 12 августа 1801 года, — мы, держась вообще человеколюбивых ваших намерений, старались также заимствовать из разных узаконений, существующих в Европе, поколику они могли согласоваться с настоящим состоянием России, пространностию и многочисленностию народов в ней обитающих. Счастливыми себя сочтем, естли хотя частью могли вы-

⁹¹ Обе записки находятся в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ф. 1409, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 149, бумаги архива собственной его имп. вел. канцелярии). К первой записке приложен проект «Грамоты российскому народу», написанный на французском языке (лл. 10—18) и озаглавленный «Articles ou materiaux qui peuvent servir à la confection d'un édit ou manifeste privileges, franchises etc.» («Статьи или материалы, годные служить для указа или манифеста о правах, преимуществах и т. п.»), далее приложены замечания (лл. 19—27), также на французском языке, на проект «Грамоты», озаглавленные «Observations et remarques sur les articles, qui doivent servir à la confection d'un édit ou manifeste de privileges franchises etc. etc.» («Наблюдения и замечания к статьям, которые должны служить для составления указа или манифеста о правах и преимуществах и т. п. и т. п.»).

⁹² В. П. Семенников в Радищев, стр. 172.

полнить пред вами возложенное на нас, подвергая все оное высочайшей вашей воле и благоусмотрению».⁹³

Ничего не говорят в пользу гипотезы Семенникова и те примеры, которые он почерпнул из анализа языка и стиля Радищева. В области деловой и политической прозы Воронцов, Кочубей, и Новосильцев писали таким же языком, каким писал и Радищев. То, что Семенников принял за индивидуальные особенности языка и стиля Радищева, в действительности было общей нормой, свойственной русскому литературному языку конца XVIII века.

В собрании А. Р. Воронцова сохранился в писарьской копии отзыв Радищева. Написан он на 16 страницах синей бумаги и подшит вместе с другими рукописными трудами Радищева. Отзыв озаглавлен «О десятилетней давности». Он относится не ко всей «Грамоте», а лишь к одной из ее статей, которая в первоначальном проекте значится под № 7, а во второй редакции, опубликованной Семенниковым, — под № 9. Как и любой другой документ, исходящий от Радищева, этот отзыв имеет для нас большую ценность.

В статье 7 «Грамоты» подтверждается указ 1787 года о десятилетней давности в судебных делах. В статье сказано: «Подтвердить и возобновить еще силу указа 1787-го года, коим восстанавливается и утверждается срок 10-ти летной права давности для всякого преступления как по гражданской, так и по уголовной части; итак отныне впредь всякое преступление, какого бы роду не было, о коем не оглашено было в течение 10-ти лет, не подлежит уже ни к какому розыску, ни справки, но будет почитаться по законам яко не существующей».⁹⁴

Исследователи, изучавшие проект «Грамоты», не обращали должного внимания на статью 7. Никто не отметил, какие стороны российской действительности отражала эта статья и чем было обусловлено включение ее в проект «Грамоты». В связи с обнаружением отзыва Радищева на указ о десятилетней давности в судах важно понять также и то, почему он придал столь большое значение названному указу.

В этой статье вновь была сделана попытка прекратить бесконечные тяжбы между помещиками, которые часто длились по 40 лет и более. Такие тяжбы загромождали суды, порождали взяточников, плодили подлоги и другие преступления. О том, насколько широко были распространены такие тяжбы и связанные с ними преступления, красочно повествует русская сатирическая литература XVIII века.

Большой материал для комедии «Ябеда» дал В. В. Капнисту судебный процесс по спорным именьям, тянувшийся между Кап-

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 149, лл. 2—3.

⁹⁴ А. Н. Радищев. Материалы и исследования, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 78.

нистами и полковницей Феклой Тарновской с 1777 по 1801 год. «Досады, — писал Капнист Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, — которые мне и многим другим наделала ябеда, причиною, что я решился осмеять ее в комедии».⁹⁵

Семья Радищевых также имела аналогичный судебный процесс с сенатором Д. Ф. Козловым, который в общей сложности тянулся 44 года.

Сам А. Н. Радищев незадолго до смерти писал об этом процессе родителям: «Дело с Козловым еще не шевелится, неизвестно, когда будет докладывать. Дай бог, чтобы вы конец его могли видеть».⁹⁶

В своем отзыве Радищев дает отрицательную оценку указу 1787 года о десятилетней давности, который полностью подтверждается в «Грамоте российскому народу». Признавая попытку положить «преграду тяжбам и судейским волокитам бесконечным» полезной, он считал, однако, что средства, перечисленные в названном указе, являются неудовлетворительными.

Радищев указывает, что дела долго затягиваются в судах не по вине просителей, а потому, что судьи больше думают о собственной выгоде, чем о восстановлении законных прав. И правительство тоже плохо защищает интересы обиженных. Говоря о многолетних хождениях по судам, он пишет: «В разуме судящих нашеством (т. е. хождением по судам, — Д. Б.) дела ни остановить, ни ускорить. Не упомянем здесь о убеждениях, усильных просьбах, подкреплениях и покровительствах. Важности закона сие противно, правосудию гнусно. Всякое убеждение судящего ласково, приветствием, раболепством или чем другим нарушает святость закона, и судья, внявши токмо гласу таковому, стал уже изменник своєї клятвы».

Довольно подробно осветив процесс Радищевых с Козловым, Радищев показал на материале хорошо знакомого ему процесса несостоятельность указа о десятилетней давности. В заключительной части отзыва он пишет: «Лучше скажем, что о сроке десятилетнего хождения в случаях, нами приведенных, законодатель воли своей не объяснил». Копию отзыва Радищев дал А. Р. Воронцову.

Указ о десятилетней давности был предметом специального обсуждения в кружке составителей проекта «Грамоты». Мнения составителей «Грамоты» по данному вопросу разошлись. Новосильцев настаивал на том, чтобы по делам уголовным срок давности был продлен с 10 до 15 лет. «Существуют два указа Екатерины Великой, — заявлял он, — которые определяют срок давности как гражданского, так и уголовного преступления в 10 лет. Но хотелось бы знать, явилось ли следствием достаточно зрелых размышлений

⁹⁵ В. В. Капнист, Собрание сочинений в двух томах, редакция, вступительная статья и примечания Д. С. Бабкина, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 440.

⁹⁶ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 535.

определение срока давности одинаковой длительности за преступления, такие различные по своей природе, или это сделано только с целью единообразия. В последнем случае преимущество, которое достигается этим единообразием, несомненно недостаточно велико для того, чтобы помешать сделать различие и продлить срок давности за преступление уголовному преступнику еще на 5 лет».⁹⁷

Предложение Новосильцева предоставляло правительству право по своему усмотрению продлевать срок наказания осужденным за политические выступления крепостным крестьянам. В условиях самодержавно-крепостнического строя среди осужденных по уголовным делам большинство наказано за неповиновение власти помещиков.

Воронцов не согласился с предложением Новосильцева и оставил 7-ю статью в той формулировке, которая соответствовала указу 1787 года. Отзыв Радищева им совсем не был принят во внимание. Однако Радищев продолжал отстаивать и развивать свои мысли, изложенные в отзыве. В записке «О законоположении», написанной несколько месяцев спустя, он возвращается к вопросу о десятилетней давности по гражданским и уголовным преступлениям.

Радищев с одобрением говорит о существовавшем у Фридриха II намерении не затягивать процесс судопроизводства более одного года. «Фридрих, — пишет он, — обнаживший в деле мельника Арнольда упрямство преступное, не тот был Фридрих, который, поставив Кокцея канцлером, велел ему удушить, так сказать, гидру ябеды изданием нового уложения и сокращением обряда судопроизводственного, назначив оным срок кратчайший, срок однолетний».⁹⁸

Знали или нет о позиции Радищева члены Негласного комитета, обсуждавшие проект «Грамоты российскому народу»? Из протоколов комитета этого не видно, но из отзыва П. А. Строганова ясно, что члены Негласного комитета следили за тем, что писал Радищев. Спустя несколько месяцев после смерти Радищева, 6 февраля 1803 года, Строганов писал Каразину: «Я вас благодарю сердечно за отрывок сочинений г-на Радищева, который вы мне присылаете. Я его прочту с вниманием. Что же касается до вчерашнего разговора, вы напрасно приняли то за насмешку. Но действительно нельзя было согласиться с началами, г-ном Радищевым приведенными. Нет сомнения, что он был исполнен рвением к добру, но, судя по вчерашнему отрывку, мне кажется, он не взял в етом деле истинный путь».⁹⁹

⁹⁷ Русский архив, 1908, кн. 2, приложение «Сборник исторических материалов», стр. 16 (документ писан по-французски).

⁹⁸ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 148—149.

⁹⁹ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Погодинские автографы, ф. 588, ед. хр. 161.

О каком сочинении Радищева здесь идет речь, сказать трудно. Возможно, что В. Н. Каразин имел не одну, а ряд рукописей Радищева. П. А. Радищев писал, что его отец вверил Каразину для прочтения проект «Гражданского уложения» и что Каразин не вернул ему рукопись этого труда.¹⁰⁰

П. А. Строганов называет сочинение Радищева «отрывком». Видимо, речь шла не о «Проекте Гражданского уложения», а о каком-то другом произведении писателя. Важно отметить также имеющиеся в письме Строганова слова о том, что Радищев шел по-прежнему своим путем и что этот путь не казался правильным членам Негласного комитета, готовившим по заданию Александра I проект коронационной грамоты. Это лишний раз свидетельствует, что Радищев не мог быть привлечен к составлению «Грамоты российскому народу».

Радищев не мог быть и редактором «Грамоты российскому народу». Редактирование «Грамоты», дополнение ее новыми статьями проходило при ее обсуждении в Негласном комитете. Это обсуждение подробно освещено П. К. Бонташом. П. К. Бонташ пишет: «Воронцовские пункты обсуждались на двух заседаниях Негласного комитета. Одновременно обсуждались и замечания на эти пункты, составленные особой комиссией и написанные от ее имени Новосильцевым. Состав этой комиссии в протоколах Негласного комитета не указан, но, по-видимому, в ее состав входили все „молодые друзья“, так как Строганов называет представленные ею замечания „нашими замечаниями“».¹⁰¹

Утверждение П. К. Бонташа об «особой комиссии», от лица которой Новосильцев составил замечания на воронцовские пункты, неточно. Никакой особой комиссии не было. Новосильцев составил замечания от своего имени. Но это не столь важно.

Почему же Новосильцев, один из составителей «Грамоты», вдруг решил сделать на него особые замечания?

Среди составителей «Грамоты» не было единомыслия по целому ряду вопросов, чем и объясняются замечания Новосильцева, явившиеся предметом особого обсуждения на заседаниях Негласного комитета.

У Воронцова также были свои замечания по проекту «Грамоты». Из его записки к Александру I видно, что он добивался включения в «Грамоту» таких пунктов, которые предусматривали бы льготы для крестьян, для тех, «трудами которых все надобности государственные удовлетворяются».

Пожелания Воронцова не были приняты во внимание Александром I и даже не были поставлены на обсуждение его «молодых друзей». Все поправки, внесенные в первоначальный текст «Грамоты», были выработаны при обсуждении замечаний Ново-

¹⁰⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 97.

¹⁰¹ П. К. Бонташ, А. Н. Радищев и вопрос об авторстве Грамоты российскому народу, стр. 122.

сильцева. Воронцов не имел никакого отношения к этому и даже вообще не был приглашен Александром I на заседания Негласного комитета, на которых обсуждался представленный им проект. В этот период Александр I, еще совсем недавно поручивший Воронцову составить проект коронационной грамоты, почему-то вдруг резко охладил к нему. Это не прошло незамеченным в кружке «молодых друзей». В конце заседания 15 июля 1801 года, на котором обсуждался проект «Грамоты», в защиту А. Р. Воронцова выступил А. А. Чарторижский. Возникла полемика.

Вот запись этой полемики, сделанная графом П. А. Строгановым: «Видно, что неблагоприятное государя к проекту графа А. Р. Воронцова распространилось и на самого его составителя; по крайней мере Чарторижский, заметив это, сказал в заключение заседания: „Желательно было бы, чтобы государь почаще видался с Воронцовым и совещался с ним почаще; хотя Воронцов стар, но идеи его молоды, и притом он не держится старых предрассудков“. Император возразил, что он с ним видится; но что хотя Воронцов кажется свободным от старых предрассудков, однако упорно держится своих идей, одним словом, что он не имеет о графе Воронцове того понятия, какого от него желают. Чарторижский не соглашался с государем и заметил, как опасно оскорблять такого человека, как Воронцов».¹⁰²

Недоброжелательное отношение Александра I к политическим взглядам А. Р. Воронцова, проявившееся на заседаниях Негласного комитета, привело к тому, что в обсуждении проекта «Грамоты» Воронцов не участвовал и потому не мог, разумеется, рекомендовать недовольному им монарху привлечь к редактированию своего друга Радищева.

Изучение документальных данных приводит к выводу, что Радищев не принимал никакого участия в составлении и редактировании проекта коронационной грамоты.

4

После возвращения из ссылки Радищев ищет сближения с литературной молодежью. Большинства членов Общества друзей словесных наук уже не было в Петербурге, и трудно было рассчитывать на то, чтобы вновь собрать их. Правда, у бывшего секретаря Общества М. И. Антоновского возник план продолжить издание журнала «Беседующий гражданин», но советовался ли он об этом с Радищевым, неизвестно.

Осенью 1801 года, приехав на коронацию Александра I в Москву, Радищев печатает в типографии Московского университета стихотворные повести своего сына Николая «Альоша По-

¹⁰² Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов, т. I, стр. 101.

пович» и «Чурила Пленкович». В эти месяцы он знакомится со студентами университета, ищет среди них способных к литературному труду.

За время работы в Комиссии составления законов Радищев устанавливает с некоторыми служащими этой Комиссии дружеские отношения, приглашает их к себе на квартиру. Среди них, так же как в свое время среди сослуживцев Радищева по Петербургской портовой таможне, образуется довольно спаянная группа лиц, объединенная общим стремлением к общественному благу.

Посетители вечеров Радищева — преимущественно молодые люди, сверстники его сыновей. Это новое поколение, подросшее за время пребывания Радищева в ссылке. Молодые люди жадно слушают его рассказы. Такие встречи приобрели характер постоянно действовавшего кружка. Послушать знаменитого писателя приходили не только его сослуживцы по Комиссии составления законов, но и писатели, публицисты, входившие в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, и др.

Среди лиц, часто посещавших Радищева в эти годы, были, как указывает его сын, Бородавицын, Брежинский, Пнин, Каразин. Эти молодые люди, пишет П. А. Радищев, слушали «его с большим любопытством и вниманием».

П. А. Радищев указывает не всех лиц, посещавших вечера его отца. На этих вечерах никаких записей не велось, и сведения об их посетителях приходится черпать из разрозненных, случайных источников. Установить более или менее полный круг лиц, бывавших у Радищева, пока не удалось.

Об Иване Сергеевиче Бородавицыне сохранились краткие сведения лишь в делах Комиссии составления законов.

В прошении об отставке он сообщает о себе следующие сведения:

В воинскую службу вашего императорского величества вступил я из российских дворян в 1788-м лейб-гвардии в Преображенской полк сержантом. Из оного в 1797-м по высочайшему приказу произведен в армию прапорщиком и определен в Смоленской мушкетерской полк. В 1800-м июня 8-го именным высочайшим же указом переименован к статским делам городовым секретарем. И того ж года сентября 13-го определен в канцелярию генерал-прокурора, а декабря 28-го произведен в титулярные советники; в коем чине и переведен из канцелярии генерала-прокурора в Комиссию о составлении законов Российской империи. Чувствую же себя не в состоянии более продолжать службу за болезнью, о коей в удостоверение прилагаю при сем данное мне сего генваря от штаб-лекаря свидетельство.¹⁰³

В приложенном свидетельстве сказано:

1804 года генваря дня я, нижеподписавшийся придворной конюшенной конторы штаб-лекарь Гейснер, сим свидетельствую, что служащий в Комиссии о составлении законов титулярный советник Иван Сергеев сын Бородавицын

¹⁰³ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 33, л. 130.

обдержим болью в груди и разными болезненными припадками, которого я пользовал, но скорого от болезней его излечения не предвидится, в чем сие за подписанием моим и дана. Иван Гейснер.¹⁰⁴

В решении Комиссии об увольнении Бородавицына от службы записано:

Оной Бородавицын из дворян, за отцом его в Смоленской и Орловской губерниях мужеска полу крестьян 2000 душ; от роду ему 29-ть лет.

В конце сказано, что Бородавицын служил в Комиссии переводчиком, перед увольнением занимался переводами на русский язык польских законов.¹⁰⁵

После увольнения из Комиссии он уехал в Смоленскую губернию. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Андрей Петрович Брежинский происходил из мелкопоместных дворян Малороссийской губернии, он рано ушел на военную службу, но чинов не выслужил. С мая 1801 года служил в Комиссии составления законов на таком же скромном жалованьи, как и Бородавицын, — 300 рублей в год.

19 октября 1803 года, Брежинский, не удовлетворенный службой в Комиссии составления законов, подал прошение об увольнении. В этом прошении он сообщает о себе следующие сведения:

В службу вашего императорского величества вступил в Артиллерийский и инженерной шляхетской кадетской корпус кадетом 785-го мая 29-го; из оного выпущен в армию в Сибирский драгунской полк прапорщиком 795-го января 24-го; переведен в Ширванской мушкетерской полк 797-го марта 1-го, произведен подпоручиком 798-го марта 3-го; по высочайшему приказу находился адъютантом при инспекторах: генерал-лейтенанте и кавалере князе Горчакове 798-го, и потом при генерал-лейтенанте Нефедьеве 799-го; произведен поручиком 799-го ноября 3-го; по прошению от воинской службы отставлен 799-го ноября 9-го. По прошению, поданному генерал-прокурору, определен в Комиссию составления законов, с оставлением при исправлении дел в канцелярии его; 801-го февраля 24-го из канцелярии поступил в Комиссию того же мая 1-го!¹⁰⁶

В аттестате, выданном по случаю увольнения из Комиссии, сказано: «Оного губернского секретаря Брежинского по объявленному ево прошению для определения к другим делам из Комиссии уволить с аттестатом, в котором написать, что он, Брежинской, из дворян, за отцом ево состоит Малороссийской губернии Сосницкаго уезда в разных селах 138 душ. . . В штрафах не бывал, повышения достоин, чего ради, выключая его из списка комисских чиновников, подлежащее жалованье из трехсот рублевого оклада. . . выдать из положенной на жалованье Комиссии суммы».¹⁰⁷

О дальнейшей деятельности Брежинского сведений не сохранилось. Известно только, что в 1816 году он жил в Астрахани.

¹⁰⁴ Там же, л. 131.

¹⁰⁵ Там же, л. 132.

¹⁰⁶ Там же, л. 104.

¹⁰⁷ Там же, лл. 107—108.

Из других сослуживцев Радищева по Комиссии составления законов, которые постоянно поддерживали с ним дружеские связи, следует назвать еще Прянишникова и Тимковского.

Иван Данилович Прянишников был моложе Радищева на три года. В 1770-х годах он служил с Радищевым в Сенате.¹⁰⁸ В молодые годы они вместе начинали литературную деятельность в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг». В 1781 году Прянишников в связи с назначением его председателем Пермского верхнего земского суда уехал из Петербурга в Пермь. С 1785 года он служил в Перми председателем Гражданской палаты.

В 1797 году, когда Радищев возвращался из сибирской ссылки, Прянишников оказал ему теплый сердечный прием. Он оставил его у себя в доме на несколько дней, проявил большую заботу о его дальнейшем пути в Россию. Радищев за 10—15 мая 1797 года записал в дневнике: «Пробыв в Перьми с немалым удовольствием в дому И<вана> Д<аниловича> и получив письма, согласился плыть по Каме до Лаишева».¹⁰⁹

В 1801 году друзья встретились в Петербурге. У них был общий покровитель А. Р. Воронцов, который в течение многих лет поддерживал с Прянишниковым дружескую переписку. Так, Прянишников писал Воронцову 12 августа 1796 года: «Сиятельный граф, милостивый государь! За долг мой почитаю принести вашему сиятельству живейшую благодарность за объявленные ко мне благоволение и расположение оказать на самом деле. Позвольте ускорить исполнение вашего сиятельства желание и удовольствие; посылаю при сем те книги, для покупки которых изволили взять записку. У книгопродавцев здесь их нет, а как я на сих днях еду в Петербург, то могу там купить; между тем, читая етот ouvrage, я уверен проведете часы с удовольствием, когда вздумаете им заняться».¹¹⁰

Воронцов продолжал оказывать свою поддержку Прянишникову и Радищеву в период совместной работы в Комиссии составления законов, куда они были приняты по его рекомендации. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к статс-секретарю Александра I Д. П. Трошинскому, в котором он просит представить Прянишникова и Радищева к повышению в чинах: «Естли будут заготовлять указы о произведениях в чины по случаю коронации, я бы вам обязан был, когда б выходили производство господину Прянишникову, которому следующей чин давно следо-

¹⁰⁸ См.: Русский биографический словарь, т. Притвиц—Рейс. СПб., 1910, стр. 107.

¹⁰⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 287.

¹¹⁰ Институт истории АН СССР (Ленинградское отделение), собрание Воронцова, № 1182, л. 145.

вал, да Александра Николаевича Радищева, который в прежнем чине коллежского советника с 1783 году».¹¹¹

В Комиссии составления законов Прянишников и Радищев по ряду важнейших вопросов писали согласованные мнения.

Иван Федорович Тимковский окончил Московский университет в 1801 году. В университете он зарекомендовал себя способным человеком, хорошо овладевшим иностранными языками.

Радищев познакомился с Тимковским, когда приехал в Москву в связи с коронацией Александра I. Тимковский произвел на него хорошее впечатление. После бесед с ним Радищев предложил ему поступить переводчиком в Комиссию составления законов. Тимковский согласился, и в начале 1802 года переехал в Петербург.

В делах Комиссии составления законов сохранилась записка, написанная рукою Радищева, в которой он следующим образом рекомендует Тимковского: «По приложенному при сем аттестату из Московского императорского университета, данному студенту Ивану Тимковскому, удостоверяющему о знаниях его в языках иностранных, я предлагаю оного студента Тимковского, в сходственность его желания, определить в оную комиссию переводчиком, с жалованием по четыреста по пятьдесят рублей на год».¹¹²

На основании этой рекомендации Радищева Тимковский был зачислен в штат Комиссии составления законов. В дальнейшем Тимковский вошел в полное доверие Радищева. В августе 1803 года он уволился из Комиссии составления законов и поступил секретарем к А. Р. Воронцову. Спустя несколько лет Тимковский скончался.

Личность следующего посетителя кружка Радищева — Ивана Петровича Пнина, одного из видных деятелей Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, обстоятельно освещена в книге В. Н. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов» (М., 1953).

П. А. Радищев, хорошо знавший Пнина, рассказывает о нем следующее: «Иван Петрович Пнин в 1802 году был еще молодой человек 30 лет, даровитый, деятельный и то, что тогда принято называть вольнодумцем. Он умер 17 сентября 1805 года от чихотки. Он писал стихи, издавал в 1798 году „С.-Петербургский журнал“ (4 части) и написал небольшое сочинение, сделавшееся очень редким, „Опыт о просвещении относительно России“ (СПб., 1804), которое проникнуто философическими идеями того времени. На эту книгу сделан был донос, как на опасную. Книгу запретили».¹¹³

И. П. Пнин был очень любим в семье Радищевых. Об этом свидетельствует горячий отклик Н. А. Радищева на смерть Пнина, где он говорит:

¹¹¹ Там же, № 1172/961, л. 63.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 43. л. 27.

¹¹³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 100.

Что вижу! Пнин, мой друг любезный!
Во цвете лет ты смерть вкусил;
Пролейся ток горчайший, слезный,
Во гробе тот, кто сердцу мил.¹¹⁴

Из людей, близких к Радищеву в последние годы жизни, надо особо остановиться на Василии Назаревиче Каразине.

П. А. Радищев писал о нем: «Лица, посещавшие его во время последнего его пребывания в Петербурге, были: Каразин, о котором выше сказано, что он взял для прочтения рукопись „Проекта Гражданского уложения“ и не возвратил ее, говоря, что кому-то препоручил для доставления, а тот, вероятно, потерял; Василий Назаревич Каразин уверял, что имеет некоторое влияние при дворе и доступ к одной высокой особе, много обещал Радищеву, но это были одни слова... Он-то (т. е. В. Н. Каразин, — Д. Б.) уничтожил „Гражданское уложение“, как сказано выше; кажется, что идеи Радищева не согласовывались с его мнениями».¹¹⁵

Высокого мнения о Каразине был А. И. Герцен. Он назвал его «неутомимым работником на общую пользу», человеком, «бравшимся за все и за все с необыкновенной энергией, толкавшегося во все двери и встретившего везде отпор, препятствия и невозможность в этой среде произвести что-нибудь путное».¹¹⁶

Герценовскую характеристику Каразина В. Г. Базанов назвал «односторонней». «Односторонность герценовской характеристики Каразина, — пишет он, — объясняется тем, что Герцен знал о Каразине, как о деятеле дворянского либерализма, как о русском маркизе Позе; что касается явной неприязни к идеям декабристов и Пушкина, то об этом втором Каразине Герцен ничего не знал и не мог догадываться».¹¹⁷

В. Г. Базанов указывает, что имеющиеся материалы заставляют видеть в Каразине политического доносчика, враждебно относившегося к демократическим идеям, ненавистника декабристов.¹¹⁸

А. В. Предтеченский утверждает, что в 1810-х годах Каразин выступал информатором «полицейских органов» об антиправительственных настроениях, существовавших в Вольном обществе любителей российской словесности.¹¹⁹

О том, что Каразин одно время был тайным агентом Александра I, известно давно. Так, сослуживец Каразина по Мини-

¹¹⁴ Поэты-радищевцы. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Вл. Орлова. Библиотека поэта. Изд. «Советский писатель», Л., 1952, стр. 386.

¹¹⁵ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 99.

¹¹⁶ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 16, М.—Л., 1959, стр. 39—40.

¹¹⁷ В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 163.

¹¹⁸ Там же, стр. 162—217.

¹¹⁹ А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.—Л., 1957, стр. 337.

стерству народного просвещения В. И. Ярославский, рассказывая о том, каким образом Каразин стал известен Александру I, пишет: «По восшествии на престол Александра, поставлен был при главном входе во дворец ящик для сложения просьб. В. Н. Каразин, изложив на бумаге все деяния Петра I и Екатерины II, чрез которые они сделались великими, в заключение сказал, что тебе, Государь, остается распространить просвещение, чтоб сравняться с ними. Эту неподписанную бумагу отважился он положить в тот ящик. Государь, прочтя ее, сказал с ласковым видом, что желал бы лично видеть сочинителя этой бумаги. По почерку узнали, что ее писал Каразин; потребовали от него признания и представили его государю. Видя бойкость его ответов, государь из титулярных советников прямо пожаловал его в коллежские советники. Он позволил ему секретно ходить в кабинет и доносить обо всем, что он узнает противузаконного».¹²⁰

Можно, однако, смело утверждать на основе имеющихся материалов, что в 1801—1802 годах, когда Каразин посещал кружок Радищева, он был не тем, чем он стал в конце 1810-х и в 1820-х годах.

В начале 1800-х годов Каразин с большим сочувствием относился к демократическим идеям Радищева. Из неопубликованных писем А. Р. Воронцова к Д. П. Трошинскому видно, что в освобождении Радищева из ссылки большую роль сыграли статс-секретарь Александра I Трошинский и начальник его канцелярии Каразин. Указ, по которому был амнистирован Радищев, подготовил и представил на подпись Александру I Трошинский. В подготовке этого указа Каразин принимал непосредственное участие, собирая сведения о лицах, подлежащих амнистии; кто из них, когда и за что был осужден, куда выслан, где содержится. А. Р. Воронцов писал Трошинскому 3 апреля 1801 года: «За помещение Ивана Григорьевича Долинского (бывшего секретаря Комиссии о коммерции, — Д. Б.) на прежнее место свидетельствую мою признательность, а [также] и за свободу Александра Николаевича Радищева».¹²¹

Получив полную амнистию, Радищев «воспользовался ею (свободой, — Д. Б.), чтоб тотчас ехать в Петербург благодарить великодушного монарха».¹²² При этом Радищев, несомненно, не мог не выразить признательности и тем лицам, которые участвовали в подготовке указа об его освобождении. По-видимому, именно на этой почве в апреле 1801 года и состоялось знакомство Радищева с Каразиним.

¹²⁰ Еще о В. Н. Каразине (из воспоминаний В. И. Ярославского). Харьковский сборник, вып. 1. Харьков, 1887, стр. 65.

¹²¹ Институт истории АН СССР (Ленинградское отделение), собрание Воронцова, № 1172/961, л. 11. Разрядка моя, — Д. Б.

¹²² Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 44—46.

В сентябре того же года Радищев и Каразин ездили в составе специальной комиссии в Москву на коронацию Александра I, где они могли встречаться ежедневно.

Каковы настроения и политические взгляды Каразина в это время? Почему Радищев стал часто принимать его и, более того, вручил ему рукопись своего проекта гражданского уложения?

Общественное лицо Каразина тех лет проявилось в начатом им деле против калужского губернатора Д. А. Лопухина.

Каразин, получив позволение «секретно ходить» в кабинет Александра I и «доносить обо всем, что он узнает противузаконного», понял это по-своему. Его информация этих лет была целиком направлена против тех, кто, по его словам, своими «вопиющими беззакониями», «наглостью и мздоимством» заставлял страдать тысячи неповинных людей. Каразин и обличал такие беззакония. Самого Александра I он в высшей степени идеализировал, суд его называл судом божим на земле.

В сентябре 1801 года он передал Александру I через подставное лицо анонимное письмо, в котором он с большой смелостью обличал злодеяния Калужского губернатора Лопухина. В этом письме он не пощадил и своего непосредственного начальника — Д. П. Троицкого. Вот начало этого гневного письма.

Всемиловнейший государь!

Восходя на прародительский свой престол, клялся ты, августейший монарх! пред таковым же всевышнего судить люди его в правду, итак суд твой есть суд божий, равен для великого и малого!

Всемиловнейший государь! воззри на страдания вопиющих несколько сот тысяч жителей Калужской губернии, наглостию и мздоимством гражданского губернатора Лопухина угнетаемых, и обрати внимание твое на избавление их. Предосудительная наглость начальника сего извещена уже была величеству твоему, но родственники Лопухина светлейший князь Петр Васильевич и их превосходительствы обер-гофмейстер Тарсуков и сенатор Новосильцов, имея связи с господами генерал-прокурором Беклешовым и статс-секретарем Троицким, хитростями своими обратили истину сию пред священным лицом твоим в иной вид так, что представляющие оную пострадали, а пронырство, мщение и мздоимство восторжествовали.

Я не стану мелочные взятки, идущие к губернатору чрез секретаря и любимца его Гужова (который приехал с ним в Калугу в одном поношенном мундире и купил уже теперь несколько сот душ крестьян) описывать, а донесу только о нижеследующем.¹²³

Далее Каразин описывает преступления губернатора Лопухина, подкрепляя свое описание конкретными фактами, которые им были собраны у жителей Калужской губернии. Он пишет:

1-е. Во время царствования августейшего твоего родителя, когда светлейший князь Лопухин играл при дворе его важную ролью, тогда однофамилец его реченный Калужской губернатор призывает к себе помещика той округи и

¹²³ Это письмо, написанное рукой В. Н. Каразина, находится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ф. 96. оп. 9, № 5, лл. 111—112); отрывки из этого письма приводятся по указанному тексту. До сих пор письмо не опубликовано.

заводчика Ивана Гончарова, выпрашивает у него на вексель свой двадцать тысяч рублей, и по сближении срока приезжает сам к нему в деревню, устраивает его фавёром своим, обещает кибитку и Сибирь, если он не уничтожит векселя и не даст ему еще двадцати пяти тысяч рублей. Робость Гончарова и строптивное тогдашнее правительство заставляют его выполнить неистовое требование сие с принудительным заклинанием, что никому он в жизнь свою и сказывать о том не будет.

2-е. Вскоре после такого предприимчивого наглости своей успеха призывает он, Лопухин, к себе Калужского советника Хитрова, человека молодого, худо воспитанного, но богатого. Ругает его публично самозвительными и похабными словами за то, что он проехал чрез деревню его с собаками на охоту, обещает и ему Сибирь. Спешит якобы писать на него небыллицу к государю императору! И тогда же подсылает креатуру своего миритца, и берет за то с него пятнадцать тысяч рублей.

Потом 3-е. В счастливые твоё, всемилостивейший монарх! для подданных царствование просит он у купца и заводчика железных [заводов] содержателя Засыпкина большую сумму займа денег без отдачи (ибо малое его недвижимое имение заложено в банке, а долгу на нем несть числа) и, получая отказ, посылает полной земской суд на завод его, а сей печатывает контору его и деньги, забирает под стражу правителя, бухгалтера и кассира, объявляя им, что делается сие по секретному предложению господина губернатора. Члены суда живут на заводе восемь дней, свидетельствуют выплавку из домны чугуна, поверяют оной с книгою из Берг-коллегии, конторе данную, и ничего противного закону не находя, истязают нещадно несколько десятков мастеровых, принуждая их клеветать хозяина своего; но и в том не успевая, распечатывают контору, освобождают арестантов и берут с них расписку в получении книг и денег обратно. Засыпкин является к губернатору, просить защиты в обиде ему сделанной; получает ругательства с подтверждением, что он так поступить с ним суду приказал, и впредь притеснять его бесперерывно не оставит.

Наконец 4-е. Вышереченный помещик Хитров убивается тирански людьми своими, и открывается, что произвели они сие по научению родного его брата. Губернатор приезжает к нему в деревню, берет с него тридцать тысяч рублей и закрывает убийство, подводя законом, что показание на господина своего людей принимать не велено; но кровь невинного вопиет к престолу превышнего. Являются посторонние свидетели и обличают изверга в деяниях его.

Каразин обличает в этом письме и духовенство Калужской губернии, которое во взяточничестве не отставало от своего губернатора.

Таковым же мздоимством руководствуется и преосвященный Калужской и Боровской Феофилакт. Всякой посвящающийся им в дьячки должен заплатить ему, кроме консисторских расходов, сто, в дьяконы — двести, в попы — триста рублей. Из чего и выводится, что семинаристы, достигшие в науках до вышних классов и при добром поведении своем без денег остаются праздными, а глупцы причетники сельские и невежды, имеющие деньги, поступают на места им принадлежащие, в священнические саны без разбору...

Вспресвятлейший монарх! вонми гласу моления тысячам страдальцев и избавь невинность от несносного ее угнетения; а мне позволь скрыть имя свое, дабы не быть жертвою мщенья вышеупомянутых вельмож. Открыть же истину доносимого мною весьма удобно, если только благоизволишь послать тайно в губернию сию чиновника, в справедливости и в беспристрастии испытанного, и повелишь ему разведать, не подавая и виду к исследованию о том, ибо в противном случае, кой час явится форма суда, то не осмелятся и вынужденные датели взятки объявить себя, ведая, что строгость закона повернет и их в одинаковое с преступниками наказание! Но если губернатор сменен будет, то нет сомнения, что тогда избавившиеся опасности мщенья его заговорят и все правду без утайки.

В заключение Каразин говорит о себе, выдавая себя за отставного военного:

В прочем я дворянин, но совсем не Калужской губернии, следовательно, ни по деревням, ни лично от начальника оной оскорблен не был, а путеводим только соболезнованием к соотчикам моим, ибо служил я отечеству со шпагою более сорока лет, раны мои доказывают, что я славу его защищал с похвалою, и умру благоговей к высочайшей особе твоей всеподданнейшим.

По делу Лопухина была создана, согласно рескрипту Александра I, специальная комиссия во главе с сенатором Г. Р. Державиным. Каразин сделал для Державина копию приведенного письма; кроме того, он ознакомил с ним А. Р. Воронцова и привлек его на свою сторону в этом деле. Воронцов, прочтя доклад Державина по делу Лопухина, признал обличения Каразина справедливыми и сделал к докладу несколько замечаний, усиливших обвинения. Державин в письме к Воронцову от 22 июля 1802 года благодарил его.

За усердную службу Каразин был награжден орденом Владимира четвертой степени. К награде он был представлен А. Р. Воронцовым.

Через А. Р. Воронцова Радищев, несомненно, получал полную информацию о роли Каразина в деле Лопухина. Лопухин был хорошо известен Радищеву. Живя в Немцове, Радищев мог слышать разговоры о Лопухине от многих лиц. В частности, упоминаемый Каразинным заводчик Иван Гончаров был родственником Радищева. «Гончаров, мой дальний родственник, знаменитый своей парусиной, живет в 40 верстах», — писал он А. Р. Воронцову из Немцова. Радищев ездил из Немцова в Калугу, где у него были родственники и знакомые, от которых он также мог слышать разговоры о Лопухине. «В Калуге, — пишет он Воронцову в письме от 6 ноября 1797 года, — встретил родственников, с которыми не был знаком, среди других прокурора Бахметьева».¹²⁴

Произвол Лопухина и его предшественника губернатора В. П. Митусова Радищев испытал на себе: надзор за ним осуществлялся калужскими властями в самой грубой форме.

О Лопухине Каразин, по-видимому, беседовал с Радищевым еще в Москве, когда они вместе были на коронации и когда он писал письмо к Александру I. Какие-то уточнения Каразин мог получить у Радищева и после возвращения в Петербург.

Однажды Каразин пригласил Радищева к себе через третье (неизвестно какое) лицо, придав этому приглашению официальных характер. Это приглашение было послано, видимо, в 1801 или в начале 1802 года, когда они еще не были близко знакомы. Радищев ответил посланному к нему следующей запиской: «Если бы я мог знать, в которой день и в которое время можно мне ви-

¹²⁴ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 507.

диться с Васильем Назарьевичем, то я за великое удовольствие почту быть у него».¹²⁵

Каразин как тип русского либерального деятеля был давно знаком Радищеву. С дворянскими либералами, наивными мечтателями типа Каразина, толкавшимися в поисках справедливости «во все двери», Радищев встречался и раньше. Об этом свидетельствуют такие художественные образы «искателей правды», как Крестьянкин (глава «Зайцево») и автор «Проекта в будущем» (глава «Хотилово»). В лице Каразина Радищев встретил как бы духовного брата старых героев своей книги, действовавшего в новой обстановке. Это не могло не привлечь его к Каразину.

Чем занимались, какими интересами жили, к чему стремились посетители радищевского кружка?

Почти все, кто у него собирался, были литераторами. Радищев интересовал их не только как смелый политический борец, но и как выдающийся писатель. Для них были интересны его суждения о литературе вообще, ценны замечания об их собственных произведениях.

Андрей Брежинский писал стихи еще до встречи с Радищевым. Некоторые свои стихотворения Брежинский издавал в виде отдельных листков, но тиражи их, по-видимому, были очень малы, и потому эти листовки бесследно затерялись. Д. И. Хвостов, знавший его лично, пишет: «Брыжинский, Андрей Петрович, поручик, обучался в инженерном кадетском корпусе, был инспекторским адъютантом при генерал-лейтенанте князе Алексее Ивановиче Горчакове и, находясь с ним в Сибири, упражнялся с успехом в лирическом стихотворении, помещая по большей части в творения свои картины, ужасы природы изображающие, краю тому свойственные. Он много написал од торжественных и на разные случаи, кои все особливими книжками напечатаны».¹²⁶

Брежинский, судя по сохранившимся его стихам (впрочем, написанное им полностью не выявлено), писал лирические стихотворения, оды, хлесткие сатиры. В «Сатире на три похвальные слова Екатерине II, сочиненные Карамзиным, Захаровым и Храповицким», он едко высмеивает тщеславие и пустословие панегиристов императрицы.

Бессмертная Екатерина!
Зажми свой слух.
Твоей империи три сына,
Имея слабый, низкий дух,
Тщеславный разум, дерзновенный,
И дар и смысл обыкновенный,

¹²⁵ Там же, стр. 535. Приведенная записка Радищева обнаружена в бумагах В. Н. Каразина Ф. Я. Приймой; впервые опубликована в сборнике «Радищев. Статьи и материалы» (Изд. ЛГУ, 1950, стр. 19—25).

¹²⁶ А. Ф. Бычков. О словарях русских писателей митрополита Евгения. Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 5, вып. 1, СПб., 1868, стр. 274.

Полезли смело на Парнасс,
 В разноголосицу завыли.
 Слог Ломоносова забыли,
 Сей посрамили век и нас.
 Один с улыбкою умильной
 Желал дела твои воспеть,
 И слов пустя поток обильный
 Мнил славу Томаса иметь.
 К романам, к пасторальну слогу
 Имея страсть, — скроил эклогу
 И слово «милая» вклеил.
 Твои и лавры, и трофеи,
 И храмы все, и мавзолеи
 Слезою нежной окропил.
 Другой хотел быть Цицероном,
 Как буйвол в дебрях заревел.
 Тяжелым, грубым древним тоном
 Тебе псалом свой прохрипел.
 Твои деяния, щедроты
 И крепость, разум и доброты
 Славянщиной нашипиговал
 И «сице», «абие», и «убо»,
 И «аще», «дондеже», «сугубо»
 Твердя, оригиналом стал.
 А третий, всех попрасть желая,
 И воспаря пополаз, как рак;
 И разум тощий напрягая,
 Явил усердья бедный знак.
 От славянщины удалился,
 И нежностью не прослезился;
 Ни то, ни сию, стал меж двоих:
 Надувшись шведскою войною,
 Он тем лишь прав перед тобою,
 Что речь его коротче их.¹²⁷

Большинство торжественных од Брежинского посвящено Суворову, с которым он был в переписке. Когда Суворов находился в Италии, Брежинский послал ему несколько стихотворений, чем глубоко его растрогал. Суворов ответил ему стихами.

Прага в Богемии,
 17 января 1800 года.

И в холодном краю света
 Есть к наукам жар!
 Благодарность для поэта,
 Вместо лавров будет в дар.
 Пусть в отечестве любезном
 Он Гомером прослышет,
 Будет гражданин полезной,
 В дружбе с лирой да живет.

Князь Александр Итальянский,
 Граф Суворов Рымникский.¹²⁸

На смерть Суворова Брежинский откликнулся взволнованным лирическим произведением. Называется оно: «Россиянин на гробе

¹²⁷ Русская старина, т. 92, 1897, СПб., стр. 316.

¹²⁸ Москвитянин, № 17, 1850, сентябрь, стр. 72.

непобедимого Героя. Лирическая песнь генералиссимусу Суворову». Посвящая это стихотворение сыну полководца, Брежинский пишет:

Мои творения читал и твой родитель,
Возри на музу ты, как твой отец взирал,
Всех благородных чувств будь беспристрастный
зритель,
Движенья я души, глас сердца выражал.
Всходил я на Парнасс без страха и боязни,
Гордясь тем, что я Суворова певец,
Не лавров я ищу — ищу твоей приязни.
Улыбка иль слеза поэзии венец.
Рымникский славою коснулся звездной тверди,
Деяниями он в подсолнечной гремит;
При жизни пел ево, пою ево по смерти,
Что я об нем сказал — потомство повторит.

«Лирическая песнь», по-видимому, не была напечатана, но она распространялась в списках. Это большое произведение, занимающее в рукописи 24 страницы в полный лист (его список хранится в Пушкинском доме (разряд II, оп. 1, № 412). О его содержании и поэтических особенностях можно судить по началу стихотворения:

Стези все лучезарной славы
Пройдя, Суворов кончил век;
Здержал полет орел двухглавой,
Перун сверкнул и лавр поблек!
Уныние везде летает,
В безмолвии весь норд рыдает!
Шумят дремучие леса. . .
Скорбят чужих держав народы;
Зрю в трауре красы природы,
От молний рдеют небеса.
Оденьтесь, Музы, в ризы черны;
Феб, томну лиру мне настрой;
Луч, скройся в сумраки вечерни;
О мысль! — во гробе уж герой! . .
Лежит в тумане шлем пернатый,
Под серым мхом тускнут латы,
Копье заржавлено висит,
Щит желтый лист и сучья кроет,
Вкруг кипарисов ветер воет,
Стучась о камни, меч звенит.
Мои дрожащи, слабы руки
Едва касаются струнам;
Глухие и печальны звуки
Несутся с гулом по гробам.
Их робко эхо повторяет,
Их холодной мрамор выражает;
Невы я слышу жалкий плеск. . .
Вселенна вопль России внемлет;
Луна на бледных тучах дремлет
И в мир роняет слабый блеск.

В «Послании Козловскому» Брежинский говорит о том, что Козловский вышел из низов народа и что достиг высокого ма-

стерства своим исключительным трудолюбием. Брежинский ставит Козловского в пример богатым дворянам, которые проводят жизнь в праздности и потому в большинстве случаев остаются невеждами.

«Послание Козловскому» написано в период знакомства Брежинского с Радищевым. Стихотворение отражает настроения Брежинского, которыми он жил в это время. Опубликовано оно было в журнале «Друг просвещения» (ч. 2, 1805, апрель, стр. 10—17). Привожу здесь его текст по указанному изданию. Стихотворение озаглавлено «Послание к покойному Михаилу Ивановичу Козловскому, императорской Академии художеств профессору, который производил Суворова монумент, на открытие коего при сем была приложена Ода сочинителя сих же стихов. Санкт-Петербург, 1801 года».

Козловской! славный муж, известный по талантам,
Природы нежный сын, любимец кротких Муз,
Невежество презря, смеешься ты педантам,
В своем отечестве изящной вводишь вкус.
Коль Праксителю ты в работах подражаешь,
Коль Фидиаса ты берешь в пример себе,
Коль Михеланжу ты идя во след, блистаешь. . .
То зависть, клевета уж не вредят тебе.
Когда в твоей душе живет искусства Гений,
И в сердце коль твоим Натура зиждет храм,
Ты можешь ли тогда страшиться ложных мнений? . .
Неравенство умов припишем временам.
Уж несколько веков росс внемлет Славы звуки,
Уж несколько веков зрит лавры, плод побед,
Давно ль у нас цветут Художества, Науки?
Историк говорит: не более ста лет.
В Россию Муз призвал законодатель первый,
Премудрость при Петре воссела с ним на трон,
Екатерина нам была самой Минервой
При ней жил в поле Марс, в чертогах Аполлон.
Две Академии, два факела талантов
Могли ли скоро так всю полночь озарить?
Ах! нет. — Довольно есть Пигмеев и Гигантов,
Которы щастьем чтут в дремоте вечной жить.
Есть множество у нас бояр, князей природных,
Есть тысячи дворян, не менее чинов,
Но столько ль для наук любителей свободных?
И для художества как мало знатоков!
Так кто ж прогонит зло, исправит ту ошибку,
Очистит разумы и образует вкус?
Коль узрим истину — Фортуны взгляд, улыбку,
Мы променяем все на взор, усмешку Муз.
Так рано, поздно ли исчезнут предрассудки
И время унесет бельмо с народных глаз.
Коль трудолюбие заменит праздность, шутки,
Мы узрим Пантеон, Ареопаг, Парнасс.
Коль будут в ¹²⁹ Периклы, Меценаты,
Затушит свой фонарь упорной Диоген,

¹²⁹ Пропуск в журнальном тексте.

Пробудится Платон, Горацци, Сократы,
 Восстанет Апеллес, и Зевкс, и Протоген.
 Коль будут Менторы, родятся Телемаки,
 Невежество к стыду лишится гнусных прав
 И с утончением чувств пройдут народны мраки,
 Чернь презрит грубой вкус, смягчит свой жесткой нрав.
 Воскреснет Атика, проснутся в ней пииты
 И к Норду с торжеством придет честь древних стран;
 Рожденные в низости таланты знамениты
 За дарование получают вышний сан.
 Нам греки в том пример: в их блеск, в их просвещение
 С вельможей равен был и раб, творец чудес;
 Художник, как герой, в таком же был почтенье,
 Перо, оружие, кисть там свой имели вес.
 Но в Александра дни зрим век Екатерины.
 Возникнет Греция, возобновится Рим
 И на берегах Невы увидим мы Афины;
 Мысль, руки, дух, сердца одушевятся им.
 Уже до облаков простерлись монументы,
 Потомки их к векам со славою пренесут,
 Сатурн их пощадит и бурны элементы:
 Иноплеменников не нужен ум и труд.
 Луч света уж проник и до народов диких;
 Читит бога камчадал, забыв своих богов.
 Нам Академия дает людей великих
 Святилище искусств взростило уж сынов.
 В Курильских островах увидим земледельцов,
 В Петрополе давно мы зрим Минервы храм;
 Не нужно более из чуждых стран пришельцов,
 Что с хитрым разумом несут обманы к нам.
 Козловский должен быть теперь у всех предметом:
 По боге он второй Суворова творец. . .
 Кто ж я, что громко так вещаю перед светом?
 Кто я? — Вот Музы глас: Суворова певец.
 Певец, — который мог по праву его мыслить,
 И с Каллиопою гласить в трубу дерзал,
 Отважился его все подвиги исчислить,
 Когда он рок, врагов, стихи побеждал.
 Певец, — к которому склонял Суворов взоры,
 Из Марсовых полей своей рукой писал.
 Когда я зрел Китай и зрел Алтайски горы,
 Тогда Герой в войне стихи мои читал.
 Моей он лиры глас внимал в Петровом граде,
 Склоняя слух ко мне, он слабый дар почтил,
 К блаженству моему, и к славе, и к награде
 Он слезы радостны в возмездие мне лил.
 Он плакал. . . О восторг! — вот памятник мне лестный!
 Я из ничтожества отважно восстаю,
 Взошуся выше звезд, зрю шар весь поднебесный. . .
 Горжуся тем и вновь Рымнического пою.
 Героя образ и его священные строки
 Во гробе я моем с собою положу. . .
 Чьи чувства тронул я? — с их глаз извлек я токи?
 О сладостная мысль! Я жребий свой блажу.
 При мраке вечера, близ гордых кипарисов,
 Как будет тень моя вокруг ручья блуждать,
 У праха не узрю хотя Цирцей, Улиссов,
 Но Муза, может быть, придет на гроб стенать.
 Придет, — на мраморе друзей моих там встретит,

Их к сердцу своему с улыбкою прижмет, —
 Над урною в слезах там Геня приметит,
 Облобызав его... она ему шепнет:
 «Сей смертный не вошел в храм Славы лучезарной;
 Но имя доброго не мог он быть лишен;
 Не лавр — сокрыт с ним лист Героя благодарной,
 В словах Суворова не будет он забвен».
 О самолюбие!.. но нам оно всем сродно.
 Я человек, поэт... и я мечтать привык.
 Постыдно ль о себе нам мыслить благородно?
 В ком низкой, подлой дух, не будет тот велик.
 Не будет тот велик и не сужден судьбою
 На сцене мира быть... греметь, блистать в веках.
 Великий Муж всегда беседует с тобою;
 Он телом на земле, но мыслью в небесах.
 Козловской! ты таков, удел твой — слава вечна.
 Коль мог Суворова для россов воскресить,
 Бессмертен ты; невежд жизнь очень скоротечна;
 Они умрут, — а ты в Герое будешь жить.
 Ты будешь жить во всех твоих произведениях,
 Вкруг коих вырастет густой лавровый лес.
 Творец останется всегда в своих твореньях,
 Коль в них его душа, священный дар небес.

Другие стихотворения Брежинского, написанные в период его близости к Радищеву, по-видимому, не сохранились. Известно, что он писал стихи вплоть до 1820-х годов. Из письма Г. Р. Державина к Брежинскому в Астрахань от 28 февраля 1816 года видно, что Брежинский сочинял небольшие пьесы и участвовал в любительских спектаклях в доме Державина. «Без вас, — пишет Державин, — театр наш не существует, и все известные музы что-то очень стали подхолозны».¹³⁰

Иван Прянишников начал литературную деятельность еще в «Собрании, старающемся о переводах иностранных книг». Им были переведены для этого «Собрания» эпическая поэма Лукана «Фарсальская брань» («Фарсалия») и «Географический словарь» Вождена.¹³¹

В 1774 году Прянишников издал «Переводы из творений Жана-Батиста Руссо и г. Томаса». В книжку были включены стихотворные переводы Ломоносова и Сумарокова оды Жана-Батиста Руссо «На фортуна» и прозаический перевод этой оды, сделанный Прянишниковым. Со стороны молодого писателя это было довольно смелое соревнование в искусстве перевода с прославленными поэтами. В предисловии Прянишников писал: «Любящие стихи и прозу могут видеть вдруг три перевода. Переводя сию оду, много раз исторгала робость из рук моих перо, мысленно себе представляя, коль великие мужи ревнованием поощрен-

¹³⁰ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, бумаги Державина, т. II, л. 51.

¹³¹ Принадлежность И. Д. Прянишникову этих переводов была установлена В. П. Семенниковым в его книге «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II». (СПб., 1914, стр. 85).

ные и некоторым муз покровителем ободренные, всю истожили красоту российского языка, то мне ли обильности и красоты оного не ведающему возможно не красным слогом перевести сию толь славного мужа оду. Но ободрившись, и так сказать возникнув ум мой от отчаяния, усугубя прилежание, вник в сие едино дело».

В том же 1774 году Прянишников напечатал по случаю заключения мира между Россией и Турцией «Речь на мир». Вот ее начало: «Уже страшная военная буря миновала; престали кровавы реки лице земли багрить; земля не стонет от страшных сих махин, коим страх, ужас, смерть предвидут. Настала любезна тишина: везде льются радости лучи; повсюду стократно радается: о сладкий мир! В восторге Россия плещет, пресветло торжествуя днесь; ликуют села, поля и грады; веселием препоясались горы и леса».

В 1776 году Прянишников издал два своих перевода: 1) «Меццанская трагедия Человетолюбие, или Картина бедности. Переведена И. П. В Санктпетербурге 1776 года» и 2) «Слово похвальное Максимилиану де Бетюн, герцогу де Сюлли, первому министру Гендриха IV, сочиненное г. Томасом и в Академии французской говоренное в 1763. Переведено И. П. В Санктпетербурге 1776 г.».

Из более поздних работ Прянишникова интересен незаконченный трактат «О переменах, бывших в образе правлений и в уголовных узаконениях». Его авторизованная копия, занимающая более ста страниц рукописного текста, находится в собрании А. Р. Воронцова, хранящемся в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (№ 308). Рукопись трактата была подарена Прянишниковым Воронцову. Несомненно, ее читал и Радищев.

Прянишников начал трактат еще при Екатерине II (на листе 234 об. Екатерина II именуется еще «царствующей императрицей»). Характеристика уголовных узаконений доведена Прянишниковым до начала царствования Екатерины II.

Прянишников ставил перед собой задачу показать связь между образом правления и уголовным законодательством, существовавшую на протяжении ряда веков. «Я предполагаю себе показать перемены образов правлений, — пишет он во вступлении к трактату (л. 183), — сказать мимоходом о праве наследства престола, о связи, какая была между князьями в раздробленной России, потом приступить к описанию бывших в сем и в прошедших веках перемен в уголовных узаконениях, дабы видеть, как по временам и обстоятельствам наказания были ожесточаемы и ослабляемы. Сие есть главной мой предмет, и посему единственно об образе правлений, кои с теми нераздельную имеют связь, не прошел молчанием».

В методе исследования, в попытке установить историческую связь между политическим строем и системой наказания Пря-

нишников близок к Радищеву, идеям, которые изложены Радищевым в «Записке о законоположении». В предыдущей главе отмечалось, что при обсуждении в Комиссии составления законов «казусных дел» Прянишников всегда выступал как единомышленник Радищева. Радищев также в свою очередь солидаризировался с мнениями Прянишникова.

Иван Пнин начал свою литературную деятельность в «Санкт-петербургском журнале», который издавал в 1798 году совместно с А. Ф. Бестужевым. Поскольку большинство произведений напечатано в журнале без подписи, трудно установить, какие именно из них принадлежат Пнину. По мнению В. Н. Орлова, более или менее уверенно можно приписать перу Пнина статью «Гражданин», перекликающуюся по общему духу с радищевской «Беседой о том, что есть сын отечества»; заметку «Чувствования россиянина, излинные пред памятником Петру Первому» (ч. IV), в которой нарисован образ просвещенного монарха, и «Письма из Торжка», в которых Пнин выступает против немецкого мистика Эккартсгаузена и против скабрёзных книжонки бульварного литератора Глеба Громова.¹³² «Письма из Торжка» одно время приписывались Радищеву.

В период знакомства с Радищевым в 1801—1802 годах Пнин написал памфлет «Вопль невинности, отвергаемой законами», в котором дана резкая критика дворянской семьи и брака. В домашнем кружке Радищева «Вопль невинности» был хорошо известен. Н. А. Радищев в стихотворении «На смерть И. П. Пнина» говорит об этом произведении следующее:

Невинность смело защищая,
Ты предрассудки попирали;
Но, сам под игом их страдая,
Неробкий голос возвышал.
К отраде тех существ невинных,
Не знающих родства, друзей,
Отцами, ближними гонимых
В несчастной участи своей.¹³³

Иван Тимковский в это время делал только первые шаги в литературе. В 1799 году он издал в типографии Московского университета свой перевод романа Августа ла Фонтена «Природа и любовь, или Картины человеческого сердца». В романе описывается так называемый «натуральный человек», обличается пустая, праздная жизнь дворянского общества, ему противопоставлены люди, живущие своим трудом.

Для второго издания Тимковский значительно переработал свой перевод. Переработка свидетельствует о росте мастерства Тимковского, о благотворном влиянии на него литературной

¹³² Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Гослитиздат, Л., 1950, стр. 85—91, 101—107.

¹³³ Северный вестник, 1805, ч. VII, сентябрь, стр. 344.

атмосферы, существовавшей в кружке Радищева. Это хорошо видно на примере эпитафии к роману.

В первом издании:

Где царствует сама Природа,
Цветет любовь без принужденья:
И пастух там любит верно,
Любим своей пастушкой;
И хижина ее простая
Милее для него, чем пышность;
Там в честь поет ей Филомела,
Сердечная им стелет радость
Постель на мягком мхе из листьев:
Их занавес — древесны ветви,
Уединенье — их свидетель;
И нежным жениха объятьям
Невесту лишь любовь вверяет.

Это же стихотворение во втором издании:

Лишь там, где царствует Природа,
Где царствуют ее законы,
Любовь не знает принужденья
И век свой в радостях проводит.
Алексис, Дафною любимый,
Там любит сердцем — не словами;
И хижина его любезной
Дороже для него короны.
Едва взойдет заря румяна,
Уж с ветвей близстоящей липы
Встречает соловей их песнью.
Взойдет луна, и на пушистом,
На мягком мхе ждет сон их сладкий.
Их занавес — густые ветви,
Свидетель их — уединенье.
И нежная любовь приводит
К Алексису его Пастушку.

По-видимому, Радищев был одним из тех писателей, кто подал Тимковскому мысль перевести полное собрание сочинений Гесснера. «Вот перевод Гесснеровых сочинений, — пишет Тимковский в своем предисловии. — Наша публика читала их все, или почти все. Знаю; но в оправдание труду своему скажу, что они переведены не в один период очищения российской литературы, что разные пиесы разбросаны по разным изданиям, переведены не одним пером, и многие составляют какую-то смесь славянских выражений с оборотами, свойственными только немецкому языку. Сии причины, также и ободрение со стороны известнейших литераторов наших, побудили меня предложить публике полное собрание сочинений г-на Гесснера».¹³⁴

¹³⁴ Полное собрание сочинений г-на Гесснера. С немецкого перевел Иван Тимковский. С картинками и портретом сочинителя, ч. I. М., 1802, в университетской типографии у Люби, Гария и Попова, стр. V—VI. Разрядка моя, — Д. Б.

Василий Каразин в период знакомства с Радищевым думал о создании юридического трактата, посвященного правам народа. Этот замысел возник у него, видимо, в связи с деятельностью Радищева в Комиссии составления законов. Из сохранившегося плана видно, что будущее России представлялось Каразину как строго ограниченная законами монархия. На первом месте стоит народ; ему предоставляется право широкого самоуправления. На втором месте — Сенат с охранительными функциями. И только на третьем месте государь. На четвертом — министры.

В конце жизни Каразин, разбирая старые бумаги, сделал на рукописи надпись: «Идея 1803 или 1801-го или 4-го гг., но написана когда занимался сербами в 1804-м». Этот план был опубликован в «Русской старине» в 1871 году (кн. III, стр. 718), но с пропусками, сделанными, по-видимому, цензурой, которые значительно исказили его содержание. В таком искаженном виде он перепечатан Д. И. Багалеем («Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина», Харьков, 1910, стр. 52).

Первые публикаторы полагали, что он составлен применительно только к Сербскому княжеству. Однако из плана видно, что предлагаемая схема государственного управления была рассчитана Каразиным на крупное государство, а не на маленькое княжество. Позднее Каразин использовал возникшую у него в 1801 году идею для разработки плана самоуправления Сербского княжества.

Этот план имеет важное значение для характеристики политических взглядов Каразина периода близости с Радищевым. Приводим его здесь по рукописи, сохраняя графическое начертание автора. Каразин крупными буквами написал «народ», более мелкими — «охранительный сенат»; еще мельче — «государь» и еще мельче — «министры».

НАРОД ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ СЕНАТ

государь

предлагающий только проекты законов и министерские годовые отчеты **ОХРАНИТЕЛЬНОМУ СЕНАТУ**. В протчем действующий неограниченно.

ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ СЕНАТ, по определению $\frac{2}{3}$ может посылать свои замечания, а по определению $\frac{3}{4}$ остановить его (государя) действия обнаружением оных. Присяга сообразуется сей постепенности: **НАРОД**, **СЕНАТ** и **государь**. В присягу воинов включается обязательство к тому относительное, т. е. полагающее пределы повиновению.

Министры

Министры могут по рассуждению своему приглашать для совета членов **ОХРАНИТЕЛЬНОГО СЕНАТА**, [чиновников министерств] внутреннего благоустройства, внешних сношений, военных дел, государственного хозяйства.

Верховное рассмотрение тяжёбных частных дел (в редких случаях могущих встретиться) и рассмотрение тяжёбных дел между казною и частным человеком может быть поручено сословиям для сего учреждаемым из **ОХРАНИТЕЛЬНОГО СЕНАТА** и по его определениям. Избранное сословие назначает себе по жеребью президента,¹³⁵ имеющего преимущество только относительно и в одном сем отношении. То же самое и во всех в уголовных делах, которые могут [вчинаться] по извётам чиновников, подведомых **министру**, в «внутреннего» б«лагоустройства», или по жалобам частных людей. **Государь** на **ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ СЕНАТ** не имеет никакого влияния.

Присутственных мест один только род, и три постепенности: уездные, областные (губернские), временные [собрания] **СЕНАТА**.

В каждом селении сверх того должность примирителей отправляют священники.

[Заметки на поле листа:]

Гражданин вступает в свои права на 21-м году.

Они избирают член(ов) **ОХРАНИТЕЛЬНОГО СЕНАТА** и судей.

Граждан десять разрядов или постепенностей.

Чл(ены) **ОХРАНИТЕЛЬНОГО СЕНАТА** принадлежат к первому, медленно по своем избрании; равно и **министры**; к второму военачальники, госуд(арственный) казначей, блюстители над просвещением, кои составляют совет под предсе(дательством) м(инистра) в «внутреннего» б«лагоустройства», который должен б(ыть) дух(овная) особа, в прочие могут быть, разумеется, кроме м(инистра) в «военных» дел, и прочие.¹³⁶

В период своего общения с Радищевым Каразин широко делился с друзьями планами организации Харьковского университета. Несомненно, этот замысел обсуждался и на вечерах у Радищева. Проблемы просвещения занимали многих в этом кружке. Иван Пнин обдумывал книгу «Опыт о просвещении относительно к России», идеи которой близки каразинским убеждениям этого времени.

В. Н. Каразин находил время и для занятий художественной литературой. Здесь он испытал влияние молодых поэтов, которые входили в кружок Радищева. Сохранилась рукопись стихотворения Каразина «Колокол». В пояснение названия он пишет в скобках: «(При случае Колокола, которой открыт нечаянно на берегу Волги, и по виду своему казался быть очень древним, также поврежденным от огня)».

Вторая строфа стихотворения перекликается с началом радищевской оды «Вольность», — с теми стихами, где Радищев говорит о том, что от громкой песни о свободе смятутся цари:

Во граде ль царском вознесенный,
Ты мир народу возвещал.
И венценосцы пробуждались
Камчатских с ложа соболей;
Хоть крепки силой, содрогались,

¹³⁵ Вначале было написано и зачеркнуто: «Государь из числа избранных назначает президента».

¹³⁶ ИРЛИ, архив В. Н. Каразина, ф. 6, № 3.

Как глас твой золотой струей
По воздуху лился реями
С зубчатых мшистых стен долой.

В заключительной части стихотворения Каразин, обращаясь к колоколу, спрашивает:

Не к мятежам ли ты сзывая,
Ожесточал народ и пал
От рук, на брань тобой подъятых,
Среди гражданских бурь и гроз,
Как копий и мечей поднятых
Вокруг тебя там лес возрос?
Подобно громом попаленный,
В крови травой поросший праг,
Места отрад окровавленны,
В домах грабеж, а в сердце страх.
Народ волнуется, мятется;
Их вопль, и клик, и стук мечей
Везде до облак раздается,
Везде огонь течет струей,
Жрет дома буйных над главами,
И осыпает искрами вкруг;
Земля дрожит под их стонами;
И грозный возмущенья дух,
На тяжких крыльях взмывая,
Ко истребленье всех зовет.
Там мать, от страху замирая,
Мертва на труп сынов падет.
Дитя, при груди замертвелой,
От гладу мрет. Там извлечен
Со смехом старец поседелой.
Там брат от брата умерщвлен,
Друг холодно изменяет другу.
И поджигая мятежам,
Родитель дочь, супруг супругу
Влечет кровавой черни сам.
Святыни бога оскорбленны;
Поруган храм, священник мертв.
И цепь и меч окровавленный
По тысячам попранных жертв,
В крови невинных по колени,
И по обломкам оltарей,
Мятеж, подобно ада тени,
Несет с огнем в руке своей:
И смех разбойников грохочет,
И стелет дым пожарну мгла.
Металл расплавленный клокочет
(.)
Трещит от жара мрамор крепкий,
Гранитный твердый столб падет.
И, обвиваясь, пламень легкий
Струей зубчатой вверх течет:
Обсыпан искрами глас твой тая,
Повитой пламенем престал:
И ты, дождь медный проливая,
Стуча ступеньми в дол ниспал.¹³⁷

¹³⁷ Там же.

Радищев выступал как опытный воспитатель литературной молодежи, собиравшейся вечерами в его доме. Это были юноши, мировоззрение и творчество которых только что складывалось. Им нельзя дать общее наименование радищевцев, тем более нельзя назвать их последовательными выразителями радищевской революционно-материалистической идеологии. Но Радищев готовил из них сознательных граждан, способных бороться с реакционными силами в различных сферах общественной и культурной жизни.

Значительная часть этих людей состояла на службе в Комиссии составления законов. Они почти ежедневно встречались с Радищевым в этой Комиссии, слушали там его выступления и споры. Среди членов Комиссии обазовалось две группы: одна — во главе с Иваном Ананьевским, Григорием Пшеничным и Николаем Ильинским; вторую возглавляли Радищев и Иван Прянишников.

В первой группе были люди сугубо практического склада, с весьма ограниченным кругозором. Они прекрасно знали Уложение царя Алексея Михайловича и указы других русских царей, быстро умели подобрать на каждый случай тот или иной указ — и все. Эти люди принадлежали к той категории русских «служак» конца XVIII—начала XIX века, о которых Н. Г. Чернышевский сказал: «За очень редкими исключениями, они оставались людьми, не имеющими ровно никакого образа мысли, — людьми, у которых все понятия о добре и зле заменились вековыми правилами почти безразличного одобрения всему, что жило и действовало выше их. По внушениям старших родственников, воспитавшихся так же, как они, они привыкли думать: „так делается, стало быть, так/тому и следует быть; не нами заведено, не нами и кончится; стену лбом не прошибешь“».¹³⁸

Радищев был деятелем иного склада — революционером. Этим людям трудно было его понять. Даже Н. С. Ильинский, лично хорошо относившийся к Радищеву, прямо говорит о том, что ему непонятно было, почему Радищев ставил «только свой разум прямым правилом, вместо закона божия и гражданского».¹³⁹

Радищев в Комиссии составления законов систематически боролся против враждебной ему идеологии, смело отстаивал свои убеждения. Частые споры его с Ананьевским и другими членами Комиссии были необычайно интересны и поучительны для молодых служащих. Н. С. Ильинский вспоминал: «Впрочем он, как я заметил, мыслей вольных и на все взирал с критикою. Когда рассматривали мы сенатские дела и писали заключения, соглашаясь с законами, он при каждом заключении, не соглашаясь

¹³⁸ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1950, стр. 484.

¹³⁹ Н. С. Ильинский. Воспоминания моей жизни, стр. 416.

с нами, прилагал свое мнение, основываясь единственно на философском свободомыслии».¹⁴⁰

Свидетельство Ильинского об особых «мнениях» по сенатским делам подтверждается неизданными материалами, которые приведены в предыдущей главе. Что касается «философского свободомыслия» Радищева, о котором говорит Ильинский, то оно наиболее ярко выразилось в его проекте нового Уложения — в записке «О законоположении», который был составлен весной 1802 года. Этот план дважды обсуждался на заседаниях Комиссии составления законов — 9 июля и 2 сентября.

Вокруг радищевского плана, как это видно из воспоминаний Ильинского, развернулась горячая дискуссия. Этот план проекта касался жизни всего русского общества, затрагивал кровные интересы всех сословий.

Радищев предлагал вынести проект нового Уложения, по примеру Фридриха II, на общественное обсуждение. Причисляя многие действия Фридриха II, Радищев ставил ему в заслугу то, что он дал повеление призвать «всех прусских подданных законоучителей от всех языков и всех без изъятия на советование о издаваемом втором фридриховом уложении».¹⁴¹

«Если все начинают заботиться о благе общественном, — писал Радищев в этом плане к проекту нового Уложения, — если начинают постигать основание своих прав и обязанностей; когда лучше о всех вещах начинают иметь понятия, — тогда настает благопоспешный час дать народу новое уложение, основанное на истинных и непреложных понятиях о всех предлогах общественных, сообразное умоначертанию общему, не уважая больше древних вредных предрассуждений, коим одна поноровка произведет то пагубное следствие, что препнет шествие ко блаженству на целые столетия и благоденствие народное возвержет опять далеко от истинной его цели».¹⁴²

Комиссию составления законов Радищев стремился превратить в трибуну для широкой дискуссии по важнейшим политическим и социальным проблемам.

Членам Комиссии казалось, что Радищев хотел сделать ее вторым Сенатом. Ильинский пишет: «Между тем написал [Радищев] и Комиссии такое мнение, что она должна быть поставлена почти вместо Сената».¹⁴³

Трудно провести четкую грань между беседами Радищева с его вечерними посетителями и его выступлениями на заседаниях Комиссии составления законов: темы их были одни и те же. Радищев, не жалея своих сил, отстаивал и пропагандировал революционно-демократические идеи. Он не отступал ни на шаг

¹⁴⁰ Там же, стр. 415—416.

¹⁴¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 149.

¹⁴² Там же, стр. 146.

¹⁴³ Н. С. Ильинский. Воспоминания моей жизни, стр. 416.

от своих убеждений. Когда ему не удавалось убедить членов Комиссии в правоте своих доводов по тому или иному обсуждавшемуся делу, он писал свои особые «мнения», о которых сказано выше.

Для молодых служащих, посещавших вечера Радищева и слушавших его выступления на заседаниях Комиссии, Радищев был своеобразным университетом, учил бороться за революционно-демократические идеалы. Таким выдающимся мыслителем-борцом и воспитателем молодежи он остался в представлении его слушателей. Пнин в послании к Андрею Брежинскому писал:

Итак, Радищева не стало!
Мой друг, уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,
Постиг ничтожества закон;
Уста, что истину вещали,
Увы! навеки замолчали,
И пламенный ума погас.
Сей друг людей, сей друг природы,
Что к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!

Среди многих неясных вопросов биографии Радищева существенное место занимает вопрос о том, как умер писатель-демократ, справедливы ли ходившие в обществе слухи о том, что он покончил с собой или нет? «Как согласить сие действие, — спрашивал современник и почитатель Радищева Иван Борн, — с непоколебимою твердостью философа, покоряющегося необходимости и радующего о благе людей в своем изгнании, в ссылке, в несчастии? Или познал он ничтожность жизни человеческой? Или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели?»¹⁴⁴

Некоторые исследователи пытались истолковать самоубийство Радищева как некую закономерность общего исторического процесса. «С точки зрения хода классовой борьбы самоубийство Радищева символически знаменовало собою победу крепостников над развивающейся промышленной буржуазией России конца XVIII и начала XIX века», — писал М. В. Жижка.¹⁴⁵

Другие полагают, что Радищев, кончая жизнь самоубийством, бросил последний вызов самодержавию. Уходя из жизни, он как бы сердито хлопнул дверью. Но прежде чем согласиться с утверждением о самоубийстве Радищева или отвергнуть его, необходимо взвесить имеющиеся доказательства.

В документах о захоронении Радищева говорится, что он умер естественною смертью. В ведомости церкви Волковского кладбища под 13 сентября 1802 года в числе погребенных на этом клад-

¹⁴⁴ Свиток муз, кн. 2, 1803, стр. 141—142.

¹⁴⁵ М. В. Жижка. Социально-политические взгляды А. Н. Радищева. В кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Academia, М.—Л., 1935, стр. 208.

бище указан «коллегский советник Александр Радищев; пятидесяти трех лет»; умер «чахоткою»; при выносе был священник Василий Налимов.¹⁴⁶ То же самое сказано в официальной выписке о смерти Радищева, опубликованной в журнале «Литературный вестник».¹⁴⁷

Версия о самоубийстве писателя основана исключительно на слухах. Даже современники, близко знавшие Радищева, не решались высказаться по этому вопросу с достаточной определенностью. Так, Борн, о котором было сказано выше, говорит: «Радищев умер, и, как сказывают, насильственной смертью».¹⁴⁸

Борн не указал, какого вида была эта «насильственная смерть» и с чем она была связана. Вид и причину самоубийства Радищева впервые назвал Пушкин. Он писал, что Радищеву вновь угрожали Сибирью. Намек исходил от Завадовского, непосредственного начальника Радищева по Комиссии составления законов. «Огорченный или испуганный, он возвратился домой, вспомнил о друге своей молодости, об лейпцигском студенте, подавшем ему некогда первую мысль о самоубийстве, и ... отравился».¹⁴⁹

Младший сын Радищева, Павел Александрович, опровергает это сообщение: «О смерти Радищева Пушкин пишет совсем не то, не зная достоверно, как она происходила».¹⁵⁰

Медицинского заключения о смерти Радищева, которое могло бы многое разъяснить, не сохранилось, и мы не знаем, было ли оно составлено.

Судя по воспоминаниям сыновей Радищева, писатель скончался от продолжительной и тяжелой болезни. Ближайший свидетель последних лет и кончины Радищева его старший сын Николай Александрович говорит: «Здоровье ему изменило, он стал чувствовать беспрестанно увеличивающуюся слабость и, наконец, к неопишуемой горести семейства своего, скончался 1802 года в сентябре месяце, имея 53 года от рождения».¹⁵¹

Радищев необычайно много работал и мало отдыхал. В таких условиях его болезнь все больше прогрессировала. Он на глазах таял, изнемогал, «сделался задумчив, стал беспрестанно тревожиться». «Он призвал полкового лекаря, принимал лекарства, но облегчения не получил», — пишет младший сын Радищева.¹⁵²

Что и как произошло в роковое 11 сентября 1802 года? Из рассказа младшего сына писателя видно, что у Радищева не было намерения покончить с собой; к самоубийству он не готовился.

¹⁴⁶ М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 635.

¹⁴⁷ Литературный вестник, 1902, № 6, стр. 139.

¹⁴⁸ Свиток муз, кн. 2, стр. 141.

¹⁴⁹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, сто. 358.

¹⁵⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 108.

¹⁵¹ Там же, стр. 46.

¹⁵² Там же, стр. 95.

«Утром этого дня, почувствовав себя особенно тяжело, он, принявши лекарство, беспрестанно беспокоясь и имея разные подозрения, вдруг берет стакан с приготовленной в нем крепкой водкой для выжиги старых офицерских эполет его старшего сына и выпивает его разом».¹⁵³

Приведенное сообщение имеет большую ценность. Если Радищев утром принял лекарство, значит он думал о жизни, а не о том, чтобы отравиться. Принятое лекарство надо было запить водой. Крепкая водка, стоявшая в стакане, цвета не имела. И мы не можем исключить того, что Радищев принял ее за воду.

Откуда появился указанный стакан? Его приготовил старший сын Радищева для чистки эполет. Значит и здесь обнаруживается совершенно непреднамеренное действие больного.

Преднамеренное действие Радищева началось уже после того, как яд начал мучительно действовать на организм. Больной, отдавая себе полный отчет в том, что случилось непоправимое несчастье, хотел прекратить свои муки, но его остановили. «Потом, — рассказывает Павел Александрович, — схватив бритву, хочет зарезаться. Старший его сын заметил это, бросается к нему и вырывает у него бритву».¹⁵⁴

По рассказам сыновей Радищева, причиной смерти Радищева был несчастный случай.

Обратимся к документам, которые сохранились в делах Комиссии составления законов.

В этих материалах нет каких-либо признаков «духовного краха» Радищева, который привел бы его к самоубийству. Вся его деятельность в Комиссии была направлена на осуществление демократических идеалов. На всех заседаниях он активно отстаивал свои взгляды.

Длительное время Радищев героически подавлял свой физический недуг. О его тяжелом заболевании в первых числах сентября 1802 года можно судить на основании поденных записей в журнале Комиссии. 1 сентября он ушел с заседания Комиссии, не досидев до конца, чего никогда с ним не бывало до этого; 2 сентября в середине дня он явился в Комиссию для встречи с Завадовским, проводившим в тот день важное совещание с членами Комиссии. Встреча была короткой. С этого дня Радищев совсем слег в постель и не мог уже являться на службу.

Длительное время Радищев лечился в госпитале. Его, как и всех служащих Комиссии составления законов, лечил штаб-лекарь Придворной конюшенной конторы Иван Гейснер. За это лечение после смерти Радищева Комиссия удержала из его жалованья определенную сумму.

¹⁵³ ИРЛИ, шифр 7121 XXXVIб. 105, л. 24, первоначальная рукопись воспоминаний.

¹⁵⁴ Там же.

О смерти Радищева Комиссии сообщил его старший сын. В его уведомлении сказано, что Радищев скончался от болезни. В журнале Комиссии за 16 сентября 1802 года записано: «По доношению служащего во оной губернского секретаря Николая Радищева, коим показывая, что родитель его, оной комиссии член, коллежский советник и кавалер Александр Радищев, сего сентября 12-го дня, быв болен, умре, просит о выдаче ему заслуженного родителем его по день смерти жалованья под его расписку».

Радищев подорвал свое здоровье в сибирской ссылке. Вот что он писал о состоянии своего здоровья Павлу I в декабре 1797 года, когда просил разрешения навестить своих престарелых родителей: «Болезнь их и древние их лета побуждают опасаться, что недолго могут пользоваться благодеянием жизни; я сам, хотя еще на пятидесятом году от рождения, не могу надеяться долголетнего продолжения дней моих, ибо горести и печали умалили силы естественные».¹⁵⁵

О слабости своего здоровья Радищев не раз говорит в письмах к А. Р. Воронцову. Так, осенью 1798 года он пишет: «Эта слабость тем более досадна, что она превышает телесные силы».¹⁵⁶

Зная жизнь Радищева по его письмам и трудам в Комиссии составления законов, приходится удивляться тому, как при такой болезни, «превышающей телесные силы», он так долго сохранял бодрость духа, мужество и непреклонную волю к борьбе.

¹⁵⁵ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 509.

¹⁵⁶ Там же, стр. 520.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТЫ НАД «ПУТЕШЕСТВИЕМ»

1

Путь книги Радищева известен. Запрещенная и сожженная по указу Екатерины II книга тем не менее нашла дорогу к читателю. Сохранилось много списков «Путешествия», сделанных в конце XVIII—первой половине XIX века.

Распространению «Путешествия» способствовало его герценовское издание, вышедшее в 1858 году. Повторный тираж этого издания был отпечатан тогда же в лондонской типографии польского эмигранта Зенона Свентославского. Герценовское издание «Путешествия» было перепечатано в 1876 году в Лейпциге издателем Э. Л. Каспровичем; в том же году оно было отпечатано в Веймаре в типографии Ушмана. В четвертый раз это издание было перепечатано С. С. Сухониным в издаваемом им журнале «Всемирный вестник» за 1906 год (№№ 1—5).

В 1887 году А. С. Суворин отпечатал «Путешествие» для узкого круга библиографов и любителей редкой книги в количестве 100 экземпляров. В 1905—1906 годах он повторил это издание с матриц четыре раза. Попытки переиздать «Путешествие» в конце XIX—начале XX века были сделаны Ефремовым и Картавовым, но по распоряжению цензуры тиражи их изданий были уничтожены. В 1906 году Н. П. Сильванскому и П. Е. Щеголеву удалось без разрешения цензуры выпустить в свет первое научное издание «Путешествия» с подробным описанием рукописи его, сохранившейся в делах Тайной экспедиции.

Менее известно отношение самого Радищева к «Путешествию», которое сложилось у него после суда над ним. Отступали писатель-революционер и демократ от своих прежних взглядов или нет? Каким он был после возвращения из ссылки? Эти вопросы не раз возникали в печати. Ответы на них, имеющиеся в трудах литературоведов, историков общественного движения и романистов, рисуют пеструю картину мнений.

В романистике Радищев изображается писателем единой судьбы, никогда не отступавшим от своей знаменитой книги. Ольга

Форш в романе «Радищев», заглядывая в будущее писателя, пишет: «Дело жизни сделано. Книга есть. Сколько бы ее сейчас ни преследовали, ни уничтожали, кое-какие экземпляры уцелеют. Потомство узнает. Оно будет ценителем. Радищев это чувствовал, знал и предвидел, когда писал: «Потомство отмстит за меня».¹

«Покаяние» Радищева в Петропавловской крепости О. Д. Форш оценивает как тактический прием. «Он нашел какие-то особо резкие выражения, чтобы себя осудить, — пишет она. — Малоубедительные и ничтожные, не соответствующие его характеру для тех, кто его знал, но приятные для тщеславия императрицы. Радищев понял одно — пощады не будет. Надо только никого за собой не потянуть».²

В аналогичном аспекте изображается Радищев в романе Н. А. Равича «Две столицы» и книге Георгия Шторма «Потаенный Радищев». Н. А. Равич, говоря о жизни Радищева в сибирской ссылке, указывает на то, что писатель после суда над ним не изменил своим прежним идеям. «Руки его были скованы, — пишет он, — но душа оставалась прежней».³

Изобразительные средства, при помощи которых романисты воссоздают образ писателя-революционера, конечно, значительно отличаются от методов научного анализа. В романистике большую роль играет интуиция; чуть подсказывает романисту, как нужно заполнить те звенья в биографии его героя, которые еще слабо или совсем не освещены наукой. Иногда сама тайна, которой окружены отдельные периоды жизни выдающегося революционера, привлекает к себе пытливого романиста. «И если бы меня спросили, — пишет Георгий Шторм, — за что я боролся в этой своей работе? — Я бы ответил: за раскрытие тайны, запечатанной „ семью печатями “ — за подлинный нескгибаемый характер Радищева».⁴

Однако это заявление писатель не смог провести через всю работу. В конце своей книги он повторяет версию о самоубийстве Радищева, утверждая, что оно произошло на почве «разочарования» в «надеждах на перемену в правовом положении крестьянства».⁵

Версия о самоубийстве писателя-революционера на почве «разочарования» существует давно. Еще в XIX веке сложилось мнение, будто после возвращения из ссылки Радищев пересмотрел

¹ Ольга Форш. Радищев. «Советский писатель», Л., 1954, стр. 417. Разрядка моя, — Д. Б.

² Там же, стр. 418.

³ Николай Равич. Две столицы. Советский писатель», М., 1964, стр. 260.

⁴ Георгий Шторм. Потаенный Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». «Советский писатель», М., 1965, стр. 279.

⁵ Там же, стр. 273.

свои взгляды и отказался от многого из того, что проповедовал в «Путешествии».

Некоторые советские исследователи полагают, что Радищев в последние годы жизни пережил духовный кризис, который завершился трагическим актом самоубийства. Этот кризис связывают с общим крахом западноевропейской буржуазной просветительской мысли. «Отсутствие у последовательных революционеров XVIII в. научного взгляда на историю лишало их концепции прочного фундамента, — пишет Е. Г. Плимак. — Свидетельство тому — глубокий кризис буржуазной революционной идеологии после падения яacobинской диктатуры и духовный крах самого Радищева в начале XIX в. Осудив диктатуру Робеспьера (I, 97) и отойдя от идей народной революции, писатель-демократ не пожелал быть участником того либерального обмана, который развертывался на его глазах после воцарения Александра I, и покончил жизнь самоубийством в 1802 г.»⁶

В предыдущих главах я старался опровергнуть мнение о духовном крахе автора «Путешествия». Из неопубликованных ранее материалов о деятельности Радищева в Комиссии составления законов видно, что он проводил в этой комиссии свою прежнюю революционно-демократическую линию, активно отстаивал и пропагандировал свои взгляды, спланивал молодые прогрессивные силы.

2

Несмотря на большую занятость в Комиссии составления законов, Радищев в эти годы начал готовить к печати собрание своих сочинений. Дорабатывались и переписывались набело еще не печатавшиеся труды, вносились поправки, изменения и дополнения в произведения, которые были уже известны читателям. Эта напряженная работа часто затягивалась до рассвета. Радищев спешил наверстать то, что не успел сделать в годы ссылки. От молодежи он знал, что читатели ждут его книг.

Не имея возможности восстановить свою прежнюю типографию, Радищев ищет издателей. Во время четырехмесячного пребывания в Москве осенью 1801 года он напечатал в типографии Московского университета книгу стихотворных повестей своего сына Николая. Это был пробный шаг к изданию собственных сочинений. Тогда же он, по-видимому, установил связь с московским издателем Платоном Бекетовым.

Платон Петрович Бекетов (1761—1836) сыграл большую роль в публикации наследия Радищева. В изданные им в 1806—1811 годах шесть томов сочинений Радищева включены неиз-

⁶ Е. Г. Плимак. Проблемы генезиса революционных идей в русской антифеодальной идеологии второй половины XVIII века. Автореф. канд. дисс., М., 1963, стр. 14.

вестные ранее стихотворения и философский трактат «О человеке». Без Бекетова, возможно, никто бы тогда их не напечатал, и рукописи этих произведений могли также затеряться, как затерялись многие другие автографы Радищева.

П. П. Бекетов был масоном-просветителем. Его типография считалась лучшей в Москве после типографии Московского университета. В его доме близ Кузнецкого моста по четвергам собирались писатели и журналисты. Собрания эти проходили оживленно и интересно.

У нас нет сведений бывал ли Радищев на «четвергах» Бекетова, но установленные им связи были продолжены сыновьями писателя. Из письма Николая Радищева к Бекетову от 17 июля 1810 года видно, что он часто бывал в доме последнего и делал для него переводы иностранных книг.

«Милостивый государь Платон Петрович! — пишет Н. А. Радищев. — Я так виноват перед вами, что и не умею оправдаться; перед отъездом моим в деревню я заезжал к вам проститься и испросить позволения взять с собой вашу книгу для окончания моего перевода, но, не застав вас дома, решился взять ее с собою, надеясь, что вы мне простите мою вину. Теперь я кончил перевод и возвращаю вам оригинал с чувствительнейшею благодарностью».⁷

Бекетов высоко ценил А. Н. Радищева. Он с большим риском для себя согласился издавать собрание его сочинений и до конца жизни хранил рукописи Радищева, которые были предоставлены ему для издания.

Ценнейший архив Бекетова еще не выявлен до конца и не изучен. По-видимому, наследники Бекетова продали его бумаги по частям. П. А. Вяземский, хорошо знавший их ценность, сожалел, что они попали в случайные руки. «Очень жалею, — писал он в письме к одному из родственников Бекетова, И. И. Дмитриеву, через два месяца после смерти издателя, — что рукописи Платона Петровича Бекетова не попались в хорошие руки. В них должно быть много любопытного. Постарайтесь спасти их. Я охотно пойду в долю на выкуп их из рук неверных и уверен, что много найдется здесь охотников».⁸

Издатель журнала «Русский архив» Бартенев полагал, что большинство бумаг Бекетова пропало. «Вот случай, — писал он в 1880 году в статье «Бумаги П. П. Бекетова», — который дает повод думать, что с бумагами Бекетова поступлено так, а не иначе. Несколько лет тому назад мне нужно было побывать у одного из здешних мастеров, чтобы сделать в его заведении кое-какие заказы. Разговаривая с хозяином, я заметил в его мастерской, среди разного хлама, какие-то связи бумаг, значительно

⁷ Русский архив, 1880, кн. III, стр. 398.

⁸ Там же, 1868, кн. 4, 5, стр. 645.

уже попорченных и сыростью и едкой пылью, и сокрушительными зубами мышей. На вопрос мой: что это за бумаги? Хозяин отвечал, что это так — старье разное... „Случается завертывать кой-что, так вот молодцы берут“, — добавил он. Я поднял одну связку и взглянул: четкий, старинный почерк бросился мне в глаза. — „Дайте мне их посмотреть“, — сказал я хозяину. — „Да хоть совсем возьмите — этого добра-то на Неглинной много“, — отвечал он. Торг был непродолжителен. Хозяйский „молодец“, один из тех бойких парней, которые при двадцати градусах мороза бегают в лавочку и в трактир в одном тиковом халате, снес „старье“ в мои сани, и через час я имел уже удовольствие рассматривать бумаги листик за листиком. Читатель, конечно, догадался, что это „старье“ были те бумаги, о которых князь Вяземский так заботливо расспрашивал у Дмитриева. Нет сомнения, что ко мне попала только часть их.⁹

После Вяземского и Бартенева никто специально не занимался разысканием бумаг Бекетова. Бартенев своей заметкой отбил охоту к таким разысканиям. Но пессимистическое заключение Бартенева было поспешным. Часть бумаг Бекетова сохранилась в архивах и ждет своего исследователя.

Интересуясь той частью бумаг Бекетова, которая связана с изданием сочинений Радищева, я просмотрел печатные и архивные источники, в которых упоминается о бывших владельцах этих бумаг. Первым привлек внимание известный книгопродавец 1830-х годов, содержатель книжной лавки Московского университета Александр Сергеевич Ширяев.

Из переписки А. С. Ширяева видно, что он в течение ряда лет вел с Бекетовым коммерческие дела, хорошо знал его библиотеку, часто брал у него на комиссию различные издания. Сохранилась его записка от 10 сентября 1824 года, в которой он перечисляет взятые у Бекетова на комиссию книги.¹⁰

После смерти Бекетова в руках Ширяева оказался, в частности, экземпляр первого издания «Путешествия» с редакционными заметками. После него книга попала к неизвестному лицу.

В дальнейшем этот экземпляр «Путешествия» попал в библиотеку Черткова, отсюда — в Государственный Исторический музей. Об этом экземпляре упоминал в 1918 году проф. Д. Н. Анучин. «В библиотеке Исторического музея, — писал он, — Бурцев указывает один экземпляр „Путешествия“, на самом деле их там два. Один (не указанный Бурцевым) перешел туда в составе Чертковской библиотеки, где он находился уже с 1840-х годов. В надписи на белом листке под переплетом значится, что экземпляр приобретен „за 200 руб. ассигн. у А. С. Ширяева, который купил эту

⁹ Там же, 1880, кн. III (2), стр. 327—328.

¹⁰ ИРЛИ, собрание П. Я. Дашкова, ф. 93, оп. 3, № 1398.

книгу у Пл. Петр. Бекетова (после его смерти)“». ¹¹ В 1948 году этот экземпляр поступил в Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, в котором находится по настоящее время (шифр $\frac{1948K}{1330}$).

Книга переплетена в зеленый сафьян; на корешке по красному фону золотом вытиснено: «Путешествие в Москву»; золотом же вытиснено орнаментальное украшение на корешке и обеих крышках; обрез золотой. На нескольких белых листках под переплетом заметки карандашом. Все они сделаны рукою Радищева. Из этих заметок видно, что книга готовилась ко второму изданию; поэтому она не случайно оказалась в библиотеке издателя. Одни заметки касаются слов и оборотов речи, другие — относятся к дополнениям, которые писатель вносил в текст книги. Воспроизведу их полностью, выделяя курсивом.

Вождаем побуждение (160—161). Данная фраза написана вместо напечатанной: «*Вождаем собственные корысти побуждением*»...

Хождаю (166). По-видимому, это слово относится к следующей фразе, где предполагалось заменить его другим, более легким выражением: «Не только сострадатель был бы я в *вашем косвенном хождении*, но жертва, может быть, вашего неистовства».

Среди сражения стихиев (118). Эта строка взята из стихотворения, напечатанного на стр. 118; в тексте книги Радищев подчеркнул данный стих:

Но Ты, во юности бессмертной процветешь,
незыблímый, среди сражения стихиев,
развалин вещества, миров всех разрушенья.

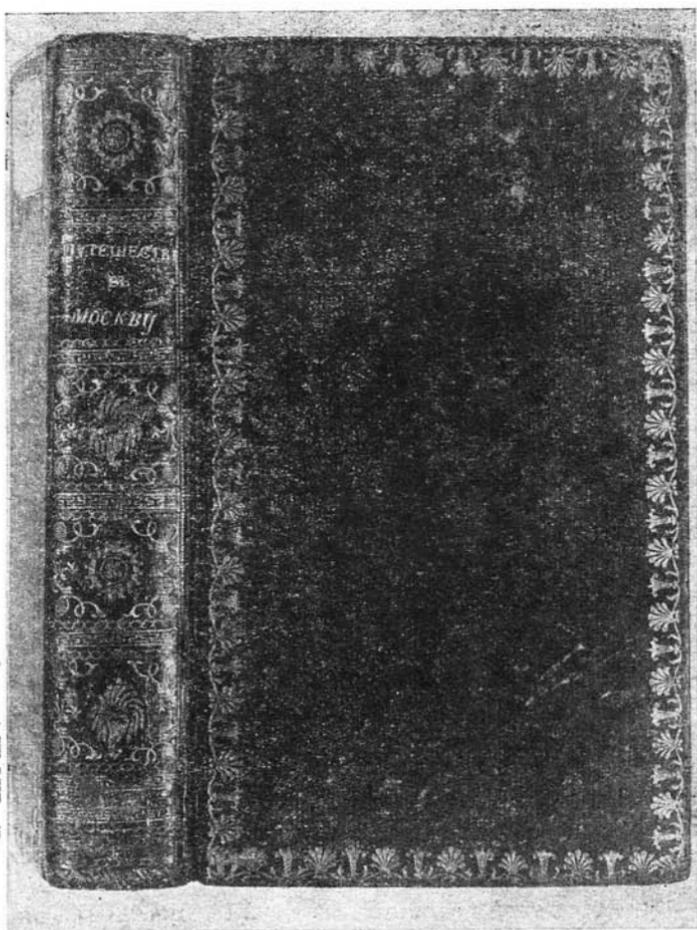
Оплошливый (120). Это слово имеется в начале главы «Зайцево», в рассказе председателя уголовной палаты Крестьянкина, где сказано: «Сокрушим скипетр жестокости, которой столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы, и да не узрит их *оплошлия* слабость...».

Копоткий (121). Там же: «В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл *копотким*».

Стр. 126. На этой странице Радищев поставил знак NB и дважды подчеркнул следующие строки: *Он [ассессор, — Д. Б.] себя почел вышшаго чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает)*...

Скосырь (135). На указанной странице подчеркнуто рассуждение Крестьянкина о праве крестьян на защиту от поме-

¹¹ Д. Н. Анучин. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918, стр. 24.

Внешний вид книги «Путешествие из Петербурга в Москву»,
в которой сохранились редакционные заметки А. Н. Радищева.

щичьих злодеяний: *Если нынешнего века скосырь, привлекийший должное на себя презрение, восхочет оное на мне отомстить... виновен ли я буду, если извлекиши мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствие его члена?*

Хвильй (141). На указанной странице подчеркнуты следующие слова: *Сродно хвильым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ея приветствию.*

Прогулка в Баба (147). Имеется в виду Летний сад под таким названием на берегу Невы. Это старое название в начале XIX века стало уже забываться. В книге дважды подчеркнуты слова: *в летнем саду, или в Баба, скоро она меня утомила.*

Благорастворенный рассудок (157). Данная фраза, относящаяся к характеристике крестницкого дворянина, в книге дважды подчеркнута: *Очи его, очи благорастворенного рассудка, казались подернуты легкой пленю печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно.*

На той же стр. 157 внизу дважды подчеркнута фраза *развержение ума.*

Отишие (159). В тексте книги данное слово дважды подчеркнуто; оно стоит в фразе: *«...но да имут отишие в гонении, и хлеб насущный в скудости».*

Уз<рев> (192). Это слово трудно читается. Оно, по-видимому, относится к следующей фразе, где предполагалось заменить его другим: *«Ююноши, узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали...».*

Далее выписано несколько страниц, на которых подчеркнуты следующие места.

Стр. 71—85. На стр. 73 выделены сбоку следующие строки: *Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодеи, затмеваяющие очи твои и вход мне в твои чертоги восприщающие. Един раз являюся я царям во все время их царствования, да познают меня в истинном моем виде.*

На стр. 75. на поле написан знак NB и подчеркнут следующий текст: *Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его яко странника. Ибо всяк, порицающий царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет.*

Стр. 248. Эта страница выписана на листке, а в тексте на ней обведены сбоку следующие строки: *Они знают только веление начальника, мыслят, что он хочет, и стремятся, куда направляет. Толико всесилен жезл над могущественнейшею силою государства. Соккупны возмогут вся, но разделенны и наедине пасутся яко скоты, аможе пастырь пожелает.*

Стр. 249. Дважды обведен текст: *Смотри всегда на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны.*

Стр. 260. На этой и на 261-й страницах обведены следующие высказывания о силе народных выступлений: *«Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможно. Таковы суть братья наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем. Приведите себе на память прежние повествования. Даже обольщения, колико яростных сотворило рабов на погубление господ своих!*

Вот что нам предстоит, вот чего нам ожидать должно. Гибель возносится горé постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждет часа удобства, и первый льстец, или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах.

Стр. 275. Здесь обведены следующие строки о помещике, усилившем на своих землях эксплуатацию крестьян: *Варвар! недостойн ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, щитаются на равне с волком, определенным тяжкую вздирати борозду?*

Стр. 82. *Не зрел льющих струев николи.*

Устерсы (47). Эта заметка относится к фразе: *«Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет».*

Муссы (81). Данное слово относится к фразе: *В жилище для Мусс. .»*

Денно-ночно (160). Эти слова были напечатаны слитно.

С правой стороны листа колонкой выписан ряд цифр, обозначающих страницы, а также отдельные слова. В тексте книги на этих страницах подчеркнуты следующие строки.

Стр. 152. *А естли он неугомонно спит, то сгоню с постели.*

Стр. 154. или *правильнее* сказать два в дряхлыя их, хотя *нестарыя* лета, становятся добрыми людьми.

Стр. 156. Подчеркнуто три четверти страницы, со слов *Скажи по истинне, отеу чадолубивый до фразы отравлять и резать людей не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев.*

Стр. 209. *Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали. . . разве в больнице.*

Стр. 170. *Ибо вы твердой имеете дух, и обидою не сочтете, если осел вас улягнет, или свинья смрадным до вас коснется рылом.*

Стр. 171. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало.

Стр. 218. Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...

Надутый. В книге не удалось найти, к какой странице относится это слово.

Стр. 75, 83, 85. Текст, подчеркнутый на стр. 75, выше мною уже был приведен; на стр. 83 и 85 никаких помет не содержится.

Николи. См. поправку к стр. 82.

На обороте приклеенного листка указаны следующие страницы книги: 298—301, 309, 333, 340; последние две цифры обведены кружком. В тексте книги на этих страницах подчеркнуты соответствующие места; нет помет на стр. 298—300.

Стр. 301. Се пример для последования, как мстить должно, когда кто кого обвиняет перед светом печатным сочинением. Если кто свирепствует против печатных строки, тот заставляет мыслить, что печатанное истинно, а мстящий таков, как о нем напечатано.

Стр. 309. Дажь небо, что бы зло всегда обращалося на избретателя его, и что бы воздвигший гонение на мысль, зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщение когда-либо извинительно быть может, то разве сие.

Стр. 333. Скончавшись, в 1694 году вольность печатания утверждена в Англии совершенно и ценсура, зевнув в последний раз, издохла. На поле против этих строк поставлен знак NB.

Стр. 340. Чему дивиться, скажем и теперь как прежде: Он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей если не в царской? Против этой фразы на поле поставлен знак NB.

Стр. 123. Сделана поправка в следующей фразе: «Ибо не возмощи спасти винных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни». Между слов спасти винных вставлено не.

В книге нет указаний, кто работал над этим экземпляром, но, судя по почерку и по тому, что в текст ее вносились поправки и заметки редакционного характера, например, вместо винных исправлено на невинных (стр. 123); вместо незрел я льющихся благодворно струев Касталии и Ипокрены — не зрел льющихся струев (стр. 82), можно считать, что вся работа была проведена самим автором книги. Анализ почерка заметок на книге, сопоставление их с другими рукописями Радищева, написанными им в разные периоды жизни, проведенный мною и опытным криминалистом Ленинградской Научно-исследовательской криминалистической лаборатории М. Г. Любарским, подтвердил принадлежность этих заметок А. Н. Радищеву.

Для производства почерковедческого исследования был представлен описанный мною экземпляр книги «Путешествия из Петербурга в Москву» с указанными записями. Представлен также негатив, изготовленный с этих записей, и фотоснимки. В качестве образцов почерка А. Н. Радищева эксперт использовал фотокопии различных рукописей писателя, относящихся к периоду 1780—1802 годов. Большинство из этих рукописей были воспроизведены в натуральную величину. Исследованию были подвергнуты все слова, фразы и числа, написанные на вклеюном листе книги.

При сравнительном исследовании слов, фраз и чисел с образцами почерка А. Н. Радищева было установлено, что все они имеют между собой совпадения в характеристике почерка в целом, общих признаках почерка, а также частных признаках, выражающихся: 1) в особенностях направления движений при выполнении букв; 2) в расположении точек начала движения в буквах; 3) в расположении точек окончания движения в буквах; 4) в расположении точек пересечения штрихов в буквах; 5) в способах начала движений в буквах; 6) в способах окончания движений в буквах; 7) в соотношении линий основания и вершин частей букв; 8) в относительных размерах элементов букв; 9) в относительных размерах площадей, очерченных штрихами, в буквах.

«Отмеченные совпадающие признаки, — пишет в своем заключении эксперт-криминалист, — в их совокупности, индивидуальны и присущи почерку только одного лица. Это дает основания для вывода, что записи, сделанные карандашом на странице вклеюного чистого листа, после типографского текста книги «Путешествие из Петербурга в Москву» издания 1790 года, исполнены А. Н. Радищевым». Кроме редакционных поправок и заметок, были сделаны прибавления к книге. Они были написаны на отдельных чистых листах. Об этом свидетельствует поздняя запись на переднем форзаце книги, сделанная, по-видимому, одним из владельцев данного экземпляра. В этой записи сказано: «NB. Записана на белые листы 11 прибавления» к стр. 377».

Из прибавлений, упомянутых в приведенной записи, сохранилось только одно — доработанный полный текст оды «Вольность» (подробнее об этом ниже), остальные листы выпали из книги и затерялись. Все прибавления, упоминаемые в приведенной записи, также могли быть написаны только самим Радищевым. Никто другой такой работы за него выполнить не мог, да и не в состоянии был сделать — особенно дописать текст оды «Вольность».

Манера работать над книгой, подчеркивать соответствующие слова или фразы в тексте книги, а затем записывать их для удобства дальнейшего пользования на форзаце или на отдельных чистых листах, выписывать номера подчеркнутых страниц и т. п. подтверждается наличием других книг, над которыми точно также работал Радищев. В частности, еще в 1941 году мною был обнаружен экземпляр книги «Летопись Несторова» издания 1767 года

с заметками Радищева на ее форзаце и на отдельных листах. Эти заметки и выписки были опубликованы в третьем томе академического полного собрания сочинений Радищева, где между стр. 32—33 и 40—41 воспроизведены фотокопии страниц «Летописи Несторовой» с заметками писателя; там же, на стр. 576—580, напечатаны комментарии к этим заметкам, выписки некоторых мест из летописи, подчеркнутых Радищевым; в комментариях дано подробное обоснование принадлежности этих заметок писателю.

Возникает вопрос: когда Радищев работал над этим экземпляром «Путешествия»?

Все поправки и заметки сделаны Радищевым простым карандашом. Им соответствуют подчеркнутые им места в тексте книги. Но в книге есть подчеркивания, сделанные красным и синим карандашами. Судя по содержанию, они сделаны в Тайной экспедиции. Все места, выделенные цветными карандашами, соответствуют замечаниям Екатерины II на книгу Радищева. Например, на стр. 16 подчеркнут диалог путешественника с помещичьим крестьянином, пашущим свое поле в воскресенье.

На стр. 66 выделен текст, в котором описывается славословие придворных льстецов царю: *Иной с важным видом возглашал: Он (царь, — Д. Б.) умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание.*

Отметка цветным карандашом сделана на стр. 72—73, где Истина говорит царю: *Ты познаешь верных своих подданных, которые в дали от тебя не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отнимит порабощение человека.* По поводу этого места императрица писала в своих замечаниях на «Путешествие»: «Стр. 72, 73. Довольно доказывают намерение, для чего вся книга написана, подвиг же сочинителя обзавестись можно, по которому он ее надписал, есть тот, для чего вход не имеет в чертоги».

На стр. 76 отмечены следующие слова Истины, обращенные к царю: *Ибо ведай, что ты первейший в обществе можешь быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого. Ты виною будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем, ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое.*

В главе «Выдропуск» синим карандашом отчеркнуты следующие строки: *В таковой дремоте величания власти, возмечтали цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарности; что блеск царский преломляясь, так сказать, в сих новых отсветках, многочисленнее является и с сильнейшим отражением. На таковой блуждания мысли воздвигли цари придворных истуканов, как истинные феатральные божки, повинуются свистку или трещетке.*

В своих замечаниях на это место Екатерина II написала: «О уничтожении придворных чинов; тут царем достается крупно и кончится сими словами: како власть со свободою сочетать должно на взаимную пользу. Сие думать можно, что целит на французской развратной нынешней пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти».

На стр. 349 красным отчеркнуто: *А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.*

Екатерина II, сделав выписку этих строк, написала: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков».

По поводу этих же строк спрашивал Радищева и Шешковский. «Начиная с стр. 341 по 349, в конце рассуждений о проданной с молотка семьи за долги, — писал он, — помещены сии слова: *и свободы не от их советов ожидать должно [отчинников], но от самой тяжести порабощения, то что вы под оными разумеете?*».

Число подобных примеров можно увеличить.

Исследуемый экземпляр «Путешествия» имеет много общего с экземпляром, который принадлежал А. С. Пушкину. Он был куплен Пушкиным, по-видимому, у одного из бывших чиновников Тайной экспедиции. Об этом свидетельствует надпись, сделанная рукой Пушкина на оборотной стороне листа после переплетной крышки: «Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии.¹² Заплачен двести рублей», а на следующем чистом листе: «А. Пушкин».

И исследуемый, и пушкинский экземпляры книги прошли через Тайную экспедицию. В пушкинском экземпляре отчеркнуты красным карандашом все те строки, которые также выделены в экземпляре, принадлежавшем Радищеву. В нем нет только той правки, которую делал Радищев. Долгое время предполагали, что отметки красным карандашом в пушкинском экземпляре делала сама Екатерина II. «Такого рода отметки, — писал Я. Л. Барсков, — и таким же красным карандашом часто встречаются в рукописях Екатерины; но сделаны ли они в данном случае ее рукой, или тщательно скопированы, сказать с полной уверенностью нельзя потому, что на стр. 187 против строк 5—12 написано на поле „верно“ чьей-то неизвестной рукой, бесспорно, не императрицы и не Пушкина. Возможно, что этот именно экземпляр был „приобщен“ графом Брюсом к его „предложению“ 15 июля Палате уголовных дел. Препровождая при своем „предложении“ точную копию с высочайшего указа 13 июля (о предании Радищева суду), Брюс пишет, что он „приобщает и упоминаемую в том приказе книгу, которую в уголовной палате господам заседающим

¹² А. С. Пушкин допустил опisku: Тайную экспедицию он назвал Тайной канцелярией. Тайная канцелярия существовала значительно раньше — в 1730-х годах.

и прочесть, не впуская во время чтения в присутствие канцелярских служителей».¹³

Дело Радищева проходило многие инстанции. Первоначально его судила Петербургская палата уголовного суда, затем смертный приговор, вынесенный этой палатой, утверждался в Сенате и Государственном совете. Разумеется, во всех этих инстанциях была налицо и книга Радищева, которая была выдана начальником Тайной экспедиции Шешковским. Шешковский и подчеркнул в книге все те места, на которые указала Екатерина в своих замечаниях. Сначала, как можно предполагать, Шешковский сделал это в экземпляре, которым пользовался во время допросов Радищева в Петропавловской крепости. Затем он перенес основные пометы в другой экземпляр, который был передан через Петербургского главнокомандующего Брюса в Палату уголовного суда. Уголовная палата после вынесения приговора Радищеву вернула этот экземпляр в Тайную экспедицию. Вот почему в Тайной экспедиции оказалось два идентичных экземпляра «Путешествия». Один из них был впоследствии приобретен Пушкиным, второй попал в руки Радищева. Сопоставление помет, имеющих в этих книгах, показало, что в пушкинском экземпляре подчеркиваний красным карандашом больше, чем в радищевском (возможно, что пушкинский экземпляр принадлежал лично Шешковскому), но в нем нет ни единой пометы простым карандашом, которые имеются в радищевском экземпляре.

Возникает вопрос: как и когда Радищев получил из Тайной экспедиции свою книгу? Прежде чем ответить на него, скажу коротко еще об одном экземпляре «Путешествия», на котором также имелись пометы Радищева.

В журнале Петербургской палаты уголовного суда за 23 июля 1790 года отмечено, что в Палату из Петербургского губернского правления прислан экземпляр «Путешествия», отобранный от секретаря Радищева А. А. Царевского, в котором «оказались письменные приписки и приправки».¹⁴ Вызванный на допрос, Царевский показал, что он взял эту книгу в доме Радищева со стола «в том самом покое, где учились дети, при детях того Радищева».

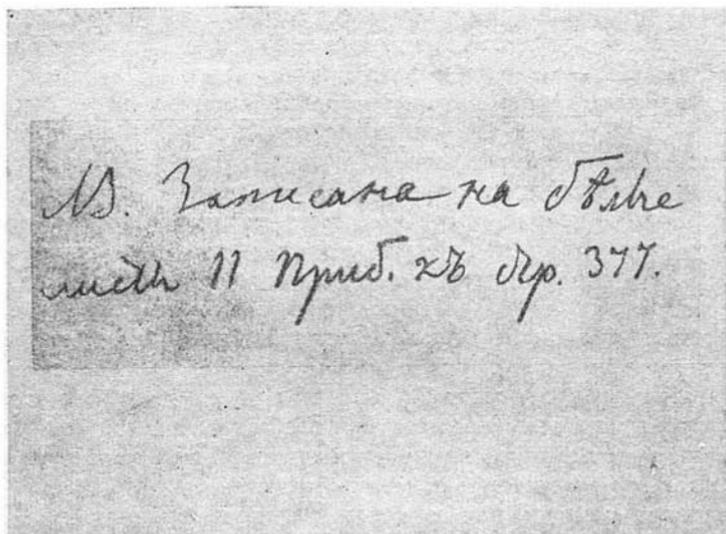
Радищев на допросе утверждал, что названный экземпляр является лишь корректурой, подготовленной для наборщика: «Корректурой моей книги делана мною действительно вся, и все поправки, которые в оной находятся, делал я своею рукою. Если иные места кажутся отменны, то для того, что писаны рачительнее, дабы наборщик не мог ошибиться и не было бы нужды делать еще поправки».¹⁵

¹³ Я. Л. Барсков. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, Academia, М.—Л., стр. 315—316.

¹⁴ См.: Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 222.

¹⁵ Там же, стр. 225.

Для сличения почерка Радищева заставили написать слова, имевшиеся в его «корректуре». Ни одно из них не совпадает с теми исправлениями, которые приведены выше. Отсюда следует, что все поправки, имеющиеся в исследуемом экземпляре, были сделаны уже после того как Радищев вернулся из ссылки. Это важное обстоятельство подтверждается следующим фактом.

Запись на приставном форзаце книги «Путешествие из Петербурга в Москву» о прибавлениях к книге.

Многие из приведенных поправок написаны Радищевым на приставном форзаце книги. Бумага этого форзаца гладкая, несколько не похожая на вержированную бумагу, на которой отпечатана книга. Приставной форзац был приклеен переплетчиком, когда книга вставлялась в сафьяновый переплет. Выше уже отмечалось, что богатый переплет выполнен со вкусом; золотой обрез рассчитан на долговечную сохранность книги. Вряд ли Тайная экспедиция стала бы делать в 1790 году столь художественный и дорогой переплет для книги, признанной правительством весьма опасной и предназначенной к сожжению. Такой переплет был сделан значительно позднее по заданию самого автора книги или его ближайших друзей. Экземпляр книги, на котором сделаны пометки Радищева, находился в Тайной экспедиции. Если эту книгу не разрешали читать даже служителям уголовной палаты, то, несомненно, и здесь она находилась на положении секретного документа. Пока существовала Тайная экспедиция, эта книга не могла

греду сражаз Русидеи
 Пловдива (118)
 Копотки 152
 ср 126 154
 Скопје 135 146
 Хвиев 141 209
 програма в баба ср 147
 Благоград и воеводина 157
 отишле, узмари 170
 71-85 171
 248 275 218
 250
 ср 82 не зная маду 163
 милозвучна сручи ср 75 83
 милозвучна ср 85
 уредни ср 44 - милозвучна
 тусса
 Делко-Коста

Редакционные заметки А. Н. Радищева на приставном форзаце
 книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

быть выдана из ее хранилища. Тайная экспедиция была упразднена в марте 1801 года, и только после этого данный экземпляр «Путешествия» мог попасть в руки Радищева. Но как он попал к Радищеву? Ведь допуск к секретным делам Тайной экспедиции в течение еще многих лет был закрыт для посторонних лиц.

Комиссия составления законов, в которой служил Радищев, помещалась в здании Сената сначала в двух небольших комнатах. В них Комиссия не могла разместить всех своих сотрудников, и ее председатель П. В. Завадовский обратился к генерал-прокурору Сената Беклешову с просьбой предоставить Комиссии смежные с ней комнаты, которые ранее занимала Тайная экспедиция. Беклешов удовлетворил его просьбу. «Милостивый государь мой граф Петр Васильевич! — писал он Завадовскому. — Удовлетворяя требованию вашего сиятельства, изъясненному в почтеннейшем письме от 26-го истекающего июня, предписал я Межевого департамента Правительствующего Сената господину обер-прокурору Голикову присоединить к комнатам, занимаемым Комиссиею о составлении законов и те два покоя, в коих помещалась прежняя Тайная экспедиция, и все остатки из денежных сумм на сей год принятых и от прошлых лет оставшихся, какие токмо окажутся, отдать под расписку того, кто к приему их Комиссиею назначен будет».¹⁶

В ведение Комиссии перешла также и библиотека Тайной экспедиции. В этих комнатах оставались и секретные дела последней. Для разборки их и подготовки к сдаче в архив Завадовский выделил из состава служащих Комиссии канцеляриста Михаила Соловьева. В январе 1802 года Михаил Соловьев рапортовал Комиссии составления законов о том, что порученные ему дела он сдал.

Но Соловьев, по-видимому, не все дела описал. Какая-то часть дел Тайной экспедиции осталась не разобранной. Ананьевский и Радищев 15 июля 1802 года поручили разобрать оставшиеся дела коллежскому асессору Захарову.

В составе библиотеки Тайной экспедиции книга Радищева поступила в Комиссию составления законов.

Отсюда книга Радищева могла свободно попасть к своему автору. Радищев, являясь одним из основных членов Комиссии составления законов, принимал активное участие в пополнении библиотеки новыми книгами.

Из публикуемых в конце настоящей книги «Поденных записей» Комиссии видно, что Радищев неоднократно давал такие поручения расходчику Толстому.

Выявляя в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде книги из библиотеки Комиссии составления законов, я обнаружил большое число книг, имеющих печать этой библиотеки. На некоторых из них имеются заметки Радищева, что

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 1, ед. хр. 43, л. 45.

позволяет предположить, что экземпляр своей книги с цветными пометами Тайной экспедиции Радищев получил именно здесь летом 1801 года, вскоре после своего поступления в Комиссию составления законов. В том же году, по-видимому, он приступил и к подготовке «Путешествия» ко второму изданию.

3

Готовя второе издание «Путешествия», Радищев оставил без изменений общую концепцию книги, но дополнил и расширил некоторые главы. Интересное дополнение было сделано к оде «Вольность». Как известно, эта ода в первом издании «Путешествия» была напечатана не полностью. Многие ее строфы были помещены в кратком полупрозаическом пересказе.

Для второго издания «Путешествия» ода была существенно дополнена. Характер этих дополнений раскрыт мною в главе «Ода о революции».

Рукопись оды сохранилась в бумагах издателя П. П. Бекетова. Сообщение об этой рукописи было сделано мною в 1957 году в докладе «Творческая история оды А. Н. Радищева „Вольность“», прочитанном в Пушкинском доме (см. обзор И. А. Крижимской, напечатанный в сборнике «XVIII век», № 4, М.—Л., 1959, стр. 468).

Изучая бумаги Бекетова, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве, я решил проверить, как они туда попали. В инвентарных книгах музея значится, что эти бумаги поступили из библиотеки А. И. Барятинского. В числе бумаг, поступивших от Барятинского, есть и два экземпляра рукописи оды «Вольность» в синей бумажной обложке (ф. 342, ед. хр. 71, Б. 13; ранее значился ф. 363, ед. хр. 8). На одном экземпляре (об этом подробнее ниже) имеются заметки наборщика — знак того, что рукопись побывала уже в наборе.

Встал вопрос: от кого и когда приобрел их Барятинский? Библиотекарем Барятинского был М. А. Крупович, человек малоизвестный в литературе, служивший в 1870-е годы в имении Барятинского. Переписка этого Круповича и помогла ответить на вопрос.

Из письма Круповича к издателю журнала «Русская старина» М. И. Семевскому выяснилось, что Барятинский купил бумаги Бекетова в 1873 году от жены издателя «Библиографических записок» В. И. Касаткина, скончавшегося 16 декабря 1867 года.

Бекетовские бумаги, купленные у вдовы Касаткина, были перевезены в имение Барятинского Деревеньки Курской губернии, где находилась тогда его библиотека. Описание этой библиотеки было сделано М. А. Круповичем. Вот его письмо к М. И. Семевскому от 28 марта 1875 года.

Милостивый государь Михаил Иванович. Пользуясь долговременным отсутствием князя фельдмаршала (А. И. Барятинского, — Д. Б.), я, наконец, мог посвятить свои досуги составлению описи рукописям, составляющим особое

отделение в библиотеке его в Деревеньках (в Курской губернии). Спешу препроводить вам сличенную и проверенную мною копию с моей описи. Вы, как компетентный судья, успеете оценить... Когда мне позволит время, я вскоре намерен заняться описанием рукописей, впрочем немногих, библиотеки Касаткина...¹⁷

В описи библиотеки Касаткина, составленной несколько позднее М. А. Круповичем, которая находится в бумагах Бекетова, указаны следующие материалы:

№ 239. Биография А. Н. Радищева, в двух тетрадах, написанная П. А. Радищевым.

№ 296. Ода «Вольность», в двух экземплярах, в 4, в синей обертке.

№ 297. Разные письма, адресованные Плутону Петровичу Бекетову.

№ 298. Разные бекетовские бумаги: 1) масоикские азбуки; 2) список картинам и гравюрам; 3) стихи; 4) отрывки дневника П. П. Бекетова.

№ 299. Собрание стихотворений, писем, надписей, эпиграмм и прозаических сочинений П. П. Бекетова.

№ 300. Разные бумаги: 1) письма к П. П. Бекетову от разных лиц; 2) стихи и эпиграммы; 3) записки и речи; 4) корректурные листы.

№ 301. Собрание портретов русских деятелей, изданных Бекетовым, ч. I.

Из описи Круповича видно, что обе рукописи оды «Вольность» поступили к Барятинскому вместе с другими бумагами Бекетова. В описи названа биография А. Н. Радищева, написанная сыном писателя Павлом Александровичем — так называемая сводная биография Радищева.¹⁸ Написана она была уже после того, как ее краткий вариант был напечатан в 1858 году в «Русском вестнике». Наличие этой рукописи среди бумаг Бекетова дает основание предполагать, что Касаткин приобрел все эти бумаги у П. А. Радищева.

Внимание Виктора Ивановича Касаткина к Радищеву было не случайным. Являясь одним из видных деятелей демократического движения в России, Касаткин глубоко чтит память писателя-революционера. В одном из своих писем он называет Радищева «первенцем нашим». В издаваемом им журнале «Библиографические записки» за 1861 год (№ 1) он напечатал редкий портрет Радищева.

В. И. Касаткин привлек П. А. Радищева к сотрудничеству в «Библиографических записках»; хотел напечатать в своем журнале большую статью о Радищеве, опубликовать полный текст оды «Вольность» и ряд других произведений Радищева. Он прилагал большие усилия, чтобы выявить неизданные рукописи Радищева, хранившиеся в частных библиотеках. Обо всем этом он рассказывает в письмах к В. П. Гаевскому, который также собирал тогда разные материалы о Радищеве.

В письме к В. П. Гаевскому от 15 декабря 1860 года Касаткин сообщает:

¹⁷ ИРЛИ, архив «Русской старины», ф. 265, оп. 2, № 129.

¹⁸ Полный текст этой сводной биографии мною был опубликован в 1959 году в книге «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями».

Пользуясь случаем переслать вам билет на «Библиогр. записки», имею честь донести, Виктор Павлович, что портрет Радищева почти готов. Чтоб не ударить лицом в грязь, хватили в формат Новикова. Приложу его, разумеется, к первому же № «Библиографических записок», но без статьи о Р(адище)ве.

Статья должна идти во 2-м и следующих. Если можно, вышлите поскорее оду Радищева. Да нельзя ли раздобыться его автографом или подписью. Очень бы хорошо снять fac-simile к портрету.

Душевно вас благодарю за хлопоты о заявлении выхода «Библ. записок» в разных журналах.

По очень понятной причине вы не упрекнете меня в алчности, если, не довольствуясь Р(адище)вым, я попрошу вас поискать для записок еще что-нибудь в вашей богатой библиотеке и вашем собрании автографов и разных редкостей.¹⁹

В следующем письме к Гаевскому от 20 января 1861 года Касаткин пишет:

Премного благодарен вам, Виктор Павлович, за присланное прибавление к биографии Радищева. Заметка очень любопытна и будет помещена, где следует.

Цензурная лютость заставляет меня, впрочем, отложить печатание статьи о Радищеве еще №№ на два или на три.

Первенец наш не обошелся без представления его в Цензурный комитет...

Вот отчего и запоздал так 1-й №... Да, прошу вас к статье вручить прилагаемый билет на «Библиогр. записки» Павлу Алекс(андрови)чу Радищеву, которого я искренне уважаю и которому глубоко благодарен за его сотрудничество в нашем журнале.

Отдельные оттиски (в большом формате) портрета Радищева с его fac-simile (на отдельных же листках) я высылаю для вас и Павла Александровича через Ефремова. От него и получите их.

Может быть, это и не правда еще, что новые документы, касающиеся Р(адище)ва, иначе рисуют его. Я, по крайней мере, не нашел ничего дурного для него в известном вам его автографе. Ведь нужно же что-нибудь было отвечать на нелепые допросы. Во всяком случае новые сведения о нем очень интересны — и вы много обяжете нас, если поделитесь ими.²⁰

В бумагах П. А. Радищева, хранящихся ныне в Институте русской литературы (Пушкинский дом), находятся билет на получение «Библиографических записок» и отдельный оттиск портрета А. Н. Радищева, которые послал ему В. И. Касаткин. Все это вместе взятое документально подтверждает связь Касаткина с П. А. Радищевым. То, что Касаткин приобрел указанные выше бумаги и, в частности, рукопись оды «Вольность» от П. А. Радищева, повышает научную ценность этой рукописи.

Обратимся к характеристике самих рукописей.

Оба экземпляра написаны на одинаковой синей бумаге в 4°, имеющей водяные знаки 1804 года (один лист имеет знак 1806 г.), двумя почерками. Первый из них (лл. 1—13) представляет собою, по-видимому, писарскую копию, в которой немало буквенных описок и поправок; второй экземпляр (лл. 14—25) написан

¹⁹ Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, архив В. П. Гаевского, № 128.

²⁰ Там же.

более тщательно; в нем исправлены пропуски и описки, допущенные в первом экземпляре. Почерк, которым написан второй экземпляр, сходен с автографами сына Радищева Павла Александровича.

На втором экземпляре рукописи есть несколько помет, сделанных тем же почерком, которым написана вся рукопись. Эти пометы свидетельствуют о том, что рукопись предназначалась к изданию в составе «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева». На первом листе сверху написано: «Из сочинений г. Радищева. Стихи к Путешествию в Москву». Внизу этого же листа поставлена следующая типографская сигнатура: «С: Со: 1», т. е. «Скобление» со〈чинений〉 <часть〉 I».

Данный экземпляр рукописи был сдан в типографию для набора. Об этом говорят пометы на последнем листе, сделанные наборщиком. Как известно, наборщики всегда измеряли свой труд по количеству набранных ими типографских знаков. Подсчет этот делается умножением числа знаков в строке на число строк на странице. Именно такой подсчет и сделан на рукописи оды. На обороте последнего листа написано: $28 \cdot \frac{(308)}{27} 11 \cdot \frac{28 \cdot 26}{728}$. Смысл этих цифр становится понятным, если мы сопоставим их с количеством строк и листов в рукописи, которая была сдана в типографию.

Число 28 — это количество строк на первой странице рукописи, где 26 строк стихов и две так называемые пробельные строки со звездочками, которые отделяют строфы одну от другой. Число 11, стоящее после скобок, соответствует количеству полных листов рукописи, занятых текстом оды. 28, умноженное на 11, дает число 308, которое поставлено наборщиком в скобках; и обратное действие: 308, деленное на 28, дает число 11. Цифры, приведенные во втором исчислении 28, умноженное на 26, — относятся к количеству типографских знаков. Число 28 также обозначает количество строк набора на странице, а число 26 — среднее количество типографских знаков в строке.

Большое значение данная рукопись приобретает еще и потому, что в ней приведены различные варианты в тексте оды, которые несомненно отражают состояние автографа самого Радищева.

Радищев был взыскательным художником. Он часто вносил в свои рукописи поправки и изменения. На вопрос следователя, не прибавил ли он что-либо в рукопись «Путешествия» после ее цензурного разрешения, он ответил: «После цензуры переменял он некоторые только речения, а в других местах и листы».²¹

О характере работы Радищева над произведениями свидетельствуют сохранившиеся рукописи его работ «Опыт о законодав-

²¹ Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева, стр. 173.

стве», «О добродетелях и награждениях», «Описание Петербургской губернии» и др. В них много зачеркнутых слов, изменений, дополнений. Иногда Радищев записывал поправки и дополнения на полях листов, не указывая точно место, куда следует их поставить. Иногда он перечеркивал поправки и восстанавливал прежний текст.²²

В данной рукописи оды «Вольность», не считая перестановок отдельных слов и буквенных исправлений, 12 различных вариантов. За отсутствием подлинника она приобретает значение автографа.

Исследуемая рукопись оды свидетельствует о первой попытке сыновей писателя опубликовать текст «Вольности» со всеми дополнениями, которые внес Радищев, готовя «Путешествие» к печати. Надпись на рукописи «Стихи к Путешествию в Москву» явно перекликается с названием, которое вытиснено золотом на корешке описанного выше экземпляра «Путешествия».

Цензура не пропустила тогда ни «Путешествие», ни оду «Вольность».

В 1860-х годах П. А. Радищев сделал несколько новых попыток опубликовать текст оды.

В 1860 году он послал рукопись оды А. И. Герцену. В письме к Герцену от 15 июля 1861 года, сообщая о том, что Главное управление цензуры не разрешает издавать в России сочинения Радищева, он писал: «...а потому желательно бы напечатать за границею собрание всех сочинений Радищева с прилагаемыми при сем биографию и двумя статьями, ему приписываемыми, также и полную оду „Вольность“ пятьдесят четыре строфы, доставленную мною вам в первом письме».²³

Посланная в Лондон рукопись оды, по-видимому, была перехвачена агентами русского правительства и не дошла до Герцена. После этого П. А. Радищев дал список оды П. А. Ефремову, который несколько раз пытался напечатать ее.²⁴

В начале 1870-х годов, уже после смерти П. А. Радищева, Ефремов предложил М. И. Семевскому напечатать оду в «Русской старине». В описи материалов «Русской старины» сохранилась запись: «1870 г., февраль, № 13. От Петра Александровича Ефремова. Ода Радищева «Вольность»».²⁵

Редакция «Русской старины» также не могла по цензурным причинам напечатать оду. В той же описи об оде отметка: «Возвращена г. Ефремову».

В 1871 году П. А. Ефремов хотел издать оду отдельной брошюрой. Текст ее уже был набран и сверстан на 16 страницах.

²² См. варианты к его рукописям в академическом издании полного собрания его сочинений (т. III, стр. 539—558).

²³ Литературное наследство, т. 62, М., 1955, стр. 504.

²⁴ Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 301.

²⁵ ИРЛИ, Опись материалов «Русской старины», т. I за 1870—1874 гг.

Но цензура и на этот раз наложила запрет. Тогда Ефремов передал типографский оттиск и рукописную копию оды опять в редакцию «Русской старины». В указанной выше описи материалов «Русской старины» записано: «1871 г., 20 октября, № 522. Ефремов Петр Александрович. Ода, сочиненная Радищевым (печатн. экземпл. в 8-ю д. л. на 16 страницах; и копия в 4-ю д. л. на 26 стр.)».

Представленные П. А. Ефремовым типографский оттиск и рукописная копия оды хранятся ныне в Институте русской литературы (Пушкинский дом), в архиве «Русской старины» (ф. 265; оп. 2, № 2162). Рукописная копия оды находится в тетради на 12 листах в четверку. На первом листе имеется примечание: «От Петра Ал-дров. Ефремова. № 522 по описи».

М. И. Семевский, получив вторично от Ефремова оду «Вольность», подготовил ее текст к печати. Предвидя цензурные притеснения, он сделал в тексте оды несколько вычерков, заменив наиболее острые в политическом отношении места многоточием, составил к ней следующее предисловие: «Эта ода написана известным Радищевым в 1790 году, надо полагать под влиянием французской революции; это стихотворение довольно любопытно для истории нашей литературы, указывая на то, как отразились события во Франции в нашем отечестве на небольшом кружке молодых мечтателей, подобных Радищеву. Отрывки из оды были тогда же им напечатаны; мы помещаем ее с небольшими пропусками по рукописи, за сообщение которой долгом считаем поблагодарить нашего сотрудника П. А. Ефремова».²⁶

Цензура и на этот раз не разрешила напечатать оду.

В конце 1872 года П. А. Ефремов поместил оду во втором томе изданных им «Сочинений Александра Николаевича Радищева». Ода была напечатана с многочисленными цензурными вычерками. Вычерки были сделаны в строфах: I, 7—10, 12—16, 18, 19, 22—25, 34—36, 41—47, 51—54. Это издание, согласно постановлению Комитета министров от 9 мая 1873 года, было запрещено и уничтожено. Случайно сохранилось лишь несколько экземпляров, которые являются большой библиографической редкостью.

В 1895 году ода «Вольность» была напечатана с большими сокращениями А. Венгеровым в издании «Русская поэзия», т. 1, по копии, находившейся у П. А. Ефремова.

С 1865 по 1895 год ода «Вольность» пять раз была представлена к печати и каждый раз отклонялась цензурой. Что касается венгеровского издания, то в нем текст оды был так изуродован, что произведение полностью утратило свою художественную и общественную ценность.

²⁶ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2162. В рукописи после слов «помещаем ее» первоначально было написано и зачеркнуто «в первый раз вполне».

Мотивы запрещения оды были всегда более или менее одинаковые. Цензор Смирнов, наложивший арест на «Сочинения Радищева», напечатанные под редакцией П. А. Ефремова, в своем докладе от 30 апреля 1872 года о первом томе этого издания отмечал: «Книга, сохранив почти в целости свой первоначальный характер, и в настоящем виде содержит множество мест, непозволительных по ныне действующим цензурным постановлениям. Так, например, не говоря уже об оде „Вольность“, в которой находятся выходки против принципов монархического образа правления и сочувствие к республиканской вольности, автор как в „Путешествии“, так и в других сочинениях, вошедших в состав 1-го тома, весьма часто находит случай сказать что-нибудь в укоризну и даже в глухую угрозу самодержавной монархии».²⁷

Цензор Юферов, давший заключение о втором томе ефремовского издания «Сочинений Радищева», об оде «Вольность» писал: «Это произведение написано Радищевым под влиянием французских идей прошлого столетия; она направлена против принципов монархии и самодержавия, воспевает торжество республиканской свободы и вообще проникнута крайним якобинством. В строфах 7—23-й автор описывает в самых мрачных красках злоупотребления неограниченного абсолютизма, притеснения подданных, коварство монархов, видящих в народе лишь „подлую тварь“, гонение истины и свободы, искание личной воинской славы, покушаемых ценой крови подданных, и т. д. За все эти злоупотребления принцип самодержавия призывается на суд народа и революции, карающих его в лице монархов. В строфе 29-й заключается угроза монархам Кромвелем, научившим „как могут мстить за себя народы“; такого же рода угрозы повторяются в строфах 41-й и 42-й. Затем остальные строфы посвящены автором прославлению республиканской формы правления, восхвалению ее преимуществ и торжеству полной, неограниченной свободы. Самые резкие порицания монархического принципа и неумеренная восторженность к республиканским идеям заключается в строфах 9, 10, 12, 13, 15, 23, 35, 41, 42, 45—47, 51, 52. Усматривая из всего вышеизложенного, что ода „Вольность“ направлена к порицанию существующей у нас и поныне формы правления, а потому совершенно неудобна к обращению в публике».²⁸

Лишь под влиянием событий 1905 года ода «Вольность» была в начале 1906 года выпущена отдельной брошюрой в петербургском издательстве «Сириус».

Цензура и на этот раз пыталась остановить печатание оды. Цензор Лебедев в своем заключении от 26 января 1906 года писал: «Ода „Вольность“ была первоначально напечатана в книге

²⁷ Я. Л. Барсков. Комментарии к «Путешествию из Петербурга в Москву». В кн.: А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. II. Academia, М.—Л., 1935, стр. 337.

²⁸ Там же, стр. 338—339.

Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“. Как известно, книга эта долгое время после своего первого выхода в свет не разрешалась для нового издания и лишь недавно появилась вновь без предварительной цензуры. Уже по одному этому обстоятельству разрешение рассматриваемой рукописи вряд ли представляется возможным. Что касается до содержания, то оно заключает в себе главным образом составленное в очень резких выражениях описание восставшего народа против царя, отнявшего у него все права и вольности. Ввиду п. 1 ст. 4 Устава о цензуре и печати и применительно к п. 1 ст. 129 Уголовного уложения ода Радищева „Вольность“ не может быть, по мнению цензора, разрешена к напечатанию под предварительной цензурой». ²⁹

На основании этого отзыва Петербургский цензурный комитет постановил: «Вышеназванную рукопись к печатанию не позволять на основании приведенных цензором узаконений». ³⁰

Но было уже поздно. Она была отпечатана в типографии, и часть ее тиража успела распространиться среди читателей.

Текст оды был напечатан по копии, предоставленной П. А. Ефремову П. А. Радищевым. В предисловии сказано: «В сделавшемся недавно доступным публике сочинении Александра Николаевича Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву“, ³¹ автор поместил оду „Вольность“ (глава «Тверь») только в виде отрывков. Считая, что она представляет несомненный интерес, мы предлагаем ее в отдельном издании полностью. Текст любезно представлен нам П. А. Ефремовым, получившим рукопись оды от сына Александра Николаевича, Павла Александровича Радищева». ³²

Редактором-издателем оды был С. Н. Тройницкий. Сохранился экземпляр оды с его дарственной надписью: «Барону Николаю Николаевичу Врангель от С. Н. Тройницкого». ³³

С. Н. Тройницкий хотел издать полное собрание сочинений и переписку А. Н. Радищева (в трех томах). В 1907 году в издательстве «Сириус» вышел первый том задуманного издания. Остальные тома изданы не были. В конце первого тома был помещен полный текст оды «Вольность», повторяющий издание 1906 года. В начале тома Тройницкий напечатал небольшое предисловие, в котором об оде сказано следующее: «История же текста оды „Вольность“ такова. В 1865 году сын Радищева Павел Александрович доставил полный текст оды Петру Александро-

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 7, № 18.

³⁰ Там же.

³¹ Имеется в виду издание «Путешествия» под редакцией Н. П. Сильванского и П. Е. Щеголева, выпущенное в 1905 году.

³² Ода Вольность. Сочинение Александра Николаевича Радищева. СПб., 1906, стр. 3.

³³ Библиотека Академии наук СССР, шифр III36в/172.

вичу Ефремову для предприятия под редакцией последнего издания сочинений А. Н. Радищева. Хотя по цензурным условиям ода не могла быть напечатана полностью, П. А. Ефремов все-таки набрал ее целиком и потом уже вычеркивал те места, которые, по его мнению, ни в каком случае не могли быть пропущены цензурой. Издание было сожжено, но корректурные листы, к счастью, сохранились и были предоставлены нам П. А. Ефремовым. Ода была выпущена в 1906 году отдельным изданием, но в продажу не поступала».³⁴

В издательстве «Сириус» ода впервые была опубликована в полном виде, в составе 54 строф, без каких-либо сокращений. Немногочисленные опечатки и разночтения, легко обнаруживаются при сличении с копией, принадлежавшей Ефремову, и заключаются в следующем:

		Копия Ефремова	Издание «Сириуса»
<i>Строфа</i>	<i>Стих</i>		На вся простерту мочь
27	2	На вся простерту мочь явил,	явив,
27	4	Создати с миром положил,	Создати с миром положив,
50	1	В себе союз когда прервется,	В тебе, когда союз прервется,
53	2	В вертепе плача взрвет	В вертепе плача взрвет.

С какого оригинала хотел печатать П. А. Ефремов оду? Представлял ли ему П. А. Радищев тот текст оды, который был приготовлен в 1806 году для бекетовского издания? Сопоставление ефремовской копии с рукописью, которая предназначалась сыновьями писателя для бекетовского издания сочинений Радищева, показывает, что ефремовская копия в основном совпадает с рукописью, подготовленной для бекетовского издания. Некоторые разночтения вызваны, во-первых, стремлением Ефремова модернизировать, облегчить некоторые тяжеловесные или архаичные выражения, во-вторых, выбрать из имеющихся в самой рукописи вариантов один, который казался ему наиболее легким. П. А. Ефремов не ставил перед собой задачи воспроизвести рукопись 1806 года со всеми имеющимися в ней вариантами. Он готовил массовое издание, в котором не должно было быть всякого рода справочного материала. Из приводимых ниже различий видно, в каком направлении модернизировал Ефремов текст оды.

		рукопись 1806 года	копия Ефремова
<i>Строфа</i>	<i>Стих</i>		
1	6	В нем, сильных мышц твоих (своих) ударом,	И сильным мышц твоих ударом
1	9	Седяй во славе да смятутся	Седяй во власти смутятся
2	6	Тому внимаю, что понятно;	Тому внемлю, что мне понятно;

³⁴ Полное собрание сочинений Александра Николаевича Радищева, под ред. С. Н. Тройницкого, т. I. СПб., 1907.

3	1	Но что ж моей претит (моей) свободе?	Но что ж претит моей свободе?
3	2	(Желаньям) Деяньям зрю везде предел.	Желаньям зрю везде в предел;
4	2	Среди тягченных жатвой нив,	Среди стягченных жатвой нив,
4	5	Паросска (мрамора) мрамора белее,	Паросска мрамора белее,
7	6	Главою неба досягает	Главою неба досягает
8	5	Повлек в ярмо порабошенья,	Повлек в ярем порабошенья,
8	6	Облек их в броню заблужденья;	И дав им броню заблужденья,
8	10	Народ (дивись) дивить что ты обрел.	Народ давить что изобрел.
10	5	Власть царска веру охраняет,	Власть царска веру сохраняет,
10	8	Одна сковать рассудок тщится,	Один сковать рассудок тщится,
12	8	Где я смеюсь, там все смеется.	Коль я смеюсь, то все смеется.

Сравнительный анализ копии оды «Вольность», полученной Ефремовым от П. А. Радищева, по которой издательство «Сириус» опубликовало полный текст оды, показывает, что этот текст восходит к рукописи, хранившейся в бумагах П. П. Бекетова. Рукопись, находившаяся у Бекетова, составляет единое целое с описанным мною выше экземпляром «Путешествия», который был подготовлен к переизданию самим Радищевым. Она являлась одним из главных дополнений к «Путешествию».

Мы не знаем, когда П. А. Радищев приобрел бумаги Бекетова, среди которых находилась рукопись оды «Вольность». Известно только, что он много и долго занимался собиранием различных материалов о своем отце: брал на просмотр у М. Н. Лонгинова редкий список «Путешествия», обращался к наследнику графа А. Р. Воронцова, М. С. Воронцову, с просьбой предоставить ему радищевские материалы, которые хранились в имении Воронцова, искал переписку своего отца с А. М. Кутузовым, запрашивал о бумагах отца брата Афанасия и других лиц (см. об этом подробнее в первой главе настоящей книги). Можно предположить, что П. А. Радищев приобрел бумаги Бекетова вскоре после кончины последнего. Потому-то, может быть, они и не попали в руки необычайно интересовавшегося ими П. А. Вяземского. Бумагами Бекетова, как отмечено выше, очень интересовался и Бартенев. Значительную часть бекетовских бумаг он опубликовал в «Русском архиве» (кн. III (2), 1880), но среди них не было материалов, которые оказались в руках П. А. Радищева. Их перехватил В. И. Касаткин. Бартенев лишь видел их у Касаткина, о чем он сообщал в примечании к напечатанным им бумагам Бекетова. «У покойного Касаткина, издававшего „Библиографические записки“ и потом переехавшего в чужие края, видели мы синие тетради памятных записок П. П. Бекетова».³⁵

³⁵ Русский архив, 1880, кн. III (2), стр. 327.

Таковы сложные пути, по которым проходил в течение целого столетия полный текст оды «Вольность». Одновременно с этим текстом бытовало несколько списков оды.

В одном из списков «Путешествия», принадлежавшем в середине XIX века М. Н. Лонгинову и содержавшем полный текст оды, имеется надпись на румынском языке, датированная 1800 годом. Я. Л. Барсков предполагал, что эта надпись была сделана «первым владельцем рукописи не позднее указанного в ней года».³⁶ Мнение Барскова разделяет Г. П. Шторм: «Если список Б (так называет он лонгиновский список, — Д. Б.), имеющий важнейшие дополнения, изготовлен в 1800 году или около того времени, то есть спустя десять лет после того, как было отпечатано первое издание „Путешествия“, не означает ли это, что и „важнейшие дополнения“ сделаны автором около 1800 года?»³⁷

Я. Л. Барсков и Г. П. Шторм недостаточно обследовали лонгиновский список, не рассмотрев водяные знаки на форзаце. Форзац списка, на котором сделана названная надпись, имеет водяные знаки 1804 года. Это свидетельствует о том, что дата, указанная в румынской надписи, является ошибочной. Совершенно очевидно, что лонгиновский список был составлен не в 1800 году, а минимум лет на семь-восемь позднее, т. е. после того, как рукопись оды «Вольность» уже побывала в типографии Бекетова. Нет никаких оснований утверждать, что лонгиновский список был подготовлен непосредственно с рукописи Радищева. По-видимому, румынская надпись была перенесена в этот список переписчиком с печатного экземпляра «Путешествия». Некоторые строки румынской надписи сделаны сокращенно, неточно и до сих пор не поддаются переводу. Это говорит о том, что русский переписчик, копировавший надпись и переносивший ее с печатного экземпляра «Путешествия» в список, не знал румынского языка, и там, где ему не удалось разобрать текст, он поставил многоточие. Вполне возможно, что он же исказил и дату надписи и задал тем самым головоломную загадку относительно происхождения списка.

К другим дополнениям к «Путешествию», сделанным Радищевым в последний год жизни, относится упомянутое выше прибавление к стр. 377. Текст этого прибавления не дошел до нас, но поскольку точно указана страница книги, где оно должно быть, мы можем судить, к чему оно относится. Речь идет о главе «Городня», в которой изображена волнующая картина рекрутского набора. Глава эта находится непосредственно за одой «Вольность», и Радищев как бы подчеркивает внутреннюю связь гневных стихов оды

³⁶ См.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, стр. 246. Разрядка моя, — Д. Б.

³⁷ Шторм и Потапкин Радищев, стр. 58.

с картиной народного горя, которую путешественник наблюдал в деревне Городне.

На стр. 377 приводится рассказ крепостного интеллигента Ванюши, получившего образование вместе с молодым баринном в одном из европейских университетов. Судьба этого способного крестьянского юноши мало чем отличалась от положения других крепостных. Когда он вернулся из чужих краев в Россию, его сделали лакеем, а затем отдали в солдаты. С глубоким волнением передана Радищевым история этого юноши. «Я прижал его к сердцу моему», — говорит путешественник.

Радищев, по-видимому, часто наблюдал подобные явления в жизни. В Тобольске он еще раз встретился с таким юношей. Юношу звали Николаем Смирновым. Он был крепостным князя Голицына; образование получил в Московском университете. Не перенеся рабского состояния, он в 1785 году пытался бежать за границу. Его поймали и судили в Петербургском нижнем и верхнем надворных судах, а затем в Петербургской палате уголовного суда. Последняя сначала приговорила его к повешению, затем, основываясь на указе от 30 сентября 1754 года об отмене смертной казни, решила дать ему 10 ударов кнутом, вырезать ноздри, заклеить и отправить в кандалах на каторжные работы. После пересмотра дела в Тайной экспедиции Смирнов был осужден на сдачу в солдаты.³⁸ В Тобольске пустили слух о том, что Николай Смирнов сделал фальшивый вексель в 20 000 рублей, но это слух не соответствовал действительности.

Смирнов хорошо знал иностранные языки, писал стихи и рассказы. Вот что сообщает о нем Павел Радищев: «В 1797 году проживал в Тобольске некто Смирнов, чиновник, сосланный при Екатерине II за сделанный им фальшивый вексель в 20 000 рублей. Он был отпущенник князя Голицына, воспитан с его сыном, знал прекрасно французский язык, занимался литературою и посылал статьи в журнал Сохацкого и Подшивалова „Приятное и полезное препровождение времени“ (20 ч., М., 1794—1798), где подписывался псевдонимом „Даурец Номохон“. Между прочими одна статья — „К смерти“, написанная им в Усть-Каменогорской крепости в 1795 году, начиналась таким образом: „Приди, желанная, и в объятиях твоих да обрету спокойствие, до селе от меня убежавшее“ («Приятное и полезное препровождение времени», т. XI, 1796, стр. 279). Смирнов умел написать что угодно, например письмо на выворот, начиная с конца, с последней буквы последней строки до самого начала, без малейшей ошибки. Императрица Екатерина, сославшая его в Сибирь, писала к губернатору Чичерину: „Посылаю тебе птицу, держи ее в ежовых рукавицах“.³⁹

Встреча в Сибири с Николаем Смирновым не прошла бесследно. Не случайно она так крепко запомнилась Павлу Радищеву, на-

³⁸ Исторический архив, т. V, 1950, стр. 289—292.

³⁹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, стр. 72.

ходившемуся тогда вместе с отцом в Тобольске. Многие эпизоды из воспоминаний Павла Александровича находят соответствие в дневниках писателя. В этих дневниках А. Н. Радищева имеются такие записи о пребывании в Тобольске: «Невольники. Сосланные... Образ жизни кабацкий. Память о Чичерине».⁴⁰ В записи, сделанной в г. Таре 15 марта 1797 года, отмечено: «Записка от сержанта ссыльного».⁴¹

Была ли эта записка от Николая Смирнова или от кого-либо другого, не столь существенно. Важно отметить то, что ссыльный сержант поведал писателю-революционеру о своей горестной судьбе и просил его заступничества. И еще более важно отметить, что писатель, обогатившись в ссылке жизненными впечатлениями, стремился использовать их во втором издании своей книги.

Дополнения и поправки, которые он вносил в книгу, не ослабляли, а значительно усиливали ее идейно-художественное звучание. Сам факт подготовки к новому изданию книги, остававшейся запрещенной, свидетельствует не о «духовном крахе» писателя, как полагают некоторые историки, а о его великом мужестве.

⁴⁰ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, стр. 260.

⁴¹ Там же, стр. 280.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На литературном наследии Радищева лежит печать его необычайно широкой и разносторонней деятельности.

Радищев как видный деятель Коммерц-коллегии, член Комиссии о коммерции, директор крупнейшей в России Петербургской таможни, автор ряда государственных проектов по торговым, финансовым и правовым вопросам долгое время находился в центре политической жизни страны. Он глубоко знал экономическую жизнь России. Перед тем как создать свою бессмертную книгу, он обстоятельно исследовал историческое и экономическое положение страны.

Радищев как писатель был в центре литературного движения России. Около него группировались молодые прогрессивные силы, он создавал книжно-издательскую базу крупного литературного объединения с целью пропаганды в народе передовой революционной литературы.

Радищев явился основоположником революционной русской литературы, возникшей под воздействием усилившейся освободительной борьбы крепостного крестьянства. Этому процессу способствовали также и революционные события в Америке и Западной Европе.

Отмечая мужественную борьбу русского народа против гнета и издевательства, которым подвергали нашу родину царские палачи, дворяне и капиталисты, В. И. Ленин в 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» писал: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика».¹

Творчество Радищева не потеряло своего значения и для современного мира. Писатель, никогда не оставшийся нейтральным

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, изд. 4-е, стр. 85.

в справедливой борьбе народа против тирании и эксплуатации, не дает оставаться нейтральным и нам. Он заставляет сочувствовать тому, что гуманно, справедливо, полезно, и возбуждает против всего, что несет несчастье людям. В борьбе с колониализмом и империалистической реакцией Радищев выступает как союзник трудящихся масс. Революционер-интернационалист, в оде «Вольность» он изобразил будущий идеальный общественный строй с учетом стремлений угнетенных масс не одной, а многих стран; он показал в этой оде, что у борющихся за свободу — общая цель, общий враг.

Радищев утвердил в русской литературе тип писателя — общественного деятеля. К. А. Федин сказал: «Литературный XIX век утвердил тот тип художника-реалиста, о котором можно сказать, что русский писатель — не только писатель: он „деятель“ — человек, вместе с другими людьми делающий жизнь, строящий не один свой замкнутый в себе мир, но мир общечеловеческий. Такой была наша традиция в исторической раме от Пушкина и Герцена до Чехова и Горького. Такого рода писателей-деятелей знала также история Запада. Там эта рама была еще шире, захватывая собою предшественников традиций из XVIII века (что следует, впрочем, сказать и о Радищеве в России) — от Вольтера до Гюго и Романа Роллана, или от Лессинга до Генриха Манна».²

В деятельности Радищева на первый план выступает активное вмешательство писателя в дела человеческого мира. У него нет ни одного произведения, в котором бы он уходил от этого мира в свой замкнутый мир. Радищев не был сторонником пассивного созерцания, ухода художника в самого себя, равнодушного отношения к социальному злу. Он осуждал субъективизм в искусстве, который некоторые западноевропейские критики выдают теперь за новое «откровение».

Большую ценность для нас имеют эстетические взгляды Радищева.

Не отрицая права художника на эксперимент, Радищев ратовал за то, чтобы произведения искусства были понятны людям, имели общественную ценность. Его наивысшей оценки удостоивались те произведения искусства, в которых выражено полное ощущение жизни, страдания, радости или борьбы. Когда герой произведения умирает от ран, говорил он, то читатель или зритель должны чувствовать его муки. «Скажи, не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаокоона?».

Хотя за последние полстолетия в мире произошли огромные изменения и мечта Радищева о социальной революции осуществилась в России, его литературные произведения по-прежнему остаются необходимыми людям. Из них советский народ учится глубже познавать жизнь, видеть связь между человеческим миром прошлого и будущим.

² Константин Федин. Судьба романа. «Правда» от 6 августа 1963 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УСТАВ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ СЛОВЕСНЫХ НАУК

НАЧЕРТАНИЕ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ СЛОВЕСНЫХ НАУК.
УЧРЕЖДЕННОЕ С ОБЩЕГО СОГЛАСИЯ СОСТАВИВШИХ
ОНОЕ ДРУЗЕЙ ВО ГРАДЕ СВЯТОГО ПЕТРА 1784 ГОДА

Отделение I

1. Дружеское общество должно не иное что значить, как сострадание чувствительных сердец о участи ближнего, лишенного помощи дать пищу природным своим дарованиям, чрез которую б они воссияли в пользу и честь нашего отечества. Почему такое общество да имеет себе предметом, чтобы как собранные членами в святилище наук плоды, так и дарования, влияющие благодетельствующею природою, были через общее упражнение распространяемы, исправляемы и посвящаемы в пользу какого-либо юношества, воспитывающегося в просвещение отечественного нашего народа.

Что значит сие общество и на каком должно быть основании.

2. Таковой имея предмет да примет оно основанием любовь к ближнему и усердие к пользе отечества и будет в рассуждении своей цели составлять часть нераздельную **Общества университетских питомцев**, в Москве учрежденного и горящего единым усердием. Что ж касается до названия оного, то пристойно ему именоваться **Обществом друзей словесных наук**. А как сии две части единого общества, разделенные токмо местом, в рассуждении же согласного усердия к пользе своего отечества всегда тесно соединенные чрез сходственные чувствования сердец, простирают свои мысли к единому предмету, то и необходимо обязаны иметь между собою сообщения, относящиеся до успехов предприятия, внутреннего согласия и разных случающихся нужд, чтоб таким образом взаимно поощряемы и вспомоествуемы были. И сия связь между оными должна до того простираться, чтоб член сего общества мог невозбранно или, лучше сказать, обязан был, будучи в Москве, посещать тамошние питомцев собрания и некоторые труды, естли похочет, в оные вносить. Сверх сего экземпляры трудов, вышедших в свет, в знак соединенности взаимно пересылать, по одному на собрание, было бы для нас желательно, а некоторым образом и полезно.

3. Разные состояния граждан производят разные жизни их обстоятельства; следовательно, вступившие в театр света и обязавшиеся гражданскими должностями, каковые большею частию составлять будут здешнее общество, различествуя обстоятельствами с составляющими самое основание Московского собрания, которые или воспитывались, или воспитываются еще один пред глазами другого, должны различествовать и в некоторых между собою положениях, требующих необходимо иметь основанием следующее.

А. Преимущество между членами такового общества терпимо быть не может, а всякой член должен стараться пред другими отличиваться добрым сердцем, усердием к пользе отечества и трудолюбием, каковые качества могут ему служить блистательным знаком его отличия. Что же касается до двух различных родов членов, предположенных в здешнем собрании, то есть присовокупивших к природным способностям учение и управляемых в трудах единым щастливым природы расположением, то необходимо должны они разделиться на два класса, из которых первые к первому, ко второму ж вторые относиться должны. Однако же уважение к труду будет более сохранено по цене оного, а не по таковому классов расположению, нужному токмо в некоторых случаях общего порядка.

Б. Для устройства и порядка собраний и трудов нужны два чиновника, секретарь и казначей, или один, отправляющей обе должности, смотря по обстоятельству тягости оных.

В. Секретарь собрания, избираемый из достойнейших членов первого класса, образуя око общества, коего усердные и трудолюбивые члены составят душу, должен, во-первых, иметь наблюдение над точным членами исправлением обще постановленных правил, и если кто из членов что-либо упустит, о том учтиво напоминать, если ж кто от лени пренебрежет, то, поступив два раза показанным образом, в третий объявлять собранию, что такой-то член должен в некоторых поступках быть судим. И когда назначится день собрания, в котором оный суд должен производиться, тогда секретарь письменным предложением или речью должен поступок судимого представить, прося от членов мнения, что с таковым делать надлежит. Вторая часть должности секретаря обязывает иметь с Московским собранием переписки и доносить о важных новостях собранию, также от лица здешнего общества всякое с тем делать сношение. Сверх сего о пользе Общества частно иметь с членами советы. И, наконец, третья часть сего звания предписывает отправляющему его всякие сочинения или переводы, вступающие в собрание, хранить у себя и выдавать оные к прочтению по порядку их вступления, так как и весть журналы собраний, прочитывать оные пред членами, собирать дополнительные учреждения и хранить все оное с радением.

Г. Казначей, назначаемый из надежнейших которого-нибудь класса членов, по своему чину да имеет всякое от имени Общества сношение с договаривающимся или договорившимся типографщиком в рассуждении печатания трудов, также и собирает выручаемые за книги и всякие от членов для нужд Общества внесенные деньги, и производит оным расход по распоряжениям Общества.

Д. Собрание редких и притом полезных книг не меньше нужно для приведения Общества в цветущее состояние, как и прочие учреждения, почему не предосудительно будет совести и чувствительности благородной членов, если некоторая часть общественного стяжания употребится к заведению общей библиотеки под смотрением одного из членов первого класса, которому и именоваться книгохранителем собрания.

Е. Упражнение членов должно состоять из переводов или сочинений по способности каждого и по общему одобрению и что касается до упражнений первого рода, то они не иначе должны быть предпринимаемы, как по предложении о том собранию, исходатайствовании на то согласия или по назначению труда от собрания, при выборе которого оно не должно терять из виду точной пользы своему отечеству от оных, если не могушей произойти, то, по крайней мере, желаемой.

Ж. Для исправления и чтения трудов нужно иметь собрания в удобном к тому месте, во время которого да сохранится благонаравие, чистосердечие, усердие и почтение к толь похвальным трудам; таковые качества соблюдут согласие и порядок безмятежной в продолжении пред-

принятого намерения и ободряет к трудам сочленов. Также сколь велики добродетели, кротость и терпение в исправлении погрешностей ближнего, столь они нужны и в наших собраниях, при исправлении знаний и понятий слабейших сочленов.

3. При исправлении какого-либо труда для избежания усиленных споров, происходящих часто от пристрастных мыслей, должен быть старший и преимущественный голос трудившегося; когда ж он сие предаст во власть справедливости собрания, тогда словопрения должны решиться или явным доказательством, или большинством согласно мыслящих голосов, и такое правило должно простираться на все протчие советы.

И. Собрания должны учреждены быть в назначенные по согласию дни и часы, и кто из членов за болезнью или за крайней нуждою быть не может, обязан накануне или, по крайней мере, того дня утром известить о том секретаря, или кого-нибудь из членов, чрез что в напрасном ожидании время не теряется.

1. В отсутствии трудившегося его упражнений не читать, хотя б того и очередь требовала; но заняться в таком случае чем-нибудь другим, нужным и полезным для Общества.

4. Порядок собрания должен быть следующий.

А. Когда члены соберутся и секретарь их запишет в журнал по порядку прихода, должны начинать собрание не позже назначенного часа.

Б. Потом секретарь читает журнал предыдущего собрания, по прочтении которого один из членов непременно должен начать труды речью, для чего и нужно им учредить между собою круговой порядок. Сия речь да вливает наиболее в чувства сотрудников благородные и достойные человека мысли, также и усердие к собранию. Причем полезно вмещать в оную, еслили нужда потребует, предложения, усугубляющие пользу общества сего.

В. После таковой речи тот член, которого труд должен поправляем быть, принимает оный от секретаря и читает пред собранием, сохраняя всегда терпение к выслушанию какого-либо против его сочинения или перевода возражение и делая на оное ответы благопристойные, кроткие и без всяких оскорбительных выражений; противно ж сему поступающий почтется Обществом за малодушного и будет час от часу терять к себе прежнее уважение так, что, наконец, собрание принуждено будет лучше уменьшить число членов, нежели умножить беспорядок и бесчинство в собраниях.

Г. Труды поправляемы быть должны таким образом, чтоб обширный труд, составляющий несколько листов, не мог задерживать течение мелких пиес; почему надлежит, при начале собрания прочтши несколько из сих последних, продолжать потом чтение большего труда.

NB. Для облегчения в сем труде собрания и для споспешествования течению изданий нужно, чтоб трудившийся, а особливо из членов, мало еще упражнявшихся в переводе или сочинениях, имел к кому-нибудь из членов искуснейшему себя доверенность в рассуждении домашней поправки и просмотра его труда. Выбор к сему поручается самому таковому члену.

Д. Сверх поправления трудов и просмотра оных Общество обязывается стараться, еслили будет нужно, сберечь несколько времени на рассуждение о предложенном в речи члена мнении и способе, служащем в пользу Общества, или, еслили время того не позволяет, назначать таковое рассуждение в журнале к следующему собранию, в котором и должно будет нарочно для сего оставить нужную часть времени. Чем и оканчивается собрание.

Отделение II

Каким образом поступать с изготовленными уже к изданию трудами.

1. Исправленные показанным порядком труды должны отданы быть для переписки трудившемуся, который обязан стараться как можно менее в том медлить, и потом отдать вторично секретарю, который доносит о том собранию, и труд назначается ко внесению в число изданий.

2. Издания сочинений и переводов удобнее могут выходить в свет без назначения времени, ограничивающего толь часто мысли сочинителя и точность переводчика в их упражнениях, почему и лучше оные издавать по частям, определив в каждую известное число листов, для легчайшего с типографщиком расчёта.

3. В таковых изданиях под каждым трудом имя трудившегося означено быть должно по крайней мере начальными литерами имени и фамилии.

4. Естьли ж кто из членов предпримет труд, составляющий обширную книгу, превосходящую положенное число листов каждой издания части, посвятив оный пользе сего общества, то в таком случае оная книга хотя не принимается в периодическое издание, однако же должна быть читана в собрании и по особливому с типографщиком договору издаться под именем трудившегося или как он пожелает, и полученные по продаже ее деньги будут подлежать распоряжению собрания.

Отделение III

Должность Общества в рассуждении вновь вступающих со членов.

1. Предположив такое основание и такой порядок Общества, надлежит членам оною при его распространении обратить наиболее взор свой и внимание к тому, чтоб при приеме новых сотрудников природные дарования с добрым сердцем предпочтены были школьному учению с низкими чувствами; ибо первые употреблением и полученным чрез то навыком могут обделеть свою природную драгоценность; но последние вечно останутся противниками нашей цели, и как притом много в свете есть таких примеров, что человек щастливых дарований не имея случая обучиться иностранным языкам, логике, метафизике и подобным сему знаниям, почитает уже себя неспособным приносить своими дарованиями пользу отечеству с стороны просвещения, и имея, однако ж, склонность к учености и способность к рассуждениям и благородным чувствованиям, повергается в уныние и попускает светильнику своему погасать, то и нужно такому обществу, каким быть мы наше предположили, стараться подобным людям доказать, что навык здраво мыслить, исправлять понятия свои и чувства, сладко изображать, можно приобретать на нашем природном языке так же, как и на иностранных. Ибо намерение всех российских покровителей наук ныне стремится более к тому, чтоб российским умам жизнь давать, нежели чужие иметь только переложенными на своем языке.

2. Таким образом, взяв сие правилом в выборе новых сотрудников, должно наблюдать, чтоб имеющие токмо одни дарования и способность при добром сердце беспрепятственное имели вступление в Общество, равно как и учившиеся при таковых добротях души. И как те, так и другие должны принимаемы быть с такою осторожностью, что естьли они довольно никем из членов с стороны способности к трудам сего общества неведомы или признаны от некоторых требующими навыка, то таковых включать не прямо в число членов, но в число еще готовящихся быть членами, или кандидатов, которые составят третий класс Общества, не входящий ни в какие членов советы, не имеющий никакого и ни в чем голоса и не носящий даже и имени члена до тех пор, пока не покажет какой-либо опыт своего труда.

Отделение IV

1. Общество обязано внимательно примечать малейшее движение каждого члена в предприятиях и отношениях его в рассуждении общего дела, усердного достойно ободрять, ослабевающего укреплять, пренебрегшего ж собственное свое согласие в рассуждении правил судить обще и поступать с оным по мере его поступка.

2. Суд должен над таковым членом производиться в случаях сомнительных и важных в рассуждении общей целости, осмотрительно и неспешно, хотя бы принуждены были его разделить и на два собрания, естли в один раз окончен быть не может. Он объявляется по должности секретарем собрания и тогда судимому запретить должно вход в собрании до окончания суда.

3. В суде не только надлежит разбирать род поступка, но также судимого заслуги Обществу, расположение сердца и достоинство в трудах; без чего невозможно положить о его вине мнения, которое б было справедливо и целости Общества не противно.

4. Почему, естли кто из членов против обвинителя похочет судимого защищать на основании показанных при суде осмотрительностей, то ему можно сие позволить изъяснить защитительным словом; каковой порядок может быть полезен для навыку к расположениям своих рассуждений и свободному мыслей изъяснению.

Должность Общества в рассуждении каждого члена.

Отделение V

1. Общество да поставляет также себе должностью внимательно смотреть на готовящихся быть сочленами, чтоб они частно упражнялись под смотрением некоторых из членов в сочинениях или переводах для своего навыку; и когда чрез два месяца собрание ни от одного из них не увидит опыта трудов для публичнаго чтения, тогда именно некоторым, более примеченным в способности и успехе упражнений, назначить общее сочинение или перевод, и того, который в одной задаче опыт свой предложит и собрание его найдет достойным помещения в число своих трудов принимать в члены.

2. Таковой первый опыт должен читан быть в отсутствии самого кандидата, которому в следующее собрание чрез секретаря и объявить, что его труд в число изданий помещен и он членом Общества объявлен; также сделав ему для поощрения похвалу, допустить к участию во всем.

3. В случае ж не удостоения таковой кандидат о том частно уведомляется или чрез секретаря, или чрез того члена, под руководством которого он частные имел упражнения. В таком случае должно наблюдать великую осторожность, дабы таковой справедливый против его поступок не был ему огорчителен.

Должность Общества в рассуждении готовящихся быть членами или кандидатов.

Отделение VI

1. Всякой член должен чувствовать, что его усердие, соединенное с усердием сотрудников, есть душа Общества. Почему и обязан звание сие рачительно отправлять и изыскивать все, что может быть дополнено к совершению и утверждению целости оного.

2. Как уже известно всем, что каждое общество согласием скрепляется и враждою рушится, то члену и сего общества должно все свое устремить внимание к тому, дабы первое сохранить, а второй заградить вход в сердца сочленов; почему он да не гордится ни ученостью, ниже дарованиями своими перед прочими, и да тщится иметь единственно благородную ревность, чтоб превзойти прочих трудами, которым полагать цену не его, но общества есть долг. И, наконец, да судит беспристрастно труд своего товарища и воздает всякому по достоинству. Из

Должность каждого члена в рассуждении Общества.

чего можно видеть, что должность члена есть двойка в рассуждении согласия Общества и в рассуждении успехов оною, из коих частей первая добрым сердцем, последняя ж трудолюбием исполняется.

Заключительное сего начертания правило

Сие краткое начертание есть только путь, открывающий членам виды, достойные замечания для их намерений; почему оно и должно быть советами общими пополняемо и приводимо в совершенство по обстоятельствам нужных к тому случаев, и каждому таковому пополнению пристойно называться **постановлением** с означением месяца и числа, когда оное учинено, например: Постановление 1784 года, месяца и дня.

Рукоприклад-
ство.

Таковое начертание учреждения Общества друзей словесных наук мы, оною члены, почитая за удобнейший способ к достижению нашего предмета, согласием нашим утверждаем и своеручным подписанием исполнять обещаем.

*Михайло Антоновский. Петр Радкевич. Павел Икоsov.
Павел Львов. Семен Спешницкий. Алексей Барщов.
Корней Лубянович. Николай Муравьев. Николай Ново-
силцов. Иван Степанов. Сергей Золотов. Семен Пестов.
Николай Эмин. Яков Чекалевской. Сергей Тучков.
Егор Рябинин. Семен Печенев. Михайло Степанов.
Степан Завалевский. Петр Титов. Иосиф Коржевский.*

ГЛАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ СЛОВЕСНЫХ НАУК

I

Члены общества сего должны всемерно стараться быть чистосердечными, единомышленными, любить паче себя свое отечество, быть сострадательными к несчастливой участи ближнего своего и прилагать всевозможное попечение о просвещении разума своего полезными для человечества познаниями, равномерно и о соделании сердца своего правым и непорочным.

II

Обязанность члена общества сего есть собранные ли в святилище наук плоды, или влияющие благодетельствующего природою дарования и познания приобретенные распространять в общих собраниях, исправлять оные по правилам общего беспристрастного суждения или критики, и произведения оных принести в пользу какого-либо юношества, воспитываемого в просвещение отечественного нашего Народа.

III

Вследствие сего упражнения обществу сему положено именоваться Обществом друзей словесных наук.

IV

Члены общества сего разделяются на три части; первую составляют присовокупившие к природным своим способностям и хорошим качествам ученость, и именуются первостепенные; вторую — управляемые в трудах своих или единым токмо счастливым расположением природы, или приобретшие знание языков с некоторым познанием словесных наук, и именуются второстепенными; а третью — не могущие всегда при собраниях бывать по званию своему, в общежитии отвлекающему из сего города навсегда или надолго так, что разве по случаю может он возвращаться в город, и сии объяваны (на основании II правила) сколько возможно им будет стараться о прилеплении к цели сего общества — именуются же они почетными. В сей же класс принимаются и все члены соединенного с здешним Московского общества университетских питомцев.

V

При обществе сем есть еще кандидаты или готовящиеся учиниться которой-нибудь из выше сказанных степени членами; и по оказании от них опытов, приличествующих членам, производятся торжественно в члены (на основании IV правила).

VI

Общество сие начальства и власти у себя не приемлет; но при строгом наблюдении равенства отдаваемо будет в оном справедливое уважение членам доброго сердца, нежно и разумно любящим свое общество и наблюдающим в точности свою обязанность. — А есть при обществе два необходимые чиновники, секретарь и казначей (книгохранитель).

VII

Члены, презревшие свою обязанность, по учинении чрез секретаря общества предварительных увещаний и напоминаний, когда будет предложено о том чрез секретаря, не впуская их в собрание, судятся общим судом, и, смотря по вине, отрешаются от общества и обращения с членами на время или и вовсе.

VIII

Члены должны иметь прилежное наблюдение за принятыми в Общество предложенными ими кандидатами в рассуждении их усердия к обязанностям своим, и в том им помогать и их руководствовать.

IX

Членам, и чиновникам, и кандидатам поступать по предписаниям их должностей, начертанных в законоположениях сего общества пространно.

X

Труды членов должны быть всегда направляемы к возбуждению и поддержанию чистой нравственности и к люблению обязанностей доброго гражданина; и Общество, по собрании оных в довольном количестве, имеет издавать в свет по частям, составляющим известное число листов.

XI

Выручаемые за издания деньги посвятить нуждам и воспитанию некоторого числа бедных каких-либо детей, воспитываемых для служения отечеству во учрежденных уже для сего от благотворительных особ или правительства училищах, находящихся здесь в С.-Петербурге.

XII

Иметь всякую неделю в назначенной день и час, в пристойном месте, собрания; в которых всякую неделю и при начале каждого заседания по прочтении секретарем Общества записки о делах прошедшего собрания, члены первой, второй и третьей степени имеют право читать по очереди рассуждения свои, кои должны быть на российском языке написаны, и содержание оных должно быть иравственное, возбуждающее в членах любовь и охоту к своим в сем наипаче обществе обязанностям. — Потом по предложению секретаря Общества читать трудившемуся свои сочинения или переводы по порядку вписания оных в особую для сего книгу у секретаря, наблюдая при чтении оных разбор по правилам здравого суждения или критики, так как и строжайшее сохранение благопристойности, предоставляя при поправлении труда преимуществейший голос трудившемуся. Наконец, предлагать в кандидаты или по сделанным опытам, которые читать секретарю пред собранием или поручителю, не впуская трудившего в собрание, удостоивать из кандидатов в члены; — тако ж, буди необходимость потребует, прозводить над виновным суд (тогда посетители имеют оставить собрание), в сие же время рассуждает собрание о сделанных членами для пользы целей общества сего предложениях. Секретарь Общества Михаил Антановский.

«ПОДЕННЫЕ ЗАПИСИ» О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИЩЕВА В КОМИССИИ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАКОНОВ¹

1801 год

Августа 13-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Аианьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Того ж числа определенной по именному его императорского величества указу, данному Сенату сего августа в 6-й день, членом в Комиссию сочинения законов коллежский советник Александр Радищев в присутствии в Комиссию вступил.

Во оную Комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них таковых же именных, данных Сенату.

1-й. Минувшего июля 22 о считании бывшего воронежского гражданского губернатора тайного советника Солнцева по-прежнему в службе для употребления к месту званию его приличному, и об отставке тамошнего губернского прокурора Харламова от службы и о неопределении его впредь ни к каким делам.

2-й. Сего августа 1 о постановлении деяния бывшего в Тамбове губернатором действительного статского советника Бахметьева, обнаружившего злоупотребление власти во отрешении чиновников разных присутственных мест той губернии и предании суду за взятки, упущении и разные злоупотреблении со отрешением от должностей, в чем они по исследованию виновными не найдены, на замечание Сената для предостережения и других от подобных поступок.

3-й. Что из одного Сената Оренбургской палаты суда и расправы 1-му департаменту по протесту тамошнего губернского прокурора в разрешении происшедшего в той палате по всемиловитвейшему его императорского величества манифесту 2 апреля сего года состоявшемуся разномыслия, предписано ей указом с строгим выговором за непрямоте понятие того всемиловитвейшего манифеста и с повелением дабы все виновные, подходящие под 1-ю статью оного, воспользовались совершенною свободою по изливающей на них

¹ Приводятся записи только за те дни, когда Радищев был в Комиссии. Записи о непроступивших днях также опущены.

высокомонаршей государя императора благодати; о чем для надлежащего сведения и должной предосторожности и всем прочим палатам указами знать дано. Рассуждено: оные три экземпляра указов сообщить к прочим.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Николай Ильинской,
Александр Радищев.

Декабря 23-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыл тайный советник и кавалер Ананьевской по полуночи в 9-м часу.

Член сей комиссии коллежский советник Радищев, бывший при его сиятельстве в Москве, из оной сего декабря 21 возвратясь, сего числа в присутствие вступил; причем и доставленной из Капитула российских орденов минувшего октября 11-го дня в Комиссию возвращенной по высочайшему его императорского величества повелению знак ордена св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени и при нем один аршин лент ему от Комиссии вручен.

Упражнялись в порученном по Комиссии деле.

По сообщению из Государственного санктпетербургского казначейства для статных схим, коим знать дано: что следующее к отпуску во сную комиссию за сентябрьскую сего года треть жалованья 9431 рубль 40 копеек, а за исключением из них по предложению от 6 февраля 1800 года на выдачу за оную ж треть вдове тайного советника Яковлева с дочерью в пенсию 330 рублей и за вычетом по указу Правительствующего Сената от 4 июня сего года с коллежского асессора Похвиснева, за повышение оного чина из положенного по штату 1763 года годового оклада 450-ти рублей на лазарет за месяц, кроме гошпитальных 37 рублей 12 $\frac{1}{2}$ копеек, печатных пошлин, гербовую бумагу и воск 4 рубли 86 копеек, за напечатание патента и баргамин 1 рубль 56 копеек, за приложение к патенту печати 12 рублей 50 копеек, да по сообщению экспедиции о государственных расходах от 14 декабря у статского советника Прянишникова за бытность в отпуску ноябрь с 6 января по 1-е число 302 рубль 50 коп., а всего шести сот восьмидесяти осьми рублей пятидесяти четырех копеек с половиною, достальные восемь тысяч семь сот сорок два рубли восемьдесят пять копеек с половиною казначею статскому советнику Санникову отпустить велено ассигнациями с дополнением медных под росписку приходчика, надворного советника Ефима Толстова, с тем, чтоб благоволено было оные деньги приказать принять и по приеме о получении их сие казначейство уведомить, — рассуждено: означенному приходчику надворному советнику объявить, чтоб он для принятия вышеупомянуемой денежной казны явился в реченное казначейство и по принятии оную представил Комиссии немедленно при рапорте.

Во оную комиссию получен экземпляр состоявшегося сего декабря в 12-й день манифеста о восстановлении Статута российских орденов св. великомученика и победоносца Георгия и св. равноапостольного князя Владимира во всей их силе и пространстве со истолкованием и дополнением права к получению св. Владимира в разуме их, в статьях 5 и 16 Статуте изображенном.

По рапорту приходчика, надворного советника Толстова, при котором представил принятые им сего числа из Государственного статного казначейства на жалованье находящимся в сей комиссии членам и прочим чинам и служителям за сентябрьскую сего года треть восемь тысяч семь сот сорок два рубли восемьдесят пять копеек с половиною государственными ассигнациями с дополнением медными, которые по счету оказались все сполна и

положены в сундук, — рассуждено: записать оные в приход, о чем ему, Толстому, дать приказ и в Государственное статное казначейство о получении их послать сообщение.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Декабря 24-й день, вторник; в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

За присканные к покупке во оную комиссию нужные по рассуждению ее продающиеся на немецком языке изданных в 1791 году прусским королем новых для прусских областей законов четыре книги в осьмую долю без переплета, и взятые уже у книгопродавца Лисснера за пятнадцать рублей рассуждено: оные деньги заплатить ему из положенной на расходы по сей комиссии суммы, записав в расход, и о том расходчику, надворному советнику Ефиму Толстому, дать приказ.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Декабря 30-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По известию статского советника и оной комиссии члена Прянишикова, коим уведомляет, что таковое ж посланное к нему из сей комиссии от 6 ноября с прописанием высочайшего его императорского величества указа о увольнении его на три месяца в город Пермь, сего декабря 2-го числа им получено, — рассуждено: оное известие сообщить к делу.

Оной комиссии коллежской ассessor Николай Баклановской, быв с давшим минувшего ноября 20 из оной пашпортом в отпуску генваря по 3-е число наступающего 1802 года из того отпуску сего декабря 30-го дня возвратился, по сему и в должность свою велено вступить по прежнему.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Декабря 31-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем последовавшей минувшего ноября в 18-й день на поднесении от Сената докладе высочайшего его императорского величества конфирмации о утрате присяжным Зотовым отправленных с ним из Орла в Москву и Санктпетербург казенных денег; что из оного всем губернским правлениям и казенным палатам подтверждено, дабы впредь подоб-

ного не могло случиться. Ежели по необходимости нужно будет сделать отправление казенных денег с нарочными, чтоб в таком случае для сего выбрали из надежнейших в поведении людей.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радицев,
Николай Ильинской.

Того ж декабря 31-го дня.

По репорту оной комиссии расходчика, надворного советника Ефима Толстова, при котором представя коликое число сего года в минувших ноябре и декабре месяцах во оную комиссию каких именно по приказаниям от Комиссии для оной материалов и прочих припасов было им искуплено и у кого именно и по каким ценам ведомость, просит о даче ему о записке тех употребленных денег в расход повеления; а по той ведомости показано, что им куплено у санктпетербургского купца Василья Александрова бумаги № 1-го две стопы по четыре рубли каждая, восемь рублей; № 2-го одна стопа, три рубли пятьдесят копеек; картузной семь десятков по пятидесяти копеек каждая, три рубли пятьдесят копеек; перья 10 пучков по двадцати по пяти копеек каждой, два рубли пятьдесят копеек; сургуча черного полфунта, один рубль пятьдесят копеек; обоев для обивки в покое, где хранятся комисские дела, у шкапа подзора два куска, пятьдесят копеек; лоханка дубовая для мытья сторожам чернильниц, сорок копеек; ведро для ношения воды с железным обручем, десять копеек; заступ железной, пятьдесят копеек; воску на десять копеек; за забранные у сенатского словолитчика Ивана Кузьмина 4 штофа чернил по одному рублю каждой, четыре рубли; свешнику Василью Феклистову за два пуда свеч салных по шести рублей каждой, двенадцать рублей; в Санктпетербургскую Академию заплачено за билет для получения на 1802 год «Санктпетербургских ведомостей» десять рублей и за календарь сорок пять копеек, да за печатание в «Ведомостях» о явлении в Комиссию желающим для переводу с немецкого на российской язык книг, один рубль пятьдесят копеек; сторожевой жене Ирине Федоровой за мытье с 11 октября по 1 декабря в комисских покоях полов пять рублей тридцать восемь копеек; а всего пятьдесят три рубли девяносто три копейки. — рассуждено: оные употребленные надворным советником Толстым из положенной на расходы Комиссии суммы на покупку означенных материалов и прочего деньги пятьдесят три рубли девяносто три копейки записать в данную книгу в расход и о том дать ему приказ.

Иван Ананьевской
Григорий Пшеничный
Александр Радицев
Николай Ильинской

1802 год

Января 2-й день, четверток, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, кол- } По полуночи
лежский советник и кавалер Радицев. } в 9-м часу.

Упражнялись в исправлении порученного им по Комиссии дела.

В оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа с изображением в нем именных, данных Сенату четырех минувшего ноября от 12-го, 14-го и 16-го чисел о возвращении бывшему заседателю Кузнецкого уездного суда титулярному советнику Афанасьеву чинов и дворянского достоинства, и о принятии тайного советника Василия Попова и отставного поручика Николая Хрущова воспитанникам и воспитанницам фа-

мили их, и о вступлении здешнему жителю Антону Вянкеру фон Данкеншвейлю в подданство Российской империи с дозволением ему пользоваться правом покупки на его имя недвижимого имения.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Января 3-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

От его сиятельства господина действительного тайного советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Заводовского чрез члена сей комиссии тайного советника Ананьевского дано знать, что на определение из дворян губернского секретаря Николая Радищева бывшего сперва в гвардии и потом из оной из сержантов выпущенного в Малороссийской гранодерской полк в подпоручики и уволенного от службы тем же чином и находившегося 1801 года с августа при комиссии о коронации и произведенного по именному указу октября 14-го дня губернским секретарем, по поданному от него прошению к делам во оную комиссию о составлении законов его сиятельство согласен. Рассуждено: вследствие сего означенного губернского секретаря Радищева определить в Комиссию в число канцелярских служителей для употребления к письменным делам, из числа сего жалованье ему с прочими производить впредь по усмотрению трудов и прилежности, чего ради и внести его в список.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 8-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: действительный советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 9, четверг, в присутствии в Комиссию прибыл коллежской советник и кавалер Радищев по полуночи в 9-м часу. Упражнялся в порученном ему по Комиссии деле.

Вышел во 2-м часу по полудни
Александр Радищев.

Января 10-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По прошению служащего во оной комиссии и уволенного от оной с данным прошлого 1801 года сентября от 27-го числа пашпортом в отпуск для устройства домашних дел и свидания с родственниками в Московскую, Ря-

занскую и Курскую губернии на четыре месяца коллежского асессора Андрея Похвиснева, коим показывал, что он по прибытии Курской губернии Фатежской округи в деревню его Варапаему домашних дел и раздела с братом его родным лейб-гвардии Семеновского полку унтер-офицером Иваном Похвисневым учинить и хозяйственного порядка в показанное данное ему четырехмесячное время привести ко окончанию еще не мог, и дабы чрез сие неокончание не расстроит своего состояния, просит по таковой надобности об увольнении его от дел оной комиссии и о причислении его для определения к другим делам к герольдии. Рассуждено: оного коллежского асессора Похвиснева по объявленному его прошению вовсе от дел сей комиссии уволить и, о том его увольнении изготова аттестат, для отдачи ему по пребыванию его теперь, как из просьбы его видно, в Фатежском уезде препроводить в Курское губернское правление при сообщении. А как он, Похвиснев, в нынешней чин произведен прошлого 1801 года марта 1 числа, и за сие его повышение, на лазарет и прочее следующее количество пятьдесят шесть руб. четыре копейки с половиною удержано Государственным статным казначейством на счет подлежащего ему жалованья, при отпуске в Комиссию за прошедшую сентябрьскую треть жалованной суммы: по получаемому же им окладу за ту сентябрьскую треть по день увольнения его в отпуск сентября по 25 число причиталось ему в выдачу только девятнадцать рублей восемьдесят копеек, кои и оставлены без выдачи ему с тем, чтоб остальные тридцать шесть рублей двадцать четыре копейки с половиною удержать у него при выдаче ему за январскую сего 1802 года треть жалованья. Но за сим увольнением его от дел Комиссии никакого ему жалованья производимо быть не имеет, то и требовать от означенного Курского губернского правления, чтобы благоволил предписанные тридцать шесть рублей двадцать четыре копейки с половиною, взыскав с него, Похвиснева, доставить оные в Комиссию о составлении законов чрез почту на счет его Похвиснева относительно подлежащих за сию пересылку издержек. А сверх сего, взыскав с него за употребленную по комиссии на производство о увольнении его от дел вместо гербовой простую бумагу за четыре листа один рубль двадцать копеек, печатных пошлин пятьдесят копеек с половиною, причислить оные к подлежащим суммам. Для сведения же о сем его, Похвиснева, от дел Комиссии увольнении и для причисления по желанию его ко определению к другим делам Герольдмейстерской экспедиции дать известие.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 11-й день субботный, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской.	}	По полуночи в 9-м часу.
--	---	----------------------------

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По сообщению из Тверского губернского правления полученному прошлого 1801 года декабря от 26-го числа, коим требует о доставлении в сие правление уведомления, кто именно были от Тверской губернии при сочинении проекта нового уложения депутатами, которым даны знаки и от кого обратно оные получены, и как из числа тех знаков после некоторых умерших депутатов имеются в руках у наследников, то следует ли от них отобрать и оные по отобрании куда отправить. Рассуждено: на сие требование, приложо во оное губернское правление при сообщении, кто по Тверской губернии в депутаты были откуда выбраны и кому золотые знаки даны, и после кого, откуда и когда в Комиссию получены список дать знать, что

по точной силе высочайше изданных в 1766 году декабря в 14-й день положения, откуда депутатов тогда к сочинению проекта нового Уложения прислать велено было 12-й статьи и обряда выбора оных 23-й статьи сдача всякому депутату своего полномочия и наказа, следовательно, и жалованья, и преимущества депутатского предоставлена была и от некоторых происходила она во время бытности их тогда в собрании для сочинения сего проекта при настоящем их в том упражнении, вследствие чего и могли оные чинить такую сдачу другому, когда оные не были от настоящего упражнения отпущены, а как высочайшим повелением в 1769 году оставлены из депутатов одни только члены в Комиссии, а прочие отпущены до созыва их впредь, а в 1774 году и все члены Комиссии по высочайшему повелению от должностей их уволены впредь до указа, ныне же составление законов Российской империи производится чрез особо определенных по высочайшим повелениям людей, и потому высочайшим 1796 года декабря 30-го дня указом повелено комиссию именуемую для сочинения нового проекта Уложения впредь называть Комиссиею для составления законов Российской империи, то оставление после умерших депутатов знаков в руках у наследников будет с предписанными высочайшими повелениями не согласно, а должны состоять одни те, кои из выбранных к вышепоказанному делу еще в живых состоят, иметь сие депутатское звание, и знак единственно только по смерти при себе. А потом представляет знаки в Сенат, из коего сия комиссия оные уже получает; остающиеся же после умерших у их наследников знаки должны быть отобраны и в Правительствующий Сенат доставлены непременно, а что следует до утраченных знаков, в том оное губернское правление имеет поступать [согласно] учиненного в указе из Правительствующего Сената от 15 августа прошлого 1801 года предписания.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 14-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По прошению служащего в Комиссии о составлении законов Российской империи коллежского ассессора Александра Захарова, коим просит о увольнении его для необходимых его нужд от должности в губернской город Астрахань на два месяца, — рассуждено: оного коллежского ассессора Захарова и по объявленному его прошению в город Астрахань на два месяца в отпуск уволить от комиссии с пашпортом, с тем, что по прошествии оного срока явился он в Комиссии.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 15-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев, коллежский советник Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По прошению служащего во оной комиссии надворного советника Василия Попова, коим, прописывая свою из приказного звания сперва с 1793 в Московском университете студентом и потом в канцелярии генерала про-

курора и в сей комиссии службу, просит об увольнении его из оной комиссии для определения к другим делам с надлежащим аттестатом и об увольствовании его по день увольнения следуемым жалованьем. Рассуждено: оного надворного советника Попова по объявленному его прошению в следствие его сиятельства господина действительного тайного советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Завадовского приказаия от дел сей комиссии уволить и о том его увольнении от Комиссии для определения к другим делам дать аттестат, и, выключая из списка комиссионных служителей, подлежащее жалование из шести сот рублевого оклада, по коему он получал сего января с 1-го по сие 15-е число за четырнадцать дней, за вычетом на гошпиталь, достальное двадцать три рубли десять копеек выдать из положенной на жалованье Комиссии суммы, когда она из Государственного статного казначейства на раздачу комисским служителям жалованья на нынешнюю генварскую треть отпущена будет и для сведения о сем его, Попова, от дел Комиссии увольнении Герольдмейстерской экспедиции дать известие.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 16-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 17-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного данного Сенату минувшего декабря 19 о всемилостивейшем дозволении печатания провинциальных календарей во всех тех местах, где прежде они издаваемы были, с наблюдением в точности всех правил цензуре предписанных.

По прошению служащего во оной комиссии переводчика, губернского секретаря Ивана Карниловича, коим просит о увольнении его для свидания с родственниками в город Гдов на восемь дней. Рассуждено: оного губернского секретаря Карниловича на просимое им время на восемь дней в город Гдов уволить от Комиссии с паспортом с тем, чтоб по прошествии оного срока явился он в Комиссию.

По прошению надворной советницы вдовы Марьи Петровой дочери Гуляевой, коим показывая, что не безизвестно сей комиссии, что муж ее служащий при оной надворной советник Алексей Гуляев в прошлом 1800 году мая 7-го числа умре. И она осталась после него с детьми двумя сыновьями Петром 12 лет, Яковом 10 лет и одной дочерью Натальею 5-летней без должного вида. Просит о даче ей с детьми для свободного в России жительства паспорта, а что она вдова подлинно надворного советника Гуляева жена его и вышеупомянутые дети законные, в том при подаче от нее сего

прошения засвидетельствовал оной комиссии член действительный статский советник и кавалер Пшеничный. Рассуждено: оной вдове надворной советнице Марье Гуляевой по объявленному ее прошению и засвидетельствованию для свободного ей, где пожелает, с детьми ее жительства дать от Комиссии свидетьство.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Января 20-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По сообщению из Курской казенной палаты, коим знать дано, что за утраченной бывшего депутата умершего Обоянского купца Сидора Чикина золотой знак деньги с детей его 67 рублей 89 копеек взысканы и состоят ныне в ведомстве губернского казначая особою суммою. Рассуждено: оное сообщение принять за известие, и в депутатском списке над именем Чикина, что деньги за знак взысканы, отметить.

По рапорту оной комиссии расходчика надворного советника Толстова, при котором представил вычтенные у служащего в Комиссии коллежского асессора Николая Фрязиновского в число долговых за забранные отцом его титулярным советником Федором Фрязиновским у крестьянина Алексеева припасы денег семидесяти четырех рублей пятидесяти пяти копеек из заслуженного им при выдаче ему за минувшую сентябрьскую треть жалованья остальные тридцать семь рублей двадцать семь копеек с половиною. Рассуждено: оные деньги для отдачи упомянутому крестьянину Алексееву препроводить от Комиссии в Санкт-Петербургское губернское правление при сообщении.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Января 21-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По прошению губернского секретаря Михаила Соловьева, коим, прописывая, что он в сию комиссию определен бывшим господином генералом прокурором и кавалером князем Куракиным прошлого 1797 года июня 6-го числа с произвождением жалованья по триста по пятидесяти рублей в год и оставлен тогда был для исправления дел в канцелярии его, где и находился по бывшей экспедиции статского советника Сперанского по 1800 год, и показывая, что он по уменьшении в том году штата канцелярии генерала прокурора и кавалера Александра Андреевича Беклешова в силу определения его также оставался при канцелярии же его для сдачи старых дел, и потому не окончивши той сдачи и что до ныне при той канцелярии был удержан с прочими бывшими при канцелярии генерала прокурора с числящимися на комисской сумме чиновниками, которые в следствие высочайшего препоручения 5 июня прошлого 1801 года комиссии в непосредственное управление его сиятельству господину действительному тайному советнику сенатору и кавалеру графу Петру Васильевичу Заводовскому препровождены, явиться он в Комиссию не мог, а ныне он тое сдачу дел в канцелярии означенного ге-

нерала прокурора окончал, во уверение чего прилагая данное ему о том сего января 8-го дня за рукою правителя канцелярии статского советника Безака свидетельство, просит о выдаче ему заслуженного им за прошедшие майскую и сентябрьскую прошлого 1801 года трети жалованья; от помянутого же канцелярии правителя статского советника Безака засвидетельствовано, что оной губернской секретарь Соловьев со времени определения в Комиссию с прошлого 1797 года служил в канцелярии генерала прокурора и в 1800 году по уменьшении штата канцелярии в штат канцелярских служителей помещен он не был, а оставался по определению господина прокурора Александра Андреевича Беклешова того же года последовавшему при канцелярии его для сдачи старых дел, которую и продолжал по сие время. Ныне же окончил сдавать дела и должен явиться в Комиссию о составлении законов Российской империи. Рассуждено: как оному губернскому секретарю Соловьеву дача из Комиссии суммы из трех сот пятидесяти рублевого оклада жалованья произведена была со определения его прошлого 1801 года мая по 1-е число и на выдачу ему оного жалованья на минувшие майскую и сентябрьскую того года трети в числе прочих служителей из Государственного статного казначейства подлежащая сумма принята, то ему Соловьеву по объявленному правителя канцелярии генерала прокурора статского советника Безака за свидетельствованию, что он действительно вышеупомянутое время при должности в помянутой канцелярии генерала прокурора и для сдачи старых дел до ныне находился. Заслуженное им жалованье из трехсот пятидесяти рублевого оклада, по коему он получал за те минувшие майскую и сентябрьскую прошлого 1801 года две трети за вычетом на гошпиталь двести тридцать один рубль выдать из показанной принятой на те майскую и сентябрьскую трети жалованной суммы, записав в расход с роспискою, и о том расходчику дать приказ.

Вышли в 3-м часу по полудни.

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радицев.

Январь 22-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радицев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радицев.

Января 23-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радицев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного данного Сенату минувшего декабря в 31-й день и с приложением притом конфирмованного на юстице-коллегию лифляндских, эстляндских и финляндских дел штата.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радицев.

Января 27-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры узоров со изображением в них именных.

1. Прошлого 1801 года октября 7 последовавшего на доклад Сената о сделании камер-коллегии распоряжения в рассуждении заведений откупщикам погребов для бутылочной продажи варимых на англинской манер пив и портера, так и поставления оным цен.

Данных Сенату:

2. Минувшего декабря 5 о упразднении камер-коллегии вместе и с департаментом ее и о возложении для лучшей удобности на винные откупы и поставки дел на казенные палаты.

3. Декабря 9 о имении господам сенаторам двух мундиров по приложенным образцам — одного праздничного и другого для вседневного употребления.

4. Декабря 11 о присутствии действительному тайному советнику Кочубею в Сенате.

5. Того же декабря 18, придворной его императорского величества коиторе с приложением высочайше конфирмованных придворным ведением штатов.

6. Того же 18 декабря о присутствии тайному советнику князю Степану Куракину Правительствующего Сената в Московских департаментах.

7. Декабря 23 о бытии на сенаторских мундирах пуговицам с изображением того же штемпеля, каковой на обороте медалей по случаю высочайшей коронации розданных изображен.

8. Сего января 1-го дня с приложением препровожденных при том для 37 губерний примерных штатов.

Оной комиссии переводчик, губернский секретарь Иван Карнилович, был с данным сего января от 17-го числа из оной пашпортом в отпуске в город Гдов на 8 дней, из того отпуска сего 27-го числа возвратился, коему и в должность свою вступить велено.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 29-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в поручении им по Комиссии деле.

По известию Правительствующего Сената из Герольдмейстерской экспедиции, коим знать дано, что сего января 8-го дня по указу его императорского величества Правительствующий Сенат приказал во временном межвом правительствующего Сената департаменте быть экзекутором служащему в Комиссии составления законов Российской империи коллежскому ассессору князю Жевахову. Рассуждено: оного коллежского ассессора князя Жевахова, выключая из списка комисских служителей, подлежащее ему жалованье из пятисот рублевого оклада, по коему он получал сего января с 1-го, подать определения его Правительствующим Сенатом в помянутой временной межвоей департамент экзекутором по 8-е число. За семь дней, за вычетом на гошпиталь, достальное девять рублей шестьдесят две копейки с половиною выдать из положенной на жалованье Комиссии суммы, когда она из Государствен-

ного статного казначейства на раздачу комисским служителям жалования на нынешнюю январскую треть отпущена будет; а как пред сим сего января 14 числа от его сиятельства господина действительного тайного советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Заводовского предложением Комиссии на место означенного, выходящего из числа канцелярских служителей сей комиссии коллежского асессора князя Жевахова поместить велено определившегося во оную комиссию губернского секретаря Радищева с тем же жалованьем, какое князь Жевахов получал, то ему губернскому секретарю Радищеву в следствие оного предложения и производить жалованье, какое князю Жевахову до сего производилось, с 8 числа сего января впредь до пятисот рублей в год.

По сообщению из Государственного Санкт-Петербургского казначейства для статных сумм, коим уведомляет, что следующие во оную комиссию на сей 1802 год на расходы деньги три тысячи рублей, сего казначейства казначею статскому советнику Санникову отпустить велено ассигнациями под росписку надворного советника Толстова, с тем что приказано было ему оные деньги принять, и по приеме о получении их казначейство уведомить. Рассуждено: объявить означенному приходчику Толстому, чтоб он для принятия объявленных денег явился в реченное казначейство, и по принятии те деньги представил Комиссии немедленно при рапорте.

По сообщению из Капитула российских кавалерских орденов, при коем возвращены доставленные во оной капитул из сей комиссии поданные от служащих во оной два прошения: 1-е — статского советника Гаврилова и 2-е — надворного советника Сукова о награждении их за 35-летнюю в классах службу орденом святого равноапостольного князя Владимира обратно, поелнку таковые представления должны на основании высочайшего о том ордене статута поступать Правительствующего Сената в 1-й департамент. Рассуждено: означенные возвращенные из капитула два прошения в оригинале с аттестатами представить для рассмотрения Правительствующего Сената в 1-й департамент, с таковым на основании изданного в 1782 году сентября 22 числа о том ордене статута за свидетельствованием, что показуемое в прошениях их истинно, что они непрерывно прилежны, беспорочны, в отправлении должности ревностны и усердны, что тридцать пять лет в службе от вступления в классы находились и что во всю службу не бывали в таких погрешениях, за которые разжалованы были чином.

По рапорту приходчика надворного советника Толстова, при котором представил принятые им сего числа из Государственного статного казначейства на сей 1802 год на расходы деньги три тысячи рублей государственными ассигнациями, которые по счету оказались все сполна и положены в сундуке. Рассуждено: записать оные в приход, о чем ему, Толстому, дать приказ и в Государственное статное казначейство о получении их послать сообщение.

Вышли в 3 часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Января 31-й день, пятница, в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По словесному требованию часового мастера Иогана Георга Страсера, о заплате ему за перенесение им, по призыву его в сию комиссию прошлого 1801 года сентября 26-го дня, из прежней присутственной во вновь устроенную присутственную камеру больших стальных часов, за установление их на место с поправкою некоторого повреждения, одного рубля; да за осмотр и заведение их с того времени до ныне в каждой неделе по одному разу,

и тем за содержание их в верном действии за каждый раз, противу получаемой им за таковое содержание в департаментах Правительствующего Сената часов платы по двадцати копеек за каждые, и того за девятнадцать раз трех рублей осмидесяти копеек, всего четырех рублей осмидесяти копеек с таким отзывом, что, оставя предписанное упражнение свое по департаментам Правительствующего Сената, не имеет времени и в содержании комисских часов более заниматься. Рассуждено: означенное требуемое им за прошедшее до ныне время количество четыре рубля восемьдесят копеек, яко следующее по бывшему о том с ним условию, выдать ему из положенной на расходы по Комиссии суммы, записав в расход с роспискою, а о заведении тех часов и содержании их в верном действии от ныне вперед расходчику, надворному советнику Толстому, условиться с тем часовым мастером, который в департаментах Правительствующего Сената таковые часы заводит и содержать в порядке взялся, или при искании к тому другога не дороже предписанной за каждый раз в неделю суммы и выдавать оную по третям года также из положенной на расходы суммы, записывая в расход с роспискамн, о чем ему, расходчику, дать приказ.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Февраля 1-й день, субботный, в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 10-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По сообщению из Курского губернского правления, коим уведомляет, что доставленной из оной комиссии титулярному советнику князю Друцкому Соколинскому о увольнении его аттестат для отдачи ему отослан в Староскольской земской суд и велено при отдаче оного, взыскав за гербовую бумагу и печатные пошлины деньги, отослать в уездное казначейство. Рассуждено: оное сообщение принять за известие и приобщить к делу.

По прошению служащего во оной комиссии коллежского асессора Николая Баклановского, коим просит о увольнении его по настоящей его крайней необходимости от должности в Москву на двадцать девять дней, — рассуждено: оного коллежского асессора Баклановского по объявленному его прошению в Москву на 29 дней в отпуск уволить от Комиссии с пашпортом с тем, чтоб по прошествии оного срока явился в Комиссию.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Февраля 5-й день, среда, в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Николай Ильинской,
Александр Радищев.

Сверх того февраля 5-го дня 1802 года.

В следствие приказанія от его сиятельства действительнаго тайнаго советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Заводовскаго, чтоб производимой перевод прусских законов с немецкаго на российский языкъ чрезъ присканных к тому разнаго званія людей остановить, по отобрании розданных до нынѣ для переводу оригинальных листов отъ всех, кому оныя были даны, и по рассмотреніи представленных отъ нихъ переводовъ, — рассуждею: какъ изъ сихъ законовъ, заключающихся въ двухъ частяхъ, напечатанных въ четырехъ книгахъ в осмью долю листа, переведено до нынѣ уволеннымъ изъ Академіи наукъ переводчикомъ Степаномъ Поручкинѣмъ: 1-е, манифестъ короля прусскаго, при которомъ сии законы изданы; 2-е, оглавление введенія и самыхъ законоположеній; 3-е, введеніе, состоящее все вообще на 156 страницахъ, по первоначальному с нимъ договору по восьми рублей за каждый печатной листъ за семьдесятъ восемь рублей, которые ему по резолюціи октября 2-го дня [1801] года и заплачены. Потомъ имъ же Поручкинѣмъ и другими самыхъ законоположеній по договору съ ними за целой печатной листъ, составляющей шестнадцать страницъ по десяти рублей, изъ чего за каждую страницу причитается по шестидесяти по две копейки съ половиною: означеннымъ Поручкинѣмъ части первой заглавіе 1-е о лицахъ вообще и о правахъ, относящихся къ онымъ, въ немъ 45 §; заглавіе 2-е о вещахъ и вообще о правахъ оныхъ въ немъ 141 §; заглавіе 3-е о деянїяхъ и о правахъ изъ оныхъ происходящихъ въ немъ 49 §; заглавіе 4-е о изъясненїяхъ воли, въ немъ 169 §; заглавіе 5-е о условїяхъ, въ немъ 453 §; заглавія 6-го о правахъ и обязанностяхъ, происходящихъ изъ недозволительныхъ деянїй, 46 §. Въ нихъ во всехъ сто четыре страницы. Находящимся не у делъ надворнымъ советникомъ Рогенбуке, той же части первой заглавія 12-го о предлогахъ къ приобретенію собственности, происходящихъ изъ постановленія на случай смерти, 575 §, семьдесятъ восемь страницъ. Коммерческаго училища переводчикомъ Борисовымъ части второй заглавія 1-го о браке, 255 §, тридцать страницъ. Юнкерской школы учителемъ губернскимъ секретаремъ Холщевниковымъ той же части второй заглавіе 2-е о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ родителей и детей, въ немъ 773 §, девяносто пять страницъ. Жителемъ города Нежина 14 класса Александромъ Мантовымъ той же части второй заглавіе 3-е о правахъ и должностяхъ прочихъ членовъ фамиліи, въ немъ 53 §; заглавія 4-го объ общихъ фамильныхъ правахъ, 133 §, въ нихъ во всехъ двадцать три страницы. Медико-хирургической академіи студентомъ Зубовымъ той же части второй заглавіе 5-е о правахъ и о должностяхъ господъ и слугъ, въ немъ 208 §, двадцать три страницы. Каковыя переводы по рассмотреніи ихъ хотя и оказались не въ такомъ относительно ясности и слога совершенствъ, какихъ отъ знающихъ совершенно российской и немецкой языки и юриспруденціи ожидать можно, но соблюдая учиненныя съ ними договоры, причитающееся по онымъ количеству каждому въ число десяти рублей за листъ по шестидесяти две копейки съ половиною за страницу. Поручкину шестьдесятъ пять рублей, Рогенбуке сорокъ восемь рублей семьдесятъ пять копеекъ, Борисову восемнадцать рублей семьдесятъ пять копеекъ, Холщевникову пятьдесятъ девять рублей тридцать семь копеекъ съ половиною, Мантову четырнадцать рублей тридцать семь копеекъ съ половиною, Зубову четырнадцать рублей тридцать семь копеекъ съ половиною, всего всемъ двести двадцать рублей шестьдесятъ две копейки съ половиною выдать изъ положенной на расходъ по сей комиссіи суммы, записавъ въ расходъ каждому съ росписками. Все же те переводы, равно и учиненной служащимъ у оной комиссіи коллежскимъ ассессоромъ Ильинскимъ изъ техъ же самыхъ законоположеній переводъ второй части главы 20-й отдела 1-го о преступленїяхъ и наказанїяхъ за оныя; отдела 2-го о государственномъ преступленїи вообще и особенно объ оскорбленїи величества; отдела 3-го о преступленїяхъ противъ внешней безопасности государства; отдела 4-го о преступленїяхъ противъ внутренней безопасности и спокойствїя государства; отдела 5-го о нарушенїи должнаго къ государю и государству уваженїя; отдела 6-го объ оскорбленїи церковныхъ обществъ; отдела 7-го о присвоенїи себе правъ и преимуществъ государственныхъ; отдела 8-го о преступленїяхъ особъ, состоящихъ въ службѣ государственной, въ нихъ во всехъ 507 §. Хранить въ комиссіи, приобща ихъ къ прочимъ

с чужестранных законов переводам. А как означенные книги в сентябре 1801 года, за неотысканием тогда нигде здесь к покупке их, получены от господина сенатского обер-прокурора Аверина из его собственной библиотеки с тем, чтоб по времени ему оные возвратить, или вместо их доставить такие же другие; для предписанного же перевода из чрез разных людей, все они расплетены, то переплетя оные порядочно, возвратитъ ему господину обер-прокурору во всякой целости, и за сей переплет подлежащее количество заплатитъ из положенной на расходы по комиссии суммы. О чем, равно и о выдаче означенных за перевод сумм расходчику надворному светнику Толстому, дать приказ.

Иван Ананьевской
Григорий Пшеничный
Иван Прянишников
Александр Радищев
Николай Ильинской

Февраля 6-го дня, четверток, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Февраля 7-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: статский советник Прянишников, коллежские со- } По полуночи
ветники и кавалер Радищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Февраля 10, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Февраля 12-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных.

1. Минувшего декабря 12 данного Сенату о распространении на всех российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям, права не только приобретения купечеству, мещанству и всем городским правом пользующимся, но и казенным поселянам к какому бы они ведомству ни

принадлежали, равномерно и отпущенным на волю от помещиков покупкою земель без крестьян от всех тех, кои имеют по законам право на продажу и об утверждении таковых приобретений за собою совершением купчих каждому от своего имени в учрежденных на то местах законным порядком собственности их не нарушимо ограждающим.

2. Минувшего января 14 последовавшего на поднесенном от Сената докладе о постановленных в десяти пунктах правилах за ко[го] за неправые некие решения и жалобы по делам вексельным, вотчинным и судебным делам какие штрафы и пошлины при первом и последних решениях полагать и взыскивать в казну впредь уравнительно по всем родам дел надлежит.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Февраля 14-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Февраля 17, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По рапорту расходчика, надворного советника Толстого, коим просит о даче ему записки употребленных им по приказаниям сей комиссии денег на покупку для оной комиссии в книжных лавках двух книг печатных на французском диалекте в бумажном переплете под названием Состояние тюрем, гошпиталя и рабочих домов Джана Гуарда осми рублей, так и отданных им Санкт-Петербургского почтамта в газетную экспедицию для получения из оной выписываемого из Гамбурга на французском же диалекте книги журнала библиотеческого пятидесяти рублей в расход повеления, представя при том данный ему о принятии от него газетною экспедициею тех денег пятидесяти рублей от оной билет и означенные купленные им две книги. Рассуждено: оные две книги, приняв в комиссию, внести в реестр в число имеющихся в оной иностранных книг и употребленные на покупку означенных книг деньги все семь рублей, так и отданные Санкт-Петербургского почтамта в газетную экспедицию для получения предписанного из Гамбурга журнала пятьдесят рублей из положенной на расходы по сей комиссии суммы записать расходчику, надворному советнику Толстому в расход и о том дать ему приказ.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа с изображением в нем именного данного Сенату минувшего декабря 3-го дня о публикации об открывшемся Владимирской губернии Муромского уезда в сельце Черновском скотском падеже от корму по приказанию помещика того сельца майора Самарина свиней и прочего скота мясом палой скотины для отвращения других от подобных деяний и о произведении начатого над Самариним суда по всей строгости законов.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Февраля 19-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев.

По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По представленной Комиссии расходчиком, надворным советником Толстым учиненной им о денежной казны из приходной и расходной шнуровой, как положенной на канцелярской расход, так и на жалованье суммы книги ведомости, сколько оной в прошлом 1801 году было у него в приходе, расходе и за тем январе к 1-му числу настоящего года в остатке. Рассуждено: находящимся при сей комиссии статскому советнику Гаврилову и надворному советнику Сукову препоручить с приходными и расходными документами в верности надлежащим и законным порядком объявленного расходчика надворного советника просвидетельствовать и, присоединяя к тому особую краткую щетную выписку, с подписанием на оной, по силе адмиралтейского регламента 46 пункта свидетельства, представить Комиссии при рапорте, показав при том, коликое число в прошлом 1801 году в приходе и расходе денежной казны было, а затем, сколько к нынешнему, 1802 году, в остатке быть надлежит.

По копии, полученной из Правительствующего Сената, с определения, учиненного сего года января 15-го дня в общем Сената первых четырех и межего департаментов собрании и приложенным при том копии с высочайше подтвержденного сего года января в 14-й день его императорским величеством подносимого от Сената доклада с прописанием в нем от господ сенаторов барона Колокольцова, Алексеева, Неплюева и обер-прокурора Межевого департамента Голикова мнения, заключающегося в десяти статьях относительно взыскания штрафов за неправо иски решений и жалобы по делам вексельным, вотчинным и судным, а при том и поданного от господина ж сенатора Державина примечания, относящегося до того предмета, которое Сенат хотя и признает полезным, но как предметы и положения его господина сенатора Державина по многосложности их требуют немало временного соображения и нового постановления узаконений, то дабы не остановить действия вышеизображенного доклада, по мнению сенаторов барона Колокольцова и прочих, нужного в разрешении происшедших сомнений и неуравнительностей в штрафах, при исполнении действующих ныне узаконений, Сенат определил о должном по тому докладу исполнении мнения господ сенаторов барона Колокольцова и прочих публиковать всенародно, а изъясненные в примечании господина сенатора Державина предметы предоставить особому рассмотрению и соображению учрежденной по высочайшему его императорского величества соизволению Комиссии о составлении законов Российской империи. Рассуждено: как по соображению предписанных высочайше подтвержденного доклада и поданного от господина сенатора Державина замечания усматривается: мнением господ сенаторов барона Колокольцова, Неплюева, Алексеева и обер-прокурора Голикова ко взысканию штрафы и пошлины положены. 1-е, по вотчинным; 2-е, по вексельным и прочим долговым; 3-е, по судным делам при первом решении с обвиненных, при втором и третьем по апелляциям с неправых жалобщиков, также за неправо решения с судей и секретарей по каждому роду сих дел в известном количестве, в том числе по спорам о уездной земле, какого бы качества она ни была, состоящей в известной мере за каждую десятину по 10 копеек, а за пустошь по 10 к., о движимом по цене, а о деревьях и людях (где в просьбах не наблюдается) по той цене, по каковой в залоге в вспомогательной банк принимаются, а люди дворовые и крестьяне без земли при продаже в купчих крепостях показываются по 5 копеек с рубля, но напротив того господин сенатор Державин в примечании своем полагает уравнивание пошлин во всех делах, вотчинных, вексельных и судных лучше сделать невозможно, как положить их с оценки имущества в чем суд происходит, с вещей ли то, людей, земли или денег; ибо десятина на десятину, вещь на

вещь, пустошь на пустошь, душа на душу, деревня на деревню по разному их качеству походить не могут, наконец, не нужно ли упомянуть и о прочих взысканиях, в законах определенных, как-то за неисполнение в сроки указов, за слабое исполнение должностей, за небрежение присутственных мест, кои по генеральному регламенту, по учреждении о губерниях и по прочим узаконениям, под названием штрафов и пеней взыскивать должно; поелику в мнениях господ сенаторов сего не сказано, то кажется нужно приполючить, дабы тем пресечь и произвол начальников, в сем случае бываемый к отягощению выше мер иногда, погрешивших, то по сему обстоятельству касательно до означенных в примечании от помянутого господина сенатора предметов иметь при сочинении общих российских законов рассуждение о сделании по сим материям нового постановления и положения впредь.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Февраля 25, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:
коллежские советники и кавалер Радищев, } По полуночи
Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных данных.

1. Минувшего января 5 Сенату на подносимой от одного доклад относительно до полагаемой в плане Дерптского университета перемены к действительному устройению сего полезного заведения и общего порядка.

2. Того ж января 15 Медицинской коллегии о произведении остановленного указом 12 февраля 1799 года отправления в чужие края молодых лекарей из природных россиян, от ныне для приобретения полного во всех частях врачебной науки просвещения, в действительное исполнение на том основании, как оное в то время предполагалось было.

3. Что из одного Сената всем присутственным местам предписано, что бы оные полагаемые ими решения по делам, до удельных имений касающимся, когда поверенных по тем делам налицо не будет, при исполнении в подписании решений и вызове тяжущихся для объяснения оных чрез публичной точной силы высочайшего имениного в 17-й день августа 1797 года состоявшегося указа препровождали сверх того в копиях и в те удельные экспедиции, в ведомстве коих то имение, о котором происходил спор, состоит для скорейшего побуждения к требуемой в суде явке и сохранения узаконенных при таковых случаях обрядов.

Вышли в 1-м часу по полудни:
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Февраля 27-й день, четверток, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Февраля 28-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: коллежский советник и кавалер Радищев по полуночи в 9-м часу. Упражнялся в порученном ему по Комиссии деле.

Вышел в 1-м часу по полудни
Александр Радищев.

Марта 3, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежской советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им в Комиссии деле.

Оной комиссии коллежской ассессор Николай Баклановский, быв с данным пашпортом минувшего февраля с 3-го числа в отпуску в Москву на 29 дней, из оного на срок возвратился, коему и в должность свою вступить по-прежнему влено.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Марта 4-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляра указа со изображением в нем последовавшего прошлого 1801 года ноября в 24 на поднесенном от Сената докладе о намерении по мнению Сената при настоящем генеральном межевании всем казенным селениям в Саратовской, Симбирской и Оренбургской губерниях, не исключая и тех, кои в опекуновское межевание по прежним ревизиям были отмежеваны, всей 15-десятинной пропорции на души последней 5-й ревизии из ближайших и смежных пусто-порожих и оброчных земель, предпочтительно пред владельческими.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 6-й день, четверток, в присутствии в Комиссию прибыл коллежский советник и кавалер Радищев по полуночи в 9-м часу.

Упражнялся во исправлении порученного ему по Комиссии деле.

Вышел в 1-м часу по полудни:
Александр Радищев.

Марта 10, понедельник в присутствии в Комиссию прибыли:

действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По рапорту оной комиссии расходчика, надворного советника Толстова, при котором представляя коликое число сего года с 1 января по 1-е число марта во оную комиссию каких именно по приказаниям от Комиссии для оной материалов и прочих припасов было им куплено и у кого именно и по каким ценам ведомость, просит о даче ему о записке тех употребленных денег в расход повеления, а по той ведомости показано, что им куплено у Санкт-Петербургского купца Василия Александрова книги двудесятая за шнуром для записки денежной казны в приход и расход на 1802 г. за один рубль; бумаги аглинской листовой один десть, рубль; аглинской же полулистовой полдести, пятьдесят копеек; галанской листовой траурной две дести, четыре рубли; галанской обрезной четыре стопы по одиннадцати рублей стопа каждая, а за четыре — сорок четыре рубли; галанской же не обрезной одна стопа, десять рублей пятьдесят копеек; № 1-го три стопы по три рубли по осмидесяти копеек каждая, одиннадцать рублей сорок копеек; № 2-го две стопы по три рубли по тридцати копеек каждая, шесть рублей шестьдесят копеек; перья вареного четыре пучка, один рубль пятьдесят копеек; невареного четыре пучка один рубль; щетка для обметания на стенах и потолках пыли и паутины в комисских покоях, сорок копеек; тесемок на завязки к книгам и папкам нитяных двадцать аршин каждой, по одной копейке двадцать копеек; веревки для связки дел двенадцать пучков по десяти копеек каждый, один рубль двадцать копеек; счеты, один рубль, у свешника Василья Феклистова сальных свеч один пуд, шесть рублей восемьдесят копеек; заплачено цеховому переплетчику Эббену за переплет четырех книг прусских законов четыре рубли; сенатскому словоитчику Ивану Кузмину за два штофа чернил два рубли; а всего девяносто семь рублей десять копеек. Рассуждено: оные употребленные надворным советником Толстым из положенной на расход Комиссии суммы на покупку означенных материалов и прочего деньги девяносто семь рублей десять копеек записать в данную книгу в расход и о том дать ему приказ.

Вышли во 2-м часу:

Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 11-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:

коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 13-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли:

действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 14-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 17, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По рапорту надворного советника Сукова, коим показывает, что всем находящимся в департаментах Правительствующего Сената сторожам мундиры камзолы и штаны, так же и рабочие камзолы с рукавами и штанами, строились по приказаниям господ генералов прокуроров из положенной на расходы по Сенату суммы и ныне, по прошествии двухлетнего срока, вновь на них построены, почему и на находящихся во одной комиссии трех сторожей таковые же мундиры с рабочими камзолами и штанами от сенатского казначейства из положенной на расходы комиссией суммы прошлого 1800 года были построены. И ныне оные за прошествием двухлетнего срока пришли в ветхость, в чем и претерпевают нужду. Рассуждено: как построение для объявленных состоящих во одной комиссии трех сторожей мундиров за прошествием прежних в ветхость нужно, то ему, надворному советнику Сукову, по сделанному для сего им сколько на шитье тех мундиров сукна и прочего потребно исчислению, потребя на покупку из канцелярской комиссией суммы деньги на каждого из синего сукна те мундиры под смотрением своим [справить] и сколько на то построение денег употреблено будет для записки оных в расход подать ему в Комиссию рапорт.

Оной комиссией коллежской ассессор Александр Захаров, быв с данным паспортом минувшего января с 14-го числа в отпуску для его нужд в город Астрахань на два [месяца] из оного на срок 15 марта возвратился, коему и в должность свою вступить по-прежнему велено.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 18-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного, данного Сенату минувшего февраля 12, о упразднении по Санкт-Петербургской и Московской губерниям радгаузов со всеми их департаментами и о учреждении вместо их городских дум,

городских магистратов с сиротскими судами, надворных судов, приказов общественного призрения и управ благочиния на прописанном в том именном указе основании и притом высочайше подтвержденные означенным губерниям штаты.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 20-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Того же числа рассуждено из числа находящихся в сей комиссии канцелярских служителей копкиста Михайла Чернышева за усердное отправление им должности для поощрения впредь к лучшей прилежности к письменным трудам произвесть в канцеляристы, о чем, объявляя ему, привести его к присяге.

Вышли по полудни в 3-м часу:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 21-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных, данных Сенату.

1. Минувшего января 30 о дозволении Новороссийской губернии города Черного жителям, буде собственных выгод в дальнейшем там пребывании не находят, переселиться на собственном иждивении или с помощью от своих единоверцов в Крым, Нахичевань, Одессу, Херсон, Дубосары или куда кто заблагорассудит, и о принятии жителям оного города в свое сообщество впредь выходящих из-за границы как армян, так и молдован, греков, болгар и других иностранцев, и о возвращении городу Черному, во уважении того, что оной город прежде свое именование получил от имени святого Григория, просветителя великия Армении, названия Григориополя.

2. Минувшего февраля 8 о бытии на месте уволенного вятского губернатора тайного советника Латышева от службы в сей губернии губернатором владимирскому гражданскому губернатору Руничу, а действительному статскому советнику и Главной соляной конторы члену князю Ивану Долгорукову владимирским гражданским губернатором и о присутствовании штаб-мейстеру Тутолмину в Сенате.

3. Того же февраля 8 о принятии детям умершего коллежского ассессора Павла Шишкина сыну Павлу, дочери Наталье, и генерала майора Алексея Пушкина дочери Ольге, рожденным до брака, фамилии отцов их со вступлением во все права по роду и наследию, законным детям принадлежащие.

4. Февраля 18 о принятии отставного генерала майора Антона Потресова дочери его Марье, с законною его женою до брака рожденной, фамилии его по вступлении во все права по роду и наследию, законным детям принадлежащие.

5. О чинении всем господам управляющим губерниями, гражданским губернаторам и губернским правлениям отпусков, чиновникам, поступившим в палаты уголовного и гражданского суда, так же и в совестный суд, по выборам от себя на основании предписания Сената 1782 года мая 3-го, не более как на 29 дней, а о тех, кои более сего времени просить будут, о представлении Сенату.

По сообщению из Санкт-Петербургского губернского правления, коим уведомляет, что вычтенные из жалованья у коллежского асессора Николая Фрязиновского следующих крестьянину Алексею остальные 34 р. 24 коп. $\frac{1}{2}$ из сей комиссии приняты и показанному Алексею выданы, почему и подлинной счет для отдачи ему, Фрязиновскому, при том прислан. Рассуждено: оное сообщение приобщить к делу и показанной счет отдать асессору Фрязиновскому с роспискою.

Вышли по полудни во 2-м часу:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Марта 24, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По рапорту статского советника Гаврилова и надворного советника Сукова, коим объявляют, что во исполнение учиненной оной комиссии минувшего февраля 19-го дня резолюции находящегося в сей комиссии расходчика, надворного советника Толстова, они по данной ему шнуровой книге и документам о записке денежной казны в приход и расход, которых по выправке их по журналам Комиссии исходящим бумагам по записному реестру нашлось, дано ему за подписанием Комиссии двадцать одно, в точности по оным просвидетельствовали и по тем документам и по книге оказалось, поступившая в приход в 1801 году денежная казна, так равно и из оной употребленной расход и затем остаток записаны им, расходчиком Толстым, верно, о чем равно и о всей той сумме, сколько оной в приходе состояло. И из того в расход употреблено, и затем в остатке января к 1 числу сего 1802 года налицо быть должно краткую ведомость на рассмотрение при том представили, по которой показано, что в приход жалованной и на расходы суммы было всего 33 420 руб. 11 $\frac{1}{2}$ коп., в расход употреблено 17 188 руб. 54 коп., затем в остатке шестнадцать тысяч двести тридцать один рубль пятьдесят семь копеек с половиною. Рассуждено: показанному расходчику, надворному советнику Толстому, учиня изданной ему приходной и расходной на прошедшей 1801 год книги краткую счетную выписку для надлежащей отсылки в экспедицию для свидетельства государственных счетов, представить комиссии на рассмотрение.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Марта 26, среда, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного объявленного минувшего Февраля

26 числа господином генералом прокурором о распространении милости монаршей, изображенной в 9-м пункте всемилостивейшего его императорского величества манифеста, изданного в 15-й день ссентября 1801 года, на всех тех, кои по корчменным и соляным делам до состояния сего манифеста подверглись взысканию, и о поступании во освобождении их и в сложении сих взысканий сообразно прописанному высочайшему его императорского величества повелению.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Марта 27-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежской советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По сообщению из Витебской казенной палаты, коим во известие уведомляет, что взысканные в сходство указа Правительствующего Сената с покойного статского советника Адама Свольинского за утраченной золотой депутатской знак деньги 67 руб. 89 коп. из Витебского губернского правления, в сей палате приняты. Рассуждено: оное сообщение принять за известие и в депутатском списке над именем его, Свольинского, что деньги за знак взысканы, отметить.

В следствии данной сего марта 19 числа от Комиссии резолюции преположенные к господину действительному тайному советнику государственному казначею и кавалеру графу Алексею Ивановичу Васильеву за депутатской знак купца Ярославцова деньги шестьдесят шесть рублей шестьдесят пять копеек в канцелярию оного с роспискою на отпуске принял губернский секретарь Политовской. Рассуждено: оную росписку приобщить к делу.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Марта 31-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, статский советник Прянишников, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полудни в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По предложению его сиятельства господина действительного тайного советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Заводовского сего марта от 29-го числа, коим по приложенному при том аттестату из Московского императорского университета, данному студенту Ивану Тимковскому, удостоверяющему о знаниях его в языках иностранных, предлагает оному студенту Тимковскому, в сходственность его желания, определить во оную комиссию в должность переводчика с жалованьем по четьреста по пятидесяти рублей на год. Рассуждено: в следствии сего предложения означенному студенту Тимковскому быть в Комиссии в должности переводчика, коему и жалованье с 29-го числа сего марта с прочими по четьреста по пятидесяти рублей на год производить, чего ради и внести его в список.

Вышел во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Апреля 1, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской.

} По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Сего числа его сиятельство господни действительный тайный советник сенатор и кавалер граф Петр Васильевич Заводовской прибыл из присутствия Правительствующего Сената в Комиссию в 11 часов по полуночи и, слушав учиненные оную комиссиею на присланные в 1800 году из общего Правительствующего Сената собрания казусные дела заключения и имея по оным рассуждение, положено: некоторые из них по данной от его сиятельства резолюции поправить, а другие, в чем подлежит, пополнить и потом, наконец, приказал служащего во оной комиссии коллежского асессора Александра Папнна, поелику он по требованию господина действительного тайного советника и коммерции министра графа Николая Петровича Румянцева уволен к определению в штат его в секретари, из числа комисских служителей исключить.

Вышли из присутствия во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Апреля 3-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев.

} По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По рапорту надворного советника Сукова, коим представляет, что во исполнение учиненного ему от сей комиссии препоручения на находящихся во оной комиссии трех сторожей во уравнение с сенатскими сторожами и за прошествием двухлетнего срока построены новые мундиры из синего сукна, на каждого по одному кафтану, по два камзола, в том числе по рабочему с рукавами и по трои штаны цеховым портным мастером Иваном Худяковым и употреблено на каждого сукна синего по $9\frac{3}{4}$ аршин, а за аршин по одному рублю по пятнадцати копеек, одиннадцать рублей двадцать одна копейка с четвертью; стамеду синего по 4 аршина каждый по сороку копеек, один рубль шестьдесят копеек; на подкладку холста по двадцати по три аршина по одиннадцати копеек, два рубли пятьдесят три копейки; пуговиц плоских медных больших по одной с половиною дюжины каждая по сороку копеек, шестьдесят копеек, малых по две дюжины по двадцати копеек, сорок копеек. За шитье оных по пяти рублей по пятидесяти копеек. Всего на одного двадцать один рубль восемьдесят четыре копейки с четвертью, а на трех шестьдесят пять рублей пятьдесят две копейки три четверти, и просит о даче о записке оных денег в расход расходчику, надворному советнику Толстому, приказа. Рассуждено: означенное число за построение сторожам мундиров показанному портному мастеру Худякову шестьдесят пять рублей пятьдесят две копейки и три четверти выдать из положенной на расходы суммы, записав в расход с роспискою, и о том расходчику, надворному советнику Толстому, дать приказ.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Апреля 4-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Его сиятельство господин действительный тайный советник и кавалер граф Петр Васильевич Заводовской чрез члена сей комиссии тайного советника Ананьевского приказал служащему Правительствующего Сената в 3-м департаменте польских дел переводчиком титулярному советнику Антону Броховичу, по силе учиненного в прошлом 1801 году мая 25-го дня господином генералом от инфантерии генералом прокурором и кавалером Александром Андреевичем Беклешовым определения, назначенное ему, Броховичу, в прибавок к получаемому им от Сената жалованью из суммы, на Комиссию о составлении законов Российской империи отпускаемой по сту по пятидесяти рублей жалованье, с помянутого мая 25-го числа сего года по апрель месяц, сколько причитается, выдать, и впредь ему того прибавочного жалованья из комисской суммы более уже не производить. Рассуждено: в следствие сего приказания означенному титулярному советнику Броховичу показанное прибавочное помянутым господином генералом прокурором жалованье прошлого 1801 года мая с 25 сего года апреля по 1-е число за десять месяцев и шесть дней сто двадцать шесть рублей двадцать две копейки с половиною выдать из остаточной прошлого 1801 года от двух майской и сентябрьской третьей жалованной суммы, записав в расход с роспискою, и о том расходчику, надворному советнику Толстому, дать приказ.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Апреля 21, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных.

1. Минувшего марта 8 о продолжении до составления вновь ныне действующего тарифа и о чинении от ныне таможенного сбора вместо каждого пошлинного ефимка по 2 руб. 20 коп. ассигнациями. Не препятствуя, однако же, никому вносить и ефимками, буде кто сам того пожелает, но таковые принимать по-прежнему в 1 руб. 40 коп. каждый.

2. Того же марта 28 о небытии во всю страстную и светлую неделю, на основании уложения генерального регламента и указа 26 декабря 1796 года присутствию, исключая великих государственных дел.

3. Сего апреля 1 о принятии отдаваемых по указу 19 мая 1800 года от помещиков в солдаты людей для зачету в рекруты при будущих наборах, от ныне впредь не иначе, как наблюдая во всем правила и меру, положенные в генеральном о наборе рекрут учреждении.

4. Того же числа о распространении дозволения вывоза лесу из Галиции чрез российские пределы для отпуска оного за море всем российским подданным не только на рижской порт, но и на все черноморские.

Рассуждено: оные экземпляры указов сообщить к прочим таковым же. Посланным из оной комиссии в Курское губернское правление сего года января от 16-го числа под № 5 сообщением с приложением уволенному вовсе от дел сей комиссии коллежскому ассессору Андрею Похвисневу аттестата требованию, дабы оное правление при отдаче ему, Похвисневу, того аттестата по нахождению его в своем доме в Фатежском уезде благоволило,

следующие за повышение чина достальные тридцать шесть рублей двадцать четыре копейки с половиною взыскав с него, Похвиснева, доставить оные в Комиссию о составлении законов чрез почту на счет его, Похвиснева, относительно подлежащих за сию пересылку издержек, но означенных денег из сего губернского правления не доставлено, и ни какого на сие требование по силе именных 1722 апреля 27 и 1766 годов марта 31 чисел указов отношения и донные в Комиссию не прислано. Рассуждено: во оное Курское губернское правление вторично сообщить и требовать, дабы оное по силе означенного прежде посланного сообщения благоволило предписанные деньги тридцать шесть рублей двадцать четыре копейки с половиною, взыскав с него, Похвиснева, доставить оные в комиссию.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Апреля 22-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Апреля 24-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Апреля 28-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыл коллежский советник и кавалер Радищев по полуночи в 9-м часу.

Упражнялся во исправлении порученного ему по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных, данных Сенату.

1. Минувшего февраля в 25-й день об уничтожении к усугублению пользы общественной, от усиления действия сохранной казны Воспитательного дома происекать должествующей, для сокращения письмоводства при займах, совершаемых закладных, с тем, однако же, чтобы впредь объявления от займщиков при свидетельствах о благонадежности представляемого ими залога везде и по всем делам ту же силу и действие имели, как до сего закладные, и о возимении сему постановлению силы и действия с 1 января будущего 1803 года.

2. Минувшего марта в 22-й день о бытии иркутским гражданским губернатором действительному статскому советнику и Санкт-Петербургской уголовной палаты председателю Ивану Репьеву.

Вышел во 2-м часу по полудни:
Александр Радищев.

Апреля 29-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По известию Правительствующего Сената из 1-го департамента, при котором получен отобранный от верхотурского купца, находящегося в городе Тюмене, Петра Ентальцова депутатской золотой с цепочкою знак депутата Глазунова. Рассуждено: оной знак препроводить для причисления к государственному суммам к господину действительному тайному советнику сенатору государственному казначею и кавалеру графу Алексею Ивановичу Васильеву.

По рапорту перемещенного из оной комиссии в 3-й Сената департамент переводчика Антона Броховича и оной комиссии переводчика же Ивана Карниловича, коим объявляют, что они, в сходственность объявленного им оной комиссии определения о сдаче польских законов книг и переводов, первой, Брохович, все книги по приложенному при том рапорте реестру в целости, также и переводы с книги Судового процесса за подписанием его, Броховича, восемьдесят восемь, да за подписанием бывшего в оной же комиссии переводчиком Тимофея Добржанского двадцать шесть листов оной комиссии переводчику Карниловичу сдал, а сей последней принял: Рассуждено: оные польских законов 15 книг, так и из оных переводы, означенному переводчику Карниловичу хранить под смотрением своим, а притом и сколько им, Карниловичем, со времени определения его в Комиссию прошлого 1800 года мая от 21-го числа по ныне из тех польских законов переведено, подать в Комиссию рапорт, да и впредь ему о успехе того продолжаемого им перевода и сколько им переведено будет ежемесячно при репортах те переводы за подписанием своим представлять и о том дать ему с сего журнала для исполнения копию.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Апреля 30-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2 часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Мая 1-й день четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Рассуждено: в государственное Санкт-Петербургское казначейство для статных сумм из Комиссии сообщить, дабы оное казначейство следующую в сию комиссию в число положений по конфирмованному в 1769 году мал в 19-й день штату на жалованье оной двадцати осми тысяч пятисот осмидесяти рублей суммы, благоволило на минувшую январскую сего 1802 года треть девять тысяч пятсот двадцать шесть рублей шестьдесят шесть копеек с половиною на выдачу прямо из оного казначейства следующих в пенсione умершего тайного советника Яковлева жене в число определенных по именному указу тысячи рублей в год достальную сумму отпустить в Комиссию и отдать под росписку подателя, приходчика надворного советника Ефима Толстова, и по отпуске Комиссию о сем уведомить.

По прошению служащего в сей комиссии титулярного советника Ивана Прохорова сына Николая Прохорова, коим просит об определении его, по молодым летам, коих имеет от роду 15, по желанию в статскую службу в Комиссию составления законов в число канцелярских служителей с жалованием. Рассуждено: оного Николая Прохорова по объявленному его прошению определить в службу в Комиссию составления законов в число канцелярских служителей копистом с произвождением ему с числа сего определения жалованья по двадцати по пяти рублей в треть, чего ради и внести его с прочими в список и привести его к присяге.

В следствие данной минувшего апреля 29-го дня от Комиссии резолюции, препровожденной к господину действительному тайному советнику государственному казначею и кавалеру графу Алексею Ивановичу Васильеву депутатской золотой с цепочкою знак депутата Глазунова в канцелярию оного с роспискою на отпуске принял статской советник Политковский. Рассуждено: оную росписку приобщить к делу.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного, данного Сенату сего апреля в 1-й день, о не продаже книгопродавцам, торгующим иностранными книгами, книг, законом божим и гражданским противных и к соблазну явному клонящихся, под опасением строгого ответа и взыскания по законам. Рассуждено: оной экземпляр сообщить к прочим.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Мая 2-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По известию Правительствующего Сената из Герольдмейстерской экспедиции, коим знать дано, что минувшего апреля 3-го дня Правительствующий Сенат приказал находящегося в оной комиссии титулярного советника Петра Голубкова, по прошению его, по приключившейся ему болезни, от службы уволить и при увольнении от оной вовсе за добропорядочно и беспорочною его службу на основании именного 1762 года февраля 18-го дня высочайшего указа дать ему чин коллежского асессора; за повышение и за патент взять у него по указам оной комиссии. Рассуждено: оной герольдмейстерской экспедиции из Комиссии таковым же известием дать знать, что, поелику означенной Голубков из числа комисских служителей исключен и жалованья

ему, как он в ней не находится, от оной уже не производится, то за сим и следующего за повышение его Голубкова чином коллежского ассессора и за патент Комиссия взыскания учинить у него не может.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Мая 5-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По рапорту оной комиссии расходчика, надворного советника Толстова, при котором, представя какое число для комиссии по приказаниям оной с 1 марта по 1 мая сего 1802 года материалов и прочих припасов было им искуплено, у кого именно и по каким ценам, ведомость, просит о даче ему для записки тех употребленных денег в расход повеления, а по той ведомости показано, что им куплено у Санкт-Петербургского купца Василия Александровича бумаги № 1 две стопы по три рубли, по восьмидесяти копеек каждая семь рублей шестьдесят копеек; сургуча красного один фунт, два рубли пятьдесят копеек; перьев вареных для присутствующих двести, три рубли; неваренных для приказных чинов триста, три рубли; шолку сученого для сшивания бумаг десять золотников по пятнадцати копеек каждой, один рубль пятьдесят копеек; восковых свеч для присутственного стола полфунта, сорок копеек; у сенатского словолитчика Ивана Кузмина чернил четыре штофа каждой по рублю, четыре рубли; у свешника Василия Вахлитова пятнадцать фунтов сальных свеч, два рубли пятьдесят копеек; в книжной лавке у книгопродавца Ивана Зайкина книги, а именно Существенное изображение законов сочинение г-на Юспия в переплете на белой бумаге, переведенное с немецкого языка в 2 частях, четыре рубли двадцать копеек; Описание всех народов, обитающих в России, с раскрашенными изображениями, четыре части в переплете, тридцать два рубли; Памятник из законов, четвертая часть в переплете, семь рублей пятьдесят копеек; да заплачено сторожевой жене Ирине Федоровой за мытье полов в комисских покоях с 1 декабря 1801 года по 1 число апреля сего года за четыре м-ца тринадцать рублей тридцать три копейки; а всего восемьдесят один рубль пятьдесят восемь копеек. Рассуждено: оные употребленные надворным советником Толстым из положенной на расходы Комиссии суммы на покупку означенных материалов и прочего деньги восемьдесят один рубль пятьдесят восемь копеек записать в данную книгу в расход и о том дать ему приказ.

Вышли в 3-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Мая 6-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По сообщению из Московского губернского правления, коим требует о вычете с находящегося в сей комиссии надворного советника Александра Овцына долговых по двум векселям на удовольствие кредитора, коллежского советника Александра Чашникова, денег 1600 руб. из получаемого им жалованья. Рассуждено: оному губернскому правлению дать знать, что означен-

ного надворного советника Овцына в комиссии не состоит, а определен он из оной прошлого 1801 года ноября 13-го дня Правительствующим Сенатом в Казанскую губернию губернским прокурором.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Мая 7-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Мая 8-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Мая 12, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных, данных Сенату.

1. Минувшего марта 27 о управлении, определенному на место генерала от инфантерии Леццано, отставленного от службы, иркутским военным губернатором генералу-лейтенанту Лебедеву и гражданской частью в Иркутской губернии.

2. Минувшего апреля 1 о пожаловании находящегося Правительствующего Сената в общем первых четырех и межевого департаментов собрания секретарем надворного советника Павла Байкова в обер-секретари 1-го департамента.

3. Того же апреля 9 с изображением поставленных на будущее время в семи статьях правил о покупке провианта и фуража для продовольствия войск.

4. Апреля 12 о дозволении воспитаннику и воспитательницам умершего генерала майора Кутузова, рожденным прежде законного брака, вступить во все права и наследства, законным детям принадлежащие.

5. Апреля 14 о присутствии тайному действительному советнику графу Сергею Румянцеву в совете.

Рассуждено: счетную о приходе, расходе и остатке денежной казны с 5 июня 1801 г. по начало сего 1802 года выписку препроводить в экспедицию для свидетельства государственных счетов из Комиссии при сообщении.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Мая 14-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По сообщению из государственного Санкт-Петербургского статного казначейства, коим объявляет, что следующие к отпуску во оную комиссию за январскую сего года треть на жалованье сочинителям и прочим чинам 9431 руб. 40 коп., а за вычетом из них по предложениям господина государственного казначея от 6 февраля 1800 года на выдачу за оную ж треть вдове тайного советника Яковлева с дочерьми в пенсию 330 руб., от 31 декабря 1801 года назначенных к выдаче из Казанской казенной палаты находящемуся в Казани губернским прокурором надворному советнику Овцыну прибавочного жалованья за прошлой 1801 год 52-х рублей 80-ти копеек и за январскую сего года треть 132-х рублей да по сообщению экспедиции о государственных расходах от 14 декабря 1801 года у статского советника Прянишникова за бытность его в отпуску на три м-ца ноября с 6-го 1801 года февраля по 6 число сего 1802 года к преждевычтенным при отпуске во оную комиссию за сентябрьскую 1801 года треть суммы из получаемого им 2000-рублевого в год оклада 302 рублям 50 копейкам остальных 192 руб. 50 коп., итого 707 рублей 30 коп., достальные 8724 руб. 10 коп. казначею статскому советнику и кавалеру Санникову отпустить велено ассигнациями с добавкою медных под росписку приходчика, надворного советника Ефима Толстова, почему и благоволено б было оные деньги приказать принять и по приеме о получении их сие казначейство уведомить; касательно же до вычтенных сим казначейством [из жалованья] стагского советника Прянишникова 192-х рублей 50 копеек, то сие учинено по случаю, что сообщением из экспедиции о государственных расходах от 14 декабря 1801 г. знать дано сему казначейству, что он, господин Прянишников, по именному его императорского величества указу того года октября 30-го уволен в отпуск на три м-ца, Комиссия же уведомляет, что прибыл он из отпуску в Санкт-Петербург января 29 числа сего 1802 года, а в присутствие вступил февраля 5-го, поелику же от казначейства по подобному обстоятельству представлено к государственному казначею и по воследовании на то разрешения от Правительствующего Сената казначейство не оставит удержанные с 29 января по 6 февраля деньги в Комиссию отпустить.

Рассуждено: объявить означенному приходчику, надворному советнику Толстому, чтоб он для принятия объявленной денежной казны явился в реченное казначейство и по принятии оную представил Комиссии немедленно при рапорте.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Мая 15-й день, четверток, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев.

Мая 20-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

В следствие данной сего мая 16-го дня от Комиссии резолюции препровожденные к господину действительному тайному советнику сенатору государственному казначею и кавалеру графу Алексею Ивановичу Васильеву депутатские зубцовского мещанина Некрасова и старецкого купца Залтарского золотые с цепочками два знака в канцелярию оного с роспискою на отпуске принял сенатской инспектор Никифор Чаусов. Рассуждено: оную росписку сообщить к делу.

По прошению служащего в сей комиссии статского советника Василия Гаврилова сына Ивана Гаврилова, коим просит о определении его по желанию в статскую службу в Комиссию составления законов Российской империи в число канцелярских служителей. Рассуждено: оного Ивана Гаврилова по объявленному его прошению определить в службу в Комиссию составления законов в число канцелярских служителей канцеляристом с произведением ему с числа сего определения жалованья по семидесяти по пяти рублей в год, чего ради и внести его с прочими в список.

Имели рассуждение, что, как из числа присланных из общего Правительствующего Сената собрания 31 казусных дел уже Комиссиею 17 рассмотрены и заключения на каждое дело сделаны, положили в Правительствующий Сенат подать представления, что по определению Правительствующего Сената общего первых четырех и межегово департаментов собрания, состоявшегося 1800 года января 10-го дня, препровождая в сию комиссию тридцать одно нерешенное казусное дело с тем, дабы она, рассмотря каждое дело, учинила свои заключения, с которыми и возвратит их в общее Правительствующего Сената собрание; во исполнение сего Правительствующего Сената определения Комиссия, рассмотрев из тех дел сколько при настоящем своем упражнении успеть могла, во-первых, извлекла по каждому существо их и приличные к тому законы, потом сделала свои соображения и заключение, которое купно с поданными от членов оной комиссии статского советника Прянишникова и коллежского советника Радищева мнениями, равно и самые дела по приложенному при сем реестру, представляет, а затем и достальные рассмотреть и представить Правительствующему Сенату не оставить.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Мая 23, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По сообщению из Государственной коллегии иностранных дел, коим объявляет, что высочайшим именованным его императорского величества указом, объявленным сей коллегии присутствующим ее графом Кочубеем, в 5-й день сего мая предписано причислить ведомства ее статского советника Костина к Комиссии о составлении законов с сохранением окладов, им получаемых, вследствие чего реченной статской советник Костин сим во оную комиссию и препровожден. Рассуждено: оного статского советника по сим означенного именованного высочайшего указа числить при сей комиссии.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Мая 26, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный.
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Мая 27-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 10-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа об открытии, последовавшем минувшего апреля 21 и 22 чисел, Дерптского университета.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Мая 29-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, статский советник Прянишников, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именованного, данного Сенату минувшего апреля

в 4-й день, о даче купцам и разного нижнего звания людям подорожен, но не более как на три лошади, за указанные прогоны.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Мая 30-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных, данных:

1. Минувшего апреля 9 о давании Адмиралтейской коллегии для поощрения торговли по требованию российского купечества на суда, собственно им принадлежащие, матросов и унтер-офицеров из флотов по их собственному на то согласию с переменою на 3-х летнее время и о увольнении на купеческие суда флотских офицеров и штурманов с производением им половинного жалованья от казны и со оставлением денщиков при них.

2. Сего мая 6 о распространении содержания 23-й статьи жалованной 21 апреля 1785 года дворянству Грамоты, в которой постановлено, благородного наследственное имение в случае осуждения и по важнейшему преступлению, да отдается законному его наследнику или наследникам, и на состояние купеческое, мещанское и земледельческое во всей силе оной.

3. Мая 14 о наказывании от ныне за воровство, кражу от 20 и до 100 руб. в первой раз судом обличенных телесно в самых селениях, с возвращением во иные и о поступании с теми, кои во второй раз в таковой краже обличается, так как и в случае кражи выше 100 руб. по точной силе указа 31 июля 1799 года, а в наказании воровства ниже 25 руб. на основании указа 3 апреля 1781 года.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 3-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, статский } По полуночи
советник Прянишников, коллежские советники } в 9-м часу.
и кавалер Радищев, Ильинской.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По сообщению из четвертой экспедиции о государственных доходах, коим требует о учинении взыскания с уволенного из сей комиссии титулярного советника Петра Голубкова Правительствующим Сенатом от службы за повышение его чином коллежского асессора и за патент. Рассуждено: помянутой экспедиции дать знать, что, поелику означенной Голубков из числа комисских служителей марта 5-го дня сего 1802 года исключен и жалованья ему, как он в ней не находится, от оной уже не производится, то за сим и следующего за повышение его, Голубкова, чином коллежского асессора и

за патент взыскания учинить у него не может, о чем прежде на таковое же требование Правительствующего Сената и Герольдмейстерская экспедиция от оной комиссии минувшего мая 5 числа уведомлена.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 5-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, статской }
советник Прянишников, коллежский советник } По полуночи
кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Июня 6-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- }
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли по полудни во 2-м часу:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 9-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- }
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именных, данных на имя действительного камергера Витовтова минувшего мая 16-го и 18-го чисел о учреждении вновь в здешней столице для страждущего в нищете человечества благотельного общества и о назначении для сего в Комитете трех первоначальных членов: министра коммерции графа Румянцева, надворного советника Щербакова и иностранного купца фон дер Флита.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 10-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшенич- }
ный, статский советник Прянишников, коллеж- } По полуночи
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Сего числа сведетельствована имеющаяся в сей комиссии денежная казна, которой оказалась принятой из сенатского казначейства остаточной от прошлых лет жалованной суммы 6428 руб. 24 $\frac{1}{2}$ коп., к тому из принятых

после из государственного статного казначейства на жалование остаточной за роздачею от двух майской и сентябрьской прошлого 1801 и сего 1802 годов январской трети, и за выдачею подлежащего за оные трети губернскому секретарю Соловьеву и переводчику Броховичу 2309 руб. 8 коп., сверх того удержанных вместо отчисленных сенатским казначейством за повышение из комиссией суммы у коллежского советника Санкина и прочих 272 руб. 40 к., подлежащих к той же остаточной сумме, всего жалованной 9009 руб. 73 коп.; да на канцелярской расход из преждепринятых оставших от прошлого к нынешнему году 7743 руб. 75 коп., за употреблением из оных сего текущего года по 1-е число июня на разные по сей комиссии расходы 527 рублей 63¼ коп.; налицо 7216 руб. 11¾ коп. и на нынешнее 1802 год принятых из Государственного статного казначейства 3000 руб., всего канцелярской 10 216 рублей 11¾ коп.; а всех означенных разных сумм девятнадцать тысяч двести двадцать пять рублей восемьдесят четыре копейки и три четверти, которые состоят налицо государственными ассигнациями в целости.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного, данного Сенату минувшего мая в 19-й день, о произведении от ныне во всех губерниях, от Польши присоединенных, также в Малороссийских и Белорусских назначения на места от избрания дворянства зависящих, включая и земские суды, на точном и единообразном порядке, в учреждении о губерниях предписанном, распространяя право избрания дворянством чрез каждые три года как председателей главных судов, так и генеральных судей с тем, чтоб по избрании их по два кандидата представляемы были по порядку в Правительствующий Сенат, а от одного его императорскому величеству на утверждение.

По сообщению из Курского губернского правления, коим на таковое ж посланное из Комиссии объявляет: что по первому оной комиссии требованию о взыскании с коллежского асессора Похвиснева за повышение чина денег из одного правления Фатежскому нижнему земскому суду предписано было указом, но от одного о исполнении рапорта не получено, то и ныне суду о исполнении требования Комиссии строжайше указом подтверждено. Рассуждено: оное сообщение приложить за известие к делу.

Вышли в 3-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 16-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получены из Правительствующего Сената экземпляры указов со изображением в них именных.

1. Минувшего марта 25 о признании у города Выборга купца Гакмана прусским консулом.

2. Минувшего апреля 30 об отводе по высочайше утвержденному положению по требованию полков для довольствия драгунских и гусарских строевых лошадей в назначенное время подножным кормом пастбищных и других на случай не состояния оных мест на изъясненном в докладе от воинской комиссии основании.

3. Минувшего мая 8 о доставлении к его императорскому величеству от ныне о происшествиях в губерниях ведомостей, данным только главным начальникам, а гражданским губернаторам в таком единственно случае прямо к нему, когда генерал-губернатор или главный начальник из вверенных им

губерний находиться будет в отсутствии, и где чрезвычайное какое-либо происшествие не может терпеть ни малого отлагательства.

4. Мая 9 о увольнении Тверского гражданского губернатора действительного статского советника Мертенса от службы и о бытии на месте его в Твери губернатором действительному статскому советнику князю Ивану Ухтомскому.

5. Мая 19 о учреждении для рассмотрения финляндских дел к усовершенствованию хозяйственных предметов, обилие народных составляющих, под непосредственным ведением его императорского величества особой комиссии под председательством тайного советника и сенатора Тельса.

6. Того же мая 19 о учреждении для разрешения споров о праве на владение земель, в Крымском полуострове происшедших между татарами разных состояний, в том краю оставшимися, и между помещиками, вновь там поселившимися, вместо прежней, новой комиссии на особенных правилах под председательством тайного советника и сенатора Лопухина.

7. Мая 21 о взятии в нынешнем лете в течение июня и июля м-ца, как в Правительствующем Сенате, так в коллегиях и других судебных местах отдохновения от трудов на основании 9-й главы Генерального регламента согласно указу 26 декабря 1796 года.

8. О поступании в рассматривании и решении дел уездным судам соответственно узаконению вообще с сельскими заседателями только так, которые до дворян и казенных поселан вообще касаться будет; а купцов с дворянами вообще с городовыми магистратами, представляя дела, единственно до дворян касающиеся, рассмотрению и решению присутствующих, из дворянства избранных; а дела между одними казенными поселянами происходящие, в кои люди другого состояния не участвуют, уездному суду с сельскими заседателями, что же принадлежит до палат гражданского и уголовного суда, коим поручается апелляция для ревизии, то в них по сим регламента определенным подписываться должны всеми присутствующими, следовательно, и избранные в палаты от дворянства и купечества заседатели обязаны по делам дворянским и купеческим присутствовать и входить в общее суждение и решение дел.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 17-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

По сообщению из Тверской казенной палаты, коим уведомляет, что взятые с наследников после покойного депутата действительного статского советника Ивана Алсуфьева за утраченной депутатской золотой знак деньги 67 руб. 80 коп. в приходе в сей казенной палате в общие государственные доходы причислены, о чем к государственному казначею донесено. Рассуждено: оное сообщение принять за известие и в депутатском списке под именем оного Алсуфьева, что деньги за знак взысканы, отметить. Но как за таковые утраченные депутатские золотые знаки с цепочками Правительствующим Сенатом положено взыскивать за каждой по 67 руб. 89 коп., то и сообщить упомянутой казенной палате, дабы она благоволила показанные недостающие 9 коп., в добавок с кого следует взыскав, причислить к государственным доходам и Комиссию уведомить.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 18-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Июня 20-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, статский } По полуночи
советник Прянишников, коллежские советники } в 9-м часу.
и кавалер Радищев, Ильинской.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По известию Правительствующего Сената из временного казенных интересов дел департамента, коим по делу о необъявившихся у бывших депутатов депутатских знаках знать дано, что из Владимирского губернского правления рапортом от 10 декабря прошлого 1800 года донесено, что бывшей у полковника Егора Ступишина депутатской знак по смерти его предоставлен был от жены его в полоцкое наместническое правление, которой и отправлен при репорте в Правительствующий Сенат; но как по выправке в Комиссии оказалось, что означенной депутатской полковника Ступишина знак из Правительствующего Сената в Комиссию получен в 1794 г. июля 6-го дня, то и рассуждено дать знать об оном в помянутой временной департамент.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 23-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, статский } По полуночи
советник Прянишников, коллежский советник и } в 9-м часу.
кавалер Радищев.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Июня 26-й день, четверг, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, стат- } По полуночи
ский советник Прянишников, коллежские совет- } в 9-м часу.
ники и кавалер Радищев, Ильинской.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июня 30-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, статский советник Прянишников, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Июля 2-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Июля 4-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, статский советник Прянишников, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Июля 7-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По известию Правительствующего Сената из 1-го департамента, при котором получены взысканные Тобольским губернским правлением за депутатские знаки депутатов Бякова и Будакова деньги за каждый по 67 руб. 89 коп., всего сто тридцать пять рублей семьдесят восемь копеек. Рассмотрено: оные деньги препроводить для причисления к государственным суммам к господину действительному тайному советнику сенатору государственному казначею и кавалеру графу Алексею Ивановичу Васильеву.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Июля 9-й день, среда в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

А в 10 часов прибыв в присутствии его сиятельство господин действительный тайный советник сенатор и кавалер граф Петр Васильевич Заводовский, имел разные относительно системы о составлении законов рассуждения

и сообщении; причем докладывано по прошению служащего во оной комиссии надворного советника Григория Рыбчуговского о увольнении его для приведения в порядок домашних его дел Санкт-Петербургской губернии в Лугской уезд на двадцать дней. Рассуждено: на сие время его, Рыбчуговского, уволить и дать ему от Комиссии паспорт.

Вышли из присутствия в 1-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июля 14-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись в исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июля 15-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллеж- } По полуночи
ский советник и кавалер Радищев. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа, чтобы на всех посылаемых в Правительствующий Сенат бумагах прописываемо было в низу в кратце содержание их.

Вследствие приказаания его сиятельства управляющего Комиссиею о составлении законов действительного тайного советника сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Заводовского объявленного через члена сей комиссии тайного советника Ананьевского, о бытии находящемуся во оной комиссии коллежскому ассессору Захарову [быть] в Комиссии о разборе старых уголовных дел для надлежащего по оной упражнения с получением жалованья от Комиссии о составлении законов пока в нем не будет по сей комиссии надобности, рассуждено в реченную комиссию сообщить.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Июля 17-й день, четверток, в присутствии в Комиссию прибыли: действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Ра- } По полуночи
дищев, Ильинской. } в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного, объявленного господином вице-канцлером сенатором и кавалером князем Куракиным минувшего июня 7-го дня, о признании назначенных правительством Французской республики для пребывания здесь генеральным комиссаром купеческих дел Лессенса и унтер-комиссаром Руффина. Рассуждено: оной экземпляр сообщить к прочим.

В следствие данной вчерашнего числа от Комиссии резолюции препровожденной к господину действительному тайному советнику сенатору госу-

дарственному казначею и кавалеру графу Алексею Ивановичу Васильеву золотой с цепочкою умершего гвардии поручика Нехлюдова депутатской знак в канцелярию одного с роспискою на отпуске принял губернской секретарь Треборн. Рассуждено: оную росписку приобщить к делу.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Григорий Пшеничный,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июля 18-й день, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ачаньевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ачаньевской,
Александр Радищев.

Июля 21-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли: статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли в 1-м часу:
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Июля 23-й день, среда, в присутствии в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ачаньевской, статский советник Прянишников, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По известию Правительствующего Сената из 1-го департамента, конн знать дано, что за неотысканной после умершего депутата кронштадтского купца Ивана Рыбникова депутатской знак на основании всемиростивейшего манифеста от 2 апреля прошлого 1801 года взыскание следующих денег оставлено, а по справке, в Комиссии оказалось, что оставшейся после означенного умершего депутата кронштадтского купца Ивана Рыбникова золотой с поврежденною цепочкою депутатский знак по представлению в Правительствующий Сенат из Санкт-Петербургского губернского правления прислан при известии одного Сената из 1-го департамента в Комиссию о сочинении проекта нового уложения в 1781 году, февраля 17 и в казначейство той комиссии марта 10 числа получен. Рассуждено: об оном Правительствующего Сената в 1-й департамент известием от Комиссии дать знать.

В 1782 году сентября 1-го дня запискою из Правительствующего Сената комиссии знать дано, что на место умершего вышеволоцкого депутата капитана Милюкова выбран в депутаты генерал-поручик Храповицкой, а знак отдан ли тому нововыбранному, при том ничего не упомянуто, почему 1783 года октября 20 Сенату от Комиссии и докладывано о предписании, куда следует, чтоб о знаке, у кого он находится, прислано было в Комиссию обстоятельное известие, но, за неполучением оного, по случаю сношению комиссии с Тверским губернским правлением о изыскании точнейшем о сем знать, у кого оной ныне находится, присланным сего июля 17-го дня из того Тверского губернского правления сообщением Комиссии по донесению Вышневолоцкого земского суда знать дано, что на требование суда наслед-

ники бывших депутатов капитана Милокова и генерал-поручика Храповицкого донесли, первого, Милокова, сын гвардии корнет Иван Милоков, что, покойный родитель его на место чье депутатом был выбран, он не знает, второго, Храповицкого, сын же надворной советник Михайла Храповицкой, что покойной родитель его был депутатом вышеволоцкого дворянства, но медали депутатской не имел, так как и предместник его Милоков; причина тому следующая, манифест, коим велено прислать в Москву депутатов от городов и уездов издан в 1766 году, в то время Вышней Волочок был ям, следовательно, от дворянства депутата в Москве не было и знака из Комиссии не дано, чему служит доказательством и сообщение Комиссии, где поименно вписаны депутаты в то время бывшие, коим и знаки даны, в 1772 г. Вышней Волочок сделан городом. По примеру прочих избран был депутат, но знака получить было не от кого, ибо в Комиссию уже не съезжались господа депутаты и ежели б кому именно из новоучрежденных городских и уездных депутатов знаки разослали, то имела бы в списках своих и сообщила бы в губернии, чего о вышеволоцком депутате, кто тогда был, не упомянуто, по сим обстоятельствам вышеволоцкие депутаты дворянства медалей и не имели, да и по выправке в Комиссии, по имеющимся в оной депутатским 1769 и 1777 годов спискам имен, как капитана Милокова, так и генерала-поручика Храповицкого не находится. Рассуждено: о сем из комиссии Правительствующего Сената в 1-й департамент известием для ведома дать знать и в имеющейся в неполученных депутатских знаках ведомости над именов показанных капитана Милокова и генерала-поручика Храповицкого отметить, что они знака депутатского не имели.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Июля 25-й день, пятница, вприсутствие в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, статский } По полуночи
советник Прянишников, коллежский советник } в 9-м часу.
и кавалер Радищев.

Упражнялись в порученном по Комиссии им деле.

По репорту оной комиссии расходчика, надворного советника Ефима Толстого, при котором представил данные ему от сей комиссии на записку в прошлом 1801 году прихода и расхода денежной казны за шнуром и печатью книгу с документами, освидетельствованные в нынешнем году статским советником Гавриловым обще с надворным советником Суковым для отдачи в архив. Рассуждено: означенную приходную и расходную о денежной казне книгу с документами отдать для сохранения с прочими таковыми же в архив при известии.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Июля 28-й день, понедельник, в присутствии в Комиссию прибыли:
тайный советник и кавалер Ананьевской, статский } По полуночи
советник Прянишников, коллежской советник и } в 9-м часу.
кавалер Радищев.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Во оную комиссию получен из Правительствующего Сената экземпляр указа со изображением в нем именного, данного Сенату сего июля в 8-й день о подтверждении всем гражданским губернаторам и управляющим губерниями о строжайшем и точном наблюдении изданных о дорогах постановлений и о предписании губернским правлениям, чтобы оные доставили Сенату опи-

сания, каким образом и по каким правилам расположено в тех губерниях устройство и содержание дорог.

По прошению находящегося при герольдии коллежского регистратора Адриана Попова, при котором прилагая данной ему из Новгородского губернского правления июня от 17-го дня 1801 года аттестат из которого значит, что он в службу вступил из солдатских детей первоначально по неспособности к воинской службе за болезнью в Вологодское губернское правление копенстом 1783 августа 22, в котором произведен подканцеляристом 785 декабря 4, канцеляристом 790 февраля 18, из коего поступил в Софийской пехотной полк с переименованием сержантом 793 мая 25; а из оного в Военную коллегию генеральным писарем 794 февраля 10, и по находясь во оной паки переименован канцеляристом 798 марта 15, а потом награжден коллежским регистратором того же году октября 20 в каковом звании определен штата полиции в частной городской суд к исправлению секретарской должности 1800 года августа 27; на последок же Правительствующим Сенатом определен в Белозерской нижней земской суд заседателем, в котором находясь по самое увольнение от сей должности исправляя оную с совершенным знанием и усердием; имея при том и поведение похвальное, в штрафах и подозрениях не бывал, в чем губернское правление, свидетельствуя, признает его, Попова, и впредь к продолжению службы способным и к награждению чина достойным; и показывая оной Попов ныне помянутым поданным в Комиссию прошением, что он по случаю выбора благородным обществом на место его из дворян другого, по силе высочайшего повеления за увольнением от заседательской должности причислен с прочими к герольдии, имея ревностное и усердное желание продолжать службу в Комиссии для составления российских законов, просит об определении его во оную комиссию с производением жалованья. Рассуждено: оного коллежского регистратора Попова по объявленному его прошению и желанию определить в Комиссию составления законов в число канцелярских служителей с производением ему с числа сего определения жалованья до двести по пятидесяти рублей в год, чего ради и внести его с прочими в список и для известия Правительствующего Сената Герольдмейстерскую экспедицию уведомить.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Иван Прянишников,
Александр Радищев.

Июля 29-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыл коллежской советник и кавалер Радищев по полуночи в 9-м часу.

Упражнялся в порученном ему по Комиссии деле.

Вышел в 1-м часу по полудни:

Александр Радищев.

Августа 1, пятница, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской.	} По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:

Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Августа 25-й день, понедельник, в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской по полуночи в 9-м часу, коллежский советник и кавалер Радищев в 10-м часу. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Рассуждено в государственное Санкт-Петербургское казначейство для статных сумм из комиссии сообщить, дабы оно казначейство следующую в сию комиссию в число положенной по подтвержденному в 1769 году мая в 19-й день штату на жалование оной двадцати осми тысяч пятисот осмидесяти рублей суммы благоволило на майскую сего 1802 г. треть девять тысяч пятисот двадцать шесть рублей шестьдесят шесть копеек с половиною, за вычетом на гошпиталь, и следующих с кого подлежит за повышение чинов, и за оставлением на выдачу прямо из одного казначейства в пансион в число определенных по именным указам умершего тайного советника Яковлева жене тысячи рублей, так и коллежскому асессору Лариону Шалину трехсот пятидесяти рублей в год, а равно и назначенного к выдаче находящемуся в Казани губернским прокурором надворному советнику Овцыну прибавочного из Комиссии суммы жалованья, достальную сумму сполна отпустить в Комиссию и отдать под расписку подателя, приходчика надворного советника Ефима Толстова, и по отпуске комиссию о сем уведомить.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Августа 26-й день, вторник, в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев,
Николай Ильинской.

Августа 27-й день, [среда], в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Августа 28-й день, четверток, в присутствие в Комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, коллежский советник и кавалер Радищев. } По полуночи в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Александр Радищев.

Сентября 1-й день, понедельник, в присутствии в комиссию прибыли: тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской.

По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись во исправлении порученного им по Комиссии дела.

По прошению служащего во оной комиссии надворного советника Петра Ананьевского, коим просит об увольнении его в Псковскую губ. по его надобности на двадцать восемь дней, рассуждено: оного надворного советника Ананьевского по прошению его на сие время в Псковскую губернию уволить и дать ему от Комиссии паспорт.

Вышли во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Николай Ильинской.

Сентября 2-й день, вторник, в присутствии в Комиссию прибыли:

тайный советник и кавалер Ананьевской, действительный статский советник и кавалер Пшеничный, статский советник Прянишников, коллежские советники и кавалер Радищев, Ильинской.

По полуночи
в 9-м часу.

Упражнялись в порученном им по Комиссии деле.

А в 9 часов прибыл в присутствии его сиятельство господин действительный тайный советник сенатор и кавалер граф Петр Васильевич Заводовский; рассматривал сочиненные в Комиссии следующие к составлению законов выписки и разные к тому соображения; причем по объяснению, что находящийся во оной комиссии в должности экзекутора надворный советник Суков положенные в настоящем чине по узаконению более шести лет выслужил, и как по усердию и расторопности во отправлении своей должности, так и по добропорядочному поведению к повышению чином достоин, объявил на представление о нем от Комиссии Правительствующему Сенату свое согласие и вышел из присутствия в Правительствующий Сенат в 12-м часу. А по сему и рассуждено: представить о нем, Сукове, Правительствующему Сенату как с объяснением о согласии его сиятельства, так и с приложением послужного списка.

Потом, упражняясь в порученных им сочинениях, вышли из присутствия

во 2-м часу по полудни:
Иван Ананьевской,
Григорий Пшеничный,
Иван Прянишников,
Николай Ильинской.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абеляр П. 65.
 Аблязова А. Г. (см. Ради-
 шева А. Г.).
 Абросимова А. 114.
 Александр I 38—42, 194—200,
 203, 210, 219, 229, 231, 238,
 244—245.
 Александр Македонский 57.
 Алексеев М. П. 4, 83.
 Алексеев, канцелярист 283.
 Алексей Михайлович 196—197, 219.
 Альбани Ф. 65.
 Альбовский Е. 112.
 Анакреон 49.
 Ананьевской И. С. 195, 206, 212,
 215, 219, 260.
 Анджелини 65.
 Андреев А. И. 83.
 Анна Иоанновна 195.
 Антоновский М. И. 134, 139, 146,
 169, 170—172, 238, 306, 308.
 Анучин Д. Н. 270—271.
 Апраксин М. 104.
 Архаров Н. П. 166.
 Багалей Д. И. 41.
 Базанов В. Г. 243.
 Бакмейстер Г. 63.
 Бакунин П. П. 166.
 Бантыш-Каменский Д. Н. 15.
 Барг М. А. 95.
 Барсков Я. Л. 3, 9, 20, 47, 102, 181—
 182, 278, 290, 293.
 Барсуков Н. П. 15.
 Бартнев П. И. 35, 44, 232, 269—270,
 292.
 Барщов А. 134, 306.
 Барятинский А. И. 283, 285.
 Батюшков К. Н. 13, 15.
 Бахметьев Д. Н. 80.
 Бахметьев Н. Н. 80.
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) 3.
 Безбородко А. А. 43, 120, 185, 188,
 191.
 Бекетов П. П. 46, 268—271, 283—
 285, 292.
 Беклешов А. А. 195, 245, 282.
 Бенитцкий А. П. 14.
 Берков П. Н. 4, 69.
 Бернгарди А. В. 10.
 Бестужев А. А. 15.
 Бестужев А. Ф. 255.
 Бильбасов В. А. 229.
 Благой Д. Д. 4.
 Бланкфельд Ю. 4.
 Блекстон 74.
 Бобров С. С. 134.
 Богданович П. Ф. 134, 186.
 Боголюбов А. П. 16.
 Богомолов Е. 152.
 Богословский П. С. 83, 177—178.
 Бодянский О. М. 30, 31.
 Бокум 28.
 Болотов А. Т. 50.
 Болтина А. А. (см. Кисарова А. А.).
 Болтин В. И. 209.
 Бонташ П. К. 4, 205, 206, 228—231,
 237.
 Борн И. М. 10, 15, 262.
 Бородавицин И. С. 239, 240.
 Бороздин А. К. 86.
 Бравин М. И. 189.
 Бравин Н. И. 189.
 Брежинский А. П. 239, 240, 248—
 249, 253, 262.
 Брикнер А. 105.
 Бродский Н. Л. 111
 Брут М. Ю. 93.

Имена, упоминаемые в приложениях на стр. 309—354, в указатель не включены.

- Брюс Я. А. 50, 180, 278—279.
 Брянцев А. М. 29.
 Бунин В. 111, 112, 113, 114, 184.
 Бурдев 270.
 Бухарев 152.
 Бычков А. Ф. 248.
- Васильева М. 79.**
 Варенков 185.
 Вашингтон Д. 93, 96.
 Венгеров С. А. 16, 289.
 Вендрамини Ф. 28.
 Веревкин М. И. 67, 69.
 Веселовский А. А. 51, 52, 77.
 Виленская Э. 4.
 Виргилий 91.
 Владимир, кн. 56, 59, 61.
 Воейков А. Ф. 13.
 Волков Е. Е. 24.
 Вольтер Ф. М. 91, 122.
 Воронцов А. Р. 11, 22, 28—30, 32,
 35, 37, 39, 42—45, 56, 65, 73,
 90, 104—105, 107, 133, 148,
 177—178, 186, 188, 191—192,
 194, 226, 228, 231—234, 238,
 241—242, 247, 254, 265, 292.
 Воронцов М. И. 42, 72.
 Воронцов М. С. 22—23, 28, 29, 292.
 Воронцов С. Р. 42.
 Врангель Н. Н. 290.
 Вындомский А. М. 137.
 Высоккий Н. Г. 166, 167.
 Вяземский П. А. 13, 14, 15, 24,
 269—270, 292.
 Вязьмитинов С. К. 79.
- Габриелли К. 50, 51.**
 Гагарин Г. П. 196.
 Гаевский В. П. 21, 33, 284—285.
 Гайдн И. 50, 120.
 Галлей Г. 93.
 Галлер 126.
 Гейснер И. 264.
 Гельбиг Г. Ф. 30, 103.
 Гельвеций К. А. 56, 63, 75.
 Георги И. Г. 178.
 Гете И. В. 87.
 Герман И. Ф. 178.
 Герман К. Ф. 171—173.
 Гернет М. Н. 186.
 Герцен А. И. 3, 20, 22, 36, 243, 266,
 287, 297.
 Гесснер 256.
 Гильденштедт И. А. 172, 178.
 Гнедич Н. И. 13.
 Глазунов И. П. 163, 171.
 Глинка С. Н. 13, 29, 38, 124.
 Глюк Х. В. 50.
 Гоббс Т. 89.
- Гогарт В. 65, 66.
 Гольбах П. А. 63.
 Гольберг 126.
 Гомер 91.
 Голубков П. В. 57.
 Гончаров И. А. 24.
 Гончаров И., заводчик 246—247.
 Горбунов М. Г. 4.
 Горчаков А. И. 248.
 Граббе П. Х. 32.
 Грамбах С. М. 4.
 Грасхоф Х. 186.
 Гримм М. 29.
 Громов Г. 255.
 Гужов 245.
 Гуляев И. 107.
 Гурьянов В. П. 138.
 Гюнтер И. К. 68.
- Даль Г. И. 32, 148.
 Данте А. 91.
 Данько Е. Я. 69.
 Дашкова Е. Р. 30, 32, 42.
 Дашков П. Я. 270.
 Дементьев В. 214.
 Державин Г. Р. 29, 36, 65, 69, 87, 88,
 117, 131, 134, 146, 147, 182,
 196, 223—225, 253.
 Десницкий В. А. 3, 4.
 Дидро Д. 63, 66.
 Дмитриев И. И. 269.
 Добролюбов Н. А. 3, 24.
 Доброгорский М. 137.
 Долгоруков Н. С. 19, 110.
 Домашнев С. Г. 69, 172.
 Дулов А. 218.
- Екатерина I 195.
 Екатерина II 9, 10, 14, 29, 31, 67,
 93, 96, 104, 105, 114, 124, 137,
 144, 150, 154, 157, 158, 161, 166,
 168, 173, 180, 182, 185, 198, 219,
 229, 230, 248, 277—278.
 Елизавета Петровна, имп. 73, 119,
 195.
 Ермак 90, 91.
 Ефремов П. А. 14, 35, 287—292.
- Жандр А. А. 148.**
 Жижка М. В. 262.
 Жуковский В. А. 13.
 Жулковский Н. Д. 137, 169.
- Завадовский П. В. 12, 38, 40, 195,
 199, 204, 211, 223—225, 282.
 Завалеевский С. 134, 306.
 Западоч А. В. 4.
 Захаров, канцелярист 282.
 Золотов С. 134, 306.

Зотов В. Р. 21, 24—26.
Зотов Г. К. 150—156, 185.

Иванов И. 111.
Измайлов А. Е. 14.
Измайлов М. М. 166, 167.
Икосов П. 134, 306.
Ильин А. 151.
Ильинский Н. С. 195—196, 208, 212,
215, 219, 222, 224, 260, 261.

Каллаш В. В. 35, 82.
Калугина Е. 79.
Калугин А. 79.
Кантемир А. Д. 48, 49.
Капнист В. В. 119, 122, 123, 234—
235.
Каразин В. Н. 35, 37—40, 42, 236—
237, 243—248, 257—259.
Карамзин Н. М. 131, 158, 239, 248.
Карл I 93, 94.
Карпенко Т. А. 4.
Касаткин В. И. 283—286, 293.
Каспрович Э. Л. 266.
Кастер Ж. 10.
Катков М. Н. 25, 27.
Кауфман А. 65.
Кафенгауз Б. Б. 4.
Кашин Н. П. 30, 31.
Квашин-Самарин А. П. 106, 107.
Кеппен К. И. 22, 23, 28.
Кизеветтер А. А. 229.
Кисарова А. А. 209.
Клоншток Ф. Г. 91.
Ковалевский Е. П. 20.
Козлов Д. Ф. 209, 235.
Козлов П. 209.
Козлов Ф. 209.
Козловский М. И. 250—253.
Козьмин М. Б. 4.
Кокорев А. В. 110.
Колесницкая И. М. 111.
Колокольцев Л. 196.
Колумб Х. 93.
Кольчугин И. Г. 57.
Коржевский И. 134, 306.
Корольков М. 190.
Корсунов А. А. 18, 19, 21, 22, 26,
27, 29, 158.
Корф М. А. 226.
Кочубей В. П. 229, 233, 234.
Кречетов Ф. 133, 190.
Кромвель О. 93, 94, 101, 129.
Крузе Н. Ф. 24—26.
Крупович М. А. 283—285.
Крылов И. А. 117.
Кряжмская И. А. 283.
Кулакова Л. И. 4, 100, 102, 138.

Куракин А. Б. 188—189, 191, 195.
Кутузова Е. И. 9.
Кутузов А. М. 9, 21, 36, 47, 142,
292.
Кутузов М. И. 9.

Лапшин И. И. 86.
Ленин В. И. 3, 168, 296.
Леонтьев А. 214.
Лепехин И. И. 171, 178.
Ливанова Т. 50.
Ликург 207.
Линденер, полковник 106.
Лихачев Н. П. 134.
Лопухин Д. А. 245, 247.
Лопухин И. В. 181.
Лопухин П. В. 169, 195.
Ломоносов М. В. 29, 49, 55, 63, 67—
73, 87, 88, 117, 129.
Лонгинов М. Н. 21, 23, 24, 25, 28,
29, 30, 57, 100, 292—293.
Лотман Ю. М. 145, 146.
Лубянович К. 134, 146, 306.
Лукач М. А. 253.
Лукин 185.
Лукьянов П. М. 4.
Луначарский А. В. 3.
Любарский М. Г. 275.
Любомиров П. Г. 3.
Людвик XIV 167.
Людвик XV 167.
Людвик XVI 167.
Лютер М. 93.
Львов Н. А. 119, 120.
Львов П. Ю. 126, 134.

Майков В. И. 116, 118.
Майков Л. Н. 118, 158.
Макаров А. С. 170.
Макогоненко Г. П. 4, 76, 133, 158,
228.
Мара Е. 50.
Маркс К. 87, 89.
Маркус Ф. 25, 26, 27.
Мартемьянов Т. А. 110.
Массон И.
Матюшин Я. В. 57.
Мейснер 134, 139, 149, 150.
Мерзляков А. Ф. 13.
Миллер Г. Ф. 174.
Милюков П. Н. 229.
Мильтон Д. 91, 92.
Мирабо О. 182.
Митусов В. П. 188—189, 247.
Могиланский А. П. 24.
Монтескье Ш. 28, 124, 125, 128.
Моцарт В. А. 50.
Муравьев Н. 134, 306.

- Нагель Л. Т. 43, 188, 191.
 Налимов В., священник 263.
 Незеленов А. И. 5, 158, 229.
 Некрасов Н. А. 18, 21.
 Нестор, летописец 55, 56, 59, 63, 64, 76.
 Николай А. Л. 171.
 Николаев Н. П. 116.
 Новерр 65.
 Новиков Н. И. 6, 35, 37, 48, 67, 68, 71, 98, 116, 132, 146, 147, 156—159, 161, 162.
 Новицкий 43, 44.
 Новосильцев Н. Н. 134, 146, 208, 228—229, 232, 233, 234, 236—237, 245, 306.
 Норова Н. Д. 81.
 Ньютон И. 93.
 Обольянинов П. Х. 195—196.
 Озеров В. А. 137.
 Озеров П. А. 134, 149.
 Окороков В. 156.
 Орлов А. С. 69, 124, 131.
 Орлов В. Н. 4, 13, 133, 242—243, 255.
 Осипов Н. П. 185—186.
 Павел I 107, 188—192, 265.
 Павлов-Сильванский Н. П. 77.
 Паизиелло 50.
 Паллас П. С. 172, 178.
 Панаев И. И. 18, 21.
 Пассек В. В. 186, 190.
 Пейссонель Ш. 178.
 Пестов С. 134, 306.
 Петр I 31, 64, 66, 67, 131, 167.
 Петр II 195.
 Петр III 112, 195, 230.
 Петров В. П. 115.
 Печенев С. 134, 306.
 Пиггаль Ж. Б. 65.
 Пиксанов Н. К. 3, 4.
 Пиль И. А. 191.
 Пиндар 93.
 Пифагор 207.
 Платнер 28.
 Плеханов Г. В. 3.
 Плимак Е. Г. 268.
 Пнин И. П. 10, 13, 15, 239, 242—243, 255, 262.
 Погодин М. П. 37, 42.
 Покровский В. С. 4, 205, 228.
 Покровский С. А. 4, 230.
 Полежаев Т. 155, 156.
 Поленов А. Я. 195.
 Поливанов Н. 126.
 Померанцев П. П. 83.
 Попельницкий А. 35.
 Попов В. С. 98, 161, 162.
 Похвиснев 209, 210.
 Предтеченский А. В. 243.
 Прийма Ф. Я. 4, 35, 37, 38, 42, 208, 248.
 Приказчикова Е. В. 4.
 Прокопович Ф. 67.
 Прудков Н. И. 4.
 Прянишников И. Д. 195, 210—212, 222, 223, 241—242, 253—255, 260.
 Птуха М. В. 173.
 Пугачев Е. И. 80, 104, 182.
 Пупарев А. Г. 106.
 Пушкин А. С. 3, 15, 29, 33, 34, 44, 54, 63, 77, 204, 243, 263, 278, 297.
 Пшеничный Г. 195, 206, 212, 215, 219, 222, 260.
 Пыпин А. Н. 226.
 Равич Н. А. 267.
 Радищев А. А. 23.
 Радищев В. А. 11, 23.
 Радищев М. Н. 11, 45.
 Радищев М. П. 26.
 Радищев Н. А. 11—17, 23, 29, 30, 33, 36, 38, 202, 238, 255, 269.
 Радищев П. А. 16—25, 28—37, 48, 158, 188, 224, 239, 263, 284—292.
 Радищева А. А. 23.
 Радищева А. В. 82.
 Радищева А. Г. 209—210.
 Радищева Е. П. 19.
 Радищева М. П. 26.
 Радкевич П. 134, 306.
 Рамзей 126.
 Расин Ж. 91.
 Рейналь Г. 97.
 Рейхель И. Г. 159.
 Репнин Н. В. 107.
 Решетников А. 111.
 Ришелье А. 167.
 Ровинский Д. А. 113, 114.
 Рогнеда, кн. Горислава 60.
 Романов Николай Михайлович, в. кн. 232, 238.
 Рубановская Е. В. 17, 31, 45, 86, 178.
 Румовский С. Я. 171.
 Руссо Ж.-Б. 253.
 Руссо Ж.-Ж. 70, 128.
 Рябинин Е. 134, 306.
 Саитов В. И. 13.
 Сакулин П. Н. 3.
 Самойлов А. Н. 166—168, 170, 188, 195.
 Самойлов И. 108.
 Сартр 120.
 Свентославский Э. 266.

- Светлов Л. Б. 4, 186, 190.
 Селвановский, типограф 147.
 Седивачева М. 209, 210.
 Селифонтов И. О. 44.
 Семевский В. И. 97, 104.
 Семевский М. И. 97, 98, 283, 287—288.
 Семенников В. П. 3, 18, 19, 21, 29, 30, 35, 77, 97, 98, 100, 102, 104, 122, 123, 132, 133, 145, 146, 159, 166, 171, 204, 225—229, 233, 234, 253.
 Сиверс 104, 105.
 Сивков К. В. 112.
 Сильванский Н. П. 266.
 Сильвестр, летописец 59.
 Симкина С. К. 4.
 Сиповский В. В. 126, 127.
 Скорняков-Писарев А. П. 81.
 Смирнов, цензор 289.
 Смирнов Н. 294, 295.
 Смолянов И. Д. 4, 10, 16, 103, 147.
 Соколов Ю. М. 111.
 Солон 207.
 Сорен, драматург 138.
 Софонович И. Ф. 137.
 Сперанский М. М. 226, 229.
 Спешницкий С. 134, 306.
 Спиноза Б. 89.
 Старчевский А. 15.
 Степанов И. 134, 306.
 Степанов М. 134, 306.
 Степанищев С. С. 4.
 Стерн Л. 65, 77, 78.
 Стриттер И. 172.
 Строганов П. А. 39, 42, 231, 232, 236—238.
 Суворин А. С. 266.
 Суворов А. В. 249.
 Сумароков А. П. 48—52, 55, 69, 115.
 Сухомлинов М. И. 3, 16, 35, 77, 166, 173, 211, 212, 219, 222, 225, 263.
 Сухонин С. С. 266.
 Тарсуков 245.
 Татищев В. Н. 55, 64, 175.
 Тель В. 93.
 Террасон 126.
 Тимковский И. Ф. 241—242, 255—256.
 Тимофеев В. 218—219.
 Тимофеев С. 107.
 Титов П. 134, 306.
 Тоди 51.
 Толстая А. И. 26, 27.
 Толстой Е. 207.
 Тредиаковский В. К. 34, 48, 92, 117, 118, 124, 125, 131.
 Трифильев Е. П. 105—106, 189, 190.
 Тройницкий С. Н. 290—291.
 Троцкий И. М. 11, 35, 45, 205, 226—228, 230, 233.
 Трошинский Д. П. 39, 226, 241, 244—245.
 Трутовский В. Ф. 119.
 Туманский И. 134.
 Тургенев И. П. 158.
 Тургенев И. С. 25.
 Тучков С. А. 133, 134, 137, 143, 145, 146, 169, 172, 306.
 Уинстенли Д. 94, 122.
 Ушаков Ф. В. 34, 37, 47, 54, 56, 75.
 Ушман, издатель — 266.
 Фадеев И., разбойник 85.
 Фальконе Э. 64.
 Федин К. А. 297.
 Федосеева С. 218—219.
 Фенелон Ф. 124, 130.
 Филарет 35, 82.
 Фонвизин Д. И. 131, 158, 185.
 Форш О. Д. 267.
 Франк, издатель 36.
 Франклин Б. 182.
 Фридрих II 236, 261.
 Хвостов Д. И. 248.
 Хвоцинская С. Д. 24.
 Херасков М. М. 69, 126.
 Хексельштейдер Е. 186.
 Хлебников, фабрикант 155, 185.
 Храповицкий А. В. 28, 182, 248.
 Царевский А. А. 98, 150—152, 279.
 Цигенгейст Г. 186.
 Чарторижский А. А. 238.
 Чекалевский Я. 134, 306.
 Челищев П. И. 70.
 Чернышев В. И. 111.
 Чернышевский Н. Г. 24, 260.
 Чичагов В. Я. 169.
 Чичерин Д. И. 29.
 Чулков М. Д. 50, 108, 133.
 Шапиро А. Л. 4, 35.
 Шашков С. 85.
 Шевырев С. П. 57.
 Шекспир В. 87.
 Шелехов Г. И. 37.
 Шереметев В. 137.
 Шешковский С. И. 150, 153, 161, 182, 186, 195, 278, 279.
 Шильдер Н. К. 226.
 Ширяев А. С. 270.
 Шлецер А. Л. 64, 71.
 Шнор И. 147, 149, 150.

Штелин Я. Я. 68.
Шторм Г. П. 267, 293.
Шувалов А. П. 67, 68.
Шульгин И. П. 112.

Шеголев П. Е. 3, 86, 133, 146, 266.
Щербатов М. М. 121.
Щербина И. Ф. 25, 26, 27.
Щербина Н. Ф. 19, 21, 24—28.
Щипанов И. Я. 4.

Эмин Н. Ф. 134, 306.
Эмин Ф. 126, 146.
Энгельс Ф. 87, 89.

Юстиниан 74.

Яковлев И. 185, 195.
Якушкин В. Е. 3.
Янов С. Н. 37, 192.
Ярославский В. И. 244.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- А. Н. Радищев. Бюст работы Н. В. Дыдыкина. 1949. *Фронтиспис*.
Страница из Несторовой летописи с пометками А. Н. Радищева (стр. 58).
Начальная страница рукописи оды «Вольность», подготовленной в 1806 г. сыновьями Радищева к печати (стр. 99).
Начальная страница устава Общества друзей словесных наук (стр. 135).
Подписи членов-учредителей под уставом Общества друзей словесных наук (стр. 136).
Паспорт, выданный А. Н. Радищеву для поездки в Москву на коронацию Александра I (стр. 199).
Страница из «Поденных записей» в журнале Комиссии составления законов (стр. 201).
Внешний вид книги «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой сохранились редакционные заметки А. Н. Радищева (стр. 272).
Запись на приставном форзаце книги «Путешествие из Петербурга в Москву» о прибавлениях к книге (стр. 280).
Редакционные заметки А. Н. Радищева на приставном форзаце книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (стр. 281).
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
<i>Глава первая.</i> Первые биографы Радищева. Судьба его рукописного наследия	9
<i>Глава вторая.</i> Творческий путь писателя	47
<i>Глава третья.</i> Ода о революции	93
<i>Глава четвертая.</i> Роль Радищева в сплочении прогрессивных сил	132
<i>Глава пятая.</i> Борьба вокруг Радищева в XVIII веке	180
<i>Глава шестая.</i> Возвращение к общественной деятельности	194
<i>Глава седьмая.</i> Продолжение работы над «Путешествием»	266
Заключение	296
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Устав Общества друзей словесных наук	301
Главные положения Общества друзей словесных наук .	307
«Поденные записи» о деятельности Радищева в Комиссии составления законов	309
Указатель имен .	355
Список иллюстраций	361

Дмитрий Семенович Бабкин

А. Н. РАДИЩЕВ. ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)*

Редактор издательства *А. А. Крундышев*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *К. И. Видре, Л. Я. Комм*
и *А. Х. Салтанаева*

Сдано в набор 21/XII 1965 г.
Подписано к печати 17/III 1966 г.
РИСО АН СССР № 43-144В.
Формат бумаги $60 \times 90^{1/16}$.
Бум. л. $11^{3/8}$. Печ. л. $22^{3/4} + 1$ вкл. ($1/8$) =
= $22^{7/8}$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 25,4.
Изд. № 2957. Тип. зак. № 675.
М-27594. Тираж 4000 экз.
Бумага типографская № 1.
Цена 1 р. 63 к. + переплет 20 к.

Ленинградское отделение
издательства „Наука“
Ленинград, В-164,
Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука“.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

Бузник В. В. Лирика и время. (Связь лирической поэзии 20-х — 30-х годов с современностью). 1964. 130 стр. Цена 36 к.

Выходцев П. С. Русская советская поэзия и народное творчество. 1963. 547 стр. Цена 1 р. 68 к.

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии. (Проспект. Образцы словарных статей. Иллюстративный материал). 1965. 224 стр. Цена 65 к.

Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX—начала XX вв. 1964. 189 стр. Цена 63 к.

Келдыш В. А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Горький и русская революционная поэзия. 1964. 240 стр. Цена 50 к.

Маяковский и советская литература. Статьи, публикации, сообщения. 1964. 424 стр. Цена 1 р. 41 к.

Перцов В. Маяковский. Жизнь и творчество в последние годы. 1925—1930 гг. 1965. 419 стр. Цена 1 р. 20 к.

Ваши заказы просим направлять по адресу:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10;
«Академкнига», магазин «Книга—почтой»;
Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
«Академкнига», магазин «Книга—почтой»

Иногородние заказы выполняются наложенным
платежом